

ЧАЙКА – АЛЬМАНАХ

№ 3

Январь-Июнь

2016

CHAYKA – ALMANAC

№ 3

January 2016 – June 2016

Copyright © 2016 Irina Chaykovskaya

Editor: Irina Chaykovskaya

Cover Photo: © Nina Alovert

Chapter Illustrations: © Serge Hollerbach

Layout: Alex Marin

Printed in the United State of America
CreateSpace Independent Publishing Platform
North Charleston, SC

All stories, memoirs, and poems are copyright of their respective creators as indicated herein.

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted, in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior permission from the author(s).

Library of Congress Control Number: 2016901652

ISBN-13: 978-1537082615

ISBN-10: 1537082612

The Publisher and author don't have any liability nor responsibility to anyone or entity to any damages, loss, etc. from the content of this book.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

Выходит два раза в год

ЧАЙКА

№ 3

январь – июнь

2016

Проза

Стихи

Статьи

Эссе

Интервью

Редактор-составитель

ИРИНА ЧАЙКОВСКАЯ

Светлой памяти основателя и первого редактора журнала ЧАЙКА
Геннадия Крочика (1949-2014)

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	8
Часть 1. ПАМЯТЬ ВОЙНЫ И ТЕРРОРА	
<i>Владимир Спектор. Ко дню Победы 2016</i>	13
<i>Николай Боков. Выбрать себе Победу</i>	14
<i>Ирина Роскина. Из семейного архива</i>	16
<i>Цалий Кацнельсон. Цена Победы. 1944, Казань</i>	20
<i>Азарий Мессерер. Холокост. Неистовство человеческой мерзости</i>	22
<i>Роман Солодов. Памяти Холокоста. Судьба Феликса Зандмана</i>	32
<i>Александр Сиротин. Военное кладбище в Познани</i>	41
<i>Вадим Горелик. И снова Собибор</i>	46
<i>Александр Лаптев. Колымские пути-перепутья.</i>	
Отрывок из книги	52
Часть 2. ИСТОРИЯ, ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО, МУЗЫКА, ЛИТЕРАТУРА	
<i>Азарий Мессерер. И один в поле воин. На смерть Петра Патрушева</i>	63
<i>Виталий Городецкий. Книга о генерале Паттоне</i>	70
<i>Роман Солодов. Израиль и Америка. Линдон Джонсон</i>	80
<i>Даша Кашина. Рыжий лес. 30-летие Чернобыльской катастрофы</i>	92
<i>Яков Фрейдин. Лицо Джоконды</i>	95
<i>Карл Брюллов. Беседа с писательницей и искусствоведем Верой Чайковской (беседу ведет Ирина Чайковская)</i>	102
<i>Вера Чайковская. Художник Лев Табенкин. Ретроспективная выставка в Москве</i>	107
<i>Элеонора Мандалян. Александр Герасимов и его неизвестный портрет</i>	111
<i>Ольга Соловьева. Неделя моды в Санкт-Петербурге</i>	123
<i>Владимир Нузов. К 125-летию Карнеги-Холла</i>	128
<i>Григорий Куперштейн. Однажды в Нью-Йорке.</i>	
Миша Эльман, Давид Ойстрах и Натан Мильштейн. Из цикла «Одесские ребята»	130
<i>Александр Сиротин. Побольше смейтесь! К 100-летию со дня смерти Шолом-Алейхема</i>	142
<i>Ирина Чайковская. Родина – это то, что предстоит. Интервью с писателем Сергеем Юрьененом</i>	147

<i>Евсей Цейтлин. После юбилея: миссия Семена Ланверга</i>	156
<i>Наталья Роскина. О Корнее Чуковском. Из неопубликованного.</i>	
Публикация Ирины Роскиной	160
<i>Сергей Бычков. Забытый поэт Лев Кранцберг</i>	170
<i>Лев Кранцберг. Стихи</i>	174

Часть 3. БАЛЕТ, ТЕАТР, КИНО

<i>Лиана Алавердова. Не только балет. Интервью с балетным критиком и фотографом Ниной Аловерт</i>	181
<i>Ирина Чайковская. «А душу можно ль рассказать?» К юбилею Бориса Эйфмана</i>	188
<i>Александр Сиротин. Скрипач продолжает играть на крыше. Новая постановка «Тевье-молочника» Шолом-Алейхема на Бродвее</i>	194
<i>Александр Сиротин. Спектакль «Натан Мудрый» во Внебродвейском театре</i>	198
<i>Ирина Чайковская. Укрощение «хомо советикуса». Пьеса Шендеровича в Большом Вашингтоне</i>	201
<i>Ольга Соловьева. Под скрип пера. О мюзикле «Онегин» в Санкт-Петербурге</i>	207
<i>Алекс Грант. Великое им было по плечу. Вслед Эльдару Рязанову. Эссе</i>	213
<i>Элеонора Мандалаян. Погружение в иную реальность. Арменфильм. Глава из мемуаров</i>	221
<i>Александр Сиротин. Тёмная лошадка и светлые люди. Кинорецензия</i>	232

Часть 4. СТИХИ И ПРОЗА

Из рубрики «Одно стихотворение»:	
<i>Лариса Миллер. Жить в краю этом хмуром</i>	236
<i>Михаил Синельников. Державин</i>	237
<i>Борис Лихтенфельд. Прямой наводкой</i>	238
<i>Елена Пацкина. Душа</i>	241
<i>Владимир Спектор. Вспоминая обложки прочитанных книг</i>	242
<i>Саша Немировский. Папе</i>	243
<i>Евгений Сливкин. А проповедники баптистские</i>	245
<i>Ян Гамарник. Три стихотворения</i>	246
<i>«Завет» Редьярда Киплинга, перевод Ксении Хрусталевой (с англ.)</i>	247
<i>Сергей Жадан в переводе Аркадия Шпильского (с укр.)</i>	250

<i>Елена Литинская. Перед отлётом. Отрывок из романа «Женщина в свободном пространстве»</i>	251
<i>Семен Резник. Эта короткая жизнь: Николай Вавилов и его время. Глава из книги</i>	257
<i>Ксения Кривошеина. Новая книга «Шум прошлого»</i>	270
<i>Лейла Александер-Гаррет. Светочка. Рассказ</i>	278
<i>Виктор Родионов. Давай поедem в Аппалачи! Американская глубинка. Эссе</i>	286
<i>Марк Копелев. Три коротких рассказа</i>	295
<i>Яков Фрейдин. Тени забытых предков. Рассказ</i>	299
<i>Ольга Дунаевская. За что любят мужчины</i>	312
<i>Павел Товбин. Случайность и вечность. Рассказ</i>	316
<i>Лариса Берман. Мамы всякие нужны. Из записок логопеда</i>	321
<i>Майя Гельфанд. Дорогие Любочка и Тонечка. Из авторской рубрики «Заметки на полях»</i>	329
<i>Илья Криштул. Антикризисное. Из странички юмора</i>	331
<i>Ильи Криштула</i>	331
<i>Наши дебюты:</i>	
<i>Алина Загорская. Мысли: царь Соломон и другие израильтяне</i>	334
<i>Макс Неволошин. Шла Шаша по соше</i>	338

Часть 5. РОССИЯ И МИР

<i>Александр Сиротин. Израиль. Здесь говорят по-русски</i>	353
<i>Вадим Массальский. Челищев. Маэстро калифорнийского каберне</i>	358
<i>Григорий Куперштейн. Дело Барбера. Из цикла «Одесские ребята»</i>	376
<i>Евгения Емельянова. Мыс Канаверал</i>	382
<i>Лиана Алавердова. Продажа российских сокровищ</i>	390
<i>Сергей Голлербах. Русский художник на Западе: культурные шоки и переоценка ценностей</i>	395

Часть 6. ДЕТСКИЙ АЛЬБОМ

<i>Виолетта Гребельник. Лето – это... Стихи</i>	404
<i>Сергей Винокур. Тишина. Сказка</i>	405
<i>Алексей Кацай. Укротители из созвездия Столовой горы. Сказка</i>	407
<i>Юлия Бродская. Дракончик пыхает огнем. Стихи</i>	411
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	412

От составителя

В Альманахе «Чайка» № 3 собраны лучшие материалы, напечатанные в нашем журнале за полгода. В него вошли произведения 54 авторов из Америки, России, Украины, Канады, Израиля, Германии, Франции, Англии, Италии, Австралии. Больше половины наших авторов – из Америки, четверть – россияне. Как и в предыдущие годы, первый раздел Альманаха посвящен памяти войны и террора. Следующие разделы включают статьи об истории, музыке, живописи, литературе, а также о балете, театре и кино. Любители стихов и прозы найдут их в особом разделе. Раздел «Россия и мир» включает статьи и рассказы, чья главная тема – соприкосновение российской культуры с мировой. Завершают Альманах сказки и стихи, победившие в конкурсе творчества детей и для детей «Здравствуй лето!»

Взыскательный и любящий книгу читатель найдет у нас большой и разнообразный материал – статьи и рецензии, стихи, рассказы и интервью, историю и современность.

Московский искусствовед Вера Чайковская расскажет о художнице Карле Брюллове и современном художнике Льве Табенкине, молодой автор из С-Петербурга Ольга Соловьева – не только приведет нас на неделю моды в своем городе, но и покажет, как сегодняшняя мода отражает противоречия российской жизни, музыкант из Филадельфии Григорий Куперштейн в эссе из цикла «Одесские ребята» поведаст потрясающую историю музыкантов из Одессы, однажды встретившихся в Америке. Три всемирно известных скрипача – Миша Эльман, Давид Ойстрах и Натан Мильштейн – в один день выступили на прославленной сцене нью-йоркского Карнеги-Холла, которому в 2016 году исполнилось 125 лет. Этой замечательной годовщине посвящена статья Владимира Нузова, рассказывающая о тесной связи Карнеги-Холла и Петра Ильича Чайковского. Еще одна дата – 100-летие со дня смерти писателя Шолом-Алейхема освещена Александром Сиротиним в статье с парадоксальным названием «Побольше смейтесь!» Оказывается, еврейский писатель не хотел, чтобы на его могиле плакали, он призывал своих почитателей в день его смерти «побольше смеяться».

В журнале представлены постоянные авторы нашего журнала, Элеонора Мандалян, Азарий Мессерер, Евсей Цейтлин, Николай Боков. Удивителен рассказ Азария Мессерера о его зяте, легендарном Петре Патрушеве; в 1962 году этот двадцатилетний сибирский паренек «без специального снаряжения, в одних трусах и допотопных

ластах переплыл почти 30 км хорошо охраняемой русско-турецкой границы». Элеонора Мандалян с ноткой ностальгии, с обстоятельностью и мастерством рассказывает о своей работе на Арменфильме в самые плодотворные для него «оттепельные годы», еще один ее очерк - о друге семьи, художнике Александре Герасимове, личности неоднозначной, вызывающей противоречивые оценки. Писатель и критик Евсей Цейтлин, посвятивший жизнь открытию чужих талантов, в очерке о Семене Ланверге, радиожурналисте, подготовившем за свою жизнь более 1000 программ, показывает человека, не стремящегося к славе и почестям, спокойно возделывающего в Америке «свой сад», сад российской культуры. Еще один открыватель «неизвестных имен», Сергей Бычков, живет в Подмосковье. В Альманаче вы найдете его статью о друге юности, поэте Льве Кранцберге, эмигрировавшем в Америку и пропавшем из поля зрения друзей. За статьей следует небольшая подборка стихов «забытого поэта».

А вот о Корнее Чуковском, казалось бы, все давно известно. Ан нет, в статье бывшего секретаря Чуковского, впоследствии редактора и писательницы Натальи Роскиной, много таких черточек, которые прежде в печать не допускались – то ли бдительной родней, то ли цензурой. Записки извлекла из семейного архива дочь писательницы Ирина Роскина, большой друг и автор нашего журнала, живущая в Иерусалиме.

Любители хорошей прозы найдут в нашем Альманаче отрывки из только что вышедших книг Елены Литинской (Нью-Йорк), Ксении Кривошеиной (Париж), Семена Резника (Вашингтон), рассказ «Светочка» Лейлы Александер-Гаррет (Лондон), «За что любят мужчины» Ольги Дунаевской (Москва), «Мамы всякие нужны» Ларисы Берман из Коннектикута, ведущей рубрику «Из записок логопеда», и «Дорогие Любочка и Тонечка» Майи Гельфанд из Израиля, чья рубрика «Заметки на полях» появляется в журнале регулярно. Илья Криштул, ведущий в журнале авторскую страничку юмора, представлен острым рассказом «Антикризисное».

Наш постоянный автор из Луисвилля Виктор Родионов в очерке «Давай поедим в Аппалачи» погружает нас в самую гущу американской глубинки, Вадим Массальский дает портрет выдающегося американского винодела русского происхождения Андрея Челищева, ставшего создателем калифорнийского Каберне. Вообще рассказ о русско-американских связях проходит через весь сборник. Отметим трех «старожилов», много сделавших на ниве русской культуры в Америке, это народный артист Грузии Борис Казинец (в рецензии Ирины Чайковской на пьесу Шендеровича

«Потерпевший Гольдинер»), прекрасный критик и балетный фотограф Нина Аловерт (в интервью Лианы Аловердовой «Не только балет») и член Американской академии художеств, замечательный художник и талантливый эссеист Сергей Голлербах, рассказавший в своем эссе «Русский художник на Западе» о пережитой им за годы жизни за границей переоценке ценностей...

Альманах собрал лучшие стихи из нашей рубрики «Одно стихотворение», здесь можно увидеть имена Ларисы Миллер, Михаила Синельникова, Елены Пацкиной из Москвы, Бориса Лихтенфельда из С-Петербурга, Владимира Спектора, бывшего жителя Луганска, ныне живущего в Германии, американцев Саши Немировского, Яна Гамарника, Евгения Сливкина...

Благодарю всех, кто помогал в работе над Альманахом. В первую очередь, автора его макета Александра Марьина, автора фотографии для обложки Нину Аловерт и художника Сергея Голлербаха, чья графика украсила наш сборник. Благодарна членам редакции Марку Мейтину и Вадиму Массальскому, помогавшим в работе словом и делом, а также Евсею Цейтлину, давшему ценные советы. Моя бесконечная благодарность всем авторам журнала, чье сотрудничество с ЧАЙКОЙ позволило создать наш Альманах.

Теперь дело за читателями – читайте и судите сами о качестве нашей работе и таланте наших авторов.

Ирина Чайковская

ЧАСТЬ 1

ПАМЯТЬ ВОЙНЫ И ТЕРРОРА

Владимир Спектор
Германия

КО ДНЮ ПОБЕДЫ 2016

Неужто впрямь – по разнарядке идут Бессмертные полки,
И этот марш, до боли краткий, не память сердца – поддавки,
Игра, казённая и злая, где слёзы – только от вина...
Но я-то знаю, я-то знаю, виной всем домыслам – война,
В которой внуки полицаев вновь целят в моего отца,
Где ненавистью вновь мерцают бойницы глаз, где нет конца
Злорадству и холёной мести, им ленточка Победы – враг.
И только вместе, только вместе, сверяя с памятью свой шаг,
Возможно правду от неправды ещё спасти, ещё сберечь,
Пройдя сквозь эхо канонады, сквозь оскорбления картечь,
Пройдя без всякой разнарядки, пройдя, не потеряв лица,
Весь этот марш, до боли краткий, наш, от начала до конца.

Николай Боков

Париж, Франция

ВЫБРАТЬ СЕБЕ ПОБЕДУ

Один узнаёт себя в «победителях», в торжествующей силе, – в той победе, которая абсолютна, тотальна. «Победителей не судят», как говорится. Но говорится и другое: «Свобода бежит из лагеря победителей».

Другие узнают себя в «принципах» гуманизма, им милее справедливость. «Если есть ад, то рай быть не может», говорят они.

По-видимому, этика всегда судит победу, – кому же еще? И кто еще на это решится? Философия – и та, как правило, малодушествует, если нет многих-многих поднятых рук «против», – тогда «против» имеет шанс превратиться в победное и доходное «за».

Победа состоит в уничтожении всех противников, – она хочет быть ликующей, громкой, заглушающей всякий крик и плач побежденного. Насиловать и грабить – часть победы. Ее составная также и мстить, то есть «добивать врага в его логове», а еще лучше, «логовище» (суффикс -щ – сделался бранным с 30-х годов).

«Победа» есть переживаемое и видимое бессмертие народа, массы, «большого собрания наших». Подлинного бессмертия одинокой души у Бога «победа» не знает. «Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа?» – восклицает Павел, и празднует пасхальная служба целованием.

«Победа силы» празднует себя танками на городской площади в мирное время.

Победа силы угрожает, победа Распятого обнимает и целует. Сила ненавидит тех, кто выбрал быть с распинаемыми, даже когда они просто молча стоят рядом. Ее пугает жест солидарности с побежденными. Нужно напомнить, что рядом с невинным Иисусом два разбойника. Они-то были сильными, побеждая слабых, грабя и убивая их. Лишенные силы, побежденные, они не стали невинными, но уже и не просто разбойники, – они приблизились к Иисусу и получили шанс на прощение и рай.

Такова «парадигма» нашей христианской цивилизации, в пределах которой Россия все-таки остается, хотя 70 лет целенаправленной борьбы с нею отодвинули огромный народ на периферию христианства. Парадигма, то есть архаический основополагающий пример Иисуса, проступающий, как филигран, в современных событиях.

Евангельский выбор совершается и ныне. Иному хочется водружать флаг над рейхстагом, а другому нужно плакать с истерзанной немкой в подвале. Один у всех на виду, а второго никто не видит. Победителям неприятно даже слышать о жертве.

70 лет победители выкатывали свои танки на площадь и хвалились силой. Этого было мало. Нужно еще, чтобы ни один стон убиваемых не доносился до ушей генералов и офицеров, и тем более солдат и матросов.

Так и теперь победа на упреки морали отвечает бранью. Впрочем, Павел говорит: «радоваться с радующимися и плакать с плачущими». Тоже совет мудрости и тактичности. Нет – танкам на площадях России, да – стопочке и застолью ветеранов. Моя мать – царствие ей небесное! – меня всегда приглашала на свой, «участницы ВОВ», праздник, и как было отказаться?

Тем более, что им уже не воевать. Если в 45-м им было минимум 20, значит, теперь всем 84-90. Прошли 60-е и 70-е годы, когда они, покрытые орденами, чувствовали себя частью и продолжением государства, его слугами, послами-добровольцами. Тогда и говорили они иначе: «Я за тебя кровь проливал, а ты, сукин сын, Пастернака пропагандируешь, брюки трубочкой и буги-вуги, выборы в Верховный Совет игнорируешь! Да я тебя...» – и желтым ногтем давил на столе виртуальную вошь.

Удивительно то, что писатели говорят этим грубым языком, хотя они Берлина в 45-м не брали, а кушали там колбаску уже в новом тысячелетии под холодненький шнапс. А за столом ныне сидят в основном ветераны других, менее славных побед – в Будапеште 56, Новочеркасске 62, Праге 68, на Кубе, в Анголе, в Кабуле, в Чечне... Аппаратчики кровью Отечественной войны хотят отмыть свои колониальные войны.

P.S. Проявить солидарность с побежденным страшно. «И ты был с ним», – говорит служанка Петру. «Я не знаю этого человека», – трусит апостол. Впрочем, есть доля правды в его отречении: он знал Христа великолепного, мессию, нового царя Давида, победителя, Учителя, – он впервые видит униженного Иисуса, Христа арестанта. Такого человека он и в самом деле не знает. И мы не знаем и трусим, но потом узнаём и приходим в себя – ради милой нашему сердцу свободы.

Ирина Роскина

Иерусалим, Израиль

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

«Паутину Шарлотты» Э. Б. Уайта я читала уже не в своем, а в дочкином детстве, потом и фильм был – очень трогательно. Мне тогда и в голову не приходило найти в этой истории нечто общее с нашей жизнью. В нашей семье не могло быть никакой душевной привязанности к поросенку. Все мои родственники были давным-давно городскими, домашних животных видали только на картинках. Кроме того, мы еще все-таки евреи. Как известно, историки-археологи устанавливают еврейскую принадлежность раскопанных поселений именно по отсутствию свиных костей.

Мне вспоминается, что детский стишок Льва Квитко «Анна-Ванна, наш отряд / Хочет видеть поросят!» обсуждался дома как пример попыток ассимиляции. Зачем еврейскому поэту любить свиней, не говоря уж о том, что и про пионерские отряды в 1939 г. писать не стоит. Бедный Квитко, все равно расстреляли, но меня в детстве от таких стишков (очень на самом деле милых) старались держать подальше.

А сейчас читаю старые письма своих родственников – переписка военных лет. Я-то после войны родилась, только по рассказам все знаю. Уже после начала блокады, уже испытыв блокадный голод, сотрудники конструкторского бюро Ленинградского металлического завода, где работал муж маминной тети Лиды Марк Иосифович Гринберг, были вывезены в Верхнюю Салду в Свердловской области. Потом – в конце

декабря 1943 – все конструкторское бюро перевезли в Подольск – Наркомат решил держать их к себе поближе. Дядя Мара был большое начальство – по-моему, в военные годы заместитель главного конструктора, но могу ошибиться. Перед войной он уже успел посидеть в Большом доме (это – если кто не знает – Ленинградский филиал московской Лубянки, то есть центральное отделение органов государственной безопасности), где ему полностью выбили зубы, а еще он до конца жизни мучился ногами – там заставляли все время стоять, пытали таким образом, потом почему-то выпустили, всего 739 дней просидел.

Когда дядю Мару посадили, тетя Лида устроила мальчиков в детсады, а сама стала искать работу. Ее никуда не брали – жена арестованного (потом повезло, добрый человек попался, и взяли в лабораторию в порту, она вообще микробиолог была). От детей скрывали, что отец арестован – ну, чтобы во дворе не болтали. А трехлетний Женька сидит как-то на горшке и задумчиво так говорит: «Что-то папочка долго не возвращается, наверное, его арестовали». А когда дядя Мара вернулся, без предупреждения, был выходной день и тетя Лида стирала в ванной белье, а мальчишки – Сережка с Женькой – дрались и кричали так, что звонка не было слышно. Дядя Мара долго стоял на площадке, барабанил в дверь. Мы вечно им это припоминали, как они отца в дом не пустили. Сейчас-то никого в живых не осталось.

Марк Иосифович зубы не вставлял, но продолжал верить, что стране нужны мощные турбины. Он потом за эти турбины дважды Сталинскую премию получал и еще какие-то премии, но семейный бюджет выиграл от этого мало – оба они всегда считали, что надо делиться и раздавали широко.

В Ленинграде и до, и после войны они жили в Доме специалистов, Лесной проспект 61 (в Википедии есть картинка, на которую я часто ностальгически смотрю – я много гостила там в детстве, а семейных фотографий у меня не сохранилось). В Верхней Салде их тоже поселили в Доме специалистов (впятером – муж с женой, двое сыновей и удочеренная дочка погибших друзей – в одной комнате в коммунальной квартире), благодаря чему у них было электричество и водопровод. Об этих удобствах тетя Лида неустанно как о невероятном везении

упоминает в письмах, адресованных ее матери (бабушке моей мамы), которая вместе с моей подрастающей мамой-сиротой (мать умерла, отец в сентябре 1941 пропал без вести в писательском ополчении) жила в Йошкар-Оле у своего сына, то есть Лидинога брата, дяди моей мамы. В Йошкар-Оле условия были много хуже, и Лиду это ужасно мучило, она от своих детей отрывала и посылала то посылки, то денежные переводы. А писать им старалась с юмором, но в конце, по-моему, все равно было грустно.

28 октября 1943 (из писем тети Лиды)

...поистине мне не хватает 3-х часов в сутки, а если бы они были, то и их бы не хватало. И когда был огород, мне казалось, что как только он кончится, мы вздохнем свободно. Но после уборки возникли вопросы, связанные с хранением, с переборкой и переноской его, с засолкой капусты, со сменой комнаты, с подготовкой всего семейства к зиме в смысле валенок, варежек, носков, не говоря о более серьезном обмундировании. Попутно полтора месяца мне не удавалось сдать белья и я все сама стирала. Kurz geraegt – когда валенки пришли в состояние готовности для всех пятерых, нарезанная Сережей капуста погрузилась в новую кадку, и мне казалось, что наступает некий перерыв – передых до окончания картофеля, которого оказалось у нас пудов 9-10, да и портится много, одним словом, когда я стояла на пороге новой жизни, мне на голову свалился поросенок! Это сначала показалось мне неслыханным бедствием, но вот он прожил неделю и я приобрела уже большой опыт в общении с ним. Наметился твердый распорядок при работе в утреннюю смену: один вечер я варю ужин на два дня, а другой вычесываю поросенка. При этом намечаются большие сдвиги: вшей всё меньше и меньше, что звучит обнадеживающе. Малютка получил наименование «шпик» и заметно округлился, внушая симпатию всем окружающим. Дети целиком взяли на себя заботу о нем, и на мне лежит только санитарный надзор. Помещается он в кухне под столом, на котором я стряпаю, и мне это, признаться, не нравится. Я предложила Ломакиной, которая живет в обычной избе, чтобы она его взяла, доходы пополам, но ей запретила хозяйка. По-видимому, придется оставить дорогую крошку у нас. Я

чувствую, как он меня омолаживает, хотя грудью вскормить я его не могу, но все эмоции того периода у меня пробуждаются.

«Как желудок?» – спрашиваю я у дежурного по уборке клетки поросенка – поросенка в это время выпускают гулять по кухне. Сама я могу убедиться в правильности рациона только во время вычесывания, когда он от волнения все время посылает мне приветы. Мальчишки наташили опилок, за отсутствием соломы, и крошка бесконечно чихает, роя носом в них. Все накопившиеся вопросы должен разрешить сегодня Сережа у ветеринара, куда я направила его со списком наболевших тем в связи с хорошей погодой. Сергей очень мало гуляет, и я придумала ему это ответственное поручение.

Теперь ответчу на тьму твоих вопросов, которыми ты наполнила оба письма от 1/Х. [...]

Мара получает два пайка, которые в общей сумме составляют: 7 кг мяса в месяц, 1.800 жиров, 3.500 крупы, затем папиросы и сухофрукты, которых мы и вовсе не видим, 1.600 сахара и 1000 пряников, овощи и картофель, которые тоже не дают. За мясо дают консервы и яйца, за крупу – муку. Получаем мы этот паек с сентября. Раньше было гораздо меньше. И хотя нам и карточки отоваривают, но всего этого мало и основой по-прежнему служит хлеб и картошка. Кроме того выдачи чрезвычайно неаккуратны, никогда не знаешь, когда получишь следующую, сахар строго идет только утром к чаю, только что его вовсе не было и я разорилась на него на толкучке, а сейчас кончился шпик и жиров нет. Сливочного масла мы много времени совсем не видим.

15-17 ноября 1943

Вас интересует, наверное, наш дорогой малютка, граф Шпиг-Бэкон. Не говоря о том, что он оказался чистой девушкой (о чем мы пока не говорим вслух), он опять завшивел, и я имела наново это удовольствие вчера. В остальном третий месяц является месяцем наращивания скелета, как нам объяснил один поросячий инженер, и я это ясно чувствую во время его мытья. Все хочу перейти на очистки и не рискую, картофеля у нас остались считанные ведра. Пожалуй, скоро придется нашему графу расстаться с жизнью...

21 ноября 1943

Чувствую себя сейчас точно по анекдоту с козой, так как жизнь графа Шпиг-Бэкона пришла уже к концу. Он простудился, очевидно, во время последнего вычесывания после купания. Пришлось его прикончить, так как он перестал есть и чувствовал себя очень плохо. Так как картофель у нас кончается, все равно долго мы бы его не продержали. Чистый вес его 2.700, но обрабатывать его я не хочу, хотя все проделано без меня, и я получила его обратно опаленным и выпотрошенным. Хочу продать и купить масла, больше смысла и меньше разных ощущений. Задержка за малым – найти покупателя. Пока холодно, он лежит в бумаге за окном и я стараюсь о нем не думать. В кухне чисто и забот стало вдвое меньше.

10 декабря 1943

В связи с отъездом пришлось есть нашего покойничка графа Шпиг-Бэкона, до сих пор мрачно болтавшегося за окном. Это оказался дистрофик последней стадии, годящийся в качестве экспоната по отсутствию даже мышц, не только жиров. Варю я его тайно, все едят и не знают, а косточки выбрасываю. Идиотская была затея, никакого прока абсолютно.

Цалий Кацнельсон
Нью-Джерси, США

ЦЕНА ПОБЕДЫ. 1944, КАЗАНЬ

Этот снимок сделан летом 1944 года около одного из клубов города Казани. Он не требует комментариев, все понятно и так. В то время такие временные госпитали были организованы во многих общественных зданиях города. Я хорошо помню, как мы, 6-летние девочки и мальчики, выступали перед ранеными во временном госпитале, организованном в бывшем художественном училище, где когда-то работал выдающийся русский художник Н.Фешин.

Мы выступали перед бойцами, сидевшими и лежавшими на кроватях, расположенных среди античных скульптур.

Я помню, как раненых везли с вокзала через весь город на переоборудованных трамваях. Я также помню, как сразу же после войны все эти госпитали куда-то исчезли и в городе сразу не стало мужчин.

Помню, как люди радовались победе: не торжествовали, а просто радовались тому, что война окончилась и теперь вернуться их мужья и братья.

Я помню, как в дом моего сверстника возвратился брат-летчик, я видел его всего один раз, он не выходил из дома и через несколько месяцев умер.

Я помню, что больше всего на свете я хотел, чтобы с войны вернулся отец, но он не вернулся, и я даже не знаю, где он погиб.

Я много чего помню. Как моя мама работала без выходных дней на тяжелой работе. Как в дни получки она приходила домой гораздо позже обычного, так как на заводе всех рабочих и служащих не выпускали с завода, пока они не подпишутся на так называемый «добровольный» заем. Их и так скудную зарплату еще и урезали таким образом.

Война – это помешательство начавших войну и вовлекших в это помешательство других, как будто бы победителей. В войне нет победителей и нет побежденных, война это сумасшествие, и праздновать много лет подряд эту так называемую победу, как это сейчас делается в России, – просто постыдно.

День 9 Мая – это день скорби, день памяти о погибших. И таким он является в большинстве стран, участвовавших во Второй мировой войне.

Азарий Мессерер
Нью-Йорк, США

ХОЛОКОСТ. НЕИСТОВСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МЕРЗОСТИ

Идут годы и годы, но никогда мы не перестанем вспоминать о жертвах Холокоста.

Одно из самых глубоких впечатлений в жизни я вынес с небольшой фотовыставки, устроенной в манхэттенском университете «Новая школа социальных исследований». В тридцатые годы прошлого века он назывался «Университетом в изгнании», так как поставил себе целью спасение и трудоустройство ученых и людей искусства, преследуемых в Европе по национальным или политическим мотивам. Тогда там преподавали бежавшие из Германии ученые мирового класса, такие как философ Лео Штраус, психолог Макс Вертгеймер, экономист Герхард Кольт.

Выставка же была посвящена тем другим, кто, в отличие от знаменитых профессоров «Университета...», попал в жернова Холокоста. По стенам были развешены фотографии французских евреев, отправленных в Аушвиц (Освенцим). Фотографии были четкими, как в паспортах, и рядом с каждой – имя, фамилия и номер эшелона, а далее – число людей, привезенных в нем на верную смерть – 1052, 1230, 1074... Меня поразила тогда скрупулезность французских бюрократов, кто так тщательно регистрировал свое преступное дело. Впрочем, они-то, по-видимому, вовсе не считали его преступным, ибо продолжали неустанно трудиться вплоть до лета 1944 года, не

прерываясь даже тогда, когда войска союзников уже высадились в Нормандии.

Когда я вглядывался в лица узников Освенцима, в большинстве своём молодые и красивые, с глазами полными невыразимой грусти, мне казалось, что я их уже видел, встречал в юности, может быть, в толпе студентов и даже просто прохожих на улицах Москвы. Ведь при всем разнообразии еврейских лиц среди них нередко попадаются схожие, особенно по характерным чертам и выражению. Я ловил себя на мысли, что некоторые из них могли быть моими родственниками.

И не подозревал, до чего был близок к истине. Лишь спустя несколько лет я получил из Израиля бесценную фотографию 1933 года, запечатлевшую Мессереров, принадлежащих к трем ветвям одного рода: знаменитые артисты Большого театра Асаф и Суламифь Мессереры, мои дядя и тетя, тогда гастролировавшие в Германии, стоят в центре, в окружении своих немецких родственников во Франкфурте. Во втором ряду справа красотка Дорита и ее брат, мой тезка Азарий, талантливый лингвист, выпускник Сорбонны. Когда к власти пришли фашисты, они вместе с родителями бежали в Париж, но

в 1943-м году их поймали французы-коллаборационисты и отправили одним из тех самых эшелонов в Освенцим. Где они и погибли. Сейчас их имена можно увидеть на Стене памяти жертв Холокоста в – увы! – быстро арабизирующемся Франкфурте.

Более полувека назад я учился в Московском институте иностранных языков в одной группе с талантливой и обаятельной Ольгой Веллер. Мы с ней в течение двух лет с энтузиазмом читали молодежные передачи на английском языке, передававшиеся по Московскому радио на Англию. Помимо английского, она в совершенстве овладела французским, так что я не удивился, получив недавно в подарок книгу, переведенную ею с французского на английский. Поразила меня тема книги и ее автор, которого по силе духа и мужеству можно сравнить разве что с библейскими героями. Жорж Веллер, родной дядя Ольги, приезжал в 1961-м году в Москву на международную конференцию по биологии. Ольга рассказывала, что свой доклад он читал по-русски, на языке своего детства. В 20-х годах Жорж с родителями вынужден был, по распоряжению М.И. Калинина, эмигрировать на родину отца, в Латвию, ставшую на время независимой. Оттуда он поехал учиться в Париж. Ко времени встречи с Ольгой он уже был всемирно известным ученым, директором исследовательской лаборатории на Медицинском факультете Сорбонны, кавалером Ордена Почетного легиона.

Книгу «От Дранси до Аушвица» Жорж Веллер написал в 1946-м году, по горячим следам своих нечеловеческих испытаний, пройдя ад французского лагеря Дранси, затем Освенцима и Бухенвальда. Правда, по свидетельству родственников, он несколько месяцев после освобождения американцами пролежал лицом к стене, в глубочайшей депрессии. Воля к жизни возвратилась к нему главным образом благодаря желанию во что бы то ни стало рассказать о своих близких друзьях, погибших в нацистских лагерях. В предисловии к книге Веллер пишет: «Нам довелось познакомиться с необычным феноменом нашей печальной эпохи, с неистовством человеческой мерзости в чистом виде, которое проявилось в преследовании евреев». Вторая часть книги разбита на ряд маленьких главок, каждая из которых описывает судьбу

конкретных людей, знаменитых и никому не известных, проявивших высокие душевные качества в фашистских лагерях.

Брат премьер – министра. Рене Блюм

Первая главка посвящена Рене Блюму, младшему брату премьер-министра Франции Леона Блюма. Он был знатоком русского балета и руководил прославленной труппой «Балле Рус де Монте Карло». В момент разгрома Франции в 1940 году Блюм со своей труппой был на гастролях в Америке, но как французский патриот считал своим долгом вернуться на родину в трагическую для нее минуту. Друзья умоляли его уехать из оккупированного Парижа в свободную зону, однако он воспротивился: «Я принадлежу к слишком известной семье, чтобы мечтать убежать от немцев или искать покровительства людей из Виши». (Режим Виши, возникший после падения Парижа, официально придерживался нейтралитета, на деле же проводил политику в интересах фашистской Германии. – А.М.). Вскоре его арестовали – немцы, конечно, знали о нем все, но для знаменитых евреев они отнюдь не делали исключения.

В лагере, где было много выдающихся интеллектуалов, Блюм пользовался особым авторитетом. Он организовал серию публичных лекций по различным отраслям науки и искусства. Он сам и другие профессора читали лекции в обледеневшей комнате, освещенной тусклой лампочкой. По словам Жоржа Веллера, речь Блюма была «удивительно ясной, элегантной и всегда утонченной, его мышление было глубоким, возвышенным и великодушным. Он любил декламировать басни Лафонтена и делал это очень талантливо, естественно, не имея под рукой никаких текстов. Он охотно говорил о балете и подчеркивал роль, которую в течение полувека играли русские хореографы и танцовщики в развитии балета. Он, не колеблясь, высоко оценивал усилия русских в этой войне и был убежден в неизбежном поражении немцев. Друзья, опасаясь стукачей, просили его быть поосторожнее. На что он отвечал с улыбкой: «Вы боитесь, что меня арестуют?»

Блюм, несмотря на свои опухшие ноги и тяжелую болезнь, всегда стремился ободрить товарищей по несчастью, вселить в них надежду на избавление. Оставаясь в любых условиях

патриотом, он в свое утешение сваливал всю вину на немцев: «эта мерзость – дело рук немцев. Французы никогда не будут способны совершить что-либо в этом духе», – говорил он, узнав о том, как проходила очередная депортация из Дранси в Освенцим, когда детей насильно отбирали у матерей, мужей отделяли от жен. Однажды лагерь получил приказ подготовиться к приему 4000 детей. Жорж Веллер был назначен старостой блока и должен был, в частности, организовать ночлег для детей, отобранных у родителей. Почувствовав беспомощность перед зверством такого масштаба, он улучил полчаса, чтобы повидать Рене Блюма и поделиться с ним своими заботами. Блюм попросил взять его с собою, чтобы поговорить с детьми и успокоить их. Приведу один из нескольких диалогов Блюма с детьми:

На тюфяке, брошенном на землю, устроились две сестры. Старшей было лет 12, второй 4 или 5. Она спала, положив голову на тюфяк, измазанный экскрементами. «Здравствуй, как тебя зовут? – спросил Рене у старшей. «Вы евреи? Посмотрите, что они пишут в газетах», – ответила она. В статье, которую девочка показывала, категорически опровергались как типично еврейская пропаганда слухи о разделении родителей и несовершеннолетних детей. Блюм пробежал газету и ответил: «Ты же знаешь, что это немецкая газета, моя маленькая. А ведь ты же француженка, правда?» «Я больше не хочу быть француженкой! Французы злые, злые, я их ненавижу!» «Не надо говорить так, – мягко возразил Рене, – ты же знаешь, что все это вытворяют немцы»... «Это неправда! За нами пришли именно французы. Они всюду искали мою сестричку, потому что мама спрятала ее. Они ее нашли, потому что она заплакала. А потом они пришли за мной в школу. В Бон-ля-Роланд французы-таможенники держали маму и папу, а нас забрали, сестру и меня. И здесь нас стерегут жандармы». «Бедное мое дитя, ты достаточно взрослая, чтобы понимать, что все эти французы – плохие французы, что они продались немцам... Настоящие французы возмущены так же, как ты и я. Просто сейчас они не могут ничего сделать». «Почему это они ничего не могут сделать? Они могли бы не искать мою сестру. Они могли бы оставить нас с родителями! Они злые, отвратительные!» «Ты не хочешь понять, что это не настоящие французы». «Оставьте

меня в покое! Я хочу спать». «Рене Блюм молчал. Его челюсть дрожала, и он был ужасающе бледен. Он протянул мне ледяную руку и пошел к блоку 16. Никогда больше Рене Блюм не изъявлял желания посетить блоки детей без родителей», – заключает автор.

Перед депортацией в Освенцим Рене Блюм, подстриженный наголо, изнуренный, в порванном пальто, все же пытался шутить по поводу своей участи, «спокойно выражал уверенность, что депортация означает для него смерть в 66 лет». На сей раз он оказался прав.

Дружба сильнее смерти. Анни Фейгенберг

Среди вновь прибывших, которых Веллер как староста так называемой «Службы гигиены» должен был направлять на работу в бригады, он обратил внимание на очень красивую девушку по фамилии Фейгенберг. Он спросил ее, не имеет ли она отношение к врачу русского происхождения, который до депортации был его товарищем по комнате в Дранси. Оказалось, что Анни была его дочерью. Она рассказала, каким образом попала в лагерь. После облав в Париже 16 июля 1942 года ее семья укрылась в Гренобле. Анни училась в стоматологической школе и участвовала в Сопротивлении. Однажды ей надо было по заданию поехать в другой город «свободной зоны». Она могла выбрать между двумя поездами, и железнодорожный служащий посоветовал взять билет на поезд, который прибывает утром в отличие от поезда, прибывавшего глубокой ночью. Анни поступила по его совету, не зная, что на короткое время этот поезд пересекает оккупированную зону. Она была разбужена немцами, устроившими на демаркационной линии проверку документов. Еврейское имя вызвало немедленный арест.

У отца Анни был близкий друг, который одновременно был и другом Жоржа, по имени Григорий Сегал – тоже русского происхождения, по профессии фармацевт. Несмотря на то, что Сегал был награжден орденом за храбрость во время Первой мировой войны, он был арестован в конце 1941 года вместе с семнадцатилетним сыном, и оба они находились в той же комнате, что и Фейгенберг, и Веллер. На свободе остались его

дочери, и Жорж спросил Анни, не знает ли она их. Оказалось, что младшая дочь Ида была лучшей подругой Анни. «Я знаю, что она любит меня так же, как я ее, и это немного пугает меня. Она способна на любое безумие, если узнает, что я в Дранси. Я дрожу при мысли, что она захочет приехать сюда, чтобы помочь мне. Жорж успокоил Анни, сказав, что это невозможно, даже если она придет под чужим именем, потому что в Дранси не дают свиданий, а если она будет настаивать, ей пригрозят тюрьмой за дружбу с еврейкой. Тем не менее, он посоветовал послать ей тайное письмо, чтобы объяснить все это.

Через два-три дня они снова встретились и часов в 6 вечера прогуливались по двору. «Я уже не помню, о чем рассказывал Анни, – пишет Жорж Веллер, – как вдруг, посреди фразы, она подняла руку, как если бы хотела остановить меня, и так с поднятой наполовину рукой, бегом бросилась к молодой особе, которая входила в лагерь в сопровождении инспектора полиции Дранси. Подозревая истину, подошел к этой группе и я, и Анни тотчас повернула ко мне лицо, мокрое от слез, и сказала: «Это Ида! Я же говорила вам!» Я застыл в изумлении».

«... Ида не могла перенести мысли, что она покинула подругу в беде, и не могла продолжать жить, не разделяя ее страданий, а если придется, то и смерти, Она явилась в Дранси и потребовала, чтобы ее интернировали. Инспектор, оказавшийся порядочным человеком, три часа пытался отговорить ее, объясняя, что он не может поверить в то, что Сегал ее настоящее имя и что она еврейка. Но все было напрасно. На следующее утро он вызвал ее, чтобы спросить, не передумала ли она, поразмыслив в течение ночи. Ида не передумала».

Обе подруги были депортированы вместе в Освенцим, и обе погибли. Эта история не менее трагична, чем трагедии Шекспира. Пастернак сказал, что в основе подлинной трагедии всегда существует свобода выбора. Ида сделала выбор, стоивший ей жизни.

«Легко уничтожить гениев». Жак Готко

Большинство ближайших друзей Жоржа Веллера в лагерях имели русские корни, хотя по-русски не говорили. Художник Жак Готко родился в Одессе и был записан в метрике как Яков

Готковский, но в 1905 году, когда мальчику исполнилось пять лет, семья бежала от погромов за границу. В Париже отец стал работать заводским рабочим, но рано умер, оставив вдову с двумя малолетними детьми. С детства Жак стал рисовать портреты и на заработанные деньги сумел поступить в Школу изящных искусств, где изучал архитектуру и дизайн. По окончании учебы он работал на киностудии, где сделал успешную карьеру в качестве художника-декоратора. Но его угнетала мысль о том, что он теряет время, зарабатывая прикладным искусством и тем самым отдаляясь от своей мечты – посвятить себя чистому искусству. Он бросает выгодную в финансовом отношении работу, покупает дом в маленьком городке Шаранте на юге Франции и полностью посвящает себя живописи.

Это были лучшие восемь лет его жизни. Он женился на француженке, а рядом с ним поселились его любимые мать и сестра. В 1939-м году в парижской галерее Джин Кастел прошла с большим успехом его выставка работ, написанных в Шаранте. Увы, это была последняя выставка в его жизни. Несмотря на то, что Жак Готко почти не говорил по-русски, он гордился своим происхождением, и ему вовсе не мешал тот факт, что в паспорте он числился как «русский без гражданства». Однако именно поэтому немцы арестовали его после нападения Гитлера на Россию. Когда выяснилось, что жена у него француженка, то есть «арийка», его отпустили из лагеря в Компьене, но через несколько месяцев арестовали снова уже как еврея. В декабре 1941-го года, после объявления войны с Америкой, фашисты с помощью французских жандармов стали хватать без разбора всех евреев в качестве заложников. По-видимому, они надеялись обменять их на немцев, которых, как они предполагали, интернируют американцы. Но в следующем году вступила в действие пресловутая программа Окончательного решения еврейского вопроса, в которой принимали деятельное участие не только фашисты, но и французы, как впрочем, и многие другие народы оккупированных фашистами стран.

В Компьене, в «советском лагере», как его именовали французы, потому что большинство узников были русскими, условия были более или менее сносные, и Готко написал там много картин. Одну из них он подарил Веллеру, который

описывает ее так: «На переднем плане – колючая проволока и сторожевая вышка лагеря Компьен; змееобразная форма железной нити рельефно выделяется на белизне снега, и, взлетая к свинцовому небу, создает драматический эффект, удивительный и неотразимый». В Дранси Готко было запрещено писать картины вне помещения, а достать краски было очень трудно, так что художнику приходилось рисовать только портреты карандашом. Чаще всего делал он это за кусок хлеба или деньги, которые ему удавалось посылать жене. Тем не менее, работал он очень медленно и тщательно, прежде чем приступить к портрету, писал десятки этюдов, чтобы проникнуть в психологию модели. Сохранился карандашный портрет самого Жоржа Веллера.

Примерно за месяц до приезда в Дранси Жак узнал, что его мать и сестра тоже интернированы. Когда появлялась новая партия узников, он мучительно искал своими близорукими глазами родные лица. В конце концов их встреча состоялась, и все трое горько плакали от радости. Но счастье их продолжалось недолго – уже через месяц мать и сестру отправили с очередной партией в Освенцим, а Жаку как мужу «арийки» депортация предстояла в последнюю очередь. Как ни умолял он жандармов не разъединять их, все было тщетно. Жак с горечью сказал Жоржу: «Сегодня ночью я понял ужасную вещь: даже присутствуя при депортации друзей, мы не осознаем всего ужаса, который обрушивается на нас. Надо было, чтобы это произошло с моей мамой и сестрой, и тогда я оказался в состоянии оценить безмерность нашего несчастья... Если я выйду из лагеря, то сделаю фильм, который назову «Лестница отъезда», чтобы показать людям, что здесь творилось. Мир должен знать о позоре Дранси».

В феврале 1943-го года настроение узников улучшилось – они узнали о разгроме немцев в Сталинграде. Готко проявлял невероятный энтузиазм, старался правильно произносить по-русски имена генералов и названия городов, забавляя друзей своей юношеской увлеченностью. Но мимолетная радость снова сменилась печалью и депрессией: он узнал, что немцы разорили его мастерскую – уничтожили все работы, причислив их к «дегенеративному искусству», по формулировке супердегенерата Геббельса. Восемь лет плодотворного труда

пошли прахом – напрасно он жертвовал всем ради чистого искусства.

В довершение всего его ждал тяжелейший удар со стороны молодой жены. Мужья «ариек» получили разрешение на короткие визиты жен. Свою жену Готко не видел два года и с волнением готовился к этой встрече: в течение десяти дней тщательно брился, выгладил свои обтрепанные брюки, повязал взятый у товарища напрокат галстук..., но жена не пришла, а вскоре эти визиты и вообще были запрещены. Он старался скрыть от друзей свое разочарование, придумывая всевозможные причины для ее отсутствия. Однако, появился еще один проблеск надежды. Новый начальник лагеря гауптштурмфюрер Бруннер поначалу проявил себя несколько либерально, хотя потом все узники познали вполне его изверческую натуру. Было объявлено, что мужья «ариек» будут отправлены на Атлантическое побережье. Готко уже стоял в строю посреди двора в ожидании отправки, когда ему приказали отбросить палку, без которой он не мог ходить. Ноги с порванными менисками не выдержали, и он упал. Подскочивший лекарь приказал ему возвращаться в блок и приходить в себя в ожидании следующей отправки, якобы намечавшейся через неделю. Этот садист, по имени Вайзель, конечно, знал о какой отправке идет речь – об очередной депортации в Освенцим.

Готко принял свою участь мужественно, все еще надеясь на Востоке встретить мать и сестру – хотя слухи о газовых камерах уже распространялись в Дранси, где мало кто им верил. Спустя год, уже в 1944-м году, когда неминуемо приближался разгром фашистов, Жорж Веллер был тоже депортирован в Освенцим, а потом в Бухенвальд. В этих лагерях ему не довелось увидеть друзей по Дранси. Однажды он разговорился с санитаркой, которая знала Готко. По ее словам, тот прожил несколько месяцев в Биркенау, по соседству с газовыми камерами. И даже там сумел отсрочить свою казнь благодаря таланту портретиста. Готко ушел из жизни, заразившись сыпным тифом. Ни матери, ни сестры перед смертью он так и не увидел – они, видимо, погибли раньше. Большинство его произведений утеряно навсегда. «Его мощный многообещающий талант не смог ни реализоваться полностью, ни оставить восхищенным людям

плоды его гения, – пишет Жорж Веллер и заключает, – Вот она, справедливость: в век Аушвица очень легко уничтожить гениев и их творения. Особенно, если это евреи!»!

К счастью, некоторые работы Готко, написанные в лагере Компьен, всё же сохранились усилиями Жоржа Веллера и других его друзей, передавших их со временем в галерею Дома-музея борцов сопротивления гетто (Бейт лохамей хагетаот) в Хайфе. Несколько картин Готко вошли в коллекцию Музея современного искусства в Париже. Слева вы видите портрет девочки – узницы лагеря, справа – картина под названием «Синагога».

Я рассказал здесь лишь о трех из описанных Жоржем Веллером эпизодов, которых в его книге множество; в реальной жизни их насчитывались миллионы, и каждый поражает сегодня человеческим мужеством и вопиет о человеческой мерзости.

Роман Солодов
Нью-Джерси, США

ПАМЯТИ ХОЛОКОСТА. СУДЬБА ФЕЛИКСА ЗАНДМАНА (в сокр.)

Этого человека уже нет среди нас. Феликс Зандман ушел из жизни в 2011 году, прожив 84 года. Его имя навсегда вошло в историю создания современных средств коммуникации. Благодаря этому изобретателю мы пользуемся сегодня мобильниками, а фраза «я позвоню тебе из леса» воспринимается сегодня совершенно нормально. Президент Буш, вручая ему Почетную медаль за успехи в электронике, сказал, что вклад изобретателя в развитие современных средств связи поистине огромен. Феликса Зандмана могли убить бесчисленное количество раз, начиная с июня 1941 года и до середины 1944-го. Только за то, что он был евреем. Но он скромно говорил, что избежал смерти только восемь раз, когда ощущал ее дыхание.

Феликс Зандман

Его «счастливое» детство проходило в городе Гродно. Он в то время был польским городом, потом после «Освободительного» похода Красной армии стал белорусским, а на следующий день после начала Великой Отечественной войны был оккупирован немцами.

До войны его почти каждый день избивали польские школьники, по выходе из костела, потому что еврей. Антисемитизм в Польше был на высоком уровне. Но все же евреев не убивали.

Однако катастрофа обрушилась на них с приходом немцев: от 29 тысяч евреев этого города к моменту появления Советской армии осталось сто человек. Включая Феликса Зандмана.

До этого произошло событие, не отмеченное ни в каких хрониках, в силу его малой значимости. Одна из прислуг в доме Зандманов Анна Пухальская – да будет благословенна ее память – обратилась к бабушке Феликса с просьбой о помощи. Она должна была рожать и ждала осложнений. Бабушка вошла в положение – определила Анну в роддом, оплатила лечение (роды прошли успешно), и поселила всю семью в одном из дачных домиков за городом. И еще подарила пять злотых. Насколько значительна была сумма в те времена, неизвестно, но она запомнилась Феликсу.

Многочисленная семья Зандманов играла с немцами в смертельную игру под названием «кошки-мышки». Почти все члены его семьи эту игру проиграли. Нет смысла подробно описывать, как они проигрывали, и как каждый раз выигрывал ее Зандман. Он убежал из синагоги, в которую затолкали его вместе с родителями и остальными евреями – их было много. Каждый день уводили людей оттуда на расстрел. Он говорил потом, что чувство вины перед убитыми сопровождает его всю жизнь. Однажды он уходил от немцев по подвалу их дома, зная, что выхода нет, и приготовился к смерти, но чудо спасло его: кто-то выломал с внешней стороны стену и унес все из тайника, где они прятали одежду и еду. Вместо глухой стены он увидел отверстие. С трудом пролез в него и спасся от очередной облавы.

Потом они оборудовали убежище на чердаке. Заперли его снаружи, но малолетних детей взять с собой не могли. Знали наверняка, что малыши своим плачем привлекут внимание немцев. Детей было трое, их матери сходили с ума от того, что оставляют их на смерть. И тогда дедушка Феликса остался с ними, чтобы детям не было так страшно, когда их заберут. Он мог уйти в убежище, но выбрал смерть вместе со своими внуками. Зандман потом говорил, что он на всю жизнь запомнил запах щеки деда, когда, прощаясь, поцеловал его. Деда и детей забрали в тот же день и увезли в один из лагерей уничтожения. Совсем маленькие и старик – никакой пользы от них Рейху.

Феликс спустился по водосточной трубе, не в силах выносить страданий своих теток, которые настояли на том, чтобы он отыскал их детей. Сил подняться назад у него уже не было. А убежище было раскрыто, когда он нашел какое-то пристанище на стороне. Все попали в гетто, все погибли, когда это гетто было ликвидировано. А он ушел из города и в феврале 1943 года пришел к Анне Пухальской. Она продолжала жить в бабушкином дачном домике со своими пятью детьми и мужем Яном.

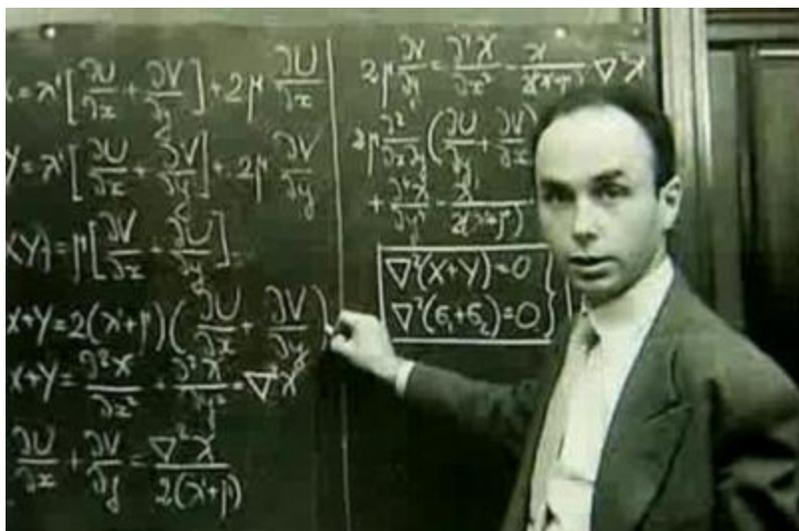
Он попросил у нее еды и убежища на один только день. Потом уйдет. Знал, что ожидало семью за укрывательство евреев. Но Анна ответила ему, что его послал им Бог. Она выжила благодаря его бабушке, она получила жилье, и он будет здесь до

тех пор, пока все это не закончится. А как же дети? Они разделят нашу судьбу, ответила Анна. Потом, когда кто-то задал ему вопрос, в присутствии дочерей Анны (это было в восьмидесятых, во время их встречи), сделал бы он то же самое, приди к нему Анна, он ответил. Будь я одинок, наверно, но с пятью детьми – нет. Слезы текли по его щекам. И его сестры (он этим католичкам еврейский брат) сидя рядом с ним на диване, держали его за руки. Мы – одно целое, сказала одна из них. Забегая вперед, можно добавить, что внук Анны Пухальской является вице-президентом его компании.

В итоге их оказалось пятеро в яме размером 1.5x1.7 метра и высотой в метр двадцать. Он, его дядя, семейная пара совсем молодых ребят, и женщина. Ее выкинули из семьи мужа за ее национальность («благородные» люди – не сдали немцам). Раз в день Анна или Ян приносили им еду и поднимали наверх ведро с нечистотами. Соседи Анны стали поговаривать, что она закупает слишком много хлеба, у нее маленькая семья, зачем ей столько. Уж не укрывает ли она жидов? Приходилось ловчить, покупать хлеб на стороне... Она ангел, говорил Зандман. Так люди не поступают.

Многие хотят быть героями, но большинство предпочтет заплатить за это не очень большую цену. Пухальские заплатили самую высокую. Они ходили по острию ножа полтора года, но не дрогнули.

Пять человек в крошечном убежище. Как не сойти с ума в этих условиях? И тут на высоте оказался дядя Феликса, установивший жесткие правила. Благодаря им они и выжили в течение 17 месяцев! Не дней, не недель, но почти полтора года! Вот эти правила: каждые два часа меняться местами – четверо лежат, один (одна) сидит на поганом ведре. Каждый раз один раз в день разный человек делит пищу на пять частей и забирает свою долю последним. Все достаточно молоды – но никакого секса быть не может. Иначе они погибнут. И еще: Феликс будет учиться. И подросток учился. Уже тогда дядя понял, что имеет дело с высокоталантливым учеником. Математика, физика – все давалось парню легко. Дядя писал уравнение – мальчик почти сразу выдавал устный ответ. Как потом говорил сам Феликс, все его патенты, открытия, будущие учебники начались в этой яме.

Феликс Зандман в годы учебы во Франции

Однажды пришел немец с собакой, которая сразу же учуяла запах людей и пошла к люку. Анна высыпала у нее перед носом перец, и собака отошла. Но она же стала обходить дом с другой стороны и наткнулась на собаку Пухальских. Псы обнюхались, и немец увел собаку. Смерть еще раз прошла мимо.

А потом наступил главный момент, когда все могло оборваться. Фронт пришел летом 1944 года. Как раз это место немцы превратили в мощный укрепрайон. И стали выселять всех жителей. Анна кричала, что их выселяют, что они не хотят!.. И узники ее слышали. Они просидели два дня без еды, без воды, с переполненным поганым ведром, и ночью стали уходить из этого дома. Патруль их сцапал через двадцать метров. Кто такие, откуда? Бежим от большевиков, живем за три километра отсюда... Ночь спасла их, не разглядели немцы, в каком виде стояли перед ними евреи. Отпустили. Закончился ужас. Остались в прошлом его почти все погибшие родственники. Он закончил школу в Гданьске, пройдя три класса за год. Но Польша превратилась для Феликса в кладбище почти всех его родных. И на нем весьма часто добивали выживших в Холокосте евреев. Он уехал во Францию в 1946 году.

Началось стремительное восхождение талантливого юноши.

Потом он признавался, каким потрясением было для него увидеть целующуюся на улице Парижа парочку. Он ощутил нечто неизведанное, совсем ему незнакомое – атмосферу свободы, которую никогда не ощущал за всю свою жизнь. Практически не зная французского, он поступил в университет в Нанси и закончил его в 1949 году, получив звание «Студент века»! Диссертацию защитил в Сорбонне, разработав новый метод и уникальную технологию измерения напряжений. Тогда же начался этап изобретательства. Патент на нахождение слабого места в конструкции...Его имя становилось известным. Он был награжден высшей наградой Франции, став Рыцарем Почетного Легиона. Но главное его открытие было впереди.

Он переехал в США и начал работать в одной из компаний, когда его осенило, как можно увеличить величину сопротивления, не увеличивая его размеров. Он записал свою мысль на... да, да! На салфетке, которая столько раз использовалась гениями и жизни и в кино. Но в отличие от легенд, эта салфетка материальна, и ее можно видеть под стеклом в музее Смитсоновского института. Она «стоит» 350 миллионов долларов.

Так было оценено промышленностью изобретение Зандмана... Родился «Вишей» (Vishay Intertechnology, Inc.)! Компания, чьи заводы сегодня разбросаны по всему миру, компания входящая в десятку крупнейших компаний США, чей оборот миллиарды долларов. Вишей, это местечко в Литве, откуда родом была бабушка Зандмана. Там было много евреев до войны. Теперь их там нет. Во время немецкой оккупации литовцы в этом местечке убили их всех, включая его бабушку, в ближайшем лесу.

На идее Зандмана были создан прецизионный тонкопленочный резистор, миниатюрные конденсаторы. Без них сегодня невозможно представить себе работу мобильных телефонов, ПК, компьютеров, различных электронных систем, которыми начинены самолеты и ракеты... В каждом мобильнике находятся сегодня сотни деталей, созданных на заводах Зандмана.

Отдельного разговора заслуживает создание завода «Вишей» в Израиле. Когда он пришел с этой идеей в Израиль, то все его компаньоны и друзья отговаривали его от этого проекта: завод в

пустыне? Ты сошел с ума! Кто туда поедет? А ты знаешь, что такое еврейская бюрократия? Но Зандман был уже не последним человеком в этом молодом государстве. Помимо того, что он был мультимиллионер, он был известен тем, что безвозмездно принял участие в доработке пушки танка «Меркава», что позволило сделать ее намного более точным оружием в борьбе с танками врага. Этот танк в то время был признан лучшим танком мира.

Позволю себе небольшое отступление. Я работал на телевидении в Останкино в 1973 году во время войны Судного дня. Там мы получали хронику западных каналов, тогда недоступную для советских граждан. В одной из таких хроник корреспонденты показали огромное пустынное поле, на котором стояли подбитые советские танки. Это было впечатляющее зрелище! И страшное. Теперь я знаю, что большая заслуга в этом принадлежит Феликсу Зандману. Он говорил: я должен использовать каждый день для того, чтобы сделать что-либо доброе для своего народа. А что такое мой народ? Это народ Израиля.

По приезду в Израиль Зандман натолкнулся на израильских бюрократов. Бюрократы везде одинаковы. Приходите через три недели, сказал ему высокопоставленный чиновник в министерстве, которым руководил легендарный Шарон. И Зандман начал заниматься своими делами. Он отложил их в сторону, потому что в его кабинет вошел сам министр. И сказал, что документы будут готовы не через три недели, а через полчаса. Он только тогда пойдет домой, когда их подпишет. – Когда ты уезжаешь, Феликс? – спросил Шарон. – Завтра, – ответил Зандман.

– Завтра у тебя будут все нужные бумаги. Сегодня на заводе в Димоне работают 2200 человек. Возглавляют этот филиал его сын вместе с зятем, унаследовавшие дело их великого отца. Дочь Зандмана, врач, приехала в Израиль во время войны Судного дня, чтобы помочь своему народу, и осталась там жить.

В 1964 году на австрийской границе таможенники задержали человека, который показался им подозрительным. Их подозрения были не беспочвенны. Задержанным оказался Курт Визе, бывший глава гестапо в Гродно. Тот самый Визе, который собственноручно убивал людей, стегал их плетью, отдавал

приказы о расстреле несчастных, о депортации их в лагеря смерти. Зандман выступал свидетелем по делу Визе, и, по его словам, ему удалось заглянуть в глаза гестаповцу. И он увидел мерзавца, мелкую дрянь, трусливого лгуна, неспособного ответить за свои преступления. В обычной жизни такие Визе недостойны внимания. Он понял, какие метаморфозы происходят с ничтожеством, когда оно получает в руки оружие и власть. Зандман говорил, что Визе до этого процесса снился ему каждую ночь! Все двадцать лет! После того, как он заглянул ему в глаза, все прошло. Ни разу больше у него не было ночного кошмара. Он избавился от этого.

Но вершиной своей блестящей карьеры Зандман считает покупку предприятия, которое было символом технической мощи Третьего рейха. Речь идет о компании «Телефункен». Во время войны она обеспечивала связью всю военную машину Германии. В свое время она была выкуплена нацистским режимом у семейства Ратенау. Можно предположить, что именно выкуплена, потому что после войны наследники не потребовали возмещения за грабеж. А, может быть, что они это возмещение получили. Так или иначе «Телефункен» долго оставался дочерней компанией «Даймлер Бенц», когда владельцы сообщили правительству, что не могут больше содержать эту «дочку».

Зандман купил «Телефункен». Немецкое правительство очень хотело, чтобы он это сделал, соглашаясь со всеми его условиями. Ведь речь шла о тысячах рабочих мест. Зандман сказал тогда, что он, отправляясь подписывать договор, впервые надел ермолку. Подписав бумаги, он громко восславил Всевышнего, прекрасно понимая символику этого шага. Он благодарил Бога за то, что тот держал над ним руки и не дал его врагам восторжествовать.

Дело было не в деньгах – он уже давно был миллиардером, и человеком не первой молодости. Но он, гонимый этим народом, который уничтожил всю его семью, теперь дает работу потомкам убийц его родителей малолетних сестер и его деда, поведшего малышей на смерть, чтобы им не было так страшно, потомкам тех, кто убили миллионы и миллионы его соотечественников. Он дает им работу! Они будут работать на

него. Разве этот не прекрасная месть? Месть не через смерть, но через жизнь и работу!

В наше дни часто приходится слышать о том, что хватит говорить о Холокосте. Ну, сколько можно об одном и том же. Пора переступить через эту печальную страницу и заняться сегодняшними проблемами. Разве не страдают палестинцы от действий израильской военщины? Да, евреев убивали, но мир не стоит на месте, прогресс очевиден...

В том то и дело, что от Холокоста пострадали не только евреи, но и весь мир. Еще как! Дело ведь не том, что убивали евреев, хотя это, само собой, беспрецедентное преступление. Но убивая евреев, нацисты наносили удар по всему человечеству. Если один только Зандман изменил наш мир в области коммуникации, то сколько таких Зандманов ушли в газовые камеры, были закопаны или сожжены заживо, не говоря уже о «просто» расстрелянных? Кто сосчитает ущерб от того, что человечество не досчиталось сотен тысяч ученых, врачей, деятелей искусства... Кто знает, может быть, сегодня человек уже победил бы рак, Альцгеймер, Паркинсон и еще десятки хворей, от которых пока что нет спасения. Может, сегодня человечество научилось бы укрощать ураганы и торнадо, предсказывать землетрясения с точностью до минуты, освоило бы термояд... Но дети, из которых могли выйти новые Хавкины (доктор, спасший мир от чумы) ушли в небо, как ушли туда будущие Ландау и Оппенгеймеры, ученые в самых разных областях человеческой деятельности. Сколько Кисиных и Гидонов Кремеров не досчитались люди? Скольких Поланских, Спилбергов и Михоэлсов лишились зрители? Сколько художников, поэтов, писателей люди не посмотрели, не прочитали? Тем и страшен Холокост, что в XX веке евреи, получившие равные права со всеми народами, могли, наконец, развернуть свой талант во благо всех народов, а их тупо убили.

Вторая половина XX века была прорывом в области техники. Мир никогда не знал такого стремительного прогресса. Представьте, что выросшие еврейские дети, приняли в этом участие. Сколько среди тех, кого потерял мир, было гениев? Мы никогда этого не узнаем. Но каким бы сегодня был наш мир! Разве не гении двигают общество к прогрессу? Уберите их из истории – и сегодня мы бы жили в пещерах в лучшем случае.

Нацисты уничтожили сотни гениев (евреи талантливы, этого даже антисемиты не отрицают и потому боятся их) и тем самым затормозили прогресс на десятилетия, если не на века! Они нанесли страшный удар по всему человечеству. Им нет и никогда не может быть прощения.

Феликс Зандман умер в США и похоронен в Израиле – как еврей и гражданин этой страны.

Александр Сиротин
Нью-Йорк, США

ВОЕННОЕ КЛАДБИЩЕ В ПОЗНАНИ

...В песне Владимира Высоцкого «Братские могилы» есть такие строки:

Здесь раньше вставала земля на дыбы,
А нынче – гранитные плиты.
Здесь нет ни одной персональной судьбы -
Все судьбы в единую слиты.

Эта песня, и особенно эти строки, были со мной, когда я бродил по военному кладбищу в Познани.

...В Москве накануне празднования Дня Победы «забыли» положить цветы у мемориальной стелы города-героя Киева. Наказали Киев?

Опять унтер-офицерская вдова сама себя высекла. Какой разительный контраст с Польшей.

У поляков свои исторические счёты и с Россией, и с Германией, и с Украиной. Точно так же свои счёты к Польше могут предъявить россияне, украинцы, польские немцы и особенно евреи. Но тут важно помнить не только плохое. Ведь были в истории времена, когда эти народы жили в дружбе, во взаимном уважении, в переплетении культур.

Нельзя отвергать факты истории из-за сегодняшней политической конъюнктуры, из-за интересов тех, кто пришёл к власти и хочет эту власть удержать, разжигая национальную рознь. Это относится не только к России. Но историческая память у думающих граждан, к счастью, тяготеет к объективности. Это я увидел в Познани.

Кладбище «Цитадель» разделено на несколько секций. Есть секция польских воинов, погибших в Первой и во Второй мировых войнах, а также во время польских восстаний за независимость.

Есть секция британских воинов, погибших в Польше в обеих мировых войнах, есть небольшой участок русских православных захоронений, и огромную часть занимает секция похороненных здесь советских солдат и офицеров.

Несмотря на сложные ныне польско-российские отношения, все могилы советских воинов находятся в идеальном состоянии. Нигде я не видел отбитых или треснувших надгробий. Ни одна могила не заросла травой. Возле многих надгробных памятников – цветы.

Надо отдать должное и властям, и жителям города Познань, которые чтут память погибших. Остался нетронутым монумент солдатского польско-советского братства. «Здесь нет ни одной персональной судьбы, все судьбы в единую слиты».

Конечно, поляки не забывают о пакте Молотова-Риббентропа и очередном разделе Польши между Россией и Германией, о Катыни, о подавлении польских восстаний, но не забывают и о солдатах и офицерах Красной армии, освобождавших от немецких оккупантов землю Польши. Поляки чтят свою историю и стараются сохранить объективность. На памятнике советским воинам золотыми буквами выгравирован приказ за

подписью Сталина о наградах особо отличившимся за взятие Познани.

А в нескольких шагах от этого мемориала – памятник жертвам Катыни и Сибири. На этом памятнике – католический крест,

православный, шестиконечная звезда Давида и мусульманский полумесяц со звездой. «Все судьбы в единую слиты».

В Польше немало музеев военной техники. Там довольно значительную часть коллекции составляют советские танки и пушки. Это вооружения, которыми снабжал польскую армию Советский Союз и во время войны, и после. Некоторые орудия датированы восьмидесятыми годами прошлого века.

В одном из музеев я увидел лёгкую советскую гаубицу времён войны. Может быть, такие орудия были в гаубичном полку, в котором мой отец, капитан артиллерии Фишель Лахман, был командиром химической службы? Все мужчины нашей семьи – и со стороны отца, и со стороны матери – были на фронте.

Отец родом из Каменец-Подольска, Украина. Младший брат отца Наум Лахман, гвардии младший лейтенант, командир пулемётного взвода погиб в 1944 году в бою под деревней Липянка, Златопольского района Кировоградской области.

Четверо братьев моей матери, родом из-под Гомеля,

Монумент польско-советского солдатского братства

Белоруссия, прошли войну с первого до последнего дня. Это Сиротины Борис, Лев, Пётр и Модест. О Модесте, младшем из братьев, был даже снят документальный фильм. Все они освобождали от немцев польскую землю.

...Война наложила свой отпечаток не только на поколение военного времени, но на их детей и внуков. В Нью-Йорке на радио «Свобода» я работал вместе с русским журналистом, который был женат на американской еврейке. Как-то он сказал мне, что его жена написала воспоминания о своём детстве, и попросил прочитать рукопись. Там рассказывалось, что, когда

немцы захватили Закарпатье, она, автор книги, будучи маленькой девочкой, бежала с мамой из Мукачева в сторону Львова.

Но немцы двигались на Восток быстрее, и тогда женщину с девочкой спрятали в яме под домом сердобольная польская крестьянка. Два года провели они в тёмном, тесном, холодном убежище. Наконец, полька сказала им, что немцы бежали и что можно выходить. Измождённые, с распухшими ногами, женщина и девочка направились домой, в Мукачево.

По дороге их обгоняли грузовики с русскими солдатами. Вдруг один грузовик остановился. Из кабины вышел бравый офицер в чине капитана артиллерии, внимательно посмотрел на бредущих и спросил по-еврейски, кто они и куда идут.

Мать девочки удивилась, что русский офицер заговорил с ней на языке идиш, да ещё с закарпатским говором, и ответила, что идёт в Мукачево. Тогда офицер приказал солдатам в кузове потесниться и довёз мать и дочь до их города. «Мама часто с благодарностью вспоминала того офицера», пишет автор рукописи.

Фишель Лахман в Карпатах. На обратной стороне написано «Всё думаю о тебе, любимая жёнушка! Отечественная война. Карпаты. 16.X. 1944 г»

Когда я читал об этом, то вспомнил рассказ моего отца, как он встретил по дороге в Мукачево еврейскую женщину с ребёнком. Мороз по коже! Неужели в Америке, в Нью-Йорке, я встретил тех, кому помог когда-то мой отец? Очень может быть. У меня

сохранилась фотография отца с подписью на обратной стороне: «Карпаты. 1944 год».

Я рассказал об этом случае моему сыну. А он – своему. Так история Второй мировой стала нашей семейной историей и переходит из поколения в поколение.

Ещё одна фронтовая фотография моего отца датирована 1943 годом. Она пришла от него из Киева. Отец участвовал в освобождении столицы Украины, форсировал Днепр... Киев – город-герой, и те, кто воевали за Киев, – герои.

...Кладбище – не место сводить счёты. Здесь место возлагать цветы. Как это делают поляки на кладбище солдатского братства в Познани.

Вадим Горелик

Франкфурт на Майне, Германия

И СНОВА СОБИБОР

Почему Александр Печерский получил Героя именно сейчас?

Аккурат перед 27 января 2016 г. – международным днём памяти жертв Холокоста все каналы российского телевидения, млея от восторга, сообщили о награждении Александра Печерского, руководителя беспримерного по отчаянию и мужеству восстания заключённых в концлагере смерти Собибор, орденом мужества (посмертно). В сообщении Печерский, как обычно, назван офицером Красной армии, ни слова о том, что Собибор – спецлагерь, где уничтожено 250 тыс. евреев, Печерский туда попал как еврей, и восстание в 1943 г. там подняли тоже евреи. Президент Польши Лех Валенса в связи с 50-летием этого подвига так сказал о восстании: «Спасение жизни не было целью героического восстания, борьба велась за достойную смерть. Евреи одержали моральную победу. Они спасли своё достоинство и честь, они отстояли достоинство человеческого рода. Их деяния нельзя забыть».

Но Россия забыла. Александра Аароновича Печерского просто вычеркнули из официальной истории сначала в СССР, а потом и

в России. В начале 1990-х годов семье героя пришёл издевательский ответ из Минобороны РФ. Там объяснили, что

Александр Печерский. 1944 год

со времени окончания ВОВ прошло много времени и поэтому наградить героя за его подвиг не представляется возможным (!!!).

Я хочу процитировать отрывок из моей статьи о нём «Каждый выбирает для себя» в номере «Чайки» от 12 января 2015 г. : «Герой, храбро защищавший свою землю и не предавший её даже в самые страшные моменты своей жизни, пережил клеймо изменника Родины, штурмбат (разновидность штрафбата), арест, увольнения, запреты. Он умер в 1990 г. в Ростове –на –Дону, всеми забытый, не получив за свой подвиг от Родины, которую он защищал и за которую отдал здоровье, *НИ ОДНОЙ* награды, и похоронен на городском кладбище вдалеке от Аллеи героев. Ухаживать за могилой человека, спасшего когда-то

многие жизни, сейчас некому. В это трудно поверить и ещё труднее пережить».

К этому добавлю, что могила Печерского в Ростове-на-Дону была буквально стёрта с лица земли «неизвестными вандалами». Памятник, сделанный в виде раскрытой книги, разбили, исчезла оградка, скамеечка. На разгромленном участке осталась лишь упавшая фотография.

Много лет на общественном и правительственном уровне поднимался вопрос о воздании посмертных воинских почестей (цитирую общество «Мемориал») «Александру Аароновичу Печерскому – герою Великой Отечественной войны и европейского антифашистского сопротивления, советскому партизану, руководителю восстания и успешного побега заключенных из гитлеровского концлагеря Собибор».

Вот хроника самых важных обращений и инициатив.

2011 г. Создана международная инициативная группа по увековечению памяти Александра Печерского. Кампания, поддержанная многими деятелями науки и культуры России, СНГ и Израиля, достигла первых успехов. Вышел в свет репринт книги Печерского «Восстание в Собибуровском лагере» с коллективной просьбой к Путину о присвоении Александру Печерскому звания Героя России (посмертно) и с призывом отпраздновать в октябре 2013 года 70-летнюю годовщину восстания в Собиборе и придать этой дате в последующем некий государственный статус.

Открыт памятник герою в Тель-Авиве. На открытие памятника была приглашена внучка Печерского, которая посадила дерево в Иерусалиме в честь своего деда-героя. Израиль представляли два министра, из России приехали тележурналист Николай Сванидзе и радиожурналист Алексей Венедиктов.

2012 г. Общество «Мемориал» обратилось к Президенту РФ с просьбой воздать посмертные воинские почести Александру Аароновичу Печерскому к 70-летию восстания в Собиборе. Видные деятели культуры, среди которых были Иосиф Кобзон и Леонид Рошаль, направили Президенту письмо с просьбой присвоить Печерскому звание Героя России.

Увековечение памяти А. Печерского и награждение ныне здравствующих участников восстания обсуждалось на

межгосударственном уровне во время встречи лидеров России и Израиля на открытии памятника воинам Красной Армии в израильском городе Нетания.

2013 г. Российский еврейский конгресс (РЕК) совместно с Центром «Холокост» в Мемориальной синагоге на Поклонной горе провел вечер памяти, посвященный 70-летию восстания в лагере смерти Собибор. На вечере присутствовали представители дипломатического корпуса, МИД РФ, мэрии Москвы, Минобороны РФ, ветераны войны и школьники. Из выступления Николая Сванидзе: «Сейчас по просьбе Президента Владимира Путина готовятся предложения, как отблагодарить Печерского за тот огромный подвиг, который он совершил». Из послания спикера израильского кнессета Юлия Эдельштейна: *«В июне прошлого года я обсудил вопрос увековечения Александра Печерского и других героев Собибора с Владимиром Путиным. Президент России отметил, что это хорошая идея и что в этом направлении мы будем работать вместе. Две недели назад мне сообщили, что наша договоренность с Путиным начинает реализовываться: министерство обороны по поручению Президента должно проработать вопрос об увековечении героев Собибора». Да-да, поручено тому самому Минобороны, которое в начале 90-х отказало по причине давности.*

2014 г. 25 мая звезда Александра Печерского засияла на «Проспекте звезд» Ростова-на-Дону.

Но минуло 70-летие восстания в Собиборе, 70-летие Победы, с помпой отмеченное в Москве, на котором Президент России проникновенно сказал: «Наши отцы и деды пережили невыносимые страдания, лишения и утраты, работали на износ на пределе человеческих сил. Воевали, не щадя своей жизни, показали пример благородства и подлинного патриотизма. Мы высоко чтим стойкость, мужество и верность фронтовому братству. Мы преклоняемся перед всеми, кто насмерть стоял за каждую улицу, каждый дом, каждый рубеж Отчизны».

Но, как показало время, эти слова к Печерскому не относились. Он так и остался без награды, несмотря на поручения Президента.

И вдруг Орден мужества, елей из зомбоящика, интервью с дочерью. Указ ещё даже не выложен на сайте Президента, а министр культуры Медынский уже мчится в Собибор передать музею лагеря (цитирую 1 канал) «очень важный экспонат» –

Памятник Печерскому в Тель-Авиве

копию указа Президента России о награждении руководителя восстания Александра Печерского Орденом мужества посмертно с обещанием выделить средства на реконструкцию довольно запущенного музея.

Что же случилось? Неужели многочисленные обращения общественных организаций России и Израиля, ходатайства израильских и российских деятелей вдруг возымели действие на сурового лидера России? Вряд ли. И вот почему.

Поручения Президента бывают разные. Одни, как показал «крымнаш», исполняются со скоростью звука: 21 марта 2014 г.

был принят закон о вхождении Крыма в состав РФ, а уже 5 мая этого же года— секретный указ о награждении «отличившихся» журналистов, и 9 мая министр обороны Шойгу на параде Победы уже щеголял тоже секретно полученным новым высшим российским орденом Андрея Первозванного с мечами.

Другие, как в случае Печерского,— для успокоения наивной общественности. Большому знатоку предмета, бывшему Президенту США Рональду Рейгану, принадлежит крылатая фраза: **«Говорят, что политика – вторая древнейшая профессия. Но я пришел к выводу, что у нее гораздо больше общего с первой (проституцией, прим. автора)».** Это печальная реальность.

Сегодня политическая и экономическая ситуация складывается для России и лично для Президента Путина весьма неблагоприятно. После «крымнаш»-а и донбасской авантюры он изгнан из «восьмёрки», практически изолирован на международном уровне, санкции США и Европы и обвал цен на нефть подрывают экономику России. Попытка взять реванш в Сирии оборачивается изоляцией даже на Ближнем Востоке. Бремя содержания «русского мира» в ДНР и ЛНР (40 млн. долларов в день!) и сирийской авантюры уже неподъёмны для бюджета. А тут ещё сняли санкции с Ирана и на мировой рынок выброшена иранская нефть вместе со сланцевой нефтью США. Впереди маячит цена на нефть по 10 долларов за баррель. А это крах!

Это вынуждает Путина искать пути для снятия санкций. Вот он и пытается разыграть еврейскую карту в надежде, что влиятельное еврейское лобби в Европе и, особенно в США, поможет ему в этом. И вот в Кремль 16 января 2016 г. с большой помпой приглашается делегация исполнительного комитета Европейского еврейского конгресса, объединяющего 2,5 млн. евреев в 42-х влиятельных еврейских общинах Европы. Это рычаг для давления на правительства ЕС в деле снятия санкций. А указ о награждении Печерского в день памяти жертв Холокоста – это ещё и ясный сигнал Израилю, что операция в Сирии не направлена против интересов Израиля, а регулярные залёты российских ВВС в воздушное пространство Израиля – не более чем случайность.

Сработает ли эта очередная спецоперация Путина – покажет время. А пока я поздравляю всех читателей «Чайки» с очень запоздалым, но всё же успехом в борьбе евреев за право признания своих героев. В России это особенно трудно, но зато и особенно приятно.

Александр Лаптев

Россия

КОЛЫМСКИЕ ПУТИ-ПЕРЕПУТЬЯ

Отрывок из книги

В октябре 2015 года я посетил город Магадан. А теперь вот, четыре месяца спустя, «пишу записки впечатлениям вдогонку» (по образному выражению Владимира Высоцкого). Но с первого же шага дело застопорилось, передо мной встал вопрос: с чего начать? И как втиснуть в короткий очерк всё то, что я увидел и запомнил за семь дней пребывания на суровой колымской земле? Впечатлений невероятно много, материала – тьма тьмушая! Почти тысяча цифровых фотографий, несколько часов высококачественной видеосъёмки (большая часть фото и видеоматериалов была мне подарена жителями Магадана – Павлом Ждановым и Натальей Ивановой, за что им сердечное спасибо). Множество встреч и разговоров с необычными и очень интересными людьми, преодоление полутора тысяч километров по суровой колымской трассе, и все эти заброшенные в чёртову даль посёлки с почерневшими от времени бараками, эти угрюмые безлесные сопки, тянущиеся на тысячи километров во все стороны света, это бездонное колымское небо, от которого разит холодом, эти странные цвета и кружащие голову острые запахи неведомой земли – как обо всём этом рассказать на тридцати страницах? Тут нужна книга – отменно толстая, с подробностями и отвлечениями, со множеством фотографий и ремарок, с авторскими отступлениями и историческими справками. А ещё лучше – многосерийный фильм, такая сага о Колыме из двадцати полновесных серий. Да и то будет мало. Обо всём рассказать невозможно.

Но что-то сказать о своей поездке я всё равно должен. И я решил, не мудрствуя лукаво, по возможности точно изложить хронологию событий. То есть, как прилетел в Магадан, что там делал и почему так быстро вернулся в родной Иркутск (а не остался в бухте Нагаево загорать и купаться). Но прежде следует сказать о цели моего путешествия, о мотивах и замыслах. Ведь странно это: вдруг взять и поехать на самый край земли – туда, куда ещё совсем недавно людей везли через всю страну в битком набитых столыпинских вагонах с решётками на окнах и вооружённой до зубов охраной, и откуда все они страстно мечтали вырваться. Но вырваться посчастливилось не всем. Сотни тысяч невинно осуждённых людей навеки остались лежать в холодной колымской земле.

Пётров Пётр Поликарпович

Среди этих сотен тысяч – наш земляк, знаменитый писатель-партизан, именем которого назван Иркутский Дом литераторов. Я говорю о Петре Поликарповиче Петрове, расстрелянном на Колыме 23 октября 1941 года (по приговору Военного

трибунала от 26.08.1941 г., как сказано в замечательном очерке В.П. Трушкина «Как подобает истинным бойцам»; очерк включён в книгу «Друзья мои...», изданную в Иркутске в 2001 г. в издательстве «Сапронов Г.К.»).

Как же так случилось, что такой уважаемый человек был признан врагом народа, вредителем и террористом, а потом отправлен на Колыму и там казнён? И что это за странные зигзаги судьбы? То он крестьянин, то писатель, то всеми уважаемый человек и герой гражданской войны, а то законченный негодяй и враг народа!.. Как такое может быть?

Приведём здесь основные факты биографии П.П. Петрова.

Пётр Поликарпович родился в 1892 году в глухом таёжном селе Перовское Енисейской губернии. До 1915 года он сеял с отцом пшеницу, объезжал коней и делал всё то, что делали несколько поколений его предков. Судьба его казалась определённой и ясной, как летний солнечный день, как бесконечная даль над безбрежным русским полем. Он готовился жить и умереть там же, где родился – среди необъятных сибирских просторов, под родным небом, лечь в ту же землю, где уже лежали его деды и прадеды. Но грянула революция! Как позже писал Петров, «революция перевернула, разбила вдребезги сложившиеся понятия о жизни, о законченности исканий». В 1917 году он находится среди защитников Белого дома в Иркутске, до последнего сражается с юнкерами и чудом остаётся жив. В 1919-м Петров – один из руководителей мощного партизанского движения, охватившего огромную территорию Красноярского края и Восточной Сибири. В 1924-м он заканчивает Красноярский институт народного образования, а в 1927-м публикует первое своё произведение – поэму «Партизаны» (встретившую горячий отклик читателей). В 1931 году он уже известный писатель, ведущий активную переписку с Максимом Горьким и пользующийся его поддержкой. В середине тридцатых Пётр Поликарпович Петров – один из столпов Сибирской литературы, член Правления Иркутской писательской организации и редколлегии журнала «Будущая Сибирь», делегат писательских съездов и непререкаемый авторитет не только в писательских кругах, но и во всех других кругах, какие тогда были. Ему уже за сорок, жизнь кажется удавшейся, единственно верной и незыблемой.

Но 8 апреля 1937 года его неожиданно арестовывают. И сразу начинают «шить дело» о вредительстве и терроризме. Однако, добиться от бывшего партизана чистосердечного раскаяния следователи не могут, к тому же, самих следователей вскоре объявляют врагами народа (и расстреливают одного за другим – капитана ГБ НКВД Рождественского, капитана Исакова и лейтенанта Котина). Эта же участь постигла и начальников Областного Управления НКВД, возглавлявших это ведомство с 1930 по 1940 годы (Зирниса И.П, Гая М.И, Лупекина Г.А. и Малышева Б.А.); все они были объявлены заговорщиками и тогда же казнены.

Попутно заметим, что в апреле 1937 года были арестованы ещё три ведущих писателя Восточной Сибири – поэт Александр Балин (руководивший центральным литературным объединением Иркутска), председатель правления писательской организации Михаил Басов и старейший иркутский писатель Исаак Гольдберг (отбывавший ссылку ещё при царе). Все они очень быстро признались в несуществующей вине и были расстреляны: Александр Балин – в декабре 1937-го, Михаил Басов – в июне 1938-го, Исаак Гольдберг – в декабре 1939 года. Все трое покоятся на так называемой «Даче лунного короля» – в месте массовых захоронений возле посёлка Пивовариха под Иркутском (в тридцатые годы здесь была спецзона УНКВД, остатки колючей проволоки до сих пор можно увидеть на деревьях). В 1937 году в Иркутске также были уничтожены руководители партийных и советских органов: секретарь оргбюро ЦК ВКП(б) Восточно-сибирского края Ф.Г. Леонов, первый секретарь крайкома ВКП(б) М.О. Разумов, его первый заместитель Коршунов, секретарь Горкома ВКПб Казарновский, второй секретарь крайкома ВКП(б) – Козлов, второй секретарь Иркутского ГК ВКП(б) – Н.М. Горбунова, председатель Иркутского горсовета и член ВЦИК Н.В. Камбалин, секретари городских райкомов партии: Шеметова, Сахарова, Жук, секретари крайкома и обкома ВЛКСМ – Кушаковский, Захарова и Беспрозванных, секретарь Иркутского ГК ВЛКСМ Игнатов – и многие многие другие. По сведениям (содержащихся в открытых источниках), в застенках Иркутского Управления НКВД было расстреляно: в 1937 г. – 11 707, в 1938 г. – 11 517 человек. Всего 23 224 человека. И это за неполных два года!

Тела их, кое-как присыпанные землёй, вот уже почти восемьдесят лет покоятся в огромных рвах-накопителях возле Пивоварихи.

Ну а Петру Поликарповичу, можно сказать, повезло. Его не расстреляли сразу. Следствие по его выдуманному, насквозь фальшивому делу длилось долгих три года – с апреля 1937 по апрель 1940 года.

Сохранилось его заявление на имя Сталина, написанное 16 марта 1939 года, вот его начало:

«Я арестован 8 апреля 1937 года. Почти два года длится следствие, и конца его я не вижу. Писать Вам лично вынуждает крайняя необходимость и то, что я еще не утратил веру в справедливость, в Советскую власть. Представьте на минуту положение человека, в течение двух лет не знающего, что с ним будет, ежечасно ожидающего неведомых бедствий, внушающего себе самый ужасный, кошмарный конец. До сего дня я не прочел в тюрьме ни одной книги, не имею никакого труда, содержусь в камере (бывшей одиночке) без естественного света, в сообществе 6-10 человек, с внутренней парашей, которая зачастую течет от переполнения. К тому же за время заключения я совсем не имею возможности пользоваться ежедневной прогулкой, хотя бы по несколько минут. На неоднократные просьбы к прокурору и Управлению о разрешении мне заниматься литературным трудом я также не получил ответа.

Это полное неведение своей судьбы невольно приводит к пагубной мысли, что в одиночной камере одиночного корпуса я кончу свои дни. Иных перспектив не вижу. Может быть, я ошибаюсь, но таков строй мыслей арестанта, законсервированного на годы, поставленного в самые тяжелые условия, не знающего за собой никакой вины...»

И ещё цитата из этого же заявления; из этого отрывка видно, как в Иркутском УНКВД образца 1937 года добывались признания подследственных:

«В начале ареста (в апреле 1937 г.) следствие предъявило мне обвинение в том, что я состоял в контрреволюционной организации бывших красных партизан, возглавляемой Яковенко. В мае и июне того же года обвиняло, что я участник контрреволюционной организации, возглавляемой местным

крайкомом и крайисполкомом. В те же дни следствие потребовало назвать лиц, которых я завербовал. Таким образом, получалось, что я состоял в трех организациях. Но когда мною было заявлено следствию, что никаких контрреволюционных организаций мне даже во сне не снилось, начальник отдела капитан Рождественский угрожающе сказал: если я буду «запираться», то немедленно будет арестована моя жена, дети и из меня «вымотается» не только душонка, но и кишки. «Вы должны дать мне не менее как пятьдесят контрреволюционеров», – категорически потребовал он. После указанного допроса меня забросили в камеру без естественного освещения, с промерзлой стеной и не вызывали до сентября 1937 года».

Это заявление не имело для П.П.Петрова никаких последствий, несмотря даже на то, что капитан Рождественский вскоре был признан врагом народа и расстрелян 19.06.1938 г. Логика во всех этих следствиях и приговорах нет никакой; как будто работала без устали огромная разделочная машина, или какое-нибудь чудовище глотало и перемалывало живых людей и всё никак не могло насытиться человеческой кровью.

В 1940-м Петра Поликарповича судит так называемое «Особое совещание» в Москве и заочно (в глаза не видя обвиняемого) определяет ему срок наказания – восемь лет лагерей (по универсальной 58-й статье). И уже через несколько дней его отправляют поездным этапом на страшную Колыму, где он за неполный год успевает сменить два совершенно жутких лагеря, побывать в центральной колымской больнице (где он получил инвалидность) и совершить побег с Арманской обогатительной фабрики, расположенной на реке Армань в районе Тенькинской трассы в двухстах километрах севернее Магадана). Но бежать на Колыме некуда (да и после золотого забоя не шибко-то побежишь). Через три недели Петрова поймали, судили военным трибуналом и расстреляли (место расстрела неизвестно до сих пор). А шестнадцать лет спустя, в марте пятьдесят седьмого, последовала полная реабилитация Петра Поликарповича Петрова. Невиновен! Убит напрасно. Все обвинения в терроризме и вредительстве – вздор и дичайший поклёп на честного гражданина своей родины. Ещё через тринадцать лет на доме, в котором жил Петров (ул. Марата, 29),

была установлена мемориальная доска (митинг, посвящённый этому событию, открывал ответ-секретарь писательской организации Л.А. Кукуев).

Мемориальная доска на доме в Иркутске по ул. Марата, 29

А когда в 1978 году на улице Степана Разина открылся Дом литераторов, ему с полным основанием присвоили имя Петра Поликарповича Петрова. Именем Петрова также названа одна из иркутских улиц, его имя носит школа в селе Партизанское Красноярского края (бывшее село Перовское, в котором Петров родился), а в Красноярском литературном музее создан целый отдел, посвящённый жизни и творчеству Петра Поликарповича (здесь я должен поблагодарить начальника отдела информации, публикации и научного использования документов Госархива Иркутской области Елену Ильину, также ведущего специалиста Красноярского краевого краеведческого музея Галину Толстову, а также руководителя краеведческого музея в посёлке Усть-Омчуг Инну Васильевну Грибанову – за предоставленные материалы о П.П. Петрове и об Арманской обогатительной фабрике).

Произведения Петрова до сих пор привлекают внимание ведущих критиков. Совсем недавно крупное московское издательство выпустило в свет его роман «Борель». Известный сибирский литературовед и книголюб – Василий Прокопьевич Трушкин – самым внимательным образом изучал творчество

писателя, он затребовал два следственных дела Петрова – из Иркутска и Магадана, – а затем написал несколько великолепных статей и очерков, в которых не только разобрал литературные достоинства произведений Петрова, но и его судьбу – трагическую и, во многом, поучительную. Однако, последний год жизни писателя – самый страшный год – всё-таки остался для нас тайною за семью печатями. Мы почти ничего не знаем ни о лагерях, ни о побеге, ни о казни Петра Поликарповича Петрова. И я решил ехать – туда, где по воле злого рока побывали миллионы советских граждан и где до сих пор безымянные могилы хранят нетленные трупы сотен тысяч безвинно убиенных людей.

ЧАСТЬ 2

ИСТОРИЯ
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО
МУЗЫКА
ЛИТЕРАТУРА

Азарий Мессерер
Нью-Йорк, США

И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН. НА СМЕРТЬ ПЕТРА ПАТРУШЕВА

В издательстве M-Graphics, Boston, вышла книга «Я разговариваю с ними» нашего постоянного автора Азария Мессерера. С одним из 44-х очерков, составляющих эту книгу, мы знакомим читателей.

... С ним ушла в небытие большая часть жизни моей семьи. Я говорю о своем зяте Петре Патрушеве, человеке героического склада и судьбы, в одиночку вступившем в противоборство с бесчеловечной советской системой и вышедшем победителем в неравной, казалось бы, безнадежной борьбе.

Излюбленный сюжет американских вестернов – борьба героя-одиночки с силами зла, будь то природные стихии, гангстеры или тирания власть имущих.

Вестерны повествуют, как правило, и о тяжелом детстве и юности таких героев, о том, как их закаляла борьба с лишениями, в избытке выпавшими на долю первых поселенцев, когда они обживали новые просторы Америки.

Независимые и свободолюбивые люди, похожие на американцев с «Дикого Запада», появлялись и в Сибири, ведь предки коренных сибиряков не знали крепостного права, а если и знали, то бежали от него. Сибирь дала миру немало самородков, покорявших своим талантом и мужеством, и одним из таких самородков можно считать Петра Патрушева. Книга его мемуаров под названием «Приговорен к расстрелу» была выпущена в 2005 году издательством «Нева» в Санкт-Петербурге.

На обороте обложки мы читаем: «Автор книги, Петр Патрушев – человек-легенда. История его побега из СССР в 1962 году вошла в секретные учебники разведок мира и, прежде всего, КГБ. 20-летний сибирский юноша совершил невероятное: без специального снаряжения, в одних трусах и допотопных лаптах переплыл почти 30 км хорошо охраняемой русско-турецкой границы». Открывая книгу, мы уже знаем, что ее автор совершил почти невозможное. Он стал единственным

человеком, который сумел бежать из Советского Союза, проплыв по Чёрному морю сложный маршрут длиной десятки километров, от приграничного курортного города Батуми до Турции. Но ведь и в лучших вестернах мы тоже заранее знаем об успешном конце и тем не менее смотрим их с неослабным интересом. Я не случайно сравниваю мемуары Патрушева с приключенческим фильмом, потому что они читаются на одном дыхании, оторваться просто невозможно, события описываются с кинематографической точностью и в кинематографическом темпе, и уже по прочтении первых глав вы замечаете, что по этой книге можно сделать хороший фильм.

Петр Патрушев

Этот легендарный заплыв мог быть осуществлен только атлетом, хорошо подготовленным и физически, и психологически к невероятному испытанию. И дело не столько в сильных течениях или подъёмах ледяной воды со дна. Главное было проплыть незамеченным сквозь невидимый заслон границы, необходимо было обойти сети, поисковые прожекторы, камеры наблюдения, радары и патрульные катера, вертолеты и самолеты пограничников, да еще и военные базы подводных лодок, что удлиняло и без того невероятный

маршрут в несколько раз. Приведу маленький отрывок, из которого читатель наглядно увидит смертельную опасность, поджидавшую Петра во время его уникального заплыва.

«Включился первый прожектор. Он хлестнул море подобно щупальцу гигантского осьминога. Я глубоко нырнул, чувствуя, как растет давление в ушах. Все мои тренировки, испытания на пляже будто бы испарились. Теперь я остался с опасностью наедине, без всякой подстраховки. Вынырнул на поверхность, задыхаясь. Если так реагировать на каждый прожектор, далеко не уйти. Напомнил себе: просто лежать чуть-чуть под поверхностью воды, распластавшись, как медуза, чтобы сберечь силы и не быть обнаруженным.

Почти тотчас же луч прожектора опять прошел надо мной. Я нырнул, на этот раз не столь глубоко. «Медуза, – повторял себе, – медуза». В промежутках между ныряниями быстро плыл, чередуя свободный стиль и движение на спине.

Радость, которую я испытывал поначалу, испарилась.

Впереди и позади прожектора полосовали море. Время от времени луч неожиданно двигался ко мне, заставляя держаться в тревожном ожидании. На платформах прожекторов стояли молодые солдаты с неутоленным инстинктом охотников и рыбаков. Гордые, они выловили бы меня, извивающегося, как пойманная рыба, и доставили на заставу. Там меня демонстрировали бы как военный трофей, а молодых солдат наградили, дали медали за мужество в поимке опасного беглеца, скорее всего, шпиона».

Плывя в ночи, он старался не думать об опасности, а рисовал в уме образы матери, родных, картины родной природы. Да, у него действительно было очень трудное детство. Он рос в голодной и холодной сибирской деревне, без отца, погибшего на фронте, с матерью, загрубевшей от тяжелых испытаний и свято верившей народной присказке: «Пожалеешь палку – испортишь ребенка». Спасался он от жестокой действительности, погружаясь в мир книг. «...Мои сверстники называли меня Звездочетом, поскольку я на какое-то время оказался настолько вовлеченным в научную фантастику, что искренне верил, будто то, о чем читаю в книгах, происходило наяву – где-то в лучшем, загадочном и по-настоящему интересном мире...»

Закончив техникум, Пётр, пытается попасть в университет, но не успевает – его призывают в армию. Берут его, правда, в Спортивный клуб Советской армии в Новосибирске – фабрику будущих чемпионов. Но не знал Пётр тогда, а узнает детали только 50 лет спустя, что за ним тянулась нить политической интриги. Его и его тренера, Генриха Булакина, возненавидел за своеволие и вольнодумство директор Томского бассейна, бывший соратник Берии, сосланный на синекуру в Сибирь после разгрома бериевской мафии. Один звонок от него в новосибирский КГБ, и Патрушева из Спортивного клуба неожиданно переводят в обычную воинскую часть. Там ему угрожает расправой старшина за то, что он защитил от него приятеля, которого тот пытался ударить.

Чтобы спастись от увечий или даже смерти, Петр решает прибегнуть к хитрости и выдать себя за психически больного. Ему удастся обмануть врачей, и он попадает в Томскую психиатрическую больницу. Но укрыться там надолго не удастся: друзья, студенты-медики, сообщают о том, что врачи собираются «лечить» его сильнейшими препаратами. И тогда в одном больничном халате Пётр бежит из психушки в единственное куда безопасное место – в дом своего тренера по плаванию. Впоследствии Пётр сильно переживал из-за того, что навлёк на своего спасителя преследования властей, и в течение многих лет стремился посильно помогать материально ему и его близким.

Описание дерзкого побега занимает лишь две главы книги, за которыми следует пересказ и других злоключений, непредвиденных, тяжелых – и поразительных. Скажем, полтора лет в турецкой тюрьме. Ведь Пётр был единственным пловцом за всю известную историю, который смог проделать немислимо трудный путь бегства из СССР по морю, и в Турции ему не поверили! От него требовали признать себя шпионом, заброшенным на подводной лодке с целью сбора сведений о береговых объектах. На нем тренировали турецких следователей, выдавших ему все следственные фокусы по полной программе: от бесконечных «конвейерных» допросов без сна и пищи до фиктивного расстрела холостыми патронами.

Оказавшись после всех мытарств на свободе, Петр все время стремился доказать самому себе, что его выбор правилен, что в

свободном мире ему удастся отыскать дело по душе, обрести призвание. Отсюда его постоянные искания и метания, перемена мест и профессий. Сначала работая на Би-Би-Си, Пётр потом становится ведущим собственных программ «Завтрашний день планеты» и «Внутренний мир человека» на радиостанции «Свобода». В них он обрел полную самостоятельность – писал и вещал только о том, что его глубоко волновало. А это были, в частности, защита окружающей среды, психология, восточные философские учения и, конечно, спорт, которым он серьезно занимался всю жизнь.

В книге Патрушева «Приговорен к расстрелу» много экзотики. Вместе с автором мы переносимся из России в Турцию, затем в Австралию, потом в различные страны Западной Европы и Азии, а также в США. Например, автор рассказывает, как на острове Фиджи он был почетным гостем вождя племени, которое еще несколько поколений назад занималось людоедством, как посетил калифорнийскую коммуну среди последователей культа индийского гуру Раджниша, как знакомил австралийских аборигенов с компьютерами. Трансцендентальной медитации он учился непосредственно у Махариши Махеш Йоги, а философ Джидду Кришнамурти оказал большое влияние на его поиски смысла.

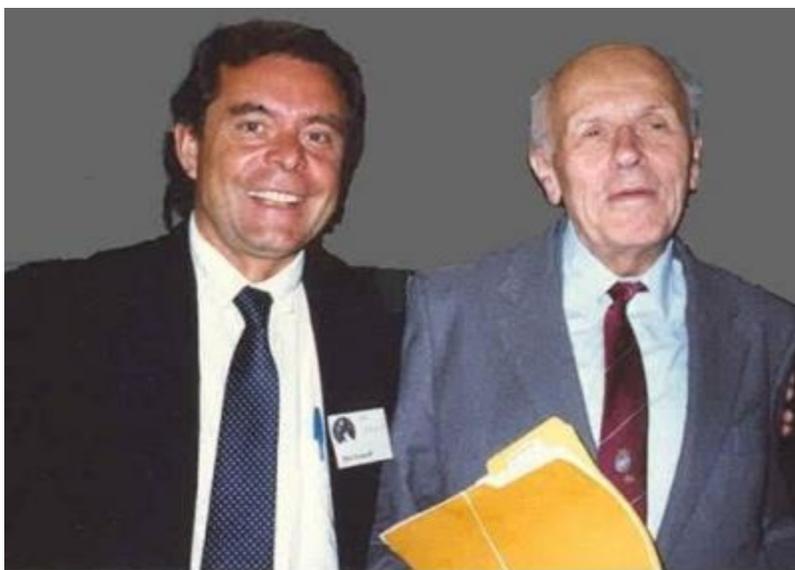
Пётр многое повидал, многому научился, свободно овладел несколькими языками, включая турецкий. Однако нигде в книге мы не находим и тени самолюбования. Наоборот, он не стесняется писать о своих недостатках, душевных кризисах, депрессии.

После реабилитации, то есть отмены расстрельного приговора, Пётр девять раз побывал в России и в девяностых годах работал старшим консультантом по вопросам бывшего в СССР Объединения по разрешению конфликтных ситуаций Стеллы и Хелен Корнелиус (Conflict Resolution Network, CRN), которое стояло у истоков Миротворческого и конфликтологического центра Сиднейского университета. Пётр был основателем центра CRN в Москве и опубликовал собственный перевод книги, изданной CRN, «Everyone Can Win» («Выиграть может каждый»).

В Австралии, получив университетское образование, Патрушев стремится познакомиться с новейшими исследованиями в различных науках, прежде всего в биологии, психологии и альтернативной медицине. Помимо книг, ему помогли многочисленные встречи с учеными, о которых он рассказывает в своей книге. Запоминается, например, яркий портрет знаменитого ученого из Аризоны профессора Эндрю Уэйля, советам которого о том, как прожить дольше и полнее, реализуя свой потенциал, был посвящен целый номер журнала «Тайм». Параллельно Петр заслужил широкую репутацию синхронного переводчика и в этом качестве работал на известнейших телеканалах ABC и SBS, на многих международных конгрессах и симпозиумах. Именно ему было поручено переводить премьер-министрам Австралии Кевину Радду и Джону Говарду на встречах, соответственно, с Михаилом Горбачёвым и Владимиром Путиным. Я сам был синхронным переводчиком, и мне оставалось только восхищаться и профессионально завидовать его мастерству. Думаю, что, помимо врожденного дарования и благоприобретенных навыков быстрого переключения с темы на тему, с языка на язык, высочайший класс в синхронном переводе был достигнут им также благодаря эрудиции – обширным и разнообразным знаниям.

И, разумеется, поразителен тот факт, что Петр написал несколько книг на английском языке, в том числе футуристический роман «Project Nirvana: How the War on Drugs was Won» («Проект «Нирвана»: как пришла победа в войне с наркотиками»). Это сатира, дистопия о социальном практическом эксперименте по достижению всеобщего мира и завершению бессмысленной войны с наркоманией.

Его книга «The Transcendent Ape» («Трансцендентальная Обезьяна») была последней, о ней он говорил так: «Я описываю условия существования человека с точки зрения истории глобальной эволюции – истории примата из класса млекопитающих, подвергшегося невероятной селекции, которая обусловила его выживание в том виде, в каком он дошёл до наших дней, со всей его тягой к геноциду и экоциду наравне с его величайшими достижениями науки и искусства».

Петр Патрушев с академиком Андреем Сахаровым

Один из визитов Патрушева в Москву совпал с провалившимся путчем 1991 года, и он с радостью присоединился к ликующей толпе у Белого Дома. Но его впечатления от сегодняшних будней России полны грусти. Похоже, что свобода выбора обернулась трагедией для многих на его родине. Он пишет: «Наш закрепощенный народ, не привыкший к самостоятельному принятию решений, не нашел сил справиться с этой свободой... Одна надежда: Россия всегда славилась талантами...».

После долгих испытаний Петр Патрушев нашел и личное счастье: он женился на Алисе Мессерер, моей дочери, и вместе с сыном Андреем они поселились на берегу Jervis Bay, одного из самых красивых заливов Тихого океана, в Австралии. Там он вполне мог оценить мудрость китайского философа Чжуан-цзы, которую приводит в заключительной главе книги: «Когда обувь по ноге, забываешь о ноге, когда пояс по талии, забываешь о животе, когда сердце на месте, уходят сомнения».

Я регулярно (раз в два года) прилетал к ним, в Австралию, и постоянно разговаривал с Петром по Скайпу. Мы путешествовали по стране – Петр за рулем автомобиля, и я

узнавал от него массу интересных сведений о его второй родине (описания некоторых достопримечательностей вы найдете в моем очерке об Австралии). С ним всегда было легко – любые трудности он мгновенно отметал своим любимым выражением: «No problem» – и в самом деле быстро находил выход из непредвиденной ситуации. Петр любил исполнять своим звучным и красивым баритоном русские романсы и песни. Ко всему прочему, он был прекрасным педагогом: я был очень благодарен ему за то, что он научил и меня, и моего внука плыть правильным кролем на дальние дистанции. «Главное, – говорил он, – овладеть скольжением по воде, без лишних усилий».

Петр скоропостижно скончался 28 марта 2016 года от инсульта, случившегося на пляже Murrays Beach в обожаемом им заливе Jervis Bay.

О его жизни можно посмотреть документальный фильм на YouTube: «The Man who Swam from Russia» («Человек, который уплыл из России») режиссёра Майка Руббо, можно послушать интервью с ним на русском языке а также на английском – по каналу ABC с прославленным журналистом Ричардом Фидлером. «Жизнь русского переводчика Петра Патрушева похожа на приключенческий роман... Пётр удивительный, незаурядный человек, прославивший Австралию», – отметил Фидлер.

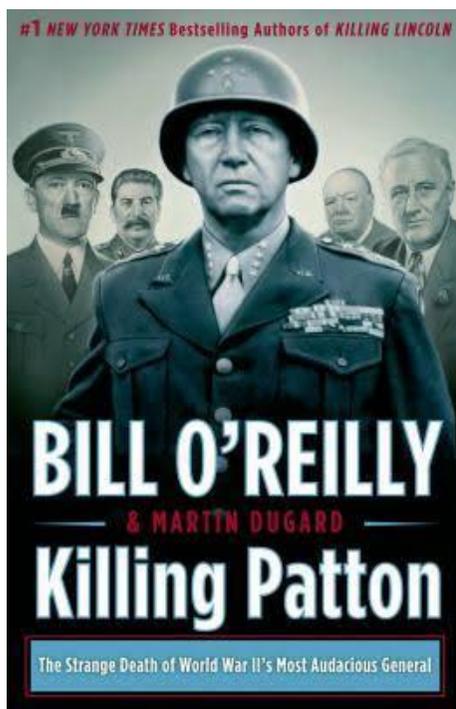
Виталий Городецкий
США

КНИГА О ГЕНЕРАЛЕ ПАТТОНЕ

The writer's convictions, perhaps fantastically held, must be tamed by [ultimate] truth. (Убеждения, которым пишущий фантастически повержен, следует укрощать истиной.)
Saul Bellow

Безусловная правдивость – махровее всякой лжи.
А.Ю. Арэфьев

Книга «Убийство Паттона» («Killing Patton») была написана в 2014 году и разошлась многомиллионными тиражами, удерживаясь в списках бестселлеров в течение 52 недель, почти год. Написал её один из самых популярных телевизионных ведущих в США Билл О'Райли. К работе над книгой он привлёк Мартина Дугарда, не раз работавшего с ним ранее и, со слов самого О'Райли, самого надежного и дотошного из всех расследователей, с кем ему пришлось работать. Эта книга продолжает авторскую серию расследования убийств, завоевавшую популярность в США: «Убийство Линкольна» (2011г.), «Убийство Кеннеди» (2012), «Убийство Иисуса» (2013), «Убийство Паттона» (2014), и, наконец, «Убийство Рейгана» (2015) – по убийству в год. Какое новое убийство замышляет сейчас этот известный журналист?

«Убийство Паттона» невозможно назвать полноценной биографией известного генерала. Скорее, это история предполагаемого убийства генерала и всего, что с этой историей, по мнению автора, связано каким-либо образом. Не

будем судить автора за склонность к теории заговора, тем более, что книги с таким скандальным подтекстом приобретают в США громкую и устойчивую славу. Личность генерала неизбежно становится центральной темой «самой эпической книги» серии, как убеждает нас издательство в своём предисловии. И не удивительно. Генерал Паттон приобрёл легендарную, неоспоримо мифическую славу лидирующего американского военачальника непревзойдённой смелости, блестящего полководца времён 2-ой мировой войны (новый танк, созданный сразу же после войны, получил его имя).

Многочислены примеры устоявшегося до стереотипа национального обожания этого генерала. Приведу лишь несколько. В 1995 г. была переиздана книга Дж. Паттона, впервые увидевшая свет в 1947. В редакторском предисловии отмечается, что генерал был «самым блистательным военным стратегом в истории» и подчёркивается, что публикуемые материалы показывают, насколько он был «человеком бескомпромиссной воли и необычного характера, что сделало его личность и имя известными каждому американцу (household name)». Газета «Нью-Йорк Таймс» написала в 1945 году о Паттоне в некрологе: «Генерал Джордж Смит Паттон-мл. был одним из самых выдающихся солдат в американской истории. <...> Нацистские генералы признавались, что из американских военачальников его боялись больше всех» (Например, немецкий генерал-фельдмаршал Герд фон Рундштедт, в ответ на просьбу журналистов оценить союзнических полководцев, признал: «Паттон, он был вашим лучшим.») Другой яркий пример: популярный американский актер Дж.Гордон-Левитт вспоминал в интервью с Олегом Сулькиным для «Голоса Америки», что режиссёр недавнего фильма об известном в прошлом французском канатоходце (без страховки прошедшем меж двух небоскрёбов Торгового Центра в Нью-Йорке), говорил ему, что персонаж его смельчака-канатоходца близок к персонажу Дж.Скотта, игравшего роль Паттона в одноименном фильме: «Одержимый идеей сильный одиночка, блистательный безумец». Вот ещё один, из опубликованного в «Чайке» интервью с бывшим бригадным генералом Полом Тиббетсом, прославившимся тем, что 6 августа 1945 г. он впервые в истории цивилизации сбросил атомную бомбу на Хиросиму. И

вот что один печально легендарный военный вспомнил о другом, ещё более легендарном, Дж. Паттоне. Лётная карьера Тиббетса началась в Форте-Беннинге, где ему «повезло служить вместе с полковником Джорджем Паттоном, будущим легендарным полководцем. Паттон был яркой личностью. Он вырос в роскоши, точно так же вел себя в армии. В Форте-Беннинге Паттон построил шикарный дом, при переводе отдал виллу армии». Подобного рода «суперлативных» примеров не счесть. Многочисленные военные победы и удачи во 2-ой Мировой войне сначала в Африке, а затем и в Западной Европе принесли генералу заслуженную славу и многочисленные награды.

Очевидно, это одна из причин, почему лишь немногие комментаторы рискнули высказаться критически об «Убийстве Паттона». Отмечалась рыхлость, хаотичность структуры книги – замечания, легко прощаемые критикам. Среди немногих Ричард Коэн, пишущий для Вашингтон Пост, оказался решительным в критике автора за его «отталкивающее обожание догматичного вояки-генерала, боровшегося с нацистами и никогда не понимавшего почему. Джорж Паттон стоял плечом к плечу с ними (нацистами) в его антисемитизме – не то, чтобы О'Райли не заметил этого, он по этому поводу не обмолвился вовсе». Замечание, стоящее того, чтобы на нём остановиться.

Антисемитизм Паттона – особого рода. Генерал не проявлял его демонстративно в публичных высказываниях. Однако он был абсолютно искренним в письмах к своей жене Беатрис и в дневниковых записях. Что ещё более зловеще, что эти взгляды проявлялись в его поведении (которое один из биографов назвал «биологическим антисемитизмом»). После поражения Германии в 1945 г. Паттон был назначен главным по управлению лагерей для ДР (displacement persons – перемещённых лиц) в южной Германии. Сохранилась возмущённая реакция на лагерную ситуацию президента Харри Трумэна в его письме Д.Эйзенхауэру: «На сегодня мы в отношении к евреям выглядим так, как нацисты, за тем лишь исключением, что мы не уничтожаем их. (Эти несчастные) тысячами в концлагерях находятся под нашей военной охраной вместо (немецких) подразделений SS». Кстати, идея военной охраны, упоминаемая

в письме, исходила как раз от генерала Паттона. В своём дневнике (запись от 17 сентября 1945) он разъяснил свою позицию: «Если их (евреев) не держать под охраной, они не останутся в лагерях, разбегутся по всей стране, как саранча, и в конце концов оставшиеся будут задержаны после того, как некоторых застрелят и немало немцев будет убито и подвержено зверскому насилию». Его же идея была использовать немцев, совсем недавно сочувственно относившихся к нацистам, для поддержания порядка и дисциплины в лагерях (в нарушение приказа Д.Эйзенхауэра о де-нацификации лагерей) и даже разрешение им занимать лучшие места на нарах в бараках – к ужасу спавших там же евреев, бывших лагерных заключённых. Реакция Трумэна, о которой говорится выше, последовала по прочтении отчёта Э.Харрисона, декана юридического факультета Пенсильванского ун-та, главы следственной комиссии, созданной по решению Конгресса США для инспектирования концлагерей. А вот реакция генерала Паттона на отчёт комиссии: «Харрисон и вся эта братия полагают, что DP это человеческое существо, по сути же это не так, и это в особенности относится к евреям, кои просто ниже животных».

Паттон расценивал расследование и заключения комиссии как результат еврейского заговора (Генри) Моргентау и (Бернарда) Баруха в Вашингтоне и записал в дневнике, что это «...явное семитское влияние в прессе... они просто пытаются навязать нам коммунизм». В цитированной уже записи Паттона от 17 сентября 1945 говорится: «Вирус, выведенный Моргентау и Барухом против всех немцев, является семитской мстью. Сейчас мне приказано выселять немецких граждан из их домов для размещения Перемещённых Лиц (DP). Этот приказ направлен на преследование германской расы, а не отдельных немцев и противоречит моему англо-саксонскому сознанию...» (справка: Г.Моргентау был министром финансов в правительстве Ф.Д. Рузвельта; банкир Б.Барух был в прошлом советником президента. Оба сыграли ключевую роль в отклонении готовившегося ранее, летом 1943 г., принятия англо-американского «антисионистского декрета».) Этим далеко не исчерпываются факты, свидетельствующие о глубоко антисемитском мировоззрении генерала Паттона.

Нет сомнения, что Дж. Паттон был продуктом американской расистской культуры, продуктом американского военного сознания, базировавшегося на идее белого превосходства. В недавнем прошлом афроамериканцы и евреи рассматривались как угроза Американскому процветанию и будущему. Эта традиция в армии просматривается еще со времён Гражданской войны, когда из 150000 евреев, проживавших в ту пору в стране, 6500 воевали на стороне Союзной (северной) армии, в то время как около 2000 присоединились к Конфедерации. Кстати, генерал Паттон вырос в богатой калифорнийской семье, славившейся участием предков на командных позициях в Гражданской войне на стороне конфедератов. Так что юный Джордж слышал немало о героическом прошлом своей семьи. Его дед рассказывал при случае об усилиях евреев по разжиганию Гражданской войны, об их уклонении от воинской повинности и как они разорили Юг. В этом свете не кажется случайным, что генерал Паттон ратовал за введение в военных обстоятельствах известного приказа №11 южанина генерала Улисса Гранта, исключавшего евреев из работы в министерстве финансов, поскольку кто-то из них был уличён в злоупотреблениях с военными поставками и спекуляциях на чёрном рынке. Весьма любопытная историческая деталь: во время Гражданской войны, с введением должностей капелланов, была учреждена армейская религиозная служба. Эти должности законодательно оговаривались для услуг военнослужащих «христианской деноминации». (Справка: заявление рабби Фишеля о его желании на добровольных началах предоставлять услуги для солдат-евреев были отклонены военным секретарем Саймоном Камероном (S.Cameron). Иудаизм как вера считался второсортным, ущербным, о чём широко писалось в газетах. Вопрос этот длительно, с сентября 1861 по июль 1862-го обсуждался в Конгрессе, в конце концов принявшего поправку к закону, в соответствии с которой служба раввинов признавалась равноценной службе капелланов.

Поначалу армейские раввины служили в госпиталях, а не в действующей армии. 1-ым военным раввином стал 54-летний Джэкоб Франкель из Филадельфийской общины Родеф Шалом. В сентябре 1862-го Президент Линкольн назначил его

госпитальным капелланом. Лично для меня было новостью прочесть в «Энциклопедии Британика», что в подконтрольной генералу Паттону 3-ей Армии не было ни одного еврейского капеллана, хотя среди служивших под его началом во время военных действий было немало евреев.

По настоянию Д.Эйзенхуэра, генерал Паттон посетил первую в освобождённых концентрационных лагерях еврейскую религиозную новогоднюю (Йом-Киппур) службу. Паттон оставил запись в дневнике от 17 сентября 1945г., отрывок из которой гласит: «...Это было празднование Йом-Киппура. Они собрались в деревянном бараке, который величали синагогой. Ожидалось, что генерал Эйзенхауэр обратится к ним с речью. Мы вошли в синагогу, переполненную мерзко пахнущим человеческим скоплением. Когда мы оказались почти на полпути к условленному (в бараке) месту, нас встретил главный раввин, на котором была меховая шапка, подобная той, какую носил Генрих VIII, но чрезмерно расшитая и отвратительно грязная. Я почти потерял сознание от кошмарной вони и тремя часами позднее даже вытошнил мой ланч, вспоминая все это». Уместно заметить, что генерал Паттон был против военного трибунала главарей нацизма под весьма любопытным предлогом. Он считал, что «It is not cricket and is Semitic», т.е. что это было бы односторонне и выглядело бы как семитская идея (мести).

Ретроспективно не кажется удивительным, что многие американские офицеры и представители военной элиты были заражены вирусом расизма. Обстоятельные доказательства тому изложены в книге 2001 г. «Еврейская угроза», написанной профессором Джозефом Бендерским, руководителем программы по изучению истории в университете штата Вирджиния. Десятилетнее кропотливое изучение материалов (многие были рассекречены лишь недавно) в более, чем 35 национальных архивах страны, позволило автору убедительно показать, как расизм и антисемитизм глубоко внедрились в мировоззрение военной элиты США в прошлые столетия и как этот зловещий феномен влиял на формирование политики правительства. Некоторые лидеры этого культа ненависти сосредоточились в M.I.D., Отделе Военной Разведки, где уже к началу 1918 г. была подробно разработана концепция

«еврейской угрозы». Автор книги отмечает, что «антисемитизм этих военных отражал предрассудки среднего американца, но армейская инерция всегда далеко отставала от прогресса социального сознания». Профессор Бендерский подробно останавливается на общеизвестном случае отказа бомбить тоннели и подъездные пути к концентрационному лагерю Аушвиц (Освенцим). Джон МакКлой, помощник военного министра США Г.Стимсона, и генерал Карл Шпаатц предоставляли зачастую лживую информацию и резкие доводы во избежание практического обсуждения подобной военной операции. Центральный аргумент – скорейшее поражение Германии в войне, а все остальные тактические операции отвлекали бы силы на второстепенные усилия. «Даже давление со стороны Совета беженцев было не в состоянии мобилизовать сколько-нибудь серьёзное обсуждение идеи бомбовой атаки», – заключает проф. Бендерский. Книга полна документов, демонстрирующих проникающую мощь расистских и антисемитских настроений в сознание армейских офицеров самых высоких рангов (многие служили военными атташе в посольствах и консулатах) и показывающих, как подобная атмосфера влияла не только на сбор разведывательной информации, но и на формирование важнейших государственных юридических и политических решений, связанных с иммиграционной судьбой Европейских евреев во время и по завершении Холокоста.

Обсуждаемые здесь качества военачальников не возникают в вакууме, а формируются годами в немалой степени воспитанием и окружающей средой. Не случайно, что подобный расистский вирус глубоко внедрился в ряды военной элиты США, офицерского преподавательского состава и кадетов Военной Академии West Point. Слушателем этой Академии был и будущий генерал Джордж Паттон. Первый год оказался неблагоприятным для него из-за проблем с общеобразовательными предметами, особенно математикой (ранее, когда Паттон посещал среднюю школу, неуспеваемость по общеобразовательным дисциплинам проявилась в ещё большей степени). Так что ему пришлось остаться на первом курсе в West Point на 2-ой год. Всё же он справился с программой и успешно 11 июня 1909 г. закончил Академию 46-

ым в выпуске из 103 кадетов. (Некоторые биографы приписывают его несдержанность, темпераментную чрезмерную вульгарность и редкое хамство результатам многочисленных спортивных травм головы в молодости. Справка: Паттон в молодые годы был участником Американской Олимпийской команды по пятиборью.)

Сильные ощущения (к ним добавляются и острые) в документальном повествовании затуманивают читательское сознание. Опытный автор О'Райли, хорошо зная своих читателей, ловко запутывает их обстоятельствами, к делу вовсе не относящимися. Читателю книгу трудно отследить что-либо в происходящем, переполненном событиями, именами, бульварными сплетнями и сведениями, определившими ход истории. Это, однако, позволяет придать разрозненному триллерному повествованию некую степень правдоподобия. Читатель узнает, например, подробности о многочисленных любовницах Сталина, Рузвельта и спутницах Паттона, о ежедневных изысканных рационах Черчилля (завтрак, обед и ужин), его регулярном обильном курении и приеме алкоголя – при всем этом, как мы узнаем, в день его 80-летия кровяное давление оказалось на зависть 120/70, и т.д. В этом контексте легко используется манипулирующее умолчание. Русскоговорящие читатели старшего поколения хорошо знакомы с советской цензурой, далеко превосходившей царскую, и исключительно изобретательным авторским умением писать между строк. Искушенный советский читатель, подготовленный к цензурным изъятиям и самоцензурным ухищрениям, выискивал в зашифрованных умолчаниях и эзоповских шарадах некий адресованный ему контекст. К сознательным умолчаниям того, с чем американский автор детально знаком, осведомлённый читатель относится, не без основания, с глубокой подозрительностью. Массовый американский читатель не отличается подобным чутьём. (И.Бродский в интервью для «Русской мысли» в 1988 году заметил не без злорадства: «Разве так редко макулатура пользуется популярностью?») Читателю, которого оставляют в неведении, нечего забывать и не о чем помнить. «Маститые журналисты нам об этом решили не рассказывать, а корыстно умолчать», – как сказал мой знакомый, хорошо знавший эту

породу журналистов. Он мне как-то напомнил о поучительных словах Плутарха в его «Сравнительных жизнеописаниях», убеждённого в том, что «человеческие добродетель и порочность не всегда заметны в самых главных деяниях, но зачастую неприметный поступок, высказывание (и, добавим здесь, записи в дневнике или в письмах к близким) лучше обнаруживают личность человека, чем сражения с десятками тысяч убитых».

Журналист Билл О'Райли, написавший о генерале Паттоне книгу в 335 страниц («настоящая правда о настоящем мужчине», как гласит предисловие) не нашел в ней места, чтобы хоть вскользь упомянуть отталкивающий и устрашающий анитисемитизм национального героя США. И это при том, что автор был прекрасно профессионально осведомлен. Он неоднократно ссылается на один из главных источников – дневники генерала и переписку с женой, переданные сыном Паттона в архив Хантингтонской Библиотеки в Пасадине. В результате «Убийство Паттона» – вовсе не историческая книга, а «нелепая хагиография» (жизнеописание святого), как её назвал Ричард Коэн. Её читают миллионы, так и не узнав полной, настоящей правды. И это в большей мере свидетельствует о самом авторе, Билле О'Райли, нежели о его кумире Паттоне.

Вместо послесловия

Я решил показать написанное одной своей давней знакомой, чтобы осведомиться о её мнении и, может быть, внести разумные поправки. Эта знакомая, переместившись в Америку, начала вдруг (и в избыточности) кичиться своим иудейским происхождением. Её мнение я воспринял с некоторым недоумением и раздражением, переросшим в негодование. Вот что она убеждённо заявила: «Своё основное назначение командующего и обязанности уничтожить как можно большее число фашистов генерал Паттон выполнил превосходно и достойно, гораздо лучше иных. Всё остальное – второстепенно, и вовсе не следует сегодня заострять на этом внимание». Мне хотелось бы услышать мнение других читателей по этому поводу.

Роман Солодов
Нью-Джерси, США

ИЗРАИЛЬ И АМЕРИКА. ЛИНДОН ДЖОНСОН

Израиль в 1960-е

В 1960-е Израиль развивался назло всем его врагам. Видит Бог, их было больше чем достаточно. Прежде всего, это все соседи, мечтающие покончить с новым государством, и Советский Союз, втайне желающий того же. Позиция арабов была честнее – они открыто заявляли о невозможности сосуществования с еврейским государством. Месть за поражения и «справедливое» воздаяние за страдания палестинцев не подразумевали другого решения, кроме как полного уничтожения Израиля. В этом вопросе арабы были едины. В их лагере крики такого рода не утихали ни на мгновение. Советский же Союз молча готовил кадры убийц в лагерях КГБ, и в 1964 году его питомцы впервые вышли на мировую арену. В Иерусалиме было объявлено о создании ООП.

Советская империя сделала ставку на арабов, увидев в них оружие для достижения своей параноидальной цели – построения коммунизма во всем мире. Веру в победу коммунизма можно объяснить злокачественным состоянием умов советского руководства. Попытка СССР втянуть арабов в противостояние двух систем заслуживает интереса. Объяснить этот выбор с точки зрения политики легко. К тому времени четко обозначились два лагеря в Европе и Азии. Если Западная Европа, преодолев левизну, вызванную победой СССР над Германией, встала под знамена США, то Ближний Восток открывал возможность для бескомпромиссной борьбы за сферу влияния. В том регионе можно было найти лидеров, наиболее подходящих для этой цели.

Достаточно привести только один пример: Гамаль Абдель Насер. Наиболее яркая личность того периода среди руководителей стран Ближнего Востока. Насер был умен, он понимал, что надо проводить реформы – он их пытался провести и достиг определенного успеха, но изменения

средневековой ментальности людей не добился. Да и не мог, ибо сам был плоть от плоти этой ментальности. В частной беседе Е. Примаков, бывший тогда журналистом на Ближнем Востоке (под таким прикрытием он тогда работал), сказал, что главной причиной поражения арабов в Шестидневной войне было столкновение двух веков: двадцатого и семнадцатого. Он рассказывал в деталях, в каком состоянии была арабская армия. Но в «Правде» писал о героическом сопротивлении арабов израильской агрессии.

Насер долгое время носился с идеей панарабизма, желая объединить арабов в одно государство. Поначалу он даже добился успеха, создав из Сирии и Египта Объединенную Арабскую Республику. Советская печать, приветствуя этот шаг, стыдливо забыла упомянуть, что подавляющую часть сирийской компартии Насер, не мудрствуя лукаво, утопил в Средиземном море. Точно так же в свое время поступали большевики с офицерами царской армии. Попытался он втянуть в свою орбиту и Йемен, но не вышло. Племенные традиции этой страны оказались сильнее его идеи объединения. Об этом приходится писать, потому все его действия были направлены против Израиля и, объединяя арабов, он хотел создать единый фронт против евреев. «Мы вернем землю Палестины. Она будет насыщена кровью», – заявлял он. Ему не надо было даже уточнять, чьей кровью он хочет насытить землю Израиля.

Наверно Насер не заслуживал бы такого внимания, не будь он самым непримиримым врагом еврейского государства. Он, можно сказать, воевал с Израилем всю жизнь и каждый раз терпел поражения. После Шестидневной войны он объявил Израилю войну на истощение – он ее тоже проиграл, и остановила его только смерть в 1970 году.

В этой ситуации интересен мотив его поступков. На поверхности лежит антисемитизм, корнями уходящий в мусульманскую традицию отношения к евреям. Однако, если копнуть глубже, то можно предположить, что была еще одна важная причина для ненависти – евреи его постоянно били. Душа его покоя не находила, злоба его росла и постепенно затмевала ему разум. Он так и не понял, что имеет дело с противником, который ему не по зубам. Как же так! Их же так мало, и армия у них меньше, и оружие у Египта самое

современное, и в союзниках у Египта все соседи Израиля, и русские всегда готовы поддержать... Все, казалось бы, против евреев, а они все равно бьют его, бьют и бьют!

Но хватит о нем. Сегодня хочется поговорить о *другом* Израиле. Мы как-то привыкли к тому, что еврейский народ – это отличный солдат, разведчик, контрразведчик, строитель, мелиоратор, изобретатель, осваивающий пустыню пионер... перечислять можно долго. В общем это народ, обладающий всеми качествами, необходимыми для выживания и развития.

А как обстояло дело с развитием культуры и науки в Израиле? Если не касаться деталей, то можно смело заявить, что это развитие полностью соответствовало прогрессу еврейского общества после образования Израиля. Стране не пришлось начинать с нуля. Израилю «достался» народ, который, если можно так выразиться, всегда учился. О евреях нельзя сказать: «Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь». Поэтому профессионалы высокого уровня в самых разных областях человеческой деятельности всегда оказывались под рукой. Культура и наука не стали исключением.

Начнем с основы всякой культуры – образования. С этим вопросом оказалось все в порядке. Впрочем, удивляться не приходится. Образование в еврейских семьях всегда было основой воспитания. Еврей должен был по меньшей мере уметь читать Тору. Недаром евреев называли народом Книги. И эта традиция передавалась из поколения в поколение, из века в век.

В Советском Союзе сложилась обратная ситуация. Тора была запрещена, но общеобразовательные учебники были доступны всем, и евреям не пришлось себя ломать. Они учились независимо от места проживания. Евреи изучали Тору подпольно, кое-кому пришлось пройти через лагеря.

Европейское светское образование свою роль сыграло. Прибывшие в Израиль дети шли в классы соответствующие их возрасту, поэтому количество выпускников школ в Израиле стабильно росло вместе с ростом иммиграции и развитием экономики. Все большее число молодых людей шло в высшие учебные заведения. Если в сорок девятом году в Израиле училось тысяча шестьсот студентов в двух университетах, то в семьдесят пятом их количество превысило сорок семь тысяч в

семи высших учебных заведениях. В том же семьдесят пятом специалистов с высшим образованием в Израиле было пятнадцать процентов от всех работающих. Один из высших показателей в мире. Надо отметить, что весьма существенную долю в эти пятнадцать процентов внесли иммигранты, приехавшие в страну после 1948 года уже имея высшее образование.

Не зря же совсем молодое государство смогло создать оружие, на разработку которого у других стран уходили годы и годы.

Бомба может служить ярким примером научного успеха. Хочется вспомнить историю еще времен Кеннеди, когда президент дал согласие на поставку ракет класса земля-воздух в обмен на проверку предприятия в Димоне. Бен-Гурион понимал, что американская инспекция может подорвать доверие между двумя странами, если американцы распознают истину. Он дал согласие только после того, как была проведена большая работа по маскировке фактического завода. Были возведены ложные стены, спрятаны лифты и дверные проемы, построены фиктивные объекты... Обошлось это дорого. Но цель стоила усилий. Американцы были удовлетворены. Есть подозрение, что они не очень-то искали истину. Будь это инспекция Эйзенхауэра, проверка могла закончиться иначе. Но это были люди Кеннеди. Они знали, как относится их босс к Израилю, и может, потому никаких доказательств наличия атомной программы не нашли.

Можно приводить цифры и цифры в доказательство успехов Израиля на ниве культуры. Весьма скоро количество перешло в качество. Многопрофильный институт и высшее учебное заведение имени Вейцмана в Реховоте получил всемирную известность, как и Камерный оркестр Израильской филармонии. Это только два из множества примеров вхождения Израиля в русло движения мировой цивилизации. Этот прогресс был обеспечен здоровой политикой государства по отношению к культуре. Театры и студии были не только освобождены от налогов, но и получали гранты разного уровня: от муниципальных до государственных. Общество поддерживало людей искусства. А если говорить о литературе, то Израиль вышел на второе место в мире по выпуску наименований книг на душу населения. Его писатели заняли прочное место в

обойме писателей мирового уровня. И все это произошло всего лишь за несколько десятков лет существования страны. История человечества такого не знала.

О религиозной жизни израильтян совсем коротко. Религия – это неотъемлемая часть культуры любого народа, тем более евреев. Этот вопрос весьма сложен и заслуживает отдельного разговора, ибо рамки статьи не позволяют останавливаться на нем подробно. Израиль по праву считается самой атеистической страной в мире, хотя ежедневные чтения Торы и комментарии к ним в вечерние часы передаются по радио. Раввинат в Израиле обладает большим влиянием и властью. И есть единодушное решение, что хотя бы минимальное воздействие еврейских религиозных традиций на секулярную жизнь необходимо. Но оно, это воздействие, не обязывает человека посвящать свою жизнь религии в теологическом смысле этого слова, как это делают ортодоксы. Споры о месте религии в жизни страны продолжаются на протяжении всего периода существования Израиля. Встревать в них, занимать какую-то позицию, не обладая достаточными знаниями в этих вопросах, неуместно.

И теперь мы подходим к моменту, который без преувеличения можно назвать самым славным часом Израиля. Этот час вошел в историю человечества под названием Шестидневная война. Ни один уважающий себя историк не позволит себе не упомянуть эту войну, когда речь идет о крупнейших событиях XX столетия. Эта война возвестила миру, что на арене появилась супердержава Ближнего Востока, что без Израиля в этом регионе не будет принято ни одно судьбоносное решение.

Этой войне предшествовала небывалая доселе активность Советского Союза. Он перевооружил не только Египет, но и просоветскую тогда Сирию. Доходило до прямых угроз Израилю, чего не было с 1956 года. Один из чиновников впоследствии так объяснял корреспонденту БИ-БИ-СИ советские действия: «Мы тогда считали, что если египтяне не победят, война все равно даст нам политические выгоды, поскольку египтяне продемонстрируют свою способность воевать нашим оружием с нашей военной и политической поддержкой». Но это было сказано после войны. Есть основания подозревать, что тогда Советы рассчитывали на другое – уничтожение Израиля.

Как готовилась эта война, как она началась и чем закончилась, широко известно. Хочется упомянуть два момента. Первый, это уход голубых касок из сектора Газа и их полную эвакуацию с египетской территории по требованию Насера. Генеральный Секретарь ООН У Тан был вынужден уступить, хотя это нарушало все договоренности. Просьбы США и Израиля отказать Насеру были проигнорированы Генсеком. Почти одновременно войска ООН были эвакуированы из Шарм эл Шейха и через Синай туда двинулись три египетских дивизии и шестьсот танков. Сирия мобилизовала кадетов, Ирак двинул свои бригады к границе Иордании. Еще три страны объявили о своем желании поучаствовать – Алжир, Кувейт, Йемен. Насер торжествовал! Он, можно сказать, пальцем не пошевелил, а все оказалось в его руках. Израиль не хотел этой войны, но все его обращения остались безответными.

И второй момент – восстановление блокады проливов. Вот это оказалось судьбоносным решением. Угроза Израилю была смертоносной, ибо Эйлат стал важным торговым центром в Ближнем Востоке. Залив Акаба считался международным морским путем. Потом стало известно, что даже Москва, поддерживавшая Насера, была в ярости, ибо Насер это сделал на свой страх и риск. Когда же приехал маленький У Тан, чтобы отговорить Насера от этого шага, диктатор заявил, что «он смывает последние грязные пятна тройной агрессии 1956 года».

У Израиля были развязаны руки. Голда Меир, выступая в 1956 году перед Генеральной Ассамблеей ООН, предупредила, что Израиль будет защищать свое право на свободный проход судов силой.

23 мая произошла всеобщая мобилизация. Занятия в школах были сокращены, и старшеклассники пошли работать почтальонами. Тысячи израильтян заплатили налоги авансом, чтобы у страны были деньги. В Министерство обороны присылали свадебные кольца для передачи их в фонд обороны. Где-нибудь такое мир видел?

Неделя прошла в бесплодных переговорах. Аба Эбан (министр иностранных дел Израиля), посетивший три западных столицы, был в Нью-Йорке на заседании Совбеза, который в очередной раз продемонстрировал свою импотенцию. Он вернулся ни с чем. Но страна даром времени не теряла, ибо евреи понимали,

что им ничего не светит. Было создано правительство национального единства, и пост министра обороны занял Моше Даян. Вера народа в гений этого полководца была абсолютной. Новость о его назначении восстановила уверенность армии и народа, несмотря на то, что удавка арабских режимов сжималась вокруг Израиля. Всем, от Марокко до Саудовской Аравии, хотелось принять участие в грядущей резне. Насер был откровенен: «Проблема не в блокаде Эйлата, но в том, как уничтожить Израиль навеки». Весь мир это услышал. Весь мир смолчал!

Размер статьи не позволяет остановиться на военных приготовлениях Израиля и его врагов. На усилиях разведок и контрразведок. Но можно сказать, что Израиль готовился к борьбе не на жизнь, а на смерть. Народ знал: в случае поражения пощады не будет ни европейским евреям, ни восточным, ни детям, ни женщинам... Никому.

Сейчас даже забавно отметить, что цели израильтян в этой войне были более чем скромными. Снять блокаду, освободить Синай от египетских дивизий посредством окружения египетской армии, выдержать оборонительные бои с Сирией и Иорданией. Вопрос о возможности выхода к Суэцкому каналу не рассматривался.

Война началась пятого июня в семь десять утра приказом командующего воздушными силами генерал-майора Мордехая Нода атаковать намеченные цели. Разведка Израиля сработала идеально. Летчики знали не только расположение всех египетских самолетов, зенитных орудий, расписание полетов египтян, но и то, где стоят макеты. Независимо от расстояния все израильские самолеты прибыли к целям в одно и то же время! По существу война закончилась в семь сорок пять утра. Все остальное, как говорят, было делом техники. Результаты воздушных атак впечатляли. От МИГ-ов и «Гуполевых» почти ничего не осталось. Из 340 самолетов 300 были превращены в обломки, а 20 успевших подняться сбиты. Генерал признался потом, что такого успеха он не ожидал. Думал, что на это придется потратить день. Но этот период был потрачен на уничтожение всех арабских военно-воздушных сил, сирийских, иорданских, иракских. К ночи 6 июня Израиль уничтожил 393

самолета на земле и 22 в воздухе. Свои 26 он потерял от огня противовоздушной обороны.

Сухопутное наступление началось в восемь пятнадцать утра того же дня. Через день была освобождена Газа. В конце второго дня после непрерывной тридцатипятичасовой битвы была взломана оборона египетской армии и путь на восток и юг Синая был открыт. Эта операция Ариэля Шарона вошла в учебники всех военных академий мира.

Египет тем временем сообщал о своих *сокрушительных* победах. Этому верили во всех арабских столицах. На свою беду в это поверил и иорданский король, потерявший в результате своей глупости Восточный Иерусалим и Западный берег реки Иордан. А ведь Леви Эшкол убеждал его не вмешиваться. Сирийцы же отделались потерей Голанских высот. Это был редчайший случай, когда судьбу Голан определили жители прилегающих районов. На заседании кабинета министров, куда их доставил Эшкол (беспрецедентный шаг), они потребовали захвата высот, ибо не хотели больше подвергаться постоянному обстрелу сирийцев в «мирные» времена. Надо отметить, что Сирия не имела прав на землю Голан. Она была выкуплена еще Ротшильдами.

Захват Синая сопровождался полным разгромом египтян. Это можно было назвать бойней. За кратчайшее время были уничтожены сотни танков, орудий, тысячи машин, захвачены десятки тысяч пленных. Успех был настолько велик, что израильтяне просто вышли к Суэцкому каналу, уже не встречая сопротивления. Даян этого не планировал – зачем ему международные проблемы? но его поставили перед фактом. Не останавливаться же им было! Весь Синай был захвачен 8 июня, и Израиль получил «лучший танковый ров в мире» в виде канала.

Когда Насеру сообщили, что его авиация перестала существовать, он состряпал утку о том, что его самолеты были разбомблены американцами и англичанами. Под эту ложь многие арабские страны разорвали отношения с американцами. Ненадолго. Вообще все то, что происходило на международном уровне, заслуживает отдельного разговора, а позиция американского президента в Шестидневной войне будет рассмотрена дальше.

Израиль в 1960-е. Политика Линдона Джонсона

Будущий президент США родился в Техасе в семье дельфахристиан. Эта сравнительно малочисленная ветвь христианства заслуживает нашего внимания, ее члены отличаются хорошим отношением к евреям и считают, что этот народ должен вернуться к своим истокам и основать новое государство на том месте, где был древний Израиль. Джонсон родился в том местечке Техаса, где, как выразился один из его биографов, евреев было меньше, чем коров в Манхеттене. Хорошее отношение к евреям в его семье было нормой. Они ничем не выделялись в этом плане от своих соседей. Антисемитов среди них просто не было. Потому и для Джонсона этой проблемы не существовало.

Если отвлечься от личности президента и попробовать объяснить происхождение одного из самых гнусных предрассудков, называемого антисемитизмом, то именно пример Джонсона раскрывает природу этого отношения к евреям. В его семье не было антисемитов. В большинстве же христианских и мусульманских семей они присутствуют. Ребенок впитывает антисемитизм от своих антисемитов родителей. Те, в свою очередь, от своих родителей. И так далее ... Совсем еще недавно церковь вносила свою лепту. Только во второй половине XX столетия Римский Папа снял с евреев обвинения в распятии Христа и назвал их «старшими братьями по вере». Веками до этого церковь была одним из вдохновителей погромов и преследований евреев. И если пацан (девочка), получающий информацию о евреях от родителей и друзей по школе или по двору, не становится антисемитом, то это будет исключением, но никак не правилом. Преодолеть антисемитизм не каждому под силу. Кеннеди преодолел. Таких, как он, меньшинство. А Джонсону даже не пришлось напрягаться.

Ему с детства внушали, что помощь слабым, малым мира сего входит в обязанности христианина. И как это очевидно из его политической биографии, внушили достаточно хорошо. Линдон Джонсон навсегда вошел в историю Соединенных Штатов как автор законов о Медикере и Медикейде. Но самым главным его

достижением можно считать Билл о правах человека, когда черные получили равные права не по понятиям, но по закону. Он знал, что демократы потеряют их вотчину – Юг. Он пошел на это, ибо считал, что сильные мира сего должны помогать малым и слабым. Все три закона были направлены на помощь меньшинствам страны. Он потому бескомпромиссно дрался во Вьетнаме с коммунистическим большинством, что хотел защитить права меньшинства людей на личную свободу. Но эта война не вошла в список его достижений и нанесла огромный ущерб его имиджу. Она не была поддержана народом нашей страны.

Неудивительно, что он проникся симпатией к евреям. Ведь этот народ всегда был в меньшинстве в любой стране. Этот народ всегда был гоним, и не было у него своего дома. Потому Израиль и получил полную поддержку этого президента, что Джонсон видел новоявленную страну как маленький островок в океане арабской ненависти. И он постарался делать все возможное, чтобы этот остров не захлестнуло арабское цунами.

Еще 1939-ом, будучи начинающим конгрессменом, он собирал деньги для евреев Европы и тянул за все возможные ниточки, чтобы люди получили паспорта, пусть не всегда законным путем. Сотни были спасены! В декабре 1963-го он посетил открытие синагоги в Остине и был встречен там евреями, которых он спас перед войной. Не потускнело золото благодарности этих людей. Один за другим они подходили к нему и говорили в один голос: «Без вас, меня бы не было в живых. Вы вытащили меня оттуда».

Его отношение к Израилю выразилось уже в 1950-х, когда он стал самым молодым в истории США лидером сенатского большинства. Тогда Эйзенхауэр предал союзников, уступив советскому шантажу. В то время в политических кругах США превалировала идея равнозначного подхода к обеим сторонам конфликта. Джонсон выступил против такого отношения к Израилю. Он сумел убедить своих коллег, что нельзя предавать Израиль, наказывая его за синайскую кампанию сверх меры. Он победил в конечном счете. Да, Израиль ушел с Синая, но эмбарго сняли, и вскоре евреи получили крупные займы от американских банков. Многие отнесли это смягчение к

нежеланию Эйзенхауэра собачиться с Джонсоном из-за Израиля.

После прихода Джонсона в Белый дом тема ядерного оружия Израиля быстро сошла на нет. Уже на следующий год он увеличил военную помощь Израилю на 75% (71млн), а еще через год до 130 миллионов долларов. Это Джонсон ввел понятие американской военной помощи в ее современном виде: отныне Израиль мог покупать оружие на американские деньги. В середине 66-го года Израиль покупал виды вооружений, немислимые при прежних президентах.

Люди не могут предвидеть будущего. Знай израильтяне, настолько успешной будет грядущая война, они не стали бы предпринимать таких титанических дипломатических усилий, чтобы ее избежать. Поездка Леви Эшкола по трем столицам принесла нулевые результаты.

Де Голль сказал, что сегодня на дворе 1967 год, а 1956 остался в истории. Не надо, дескать, Израилю ссылаться на старые договоренности. В Лондоне начали говорить о консультациях с Вашингтоном и тоже дали понять, что вмешиваться в действия Насера, устроившего блокаду Израиля, они не станут. Джонсон, озабоченный ситуацией во Вьетнаме, тоже не горел желанием влезать в еще один конфликт. Он предложил план вооруженных конвоев для прохода через пролив, но не настаивал на его исполнении, и план благополучно канул в небытие. Президент хотел остаться нейтральным.

Правда, был один момент, о котором почти не упоминают. Перед самой войной разведка положила на стол президенту свою оценку ситуации. В ней говорилось, что Израиль разобьет арабов в течение пяти-семи дней. Председатель Объединенного комитета штабов позднее вспоминал, какова была реакция президента: тот предложил ему уйти, подумать и прийти снова. Джонсон поначалу не поверил в эту оценку. Но когда поверил, не стал корчить из себя миротворца, но пустил дело на самотек.

А если бы он настоял на уступках Насеру? А если бы де Голль (далеко не юдофил) вспомнил, что договора не нарушают так, как это сделал Насер? А если бы Насер уступил в вопросе блокады? Ведь уже смирились с занятием Газы... А если бы... Но всего этого не произошло к большой удаче Израиля, и война перевернула ситуацию на Ближнем Востоке.

Когда события стали развиваться по сценарию 1956 года, Советский Союз прибег к испытанному средству. Оно уже принесло ему успех в синайской войне. К шантажу. Он начал угрожать Израилю, если тот не уберет войска на прежние позиции. Но, как точно сказал де Голль, на дворе был не 1956 год. И в Белом Доме сидел другой президент. В ответ на шантаж Джонсон двинул Шестой флот к берегам Сирии, и на экранах советских радаров возникли американские авианосцы и линейные корабли. Силы были явно неравны. Советские руководители поняли, что шантаж не проходит. Бывший капитан-лейтенант оказался покруче бывшего Главнокомандующего.

После войны на одном из саммитов Предсовмина А. Косыгин спросил Джонсона, почему он предпочел трехмиллионный народ Израиля восьмидесяти миллионам арабов. Джонсон ответил кратко: «Потому что это было правильно».

К сожалению, эта война была омрачена трагическим эпизодом нападения израильтян на разведывательный корабль США возле сирийских берегов. Более часа израильские моряки атаковали это судно. Корабль был разбит, погибло 34 человека и более ста семидесяти ранено. Корабль осуществлял электронный шпионаж. В чью пользу, времени разбираться не было, подавать протесты тоже. Война требовала быстрых мер.

Израильтяне назвали этот эпизод чудовищной ошибкой, объяснили, почему она случилась. Они, конечно, не только принесли извинения, но и выплатили компенсацию в несколько миллионов семьям погибших. Американцы были взбешены. Помощник Джонсона Кларк Клиффорд, всегда придерживающийся просионистских позиций, в этот раз советовал президенту отреагировать на это так же как отреагировала бы страна в случае, будь это арабы или русские. Но Джонсон, сомневающийся в правдивости версии Израиля, все равно сгладил этот трагический эпизод. Они даже не настаивал на наказании виновных, понимая, что ничего уже исправить нельзя.

После войны Джонсон не позволил вернуть территориальный статус-кво, существовавший до нее. За что в конце концов Израиль боролся? Почему надо уступать давлению СССР?

Единственно, чем был недоволен президент, когда речь заходила о евреях и Израиле, это тем, что евреи в Штатах были активными противниками его войны во Вьетнаме. В беседе с Аба Эбаном он заметил: «Группа раввинов пришла ко мне однажды, требуя прекратить поставки во Вьетнам даже отверток, но с другой стороны, настаивая, чтобы я посылал авианосцы через Тиранский пролив для помощи Израилю».

Заканчивая статью, можно вспомнить уже ставший хрестоматийным эпизод, случившийся на похоронах Кеннеди, когда Джонсон подошел к президенту Израиля (по другой версии, к Голде Меир, бывшей тогда министром иностранных дел), и сказал: «Вы потеряли друга, но вы приобрели еще большего друга». Президент Линдон Джонсон делом подтвердил свои слова.

Даша Кашина

Киев, Украина

РЫЖИЙ ЛЕС. 30-ЛЕТИЕ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ КАТАСТРОФЫ

Что такое Чернобыль? Это – горе. Можно ли горе превратить в аттракцион? Оказывается, и это можно в наше время перевернутых нравственных понятий.

Кроме эксперимента над человеческими мозгами, я в этом аттракционе больше ничего не вижу. Туристическая программа называется «Чернобыль-тур». Далее идет комментарий: «Безопасно. Поражает!». Чем? Масштабами апокалипсиса, утверждают организаторы.

Я прочитала пожелтевшие газеты тех лет. Странно видеть советскую риторику, совсем другую жизнь. Это потом обнаружатся факты, которые взволновали общественность. Подробности опасности для жизни спасателей. А в те дни отправляли обычных пожарных на место события, и они гибли еще до приезда «скорой».

Фото с сайта «Чернобыль-Тур»

Не отменены были масштабные Первомайские демонстрации в Киеве, области и Украине. А семьи партийных сотрудников срочно эвакуировались по причине засекреченной аварии.

Реклама тура гласит:

- Чернобыльская АЭС: саркофаг, пульт управления энергоблоком, кормление гигантских сомов.
- Город Припять: «Чертово колесо», детский сад, школа, бассейн, стадион, кинотеатр «Прометей», пристань с затопленным причалом, здание милиции и СИЗО, горсовет, отель «Полесье», больница, которая приняла первых пострадавших.
- Город Чернобыль: пешеходная прогулка, осмотр техники, которая работала на ликвидации, мемориал «Звезда-полюнь», старинное еврейское кладбище.
- Секретный объект Чернобыль-2: антенны радара «ДУГА-1», военный городок «Чернобыль-2».
- Покинутые села, общение с поселенцами, вернувшимися по своей инициативе.
- Ужин.

Вы также имеете возможность заказать персональный дозиметр

и точно увидеть вашу дозу, полученную за день.

Я заинтересовалась мнением побывавших:

– За «колючкой» мы провели целый день. В трехстах метрах от старого саркофага, который стоит в том же виде, что в 1986 году. Кормили хлебом гигантских сомов в пруде-охладителе. Тех, кто видел белых китов в дальних странах, возможно, они бы и не удивили. Но на всех нас произвели большое впечатление. Мы ходили по улицам Припяти и съездили в заброшенное село Черевач. Ели в столовой ЧАЭС. Были довольны. Проголодались, и нам показалось, что дешево. А тем, кто был недоволен, сказали: «Ну вы же не едете сюда приехали».

То, что среди посетителей большинство россияне, много питерцев, подтвердило мои предположения, что программа, о которой в Украине почти не известно, работает в стиле российской психологической обработки людей, какую мы видим на ТВ, в театрах и кино. А именно в направлении чудовищного изменения морально-нравственных ориентиров.

– Да вы чё? Это выжигатель мозгов! У меня выжигание мозгов началось еще во время общения с пограничниками... А какой рыжий лес!

– Почему Припять? – задумалась еще одна экскурсантка, юная петербурженка. Не могу объяснить. Обязательно возьмите комплект непромокаемой одежды и обуви, – советует она. В тот день, когда мы приехали, был сильный дождь.

Я вспомнила, как боялись чернобыльских дождей тех лет даже за много километров отсюда. И вспоминается мне информация о том, сколько средств выделял мир на ликвидацию аварии.

Однажды я видела информацию о чернобыльской фирме аж в русском офисе Южной Африки. Всюду осели средства.

Известный журналист рассказывал мне, как он сопровождал в полете над Припятью Сороса, у которого просили денег. Тот соглашался и засыпал. Его будили и показывали в иллюминатор объекты. Спуститься туда, казалось, люди не смогут никогда...

Экскурсовод тура – писатель. Он называет себя офицером дозиметрической разведки. Говорит, что является одним из ликвидаторов. Он объясняет интерес к туру только одним: этого нигде нет. Это эксклюзивно.

Припять – унылый, заброшенный, обреченный город. За двадцать шесть лет он зарос лесом. Говорят, лес съел город.

Здания разрушаются. Их никто не будет реставрировать. Так что спешите – считают организаторы. А почему не будет? Если вы уж взялись за такой проект? Сделайте первый в мире мемориальный комплекс технокатастроф, говорю им. Это нереально, отвечают.

Так что же вы показываете? Меня заинтересовало, ездят ли на тур киевляне. Среди экскурсантов нашлось таких очень мало. Они говорят, что помнят это время смутно. В детстве им не разрешали купаться в Днепре. В школе был цикл лекций «Радиационное заражение». И это теперь им вспомнилось под потрескивание дозиметров. Странно, но на этот тур предварительная запись. Тщательная проверка паспортов. «А вы уверены, что это безопасно?» – слышу я вопрос возвратившихся из тура к организаторам. А почему водитель не разрешал входить в автобус в грязной и, как он говорил, радиоактивной обуви? «Совершенно безопасно», – говорят организаторы. У нас есть и пяти- и семидневные туры.

Хочется спросить – а вы поехали бы? Спросить вас. И еще очень многих, чьих судеб коснулась не компьютерная игра S.T.A.L.K.E.R., а события тех лет: ликвидаторов, военных, пожарных, медиков. Тех, кто выжил. И местных, покинувших дома. У последних хотелось бы спросить: вы жалеете о своем жилье. Вернетесь? В ответ, мне кажется, они горько улыбнутся.

Яков Фрейдин
США

ЛИЦО ДЖОКОНДЫ

Вот уж более 500 лет самая знаменитая и загадочная картина в мире это портрет Моны Лизы (Джоконды) работы Леонардо да Винчи. Слово «мона» это сокращение от слова «мадонна», а оно, в свою очередь, означает «моя дама» (*mia donna*). С тех пор, как художник и историк Джорджо Вазари в 1550 году подробно описал эту картину в своей книге «Жизнеописания», считается, что Мона Лиза – это 24-летняя жена флорентийского торговца шёлком Франческо Джокондо. Часто говорят о её

«загадочной» улыбке. Я этого не понимаю – улыбка, как улыбка, ничего в ней особенного нет. Как писал Вазари, когда Леонардо работал над этим портретом, чтобы Мона Лиза не скучала, сидя перед ним, он нанимал музыкантов, танцоров и прочих развлекателей. Это ей, положительно, нравилось, так почему бы и не улыбаться? Никакой тайны тут как-то не видно.

Об этой картине до сих пор не прекращаются разговоры. Некоторые подозревают, что Леонардо на самом деле написал на холсте не Мону Лизу, а самого себя в женском облике, иные считают, что там нарисована его мать. Но разумных доводов никто не приводил. В этой статье я предлагаю свою версию того, кто изображен на этом портрете. Но прежде напомним некоторые факты.

1. Картина «Джоконда» была заказной работой, которую Леонардо начал в 1503 году, в то время когда у него было весьма туго с деньгами. Поскольку он всегда был очень неаккуратен со сроками, картину он вовремя не закончил и денег за работу ему не заплатили. Но вот странность – денег не заплатили, контракт разорвали, а он тем не менее продолжал над ней скрупулёзно работать ещё по крайней мере 4 года, а по некоторым источникам – даже 13 лет.

2. По непонятной причине Леонардо с этой картиной не хотел расставаться – весьма странное отношение к заказной работе. Во времена своих странствий он всегда возил её с собой и держал при себе, как икону. Под конец жизни, несмотря на плохое здоровье (его частично парализовало), он вёз её с собой в последнюю и изнурительную поездку во Францию на осле через горы. А когда приехал, то наотрез отказался продать её своему благодетелю королю Франции Франциску I. Лишь пообещал, что король сможет её забрать после его смерти. Какая-то параноидальная привязанность к собственной работе!

3. Французский исследователь Паскаль Котт в течение 10 лет изучал эту картину в Лувре, используя самые современные технологии. Он обнаружил, что под десятками слоёв краски лица «Моны Лизы» написано лицо совсем другой женщины, на «Мону Лизу» не похожей. Котт пришёл к выводу, что это скрытое лицо и есть настоящая Мона Лиза Джоконда, а то, что всем видно на поверхности, – совсем иная женщина. Кто же

она? Быть может, Леонардо испытывал сильную привязанность вовсе не к картине, а к лицу, на ней изображённому?

Справа компьютерная реконструкция скрытого портрета (П. Котт)

4. Если взглянуть в лицо «Моны Лизы», то можно заметить, что у неё совершенно нет ни бровей, ни ресниц. Довольно странно. Когда Котт проводил свои исследования, он нашёл только один крохотный волосок, нарисованный на бровях. Однако, тот же Вазари, рассказывая об этой картине, дал нам детальное описание: *«...Ресницы, сделанные наподобие того, как действительно растут на теле волосы, где гуще, а где реже, и расположенные соответственно порам кожи, не могли бы быть изображены с большей естественностью...»* Похоже, что он говорит о какой-то другой картине. Скорее всего, он вообще не мог видеть «Мону Лизу». Леонардо умер, когда Вазари был ребёнком, а когда он вырос, «Мона Лиза» была у французского короля, к которому Вазари вряд ли имел доступ. Вероятнее всего, своё описание он делал со слов кого-то другого, который видел, как Леонардо работал над первым вариантом картины.

5. В тот самый 1503 год, когда Леонардо писал «Мону Лизу», ему заказали картину для алтаря во флорентийской церкви. На ней должны были быть изображены Дева Мария, её мать Св.

Анна и младенец Иисус. Картину эту он написал, и она сейчас, как и «Джоконда», находится в Лувре. С моей точки зрения, эта картина куда более загадочна, чем «Мона Лиза». Самое непонятное в ней – это её композиция. На ней изображена взрослая Дева Мария (ей должно быть лет 18 – по тем временам средний возраст), сидящая на коленях (!), как ребёнок, у своей мамы, Св. Анны. Младенец Иисус пытается от неё уйти, чтоб поиграть с ягнёнком. Никогда ни один художник ни до, ни после не изображал взрослую Деву Марию на коленях у своей матери (40-45 лет, то есть пожилой женщины, по меркам античности). Для Леонардо в этом был какой-то пока нам непонятный смысл.

6. Эта картина со Св. Анной в значительной степени основана на подготовительном наброске, который сейчас находится в Лондонской Национальной Галерее. Леонардо сделал этот набросок по разным оценкам где-то между 1490 и 1499 годами, то есть, когда он жил в Милане и у него гостила его мать. Набросок отличается от картины в Лувре – вместо ягнёнка там изображён ребёнок. Это двоюродный брат Иисуса, то есть Иоанн Креститель. Но тут та же странная композиция, где взрослая Дева Мария сидит на коленях у своей матери.

7. Катерина, мать Леонардо, была молоденькой крестьянкой, родившей сына вне брака с его отцом Пьеро да Винчи. Это всё, что о ней было известно. Но вот совсем недавно выяснилось, что Катерина была невольницей, вероятно, арабских кровей, привезённая в Италию, скорее всего, из Константинополя. Она была крещена и получила христианское имя Катерина. Ею владела вдова, у которой Пьеро выкупил Катерину в обмен на дом, дал ей свободу, а через 3 месяца после рождения Леонардо выдал замуж за местного крестьянина.

8. Леонардо жил с матерью до 4-х лет и был к ней нежно привязан. Но потом его забрал к себе отец Пьеро да Винчи. Его бесплодная жена хотела ребёнка, и Леонардо стал для неё сыном. Так у него появились как бы две матери, но до конца своих дней он сохранял нежные чувства и привязанность к своей родной матери. Когда Катерине уже было за 60, он привёз её к себе в Милан на долгий срок. Вероятно там же она и умерла в 1495 году. Похоже, что она была единственной женщиной, к которой Леонардо испытывал привязанность и нежность. Я вовсе не подозреваю у него эдипов комплекс, но очевидно, что он любил свою мать, а других женщин в его жизни никогда не было. Как писал более ста лет назад Зигмунд Фрейд: *«...И поэтому, может быть, жизнь Леонардо настолько беднее была любовью, чем жизнь других великих людей и других художников. Его, казалось, не коснулись бурные страсти, сладостные и всепожирающие, бывшие у других лучшими переживаниями...»*

Ну а теперь поговорим о гипотезе – кто же изображён на картине «Мона Лиза»? Подчеркну – это всего лишь теория, доказательства которой, скорее всего, никогда найдены не будут.

Смерть матери в 1495 г. глубоко опечалила Леонардо. Когда он стал делать эскизы к новой картине, где должен был быть изображён младенец Иисус, его двоюродный брат Иоанн, дева Мария и бабушка Анна, он решил увековечить свою мать, дав Св. Анне лицо Катерины. Как многие гении, Леонардо был глубоко одинок, и мать была для него самым близким человеком. В его сознании всплывали воспоминания детства, когда любящая мать качала его на коленях. Потому, он решил на колени Св. Анны усадить её дочь Марию, символизируя тем

тесную связь между матерью и дочерью. Этот набросок был выполнен на 8 листах, склеенных воедино, однако он так и не написал по нему картину. Отчасти потому, что, как обычно, его отвлекали другие проекты, а потом в 1499 г. французы оккупировали Милан. Его благодетель герцог Сфорца бежал из города, а за ним уехал и Леонардо и после долгих скитаний по итальянским городам-государствам опять поселился во Флоренции.

Во Флоренции в 1503 году он стал писать портрет Лизы Джоконда, только недавно ставшей матерью. Это его глубоко волновало, всплывали воспоминания детства, и он чувствовал некую эмоциональную связь между ней и своей матерью. Не исключено, что это ему мешало и тормозило его работу, но он все же продолжал писать её портрет. Когда все сроки прошли, муж Джоконды был разъярён и заявил, что ждать более не намерен и платить отказывается. Картина осталась у Леонардо, и он решил её изменить – переписал лицо Лизы, сделав его лицом своей матери Катерины, какой он помнил её в молодости. Катерины уже много лет не было в живых, и он писал по памяти – долгий и эмоционально мучительный процесс – фотографии в те времена не было. Чем больше он работал над портретом, тем более он привязывался к своей молодой матери на этой картине и никогда не мог с ней расстаться.

В тот же год, когда он работал над Моной Лизой, ему заказали картину со Св. Анной, её дочкой и внуком. Он решил использовать для неё свой старый эскиз, который он сделал ещё в Милане. Там у Св. Анны было лицо его матери Катерины. И опять он писал свою мать, но уже в более зрелом возрасте, и, как «Мону Лизу», писал её по памяти. Таким образом он сделал два портрета своей матери – молодой и пожилой. Это даёт нам возможность их сравнить. Если мы поместим их рядом и уравнием угол поворота и размеры, становится ясно, что на них изображена одна и та же женщина, хотя и в разных возрастах. Таким образом, можно предположить, что на картине «Джоконда» Леонардо да Винчи изобразил свою мать Катерину в молодом возрасте.

Эту гипотезу можно продолжить. Если Св. Анна – это Катерина, тогда сидящая у неё на коленях Св. Мария, это никто иной как Леонардо собственной персоной. Таким образом, он на этой картине поместил себя на колени своей матери как ребёнка. Леонардо мог проводить мысленные параллели между собой и Девой Марией: оба были девственниками, у обоих было божественное благословение – у неё произвести на свет Спасителя, у него – создать картины и изобретения. Ни Спаситель, ни творения Леонардо не были поняты людьми и приняты ими.

К сожалению, до нас дошло лишь несколько изображений самого Леонардо, и все они с бородой. Поэтому совсем непросто сравнить его лицо с лицом Девы Марии на картине, где она сидит на коленях у Св. Анны. Но всё же стоит сделать попытку и поместить рядом два портрета, уравнив их размеры и углы поворота. Для портрета Леонардо мы возьмём сравнительно недавно найденный так называемый *Lupan Portrait*. С некоторой долей воображения можно увидеть явное сходство, особенно в формах носа и губ. Если я прав, то портрет Девы Марии – это единственный дошедший до нас автопортрет Леонардо без бороды, хотя и несколько феминизированный.

Всмотритесь в эти четыре лица («Мона Лиза», Св. Анна, Дева Мария и Леонардо) – не кажется ли вам, что на них изображены близкие родственники – мать и сын?

КАРЛ БРЮЛЛОВ. БЕСЕДА С ПИСАТЕЛЬНИЦЕЙ И ИСКУССТВОВЕДОМ ВЕРОЙ ЧАЙКОВСКОЙ

Беседу ведет Ирина Чайковская

Ирина Чайковская. Вера, в 2014-2015 годах у тебя вышли подряд две книги – книга прозы «Мания встречи» и роман-биография о художнике Брюллове (Вера Чайковская. Карл Брюллов. Споры с судьбой. Искусство ХХ1 век, М., 2015). Хотя вторая книга тоже названа «романом», видно, что она написана искусствоведам, да и иллюстраций в ней много. Кем ты себя считаешь в большей степени – искусствоведам или писателем?

Вера Чайковская. Мне кажется, вообще не стоит разделять эти понятия. Искусствовед должен быть широким гуманистом, то есть и литератором тоже. Потому что настоящая искусствоведческая статья всегда литературное произведение, читается с наслаждением, как хорошая проза. В этом отношении мой герой – Юрий Тынянов, органично соединивший в себе блистательного литературоведа, критика и романиста.

ИЧ. Знаешь, недаром мы сестры. Я тоже восхищаюсь Тыняновым и на него ориентируюсь в своей работе – и критической, и писательской. А теперь ответь, какие книги писать легче: те, что связаны с конкретной личностью и где можно использовать письма и документы? или те, где в основе лежит фантазия?

ВЧ. Ни легче, ни тяжелее. Я пишу повести и рассказы о современности – и тут необходима фантазия, но часто возникают «вариации» на какие-то старые культурные темы. А исторический персонаж окружен стеной документов, но без интуиции и фантазии в его жизни тоже ничего не поймешь!

ИЧ. Почему тебя привлек именно Брюллов? Сейчас, я знаю, ты пишешь книгу об Оресте Кипренском. Первая половина 19-го века, назовем ее «пушкинский период», – это твое?

ВЧ. Когда-то я написала три цикла рассказов (в каждом по три рассказа) под общим названием «Анекдоты из пушкинских времен», первые два цикла впервые были напечатаны в «Дружбе народов». А третий цикл, где в каждую новеллу я из какого-то озорства вставила «еврейскую тему», долго лежал без

движения. Никто не брал. Наконец, недавно весь цикл опубликовала в американской «Панораме» замечательная Ирина Паркер. Жаль, что ее там уже нет. И оказалось, что писать об этом времени для меня огромное наслаждение. Но захотелось к «фантазиям» добавить точности, поговорить об исторических личностях по возможности без шлейфа «анекдотизма», однако не теряя свободы и поэтической ауры. Ведь «всей правды» мы все равно никогда не узнаем. Я пытаюсь рассказать о художниках романтической поры, максимально приблизившись к их образному миру, к тому способу лирического переживания, который запечатлелся в их картинах и графике, в письмах, в общении с друзьями и недругами.

ИЧ. Ты много писала и продолжаешь писать о современном искусстве. Твои темы – «классическая» и «современная» – как-то объединяются?

ВЧ. Мы живем *сейчас*. И мне кажется, историку искусства совершенно необходима «подпитка» современным искусством. Это позволяет понять «далекие отголоски» прошлого в современности, но и прошлое лучше понимаешь сквозь призму таких современных художников, как Лев Табенкин или Семен Агроскин.

ИЧ. О Карле Брюллове писали довольно много. Я читала книгу Владимира Порудоминского. Запомнилось несколько анекдотических случаев, например, когда в порыве ревности Карл вырвал из ушей жены сережку... Мне показалось, что ты в своей книге стараешься отделить «досужие рассказы» от правды. Сохранились ли свидетельства – дневники, документы, письма? И еще. Любовь Брюллова к графине Самойловой, роковая, безумная, где ты черпала материал для рассказа об этой в общем-то малоизвестной истории?

ВЧ. Все материалы, в сущности, есть. Конечно, остро не хватает многих личных писем. Но едва ли они отыщутся. Задача у меня была не отыскать новое, а по-новому, свежими глазами увидеть старое, часто совершенно не понятое или понятое превратно. Это и история любви Брюллова к графине Самойловой, к которой искусствоведы никак не могут подобрать ключа, и отношения художника с Николаем 1. Император хотел сделать Карла своим придворным живописцем – ведь тот был европейски знаменит. Но ему этого сделать не

удалось! Брюллов каким-то невероятным образом «ускользнул». В его наследии нет даже ни одного наброска царского портрета! Вот у кого надо учиться личной и творческой свободе! Факты известны, но их ведь еще нужно интерпретировать, и не произвольно, а опираясь на внутренний мир художника. По мере сил, я этим и занималась.

Карл Брюллов. Автопортрет, 1848 г

ИЧ. Вся история скоропалительной женитьбы художника, а потом такого же скорого развода производит странное впечатление. Что это было? Почему «жена» вышла из нее целой и невредимой и быстро нашла себе мужа, а Брюллов надорвался, заболел, вынужден был искать спасения за границей?

ВЧ. У современного человека другое представление о чести. А вот Брюллов не мог открыть в обществе очень неприглядную правду о своей жене. Мы и сейчас не без ужаса читаем «кровосмесительную» историю его жены. Отец Эмилии был крупным чиновником. Брюллов в объяснительных записках графу Бенкендорфу и министру двора князю Волконскому вынужден был приоткрыть завесу над этой историей. Но он был

для царских чиновников – чужой, а отец Эмилии Тимм – свой. Его не сдали. Поэтому «виноватым» в разрыве оказался хранивший молчание Брюллов. А с женой было все в порядке, она скоро снова вышла замуж, чего не случилось бы в случае большого скандала по ее поводу.

ИЧ. Картина «Последний день Помпеи» очень нравилась Пушкину, ее высоко ценили современники – в России, и в Италии. Сейчас к ней относятся гораздо прохладнее. Признаюсь, что мне она никогда не нравилась, казалась излишне классичной. А ты как к ней относишься?

ВЧ. «Последний день Помпеи» – замечательная картина. Один из первых примеров, когда художник ощутил себя живым участником происходящего, поместил себя и свою возлюбленную Юлию Самойлову «внутри» холста – в далекое, но словно ожившее прошлое. Это ощущение было у романтика Константина Батюшкова, когда он писал свою «Вакханку»: «Я за ней – она бежала легче серны молодой». У Михаила Кузмина в его поразительных «Александрийских песнях» («Когда мне говорят «Александрия» ... Дальше идет перечисление тех ассоциаций, которые возникают и у лирического героя, и у самого Кузмина, – это образ его любви «на все времена»). Но тот же эффект есть в «Письмах римскому другу» Иосифа Бродского, когда прошлое раскрывается как некий вечный «образ души». И начало этому личному погружению в прошлое (в любимую россиянами античность) положила картина Карла Брюллова.

ИЧ. Если спросить меня, что я люблю и у Брюллова, и у Кипренского больше всего, – отвечу: портреты. Великолепны автопортреты Карла Брюллова, портрет Струговщикова, портрет Ланчи... Помню, как девочкой мы стояли у портрета Струговщикова в Третьяковке, мне виделся в нем герой времени, эдакий пушкинский Онегин...

ВЧ. Я всегда предпочитала смотреть картины в одиночку. Помню другое. В детстве мне попал в руки старый, с обтрепанной бумажной обложкой альбом с черно-белыми портретами работы Карла Брюллова. И Александр Струговщиков своей утонченной бледностью, меланхолическим выражением лица, какой-то горячей мужской красотой, – произвел на меня очень сильное впечатление. Оказалось, что

можно быть вовсе не «мачо», но потрясать. Я и до сих пор очень люблю брюлловские портреты, особенно мужские.

ИЧ. Свои дни художник окончил в Италии, в семье итальянского скототорговца, связанного с движением Гарибальди. Юную дочь этого человека, Джульетту Титтони, художник полюбил. Насколько этот романтический сюжет достоверен?

ВЧ. О любви Брюллова к девочке Джульетте Титтони упоминает Владимир Стасов, тогда молодой секретарь при богаче А. Демидове, путешествующем по Италии. Но в портрете Джульетты в образе Жанны д'Арк художник и так проговаривается. Юная Джульетта в годах прекрасна и воодушевлена, а рядом – старая понурая коняга, с которой художник, возможно, себя отождествлял. Картина романтика – это ведь всегда исповедальный дневник.

ИЧ. Художник похоронен в Италии? Известно ли где? На каком кладбище?

ВЧ. Он похоронен в Риме на кладбище Монте Тестацчо.

ИЧ. Жаль, что не в России! А Тестацчо – известное в Италии не католическое кладбище. Там много русских, в частности, Татьяна Сухотина-Толстая, старшая дочь Льва Николаевича. Мой последний вопрос. Как пишется книга о Кипренском? Ожидают ли читателя открытия, подобные тем, что были в книге о Брюллове?

ВЧ. О книге пока ничего не скажу – она только пишется. Но я написала несколько научных статей, где изложила свой подход к жизни и творчеству Кипренского. Две статьи уже опубликованы, а две еще должны выйти. Жду их с нетерпением...

ИЧ. Наши читатели тоже с нетерпением ждут твоих статей о живописи и о художниках! Успеха тебе!

Вашингтон – Москва

Вера Чайковская

Москва, Россия

ХУДОЖНИК ЛЕВ ТАБЕНКИН. РЕТРОСПЕКТИВНАЯ ВЫСТАВКА В МОСКВЕ

В январе 2016 года в Москве прошла ретроспективная выставка художника Льва Табенкина.

Когда-то в 80-х годах замечательный художник Илья Табенкин, с которым я тогда много общалась, сказал мне, что его сын Лев – из лучших молодых художников. Я про себя усмехнулась. Льва я не знала. Но два значительных художника в одной семье – это уже слишком. Должно быть, какой-нибудь эпигон отца. Но я ошиблась.

На перекрестной 17 Молодежной выставке МОСХа в декабре 1986 года увидела работу Льва Табенкина «Человек с собакой» (1985) и не могла от нее оторваться. Простецкий мужичок в зимней шапке держал в руках маленькую собачонку с печальными, человеческими глазами. Собачья лапка доверчиво прижалась к рукаву тулупа или чего-то столь же мало элегантного. Но такое создавалось впечатление обоюдного тепла и любви!

И вот в каталоге «Лев Табенкин. Время говорить» (2015), изданном к выставке художника в галерее Artstory (кураторы проекта Люсинэ Петросян и Михаил Опенгейм), я вновь с радостью увидела репродукцию с этой картины. Выставка довольно необычна, как не обычен и каталог.

Они вместе воскрешают наше не столь уж давнее прошлое. Но в России время движется по кругу и всегда рывками. Так что на это прошлое часто глядишь с недоумением – неужели было?

В те безоглядные времена некоторые картины художника оказались на выставке в Германии, да так и лежали потом в рулонах много лет, пока он их не вернул, а галерея решила их показать, причем некоторые работы нуждались в реставрации. Многие из этих холстов «раннего» Льва Табенкина я увидела впервые.

Сколько еще неизжитой наивности, аскетичной одухотворенности в этих женских лицах, застигнутых в момент какого-то внутреннего порыва! («Бегущие», 1992, 1993). Работы

почти монохромны, действуют контрасты света и тени, вспышками высвечивающие внутреннюю взволнованность лиц.

Какая сосредоточенность, неспешность и тишина в таких

Лев Табенкин. Женщина с мертвой птицей, 1992

работах, как «Встреча» (1996) или «Женщина с мертвой птицей» (1993)! Сейчас художник ярче, колористически утонченнее, декоративнее. Перед нами на холстах словно расплавленная драгоценная магма.

Но парадоксальным образом убавилось сосредоточенной тишины, а прибавилось злости и отчаяния. Уже, пожалуй, не сыскать таких одухотворенных женских лиц.

Сейчас все больше опасные, а порой и коварные «волшебницы», запросто приручающие мужчин («Волшебница», 2006, «Самсон и Далила», 2009, «Фантазия», 2009). Тогда рыбаки вытаскивали невод с диковинными рыбами («Чудесный улов», 1997). Сейчас чудовищный едок пробует их «на зуб» («Едок», 2006). Тогда люди взлетали на воздух от переизбытка чувств («Вознесение, 1995).

Сейчас их уносит что-то дикое и непонятное («Летающие люди», 2004). Тогда, пусть нестройно и невпопад, но запросто пели и веселились. Мужичок с гармошкой аккомпанирует двум самозабвенно поющим, да и сам поет в каком-то остервенении «праздника» («Праздник», 1997). Сейчас кряжистые персонажи все больше занимаются «делом» («Сбор урожая», 2003).

Что все это значит? Да просто художник со временем изменился, ведь, как говорил Пушкин, «глупец один не изменяется». Но при этом его всегда можно узнать по некоторой пластической «корявости» и прямо-таки «возрожденческой» мощи. И главное – по максималистской требовательности к человеку.

В каталоге нахожу статьи о Лье Табенкине тех ранних лет. Вот статья Елены Львовой из «Огонька» – 80-х, популярнейшего тогда издания, читаемого интеллигенцией, – виден кусочек узнаваемой обложки.

А вот моя статья, предоставленная, как сказано в примечании, галереей «Манеж». Замечательная была галерея, ныне исчезнувшая, как и многие другие маленькие галерейки с индивидуальными лицами.

Каталог, на мой взгляд, просто превосходен. Пожалуй, впервые тут можно увидеть маленькие эскизы художника, заготовки к его, как правило, очень большим работам. И как они виртуозны, а порой даже изящны! Три «поющие», изображенные на обрывке листа пером, тушью и гуашью (1990), принадлежат, как мне кажется, к наиболее просветленным табенкинским женским персонажам. На другом кусочке бумаги рядом с изящной женской головкой какие-то арифметические расчеты карандашом. И подобная творческая «кухня», как представляется, не принижает, а возвышает художника, показывая таинственную магию рождения картины.

На самой экспозиции эскизов нет, но впервые представлена станковая графика, которая своим лаконизмом, точностью и таинственностью открывает какую-то совершенно новую грань художника – не экспрессивного и мощного, а лиричного и завораживающего. В графике возникают те психологические нюансы, которые в нынешних больших картинах подчас утрачены.

Лев Табенкин. Праздник. 1997

Скульптурные каменные головы художник стал создавать и выставлять сравнительно недавно, с 2000-х годов. И это действительно новый Табенкин. Не новенький, а именно новый. О колоссальной разнице в смыслах двух этих слов я писала в статье, приведенной в каталоге. Новенькое мгновенно стареет, а новое не устаревает, как каменные головы Табенкина. Ими я и закончу.

Мандельштам писал о камне, который стал «кружевом». Тут камень остается камнем – массивным, пористым, неподъемным. И тем удивительнее те метаморфозы, которые он претерпевает под руками художника. Ирод Великий, Иродиада, Сизиф ...

На наших глазах желтоватый и пятнистый камень преобразается в загадочные и странно живые человеческие лица, смотрящие на нас как бы из глубины веков. На эту уходящую в прошлое, но устремленную в будущее жизнь ориентировано все творчество Льва Табенкина, избегающего суеты моды и диктата рынка.

Выставки такого рода, представляющие прошлые этапы творчества значительного художника, необычайно важны. Они

помогают понять извивы его развития и то, в чем он остался неизменным и «упертым», как скала.

Элеонора Мандалян
Лос-Анджелес, США

АЛЕКСАНДР ГЕРАСИМОВ И ЕГО НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОРТРЕТ

Глава из мемуаров

С февраля по апрель сего года в Государственном историческом музее Москвы проходит масштабная выставка работ одного из крупнейших деятелей искусства советского периода – А.М. Герасимова (1881-1963). Приуроченная к 135-летию со дня его рождения, это будет первая выставка за минувшие после смерти художника более чем полвека.

Данная информация послужила для меня всего лишь поводом для того, чтобы вспомнить об этом человеке, с которым я была лично знакома с детских лет. Собственно, знакома с ним была моя мама, а я уж так – с боку-припеку.

Сколько я себя помню, в нашей московской квартире на самом видном месте висел большой портрет мамы – Натальи Бернардовны Виллер (1915-2012), кисти Герасимова (размером 1,5 метра на метр).

О его существовании никто из искусствоведов, скорее всего, не знал, поскольку, закончив работу, Герасимов подарил его маме, назвав: «Вызов Жизни». На портрете мама изображена в не очень-то женственной позе и в свойственной Герасимову грубоватой манере – стоя, со спины, с одной рукой на бедре, другой опираясь на что-то высокое. У нее было вечернее платье до пят, черное, шифоновое, в нужных местах на подкладке, а спина и руки просвечивали, что, видимо и задался целью отобразить Герасимов-художник: тело сквозь легкую полупрозрачную ткань. Вообще он писал маму в основном маслом, как и все свои портреты, но этот решил сделать акварелью, чтобы придать ему воздушность. Кроме портрета, стены нашего дома (с очень высокими потолками) украшали

несколько натюрмортов Герасимова и других художников из его окружения.

Мама была красивой женщиной – обаятельной, жизнерадостной. (Свою породу и внешность она сохраняла до глубокой старости, а вот жизнерадостности из-за жестокого артроза, мучившего ее последние годы, резко поубавилось.) Ее писали и рисовали многие художники. А для Герасимова она была другом и своего рода музой практически до самой его смерти (он прожил 82 года).

Портрет мамы – Натальи Бернадовны Виллер

Познакомились они еще во время войны, когда мама работала художником в Окнах ТАСС, куда Герасимов наведывался по долгу службы. Художественные способности у нас с ней, видимо, заложены в генах – от ее отца-немца (моего деда) скульптора Бернарда Эриховича Виллера. Хорошо рисуя, мама

всю жизнь что-то дома мастерила – безделушки, статуэтки, ювелирные украшения, декоративные панно, кукол, и участвовала со своими поделками на выставках прикладного искусства. Это и помогло ей оказаться в штате Окон ТАСС.

Так у нее появились друзья и поклонники с богемным уклоном – художники, литераторы, поэты, трудившиеся над известными всему миру сатирическими и патриотическими плакатами Окон ТАСС. Многих я видела у нас дома, прислушиваясь к мало понятным мне горячим спорам о направлениях в искусстве, о трудностях времени и тому подобного. Герасимов среди них всегда был самым почетным маминым гостем. Он относился к ней несколько даже покровительственно, как к дочери, и по-отечески опекал, а вместе с ней и всю нашу маленькую семью – на протяжении лет двадцати, всегда приходя на помощь в нужную минуту.

Вспомню лишь один эпизод. Со школьных лет я увлекалась рисованием. Посещала изо-студию в Доме пионеров, ездила группой с этюдником за город – на пленер, летом на даче рисовала пейзажи и натюрморты. Старшеклассницей проводила часы напролет в Греческом зале Музея Пушкина, срисовывая античные статуи, а потом сосредоточилась на скульптуре. Герасимов наблюдал за мной, просил показывать ему мои рисунки, оценивал их, отмечая ошибки. А когда я в 19 лет, выйдя замуж, уехала в Ереван, Александр Михайлович отправил со мной письмо знаменитому армянскому живописцу Мартиросу Сарьяну, которого он лично знал, с просьбой взять меня под свое покровительство.

Мы с мужем у Сарьяна дома-таки побывали. Мартирос Сергеевич, которому в ту пору было уже под 80, по-армянски радушно принял нас – с угощением; показал свою мастерскую и холст, над которым работал в тот момент; расспросил о Герасимове, вспоминая эпизоды их общения и своей жизни в Париже, где они пересекались – оставив очень теплое о себе воспоминание....

Герасимов резко отличался от всех маминых друзей, появлявшихся в нашем доме. Он и вел-то себя как-то по-особенному – доброжелательно, но отстраненно и с достоинством. Говорил мало и неспешно. Я ни разу не видела улыбки на его лице. Он курил трубку и практически не вынимал

ее изо рта. Когда приходил к нам, через минуту все наполнялось сладковато-пряным ароматом струившегося от него дымка. Сам составлял для себя табачную смесь, добавляя в нее донник. И мы с мамой каждое лето, живя на даче, собирали и сушили для него эту душистую травку с мелкими желтыми цветочками. Одевался он тоже не как все, с неизменной бабочкой под подбородком и белой манишкой на выпуклом животике. А зимой так и вовсе – боярин Морозов, да и только: соболя папаха на голове, соболя шуба на плечах, воротником наружу, остальным мехом внутрь. С него с самого бы картины писать!

Александр Михайлович редко приходил к нам один, в основном со своими друзьями – художником-графиком Михаилом Владимировичем Маториным, профессором МГХИ им. Сурикова; и литератором-искусствоведом Михаилом Порфирьевичем Сокольниковым, редактором издательства «Academia», написавшим о Герасимове книгу. Оба – с женами. Только жены Герасимова мы ни разу не видели. (Мама говорила, что его жена страдала каким-то психическим расстройством и он с нею не мог показываться на людях. На всякие официальные и неофициальные приемы, включая ЦДРИ, в гости и на банкеты, он предпочитал брать с собой мою маму. А она иногда брала и меня.)

Бабушка, прекрасная кулинарка, накрывала столы. В промежутках между беседами и чревоугодием мама музицировала – пела, сопровождая себя на аккордеоне. Александр Михайлович не выпускал из рук трубку, очень колоритно попыхивая ею. А мамина неизменная подруга, тетя Лиза, с которой они дружили с 17 лет и до самой смерти (обе чуть-чуть не дотянули до ста), щебетала без умолку. Так в моем детском сознании запечатлелись эти застолья.

А.М.Герасимов, автор целой галереи портретов вождей, имел неограниченную власть в мире искусства и полную свободу действий. Следовал ли он своим убеждениям или то была сделка с собственным «Я», сказать не берусь. Общеизвестно, что он был любимчиком Сталина. Еще бы ему не быть. Никто так не прославил Иосифа Виссарионовича в живописи, как Герасимов. Портреты Ленина и Сталина его кисти в советское время считались хрестоматийными – широко тиражировались, входили во многие учебники страны, их знал каждый школьник.

Вне конкурса среди этих полотен «Ленин на трибуне», заменивший «обезбоженному» народу «икону», зовущую в светлое будущее.

Можно сказать, что Герасимов был придворным, вернее «прикремлевским» художником, запечатлевшим на своих холстах всех видных партийных деятелей. А во время Второй мировой войны – всех полководцев. (Сам он не воевал, но передал свои личные сбережения – 50 000 рублей, в Фонд обороны.) В конце ноября 1943 года именно его отправляют в Тегеран на конференцию «большой тройки», чтобы он на месте мог увековечить исторический момент – встречу трех лидеров союзных держав антигитлеровской коалиции: Рузвельта, Черчилля и Сталина. (Картина хранится в Третьяковской галерее.)

Как мало кто в советское время, А.М. был щедро отмечен званиями и правительственными наградами: заслуженный деятель искусств, первый народный художник СССР, четырежды лауреат Сталинской премии (1941, 1943, 1946 и 1949), плюс ордена Ленина и Трудового Красного Знамени, медали и масса других «знаков отличия».

Многолетняя дружба связывала Герасимова с Климентом Ворошиловым, проделавшим долгий путь от сельского пастушка к председателю президиума Верховного Совета СССР. У них было много общего: однолетки, оба из русской глубинки и из простой семьи. Вот только в репрессиях Герасимов, уж точно, участия не принимал. Хотя... как посмотреть. Как должностное лицо, стоявшее у руля власти над изобразительным искусством всей страны, он, можно сказать, «репрессировал» советских художников, не признавая ничего, кроме соцреализма, а следовательно обрекая на голодное бесславное существование всех инакомыслящих.

Ворошилов наведывался к Герасимову даже в Мичуринск, в его усадьбу – погостить. Они общались семьями. Эта дружба породила целую дюжину портретов Ворошилова (камерных, парадных, конных), во главе с самым известным огромным полотном: Сталин и Ворошилов гуляют по мокрому от дождя Кремлю. В народе эту картину прозвали: «Два вождя после дождя». За «придворную» приближенность к сильным мира сего многие недолюбливали Герасимова, считая, что он так

высоко взлетел именно потому (или только потому), что писал портреты вождей.

А ведь Александр Михайлович был очень талантливым художником со своим характерным почерком и видением, что не осталось незамеченным и за рубежом. Первая послевоенная выставка советской живописи за пределами СССР (1947), так называемая, «Выставка четырех» – А.Герасимова, С.Герасимова, А.Дейнеки и А.Пластова, имела оглушительный успех в Вене, Праге, Бухаресте и Белграде.

Огромное полотно А.Герасимова «Первая конная армия» (почти с пятью десятками персонифицированных персонажей), выставленное в 1937 году на Всемирной выставке в Париже, получило высшую награду – «Гран-при». Картина широко экспонировалась как внутри страны, так и за рубежом – в Вене, Софии, Нью-Йорке. А потом, когда часть изображенных на полотне попала под сталинские репрессии, надолго исчезла в запасниках Третьяковки.

Другой групповой портрет (четырёх старейших художников), был отмечен не только очередной Сталинской премией, но и золотой медалью на Всемирной выставке в Брюсселе. Уж зарубежных-то ценителей искусства вряд ли можно заподозрить в необъективности или в пристрастии к соцреализму.

Поднявшись практически от сохи, Герасимов впитал с молоком матери любовь к простому человеку, к русской природе, нутром чувствуя и понимая ее. Он родился в маленьком заштатном городишке Козлове (ныне Мичуринск), в Тамбовской губернии, в семье бывших крепостных крестьян. Отец, занимавшийся продажей лошадей, видел в нем единственного помощника и преемника своего дела и очень не хотел отпускать его от себя. Но когда сын надумал учиться в Москве, ломать ему будущее не стал и отпустил с миром.

Неординарность Александра проявилась уже в юные годы, когда он, помогая в конном деле отцу, увлекся вдруг рисованием, хотя в Козлове не было ни одного художника, а параллельно – алгеброй, геометрией, физикой и... французским языком. Учебники, которые ему удавалось достать, он прятал от отца за пазухой.

В 1903-м Александр приехал в Москву и сразу же был принят в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, взяв два

факультета – живописи и архитектуры. Его учителями были известные русские живописцы В.Серов, К.Коровин, А.Васнецов, А.Архипов. Константин Коровин, считающийся основоположником русского импрессионизма, долго еще оказывал влияние на творчество начинающего художника. Александр был своим человеком в его мастерской и стремился во всем подражать своему учителю.

А в институте, не вылезая, что называется, из библиотеки, он открыл для себя западную литературу, увлекся ею и задался целью самостоятельно выучить французский, английский и немецкий, чтобы читать европейских классиков. «В подлинниках я прочел, – рассказывал Герасимов, – Золя, Мопассана, Альфонса Доде, Поля Бурже, Марселя Прево, Пьера Леру, мемуары Тьера «Империя и консульство» и вообще много книг о Наполеоне; по-немецки – Густава Фрейтага, Шиллера; по-английски – Чарльза Диккенса, Вальтера Скотта, но не смог одолеть Шекспира». По-моему, одного этого уже достаточно, чтобы зауважать такого человека.

Потом, в 1915-м, была военная служба в действующей армии, на фронтах Первой мировой войны, и возвращение на Родину, в Козлов, в 1918-м. Он любил свой город. Там жили его родители и сестра Александра (Саня). Там он женился, там родилась его дочь.

Не теряя времени даром, А.М. создал «Коммуну творчества козловских художников», в которую собрал художников-педагогов, закончивших художественные училища, и привлекал всех, кто умел или хотел научиться рисовать; активно занимался театральными постановками в местном театре, построенном заново по его проекту. «Я проектировал его еще будучи школьником, – вспоминал он, – в стиле модернизированного ампира. Это единственная моя постройка – остальные проекты остались на бумаге, потому что всю свою жизнь я посвятил живописи».

Свой творческий путь Герасимов начинал с берущих за душу сельских пейзажей, воспевающих русскую природу, жанровых сцен из жизни простых тружеников, с натюрмортов. Обожал рисовать цветы – полевые, садовые, в вазах и в простых стеклянных банках, в ясную и дождливую погоду, на веранде, на окне, на столе, перед зеркалом.

«Я всегда любил писать цветы: розы и пионы, поскольку видел в них предельное сосредоточение жизненных сил природы и ее обаяние. Они как-то по-особенному возбуждали мою творческую фантазию, дразнили огромными возможностями богатых красочных воплощений. Константин Алексеевич Коровин, конечно, делал это лучше меня! В его розах больше нежности, поэзии, воздушности. У меня, как у степняка, в розах другое: мощь и изобилие земных сил черноземного плодородия.»

Пионы

Вернувшись в Москву в 1925-м, он по козловской ли инерции, продолжает работать художником-декоратором, только теперь уже в Московском театре оперетты и в Малом. А потом вступает в АХРР (Ассоциацию художников революционной России) и с головой уходит в деловую жизнь, сменив в своем официальном творчестве «импрессионистские наклонности» на махровый соцреализм парадных портретов.

Не пропало даром знание языков. Он объездил всю Европу, побывал во всех ее странах и привез на Родину массу

акварельных этюдов, в основном пейзажей, отражавших «тамошний» колорит. В первой половине 1950-х он побывал в Индии (по приглашению премьер-министра Джавахарлала Неру), в Египте, Китае – во главе делегации советских художников, запечатлев увиденное в большой серии рисунков.

Всякий раз, вернувшись из очередной поездки за рубеж, он спешил в Козлов, повидать своих. «Милая Саня! – признался он как-то своей сестре. – В каких отелях я только не жил за границей, с микроклиматом и прочим, и вот сейчас, когда я приехал в свой родной дом, я готов целовать эти камни».

Лето он тоже проводил с семьей в родительском доме, где с наслаждением писал милые сердцу натюрморты, пейзажи. Дом, построенный отцом, был просторный – двухэтажный, каменный, с садом. А под мастерскую он приспособил старый отцовский сарай для лошадей и телег, который биографы предпочитают называть «каретным двором». Там появились на свет жанровые сценки: портреты дочери в пронизанном солнечным светом саду, жены, и красочный «Семейный портрет за чайным столиком на веранде» – жена, дочь, его сестра и он сам.

Именно в Козлове на едином дыхании (за 3,5 часа) была написана одна из лучших работ художника – «После дождя (Мокрая терраса)», которую сразу же приобрела Третьяковка. Он вообще очень любил изображать умытую дождем природу, сверкающую свежестью, чистотой и бликами. И у него это мастерски получалось.

Особняком стоит несколько даже неожиданная для его наследия композиция «Деревенская баня» – окутанные горячим паром обнаженные рубенсовские тела простых крестьянок, деревянные лавки, веники, ушаты, плошки. Герасимов работал над этим большим холстом не один год, сделав массу натуральных этюдов и набросков к нему и испробовав несколько вариантов для основной композиции. А в вариантах – шокирующие своей раскованной непринужденностью позы женщин, возможные лишь в тех случаях, когда они уверены, что за ними не наблюдают.

Такая скрупулезность не была ему свойственна. Обычно он приступал к работе сразу, безо всякой предварительной подготовки. Похоже, он просто отводил душу, запечатлевая на

холсте живую, трепещущую, играющую сочными мазками женскую плоть.

В конце концов основное полотно так и осталось незавершенным. Эта однозначно талантливая работа – свидетельство выплеснувшихся наружу, как представляется,

Деревенская баня

глубоко запрятанных противоречий внутри самого мастера, вынужденного, по долгу службы, всю жизнь придерживаться официальной линии соцреализма, им же самим насаждаемого, наступая на горло собственной натуре.

Именно в «Деревенской бане», в «Мокрой террасе», в натюрмортах с цветами и сельских пейзажах он и был «по-настоящему настоящий», искренний. Если отбросить галерею запечатленных им высокопоставленных деятелей, то Герасимов предстанет совсем в ином свете – этакое подлинно народного художника, писавшего не кистью, а душой. Сюда же можно отнести великолепные портреты: дочери в саду, актрисы

А.К.Тарасовой, балерины О.В.Лепешинской...

А чего стоит «Портрет старейших советских художников» (И.Н.Павлова, В.Н.Бакшеева, В.К.Бялыницкого-Бируля и

В.Н.Машкова)! Если бы Герасимов не написал больше ничего, кроме одного этого полотна, он, думается, уже вошел бы в историю изобразительного искусства, как большой мастер.

Александр Михайлович дружил со многими художниками. Особенно теплые отношения связывали его с этими четырьмя. Однажды он решил увековечить их всех вместе на холсте. Заезжая к каждому в отдельности, он уговаривал их поехать к нему в мастерскую, не объясняя причины. И только когда все были в сборе, поведал им о своей замысле.

Его творческая мастерская находилась, по тогдашним временам, за чертой города – на Соколе, в уютном домике с садом на улице Левитана. Именно там Герасимов и писал свой групповой портрет, каждый раз лично привозя и отвозя каждого. Создав для картины и для общего настроения соответствующий антураж – интерьер, натюрморт на столе, а главное – непринужденность, он не препятствовал непрерывающимся во время позирования беседам между хорошо знавшими друг друга художниками, стремясь передать на холсте их естественное живое общение. И действительно мастерски его передал.

Как-то, далеко не в первый раз, Иван Николаевич Павлов, старейший российский и советский гравер (тот, что на групповом портрете «четырех» первый слева) пригласил Александра Михайловича к себе на дачу. А тот взял с собой нас с мамой. Я была совсем еще девчонкой. Мне запомнился пышно цветущий сад, куст жасмина, досчатый стол с угощением под березой и большой лохматый пудель, с которым я играла, такой же белый, как его хозяин. На сохранившемся снимке Павлов мне что-то объясняет или показывает в своем саду. Я очень дорожу этой фотографией. Ведь она, можно сказать, историческая.

Более чем востребованный в Кремле как живописец, Герасимов отличался и завидной социальной активностью, что очень скоро сделало его фигурой номер один в мире искусства. Доктор искусствоведения, профессор, академик, первый председатель оргкомитета Союза Художников СССР, первый и бессменный (1947-1957) президент Академии Художеств СССР, в реорганизации которой, как и Союза Художников, принимал самое деятельное участие. В институтах им. В.И.Сурикова и им.

И.Е.Репина он возглавлял Государственную комиссию по присуждению дипломов, в Ленинградской Академии вел творческую мастерскую и т.д. И все это в приложении к его основному занятию – творчеству.

Со смертью Сталина надломилась карьерная лестница Герасимова. «Шаг за шагом он был освобожден от всех прочно занимаемых им должностей» – так обычно интерпретируют биографы эту часть его жизненного пути. Но при этом как-то не учитывают, что в год смерти вождя А.М. было уже 72 года – для советской страны возраст глубоко пенсионный... Поскольку культ Сталина рухнул, то и написанные Герасимовым портреты вождя перекочевали из парадных музейных залов в запасники. Но то были гримасы переменчивого времени. Вот чего никто не мог отнять у художника, так это его таланта, а значит, и его вклада в российскую культуру.

Многие из почти трех тысяч созданных им произведений вошли в золотой фонд русского изобразительного искусства. Все они находятся в разных художественных музеях и картинных галереях бывшего СССР – в Государственной Третьяковской галерее, в Государственном Русском музее, в Музее Вооруженных Сил, в Музее современной истории России, в частных собраниях.

А самая обширная коллекция экспонируется в Доме-музее Герасимова, открытом в Мичуринске, в его усадьбе. Перед музеем, на площади, в 1981-м был сооружен монумент Герасимову – на широкой платформе высокая каменная стелла, увенчанная бронзовым бюстом художника, выполненным замечательным советским скульптором Е.В. Вучетичем. Именем Герасимова названа одна из улиц Мичуринска и художественная школа. К 100-летию со дня рождения была выпущена настольная памятная медаль и почтовая марка с его портретом. Похоронен А.М.Герасимов в Москве, на Новодевичьем кладбище.

Где-то мне попались на глаза такие фразы: «Наделенный от Бога большим талантом, он стал служить не своему Таланту, а Вождям»; «Свою кисть он сознательно отдал на службу торжествующей коммунистической власти в обмен на личное преуспевание. Успех и признание не заставили себя долго ждать»; «Его огромные по размерам холсты, полные плакатного

пафоса, становились эталонами официального стиля советского искусства».

А стоит ли вообще ставить художнику в укор то обстоятельство, что он являлся выразителем своего времени, своей эпохи?! Что он, в определенном смысле, был ее лицом, зеркалом?! История мировой живописи пестрит портретами вельмож, царей, полководцев. И никто не обвиняет их авторов, сохранивших для нас облик тех людей, в карьеризме, угодничестве, в сделке с самим собой.

Вот например, что пишут в своих газетах жители Козлова-Мичурина: «Мы, мичуринцы, испытываем чувство гордости за нашего великого художника-земляка, за то, что его кисть запечатлела важнейшие события истории и оставила нам и будущим поколениям художественный памятник своего творчества на века».

К тому же, даже портретную составляющую творчества Герасимова ни в коем случае нельзя считать лишь данью времени и завоеванному им статусу. Независимо от того, кого он писал, политического деятеля или личность творческую, он вкладывал в работу всего себя без остатка. «Я любил и люблю сильное и яркое в природе, ищу то же в человеке и, когда нахожу, мне неудержимо хочется запечатлеть его в красочном образе», – объяснял он.

Впрочем, я отнюдь не ставила перед собой задачу давать здесь оценку творчеству Герасимова и тем более – разбирать его как личность, обвинять или оправдывать. Я всего лишь хотела вспомнить о том, что судьбы нашей семьи и этого человека в какой-то период пересеклись, оставив в памяти яркий след.

Ольга Соловьева

Санкт-Петербург, Россия

НЕДЕЛЯ МОДЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

С 7 по 11 апреля в Санкт-Петербурге проходила очередная неделя моды «St. Petersburg Fashion Week». Демонстрация новых и не очень работ молодых и маститых дизайнеров одежды состоялась на новой сцене «Александринки».

Ассоциативное мышление – весьма забавная штука. Смотришь, к примеру, какой-то модный показ, а на ум приходит что-нибудь этакое, на первый взгляд, никак с модой не связанное. Скажем, обсуждения в социальных сетях карикатуры на лицо, занимающее ныне должность главы государства, которые свелись к выявлению взаимосвязи скромных размеров пенсий с величиной содержания дорогостоящих мужчинок в форме с еще более дорогостоящими «аксессуарами». Нефть-то «уронили», соответственно, не хватает денег в бюджете на оплату вышеупомянутых «мужинок». Или с какой целью извлекают из нафталина страшилку «угрозы с Запада», хотя на нашу территорию не посягали даже в лихие девяностые, бери голыми руками. Логично – военные действия убыточны. Но как нельзя лучше подходят для избавления от комплексов, вспомним коротышку Наполеона и уроды Гитлера... И вот почему возникли такие ассоциации.

Мода – как лакмусовая бумажка – это не мои слова, где-то их вычитала. Но лучше не скажешь. Мода отражает время в конкретном его разрезе. И дело не только в «эконом»-направлениях, назовем это так, или длине юбок. Модная демонстрация, по сути, – информация о степени свободы, об эклектичности настроений в обществе. Модный показ – это некое театральное действо, создание иной реальности.

Выбранная для проведения «St. Petersburg Fashion Week» площадка символична. К сожалению, не все созданные реальности оправдали ожидания. Для реализации любого творческого проекта нужно – что? – конечно, деньги. Нет денег – не на что реализовать даже самые гениальные замыслы. Поскольку вышеупомянутая нефть целеустремленно стремится к нулевой отметке, а внешнеэкономическая деятельность находится в состоянии анабиоза, последствия для свободы творчества очевидны. Недостаток собственных финансовых ресурсов существенно увеличивает зависимость от спонсоров, которые могут быть далеки от модного бизнеса. Кто платит – тот заказывает музыку. Поэтому на значимые показы будут брать тех моделей, что выбрал спонсор, ставить так и с помощью тех людей, как и кого укажет спонсор. К чести организаторов этой недели моды надо сказать: хорошо, что она

вообще состоялась. Не выискали бы ресурсов – не было бы ничего.

Напишу о своих впечатлениях. Огорчил показ Fabric Fancy. Признаюсь, обидно за дизайнера Сергея Хромченко. Начнем с конца – это была не новая коллекция, а «микс» из прошлых. На мой взгляд, не самый лучший «микс». И что странно – некоторые «знаковые» модели одежды, размещенные на сайте недели, не были продемонстрированы. А теперь вернемся к началу. Показ задержали аж на полтора часа. Опоздание на полчаса – явление привычное и ожидаемое. Но полтора часа!

Весьма внушительная толпа, отдаленно напоминающая очередь, собралась у правого входа (левый – для «vip»-ов и аккредитованных представителей прессы). Сбоку сгрудились неаккредитованные журналисты с фотоаппаратами, «гаджетами» и громкими рассуждениями на тему, почему они

не аккредитованы. К молодому человеку в пиджаке цвета лаванды, что стоял сзади, подошли две девушки с сильно раскрашенными лицами. В неровном шуме толпы уловила обрывок разговора: «Видела тетку с вооот такими длинными красными ногтями, ты представляешь?» Такое услышать, честно, не ожидала. Все-таки «кто ни поподя» на неделю моды не приходит, не так просто получить пригласительный, особенно, на день открытия. Понимаю, что речь идет о весьма известной в модных кругах женщине – дизайнере шляп.

Охране удалось отличиться. Точнее, «свеже»принятому сотруднику, который не мог отказать себе в удовольствии гаркнуть на толпу. Собственно, собрались люди довольно послушные, даже создали что-то типа очереди. И технология управляющих лент отлажена.

Наконец-то запустили в зал. К счастью, оказалась во второй партии, успела занять место как раз напротив перекладки Т-образного подиума. Постановка модного шоу откровенно огорчила. Отсутствовало хоть какое-то композиционное единство. Вначале в течение длительного времени демонстрировался акробатический танец людей в черном, потом на «заднике» возник диван с девицей, слушающей радио. Диван и девицу сменила группа мужчин в желто-золотистых трусах. Ни в одеяниях, ни в самом факте существования на сцене вышеупомянутых персонажей не прослеживалось никакой связи с последующей демонстрацией дизайнерских работ прежних лет, несомненно хороших работ, в характерном для Хромченко гармоничном сочетании новейших тенденций, петербургской классики и изысканных принтов. Гармония – непременная составляющая стиля Fabric Fancy. Этот показ гармоничным не назовешь.

Показ Alezzy Liriq следующего дня, напротив, порадовал. В отличие от Fabric Fancy, постановка «работала» на коллекцию. Вначале вокалистка в свободном одеянии своим пением создала соответствующее настроение у зрителей, подготовила к показу. Открывал модное шоу немолодой высокий мужчина – этаким контрастным элементом – в стилизованном кафтане. Далее зрители насладились удачно поставленной демонстрацией коллекции. Чувствовалась школа Pirosmani – одного из самых ярких и загадочных брендов Санкт-Петербурга. Постановка интересная,

работы оригинальные, слегка ироничные, «носибельные». В стиле Alezzy сочетаются ассиметричные формы, острый европейский со свободным «народным» кроем.

Не последнее значение в правильной подаче результатов творчества дизайнеров занимают модели. Они достойно справились со своей задачей. И не ждите популярных ныне фраз типа «модель-доска, заброшенная на такие заоблачные высоты, до которых ей, изголодавшейся, книжек нормальных не читавшей...» Далеко не всегда это определение применимо и оправдано. И книжки модели читают, и в институтах точные науки изучают, и Гумилева с Цветаевой цитируют. Соответствие же определенным параметрам – часть профессии. Без этого привлекательная визуализация работ дизайнеров проблематична. Учтите, к тому же, что «камера» и «подиум в софитах» прибавляют объема.

Показ последнего дня Mod'Art International, не хочу обидеть, представлял собой полнейшую эклектику. Похоже, не стали особо заморачиваться на постановку. В демонстрации работ различных дизайнеров отсутствовала какая-либо связующая нить. Ах, клубок Ариадны, где ты? Заблудиться в смешении стилей не мудрено. И эту мешанину никак нельзя назвать забавной сменой масок. Что огорчает, некоторые действительно

талантливые работы перекрываются в памяти нарядами, которые лучше всего характеризует образное выражение Жерара Филиппа «бред пьяного кондитера»: они не экстравагантны – безвкусны. Ряд сложных по крою костюмов слишком сценичен. Не гармонично «вклинили» в показ трио маленьких детей и весьма полных женщин с не лучшей «фактурой». Как-то не хочется приобретать одежду дизайнеров, которую демонстрируют эти женщины, не получается даже правильно оценить работу модельеров, результат подан не эстетично.

Мода – это искусство. Пикассо сказал: «Искусство – ложь, которая помогает увидеть правду». Мода отражает то, что происходит с нами. Отражает под разными ракурсами. За демонстрацией «модных тряпок» скрывается информация для размышления.

Владимир Нузов
Нью-Джерси, США

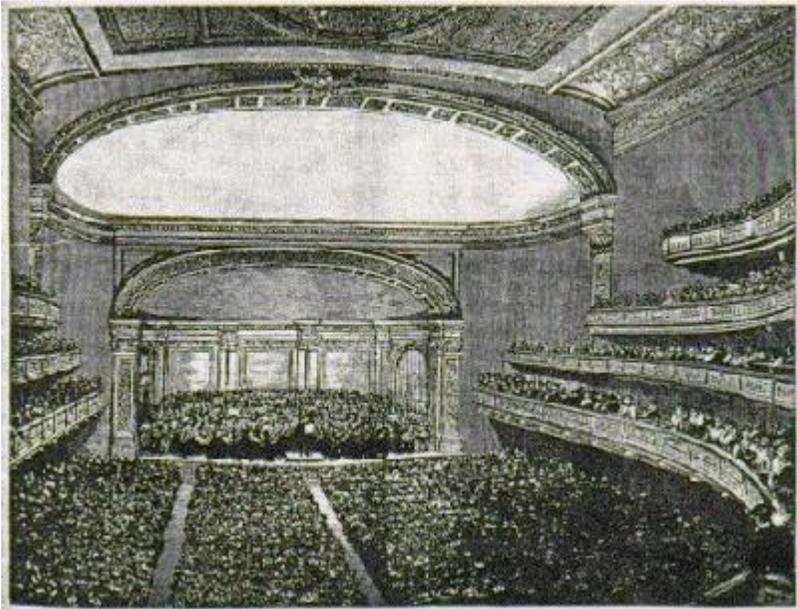
К 125-ЛЕТИЮ КАРНЕГИ-ХОЛЛА

В мае нынешнего года исполнилось 125 лет со дня открытия этого знаменитого зала в центре Манхэттена. Назван он в честь «железного магната» Дэйла Карнеги, который потратил огромные личные средства на строительство и обустройство зала. Его примеру со временем последовал Эвери Фишер, другие американские «толстосумы» – так их называли в Совдепии.

Карнеги-Холл связан с именем Петра Ильича Чайковского – именно он был приглашен американцами на открытие самого большого зала тогдашней Америки. Имела ли место традиция перерезать красную ленточку у входных дверей и участвовал ли в ней великий композитор – неизвестно. А вот то, что он дирижировал в день открытия зала своими произведениями: Торжественным маршем, Третьей сюитой и Первым фортепианным концертом – это факт. Спустя более полувека едва ли не весь мир познакомился с ними в исполнении Вэна

Клайберна (Вана Клиберна) на открытии Первого конкурса имени Чайковского в Москве в 1958 году.

Но вернемся в последнее десятилетие XIX века, в имение Петра Ильича в Подмоскowie, в селе Фроловском, рядом с городом Клином. Петр Ильич получает письмо – приглашение из Америки на открытие, как он пишет в своем дневнике, музыкальной филармонии в Нью-Йорке. За дирижирование упомянутых выше произведений ему предлагают немалые по тем временам деньги: 2500 долларов, что по тогдашнему курсу составляло около 3000 рублей. Царских, замечу, рублей. Небольшого размера булочка стоила в те времена одну копейку! Конечно, не деньги сыграли решающую роль в согласии великого композитора отправиться в нелегкое турне: одно лишь океанское путешествие из Франции до берегов Америки заняло 10 дней! 21 день он провел в трех городах Америки: Нью-

Интерьер Карнеги Холла. Фото 1891 г.

Йорке, Бостоне и Филадельфии. В то время в Америке выходили 18 газет, и все до единой поместили репортажи и статьи о пребывании русской знаменитости на американской земле. Причем газеты писали не столько о музыке Чайковского, сколько о самом композиторе и дирижере: «высокого роста,

хорошо сложенный господин 60 с небольшим лет (Чайковский был на 10 лет моложе!), скромный, даже застенчивый; кланяется резко и неглубоко". Петра Ильича особенно обидело превышение его возраста и вообще – пристальное внимание прессы к его персоне, а не к сочиняемой им музыке.

Как я уже сказал, Чайковский во все время пребывания в Америке вел дневник. Первым вопросом, записанным композитором, когда направлявшийся в Америку пароход «Британия» отчалил от французского берега, был: «Какого качества питьевая вода в Америке?» «Мистика», – скажет осведомленный читатель: ведь всего через два года Петр Ильич умер оттого, что выпил стакан сырой воды в то время, когда делать это было категорически запрещено: в Петербурге бушевала холера!..

Ну и последним вопросом дневниковой записи был: «Какова акустика нового зала?» По сей день акустика Карнеги-Холла – едва ли не лучшая среди всех концертных залов Америки...

И другое важное наблюдение заносит Петр Ильич в свой американский дневник: «Здесь я гораздо более знаменит, чем в России. Мне говорили об этом, но я не верил...» Замечу, что, включая в Америке автомобильное радио, я чуть ли не каждый день слышу музыку Чайковского. «Авторадио» России аналогичной частотой исполнения произведений великого русского композитора наверняка похвастаться не может.

Ну и наконец, не могу не привести следующую запись в американском дневнике Чайковского: «Уверен, что буду вспоминать Америку с любовью...»

Григорий Куперштейн
Балтимор, США

ОДНАЖДЫ В НЬЮ-ЙОРКЕ. МИША ЭЛЬМАН, ДАВИД
ОЙСТРАХ И НАТАН МИЛЬШТЕЙН
(из цикла «Одесские ребята»)

*Они посылают нам их евреев из Одессы, а мы посылаем им
наших евреев из Одессы.
(Исаак Стерн)*

Это был особый день. В одно воскресенье, 20 ноября 1955 года, три великих скрипача выступали в нью-йоркском Карнеги-Холле: Миша Эльман, Давид Ойстрах и Натан Мильштейн. Все трое начали учиться скрипке в Одессе, но пути их к Карнеги-Холлу были совсем разными.

Почему русский провинциальный город стал тем местом, откуда вышло столько замечательных музыкантов? Чтобы ответить на этот вопрос, давайте обернемся в прошлое – на лет шестьдесят с того памятного ноябрьского дня.

Среди многих народов Российской Империи жили и евреи. Почти все русские евреи должны были жить в черте Оседлости, своего рода гигантском гетто в Западной части империи. За редким исключением, евреи не имели права жить в С. Петербурге и Москве. Но они имели право жить в Одессе, которая в начале 20-го века была четвертым по величине городом России.

По словам Леопольда Ауэра, «Одесса один из красивейших городов Европы и напоминает скорее Геную, чем русские города, с которыми у нее нет ничего общего. Город расположен на берегу округлой бухты на Черном море, на террасе, которая находится высоко над «шестью гаванями» ее просторного порта, в котором стоят корабли под флагами всех стран. Сам город, находящийся на высоте от 30 до 50 метров над уровнем моря, имеет широкие улицы, украшенные красивыми современными зданиями, и Набережную с рядами густых деревьев, по которой весь город прогуливается и смотрит вниз на воду и вдаль на бесконечный горизонт Черного моря».

К началу 20-го века население Одессы составляло примерно 450 000 человек: русские, украинцы, французы, итальянцы, немцы, греки и примерно 150 000 евреев; в Одессе была крупнейшая еврейская община юга России. Одесса имела Музыкальное Училище Императорского Русского Музыкального Общества (ИРМО), где еврейские родители могли учить своих детей классической музыке. 80% учеников

Одесского Музыкального Училища были евреи, а скрипка была там самым популярным инструментом.

В России музыкальное образование зародилось поздно. До 60-х годов 19-го века практически все профессиональные музыканты были иностранцами. Те немногие, которым хотелось сделать карьеру в музыке, ехали в Западную Европу: в Париж – как Венявский, российский подданный, или в Берлин – как Глинка.

Катализатором перемен стал великий русский пианист Антон Рубинштейн, который сам учился в Германии. В 1859 году он основал Русское Музыкальное Общество (позднее Императорское Русское Музыкальное Общество) в С. Петербурге. Среди членов ИРМО была Ст. Петербургская консерватория, которую Рубинштейн основал тремя годами позже. ИРМО имело отделения и училища в других крупных городах, включая Одессу. Учителями в этих училищах были лучшие выпускники русских консерваторий. Россия прошла через много перемен за последние 150 лет, но система музыкального образования, основанная Антоном Рубинштейном, сохранилась почти без изменений, что и определило успех столь многих русских музыкантов во всем мире.

Первым профессором Петербургской консерватории по классу скрипки был Генрик Венявский. В 1867 году Венявский ушел из консерватории. Годом спустя, 23-летний Леопольд Ауэр, ученик Я. Донта, Й. Хельмесбергера и Й. Иоахима, был приглашен на его место; он был профессором консерватории до 1917 года. Таким образом, Ауэр стоял у колыбели музыкального образования в России. Но было бы ошибкой сделать вывод что приезд Ауэра в С. Петербург сделал Россию одним из европейских скрипичных центров. Э. Изаи учился в Париже, Ф. Крейслер – в Вене, Я. Кубелик – в Праге, а Ауэр в течение следующих 35 лет не вырастил даже одного великого скрипача. Но его студенты стали концертмейстерами и ведущими педагогами по всей Российской Империи (до того как Яша

Хейфец пришел в класс Ауэра, он занимался в Вильно с бывшим учеником Ауэра). Гениальному учителю нужны гениальные ученики; их нашли и научили многие выдающиеся педагоги, ученики Ауэра и других; они приготовили этих

вундеркиндов для окончательной «шлифовки» у великого Ауэра.

Миша Эльман, самый старший из «Великолепной Тройки» солистов Карнеги-Холла, родился в 1891 году и в пятилетнем возрасте начал заниматься на скрипке в Одесском училище. Его учителем был Александр Фидельман, ученик Ауэра и Адольфа Бродского (между прочим, когда Ауэр отказался сыграть премьеру Скрипичного концерта П. И. Чайковского как «нескрипичного», Бродский его-таки сыграл, и именно ему Чайковский этот концерт и посвятил). В течение последующих шести лет юный Эльман шел гигантскими шагами. И вдруг папа Эльман сел с сыном на поезд и поехал в Елизаветград (нынешний Кировоград), где Ауэр давал концерт во время одного из своих многочисленных туров по России. Ауэр избегал

Миша Эльман

слушать детей, но папа Эльман его уговорил. Вот как сам сам Ауэр описывает этот памятный день:

«Мальчик, которому было примерно одиннадцать лет, очень маленький для своего возраста, с крошечными руками, сыграл концерт для меня. В сложных пассажах он прыгал в позиции как акробат по лестнице. Когда он окончил концерт, я сразу же

знал, какое решение я должен был принять. Я сел и написал рекомендацию директору Консерватории великому Александру Глазунову с просьбой принять маленького Эльмана в мой класс и дать ему полную стипендию (учить бесплатно)».

Эльманы были очень бедны. Ауэр пишет: «Он (папа Эльман) сказал мне, что их финансовое положение очень плохое, что он должен был продать часть своей одежды, чтобы заплатить за билеты из Одессы до Елизаветграда (несколько сотен километров). Он добавил, что он готов пойти на любые жертвы, если его сын будет принят в Петербургскую консерваторию».

Одесский учитель Эльмана был выдающимся педагогом (Фидельман также учил Тошу Зайделя (тоже одессита) и Наума Блиндера, в будущем учителя Исаака Стерна). Позднее, Эльман замечал: «Люди говорят, что я первый великий ученик Ауэра, но я занимался с Ауэром менее двух лет. С точки зрения скрипичности, это Фидельман меня всему научил». Так почему же папа Эльман решился пожертвовать всем, бросить замечательного учителя и променять солнечную Одессу на холодный и негостеприимный Петербург?

Хотя евреям было запрещено селиться в большей части Российской Империи, существовало несколько исключений из общего закона. Еврей с высшим образованием мог селиться где угодно. Чтобы получить консерваторский диплом и право бежать из гетто, молодой еврейский музыкант мог уехать за границу и там учиться (что для нищих Эльманов было финансово невозможно) или стать студентом одной из русских консерваторий. В начале 20-го века в России было только две консерватории, в Москве и Петербурге, и, если говорить о скрипке, особого выбора для Эльманов не было. Ведь вдобавок к званию профессора С. Петербургской консерватории, Ауэр был солистом Его Императорского Величества.

Как пишет Ауэр, «закон разрешал студентам любой национальности жить в столице, но это разрешение не распространялось на их родителей. Папа Эльман вел крайне ненадежное существование, в течение дня прячась в различных убежищах только ему известных, а ночи проводил в грязной, жаркой и душной дворницкой того дома, где он арендовал маленькую комнатку для сына».

Как один из самых знаменитых и титулованных музыкантов Российской Империи, Ауэр имел феноменальные связи во всех уровнях власти С. Петербурга. И он доказал силу своих связей в истории с Мишей Эльманом.

Ауэр продолжает: «Благодаря помощи одного высокопоставленного друга, я добился аудиенции у министра внутренних дел Плеве». Вначале Плеве и слушать не хотел. Но в конце концов министр согласился сделать исключение и принял прошение Ауэра о разрешении временной прописки для папы Эльмана, пока его сын остается консерваторским студентом. «Я думал: а не сожалел ли министр, что не мог он решиться приказать своим лакеям выбросить вон из своего кабинета меня, одного из Солистов Царя и профессора Консерватории?».

Престиж и связи Ауэра помогли ему в получении временных прописок для родителей многих его выдающихся учеников. Среди них были Ефрем Цымбалист, Тоша Зайдель и Яша Хейфец, чьего отца Ауэр зачислил в свой класс, чтобы он мог получить драгоценную прописку. Любым путем, Ауэр набирал в свой класс лучших в мире учеников, а они, в свою очередь, получали лучшего в мире учителя. Как пишет Флеш, тоже выдающийся педагог, «не надо забывать, что в русском гетто Ауэр имел самый лучший выбор учеников. В Берлинской Хохшколе, к примеру, из сорока абитуриентов примерно четверо были выше среднего уровня, в то время как в Петербурге пропорция была 90-95%. Более того, русские скрипичные студенты почти полностью концентрировались в Петербурге, а в Германии они разбросаны по крайней мере в полдюжине городов. В любом случае, в России чисто техническая подготовка скрипачей всегда была на очень высоком уровне».

Для учеников Ауэра его ценность не ограничивалась его педагогическим талантом. Ауэр учился у Донта в Вене, брал уроки у Алара в Париже, был учеником Йоахима в Ганновере. Он знал всех, кого стоило знать в музыкальном мире. Его рекомендация открывала двери для его студентов. В 1904 году Ауэр организовал Эльману дебют в Берлине. Феноменальный успех в Берлине продолжился по всей Европе. В 1908 году у Миши Эльмана состоялся памятный Нью-йоркский дебют в

Карнеги-Холле с концертом Чайковского. Папа Эльман сделал правильный выбор..

В отличие от Эльмана, Натан Мильштейн родился в зажиточной одесской семье в 1903 году. Он был драчуном. Чтобы его приструнить, родители решили учить его игре на скрипке. Они привели его к Петру Соломоновичу Столярскому.

У Ауэра и Столярского, кроме того, что оба были еврейскими скрипичными учителями, ничего общего не было. Ауэр был международной знаменитостью, игравшей «Крейцерову Сонату» с Брамсом, а Столярский играл в конце группы вторых скрипок в Одесском Оперном театре. Ауэр был знаменитый профессор Консерватории, а Столярский ни в какой консерватории и дня не учился. Ауэр учил только продвинутых учеников, а Столярский (который не мог без консерваторского диплома преподавать даже в училище) открыл свою частную школу на дому и начал учить начинающих.

Натан Мильштейн

В течении примерно пяти лет Мильштейн брал уроки у Столярского. Впоследствии Мильштейн говорил, что он не был высокого мнения ни о Столярском, ни о его методе (он, правда, и об Ауэре скептически отзывался). Но Столярский уже тогда понимал, кто такой Мильштейн. В отличие от Фидельмана, Столярский сам решил отдать своего лучшего ученика Ауэру. Когда тот в очередной раз посетил Одессу с концертами, Столярский поговорил с ним о Мильштейне, и Ауэр согласился послушать мальчика. Ауэру ребенок понравился, и он пригласил юного Натана в свой класс. Когда Мильштейн впервые играл в классе Ауэра в Петербургской консерватории, тот обратился к своим ученикам: «Ну, как вам нравится эта черноморская техника?» Мать Мильштейна волновалась, что у нее будут проблемы с пропиской. Солист Его Императорского Величества опять не подвел. Ауэр позвонил Глазунову, директору консерватории; секретарь Глазунова позвонил заместителю министра внутренних дел – и дело было сделано.

Мильштейн был в классе Ауэра два года. Затем Царь отрекся от престола; Ауэр покинул Россию и никогда уже туда не вернулся. Мильштейн остался в России, но при первой возможности, на Рождество 1925 года, покинул Советский Союз, чтобы тоже никогда уже больше туда не возвращаться. После очень успешной карьеры в Европе, Мильштейн осуществил свой знаменитый дебют с оркестром нью-йоркской Филармонии в 1930 году.

Самым младшим из трех одесситов был Давид Ойстрах, который родился в Одессе в 1908 году. Столярский был его единственным учителем. В отличие от Эльмана и Мильштейна, Ойстраху пришлось принимать участие в международных конкурсах, чтобы завоевать право на сольную карьеру.

Для советских вождей, успех их музыкантов за границей был совсем не дорогой возможностью продемонстрировать превосходство социализма. Королева Бельгии Елизавета в 1937 году организовала Международный скрипичный конкурс имени Изаи, который выиграл Давид Ойстрах, а еще четверо других советских конкурсантов тоже были в числе призеров. По словам Мильштейна, «после этого, Елизавета была в таком восторге от советских скрипачей, что постепенно пришла к заключению,

что коммунизм должен быть не так уж плох, если там готовят таких музыкантов».

Давид Ойстрах. 1955 г.

Вначале дебют Ойстраха в Нью-Йорке намечался на осень 1939 года. Уже были куплены билеты на дорогу, но начало Второй мировой войны сорвало все планы. Затем была холодная война. После смерти Сталина в 1953 году, условия улучшились. Переговоры о культурном обмене между СССР и США возобновились, и были подписаны соответствующие соглашения; лучшие артисты с обеих сторон должны были принять участие в концертах. Но тут возникло новое препятствие. Согласно Иммиграционному Закону 1952 года, советские граждане, прибывающие с визитом в США, должны были сдать отпечатки пальцев. Советская сторона была этим сильно возмущена.

Йегуди Менухин вспоминает: «Одним летним днем 1955 года я пригласил Ойстраха на ужин в Клариджес (роскошный ресторан) в Лондоне. Ойстрах советовал мне приехать с концертами в Москву. Я ответил, что ничто мне не принесет большего удовольствия. А между прочим, не пора ли и ему

навестить мою Родину? «Америка!» воскликнул Ойстрах, – это полностью исключено; ему никогда не позволят сойти на американскую землю. Хотя Сталин умер, а маккартистская истерия была на исходе, но холодная война еще продолжалась. Все-таки я чувствовал, что «оттепель» началась и было уже достаточно трещин во льду. Я предложил ему пари на фунт или два стерлингов, что США пригласят его играть. Возможно, это и не соответствовало лучшим спортивным традициям, но дело было важнее чести игрока; в тот же вечер я послал две телеграммы по поводу приглашения для Ойстраха. Одна пошла в Государственный Департамент с просьбой, в виде исключения, отменить для Ойстраха процедуру сдачи отпечатков пальцев. (Русские, как я узнал, связывали эту процедуру с уголовниками). Конечно, нельзя было исключить, что какие-то скрипачи действительно могли быть связаны с уголовными элементами, но я заверил Госдепартамент, что лично гарантирую репутацию Ойстраха. Вторая телеграмма была послана Курту Вайнхольду в Коламбия Консерте, с предложением организовать тур на тех же условиях, что и у меня. Последнее условие было деликатным: ясно, что гонорары Давида должны были быть не ниже моих, но должны ли они быть выше? В течение 24 часов я получил положительные ответы на обе просьбы, и с гордостью зашел к Давиду получить мой выигрыш в результате нашего пари».

Советские артисты получили визы без процедуры отпечатков пальцев, и Ойстрах был первым советским артистом, запланированным на гастроли в США осенью 1955 года. Но опять произошла задержка.

Традиционно более престижно для дебюта исполнять сольный концерт с симфоническим оркестром. Так и было запланировано для американского дебюта Ойстраха: 13 ноября он должен был солировать в Карнеги-Холле с Лондонским Филармоническим оркестром под управлением Герберта фон Караяна. К сожалению, Ойстрах в Лондоне заболел, и его выступление в Карнеги-Холле с Лондонской Филармонией пришлось отменить. Согласно Нью-Йорк Таймс, «отмена его концерта сказалась на числе проданных билетов; 250 билетов остались не проданы. Ранее все билеты были проданы». Таким образом, официальным нью-йоркским дебютом Ойстраха стал

его сольный концерт 20 ноября 1955 года. Рецензия в Нью-Йорк Таймс отмечала: «На протяжении длительного времени публика предвкушала появление господина Ойстраха здесь. Она атаковала Карнеги Холл, чтобы купить билеты на его сольный концерт, заполнила зал до отказа и просочилась на сцену».

Существует легенда, которую даже Игорь Ойстрах повторяет, мы ее приводим здесь по мемуарам Вальтера Легге, знаменитого английского продюсера звукозаписей: «В этот день, днем, Миша Эльман играл сольный концерт который включал сонату Тартини «Дьявольские Трели». В пять тридцать дня программа Ойстраха включала то же самое произведение, а в восемь тридцать вечера того же дня Мильштейн играл «Дьявольские Трели». Давид был готов изменить программу, но мы убедили его не делать этого. Пусть другие пьют то лекарство, которое они сами себе приготовили».

Фактически Миша Эльман не мог исполнять «Дьявольские Трели»: в этот день он играл концерт Мендельсона с нью-йоркской Филармонией под управлением Пьера Монте. Но оба – Ойстрах и Мильштейн – включили Тартини в свои программы.

Вальтер Легге продолжает: «Когда мы прибыли в Карнеги-Холл за четверть часа до начала концерта, Эльман приветствовал Давида с преувеличенной радостью. Во время перерыва, я пошел в артистическую, где и увидел Эльмана, поздравляющего Давида. Когда мы оказались на таком расстоянии что Давид нас уже не мог услышать, Эльман, знаменитый своей ревностью ко всем своим коллегам, сказал: «Ну, если это Ойстрах, то даже Хейфец лучше играет!». Не так уж легко в восьми словах очернить двух значительно лучших коллег... Техника Ойстраха была безгранична, но он использовал ее только в музыкальных целях. Его первый «бис» в нью-йоркском дебюте был «Листок из Альбома» Вагнера, медленная пьеса, требующая лишь благороднейшего легато и самого искреннего музыкального чувства. Когда он окончил, я посмотрел в соседнюю ложу, где сидел Исаак Стерн. Я увидел, что его глаза, как и мои, и как без сомнения сотен других слушателей в зале, были полны слез».

Хотя Легге создает впечатление враждебности между одесситами, реальность была совсем другой. Вот как

Мильштейн рассказывает о том дне: «Это была сенсация! Ойстрах впоследствии вспоминал, как он волновался и дрожал. Я не дрожал, но у меня вдруг так заболели ноги, что Ойстраху пришлось помочь мне выйти на сцену. Он меня туда буквально вытолкнул. Не мне судить, кто выиграл это необычное соревнование. Я постарался представить интересную программу, и рецензенты это отметили».

На следующий день все три скрипача имели причину ликовать. «Нью-Йорк Таймс» написала о концерте Эльмана: «Концерт Мендельсона во вчерашней программе был музыкой весенней свежести и простоты. Особенно в первых двух частях скрипка господина Эльмана сладостно пела, а чистота звука околдовывала. Но его игра имела гораздо больше, чем чувственную привлекательность. Он проник в простую, лирическую сердцевину этой музыки до той степени, которая редка даже среди великих скрипачей».

Рецензия «Нью-Йорк Таймс» на концерт Ойстраха сообщала, что «уже много лет слава господина Ойстраха предшествовала его личному приезду. Его записи подготовили нас к скрипачу с огромным, сочным звуком, потрясающей интенсивностью и мощностью. То, что мы слышали вчера, было иным и лучшим. Звук господина Ойстраха не был подавляющим, но в нем были тонченность, деликатность и теплота, которые были очаровательны».

О сольном концерте Мильштейна «Нью-ЙоркТаймс» написала: «Вчера вечером Натан Мильштейн заключил великий день скрипичной игры в Карнеги-Холле. Среди 2 300 слушателей, которые собрались послушать его, в зале были два его предшественника, Миша Эльман и Давид Ойстрах. Это неполный список скрипичных знаменитостей, присутствовавших на концерте. Также на концерте были Исаак Стерн, один из его младших современников, и 80-летний Фриц Крейслер, один из великих скрипачей предыдущего поколения. То, что они слышали, было превосходным исполнением четырех популярных произведений скрипичного репертуара (Соната «Дьявольские Трели» Гартини, Первый концерт Бруха, Сольная партита Баха в ре мажоре и соната Брамса в ля мажоре). Они были сыграны с глубокой музыкальностью, поэтическим чувством и с удивительной красотой исполнения;

эти хорошо знакомые произведения звучали так свежо и сердечно, как будто слышались впервые».

На следующий день, согласно Вальтеру Легге, «Ойстрах пообедал наедине с Эльманом в его квартире, неохотно, так как боялся, что хозяин начнет говорить о политике, теме, которую Давид всегда избегал. Ойстрах заметил что Эльман, наверное, был счастлив жить в стране, такой богатой великими коллегами – Хейфец, Менухин, Стерн, Мильштейн, Франческати... Эльман перебил его: «Если ты зовешь их моими коллегами, ты не слышал, как играю я», достал свою скрипку и на час дал Ойстраху сольный концерт без аккомпанимента. Ойстрах рассказывал об этом эпизоде без тени неудовольствия. Он был лучшим из коллег, щедрым на похвалу».

«Когда Ойстрах прибыл в Нью-Йорк впервые в 1955 году, он мне позвонил, – писал Мильштейн. – Я пригласил его на ужин, и мы вспоминали старую Одессу. Ойстрах напомнил мне, что мы выступали вместе в Одессе свыше сорока лет тому назад, весной 1914 года. Он открывал студенческий концерт, а я стоял последним в программе как выпускник школы нашего профессора Столярского».

Итак, три великих музыканта-скрипача выступили 20 ноября 1955 года в Карнеги-Холле.

Что за день это был!

Александр Сиротин
Нью-Йорк, США

ПОБОЛЬШЕ СМЕЙТЕСЬ! К 100-ЛЕТИЮ СМЕРТИ ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА

13 мая 2016 года исполнилось 100 лет со дня смерти Шолом-Алейхема. Говорят, он всемирно известен. Я не проверял, но уверен, что евреи в СССР знали, читали и почитали его. У всех моих еврейских знакомых в Москве в книжном шкафу под стеклом на видном месте стоял коричневый шеститомник сочинений писателя на русском языке под редакцией и с предисловием Моисея Соломоновича Беленького. 37 лет назад этот шеститомник вместе со мной переехал в Америку, в Нью-

Йорк, как более 100 лет назад, в 1914 году, переехал сюда сам Шолом-Алейхем.

Так получилось, что произведения Шолом-Алейхема сопровождали меня всю жизнь. Я с самого раннего детства слышал от матери, актрисы московского Государственного еврейского театра (ГОСЕТ) о постановках пьес по романам Шолом-Алейхема «Тевье-молочник» и «Блуждающие звёзды», о том, как гениально играл роль Тевье Соломон Михоэлс. А «Мальчика Мотла» мама мне читала, когда мне было лет пять. Когда при Москонцерте был создан Еврейский драматический ансамбль, были возобновлены и «Тевье», и «Блуждающие звёзды», и «Крупный выигрыш» («Двести тысяч»). Я много раз смотрел эти спектакли, поскольку в них играла моя мать, Нехам Сиротина.

Когда я в 1978 году эмигрировал из СССР, то три месяца жил в Риме, и там в еврейском клубе работники ХИАСа показали нам, ожидавшим въезда в США, Канаду или Австралию, экранизацию мюзикла «Скрипач на крыше» с Хаимом Тополем в роли Тевье-молочника. Этот фильм произвёл на меня неизгладимое впечатление. Потом, уже живя в Нью-Йорке, я смотрел на Бродвее каждый новый вариант этого мюзикла, брал интервью у исполнителей, и – мне повезло – несколько раз разговаривал с Хаимом Тополем, который прилетал из Израиля.

Была у меня и почти личная, как я считаю, встреча с писателем. В Нью-Йорке есть Национальный еврейский театр Фолксбине. В нём два сезона играла моя мать. А потом и меня пригласили на роль Вани Иванова в инсценировке романа Шолом-Алейхема «Кровавая шутка». Под руководством режиссёра Израиля Беккера и с помощью моей мамы я выучил большую роль на языке идиш и впервые в жизни играл не на русском и не на английском, а на еврейском языке. Каждый раз на сцене у меня было чувство, что в зале сидят не просто зрители, а мои дедушка и бабушка, которые всегда плохо говорили по-русски, а между собой и со своими детьми говорили только по-еврейски. И становилось очень тепло на душе: я был со своими! Я был с Шолом-Алейхемом!

Живя в Нью-Йорке, я перечитывал «Мальчика Мотла в Америке» и удивлялся, как похожи впечатления эмигрантов, приехавших в эту страну в начале 20-го века и в конце. Для

передачи атмосферы, хочу привести пример из этой повести Шолом-Алейхема.

В Америке хорошо то, что все вам приносят прямо в дом. И всё вам дают на выплату. За один доллар в неделю вы можете обставить свою квартиру по-барски. Здесь никто ничего не покупает за наличные деньги. Разве только такой человек, как Джейкоб Шиф. Он, говорят, самый богатый человек в Америке. Богаче его нет. Так говорит мой брат Эля. А наш друг Пиня уверяет, что Карнеги гораздо богаче, и Вандербильдт тоже, а Рокфеллер и подавно! Но Эля не соглашается: ни в коем случае! Те, может быть, имеют большие земли, имений, но наличных денег – дудки! Шиф богаче всех. Тогда Пиня начинает горячиться и кричит, что Эля сам не знает, что говорит. Одних пожертвований Рокфеллер раздает за год больше, чем все состояние Шифа. Тут уж не выдерживает Эля и говорит Пине, что он юдофоб, антисемит, потому что если бы Рокфеллер даже и был богаче Шифа, он все равно должен был бы говорить, что Шиф богаче.

Потому что Шиф – еврей.

–Будь он хоть трижды еврей! – отвечает Пиня. – Из-за этого я буду лгать? Ты, Эля, чересчур часто забываешь, что мы в Америке, что в Америке терпеть не могут лжи!

– Столько бы болячек нашим врагам, да на хорошем месте, и столько добрых лет нам всем, сколько выдумок и лжи говорят за один день в Нью-Йорке, не считая Бруклина, Бронзвилья и Бронкса.

Так говорит моя золовка Броха, и спору приходит конец.

...Шолом-Алейхем умер в Нью-Йорке от туберкулёза и похоронен на кладбище «Гора Кармель» (Mount Carmel Cemetery) в микрорайоне Глендэйл, Квинс (Glendale, Queens county, New York). К сожалению, найти его могилу трудно. Я как-то потратил на это почти три часа. Никаких указателей не нашёл. На надгробном монументе всё написано только на идиш, и если с вами нет человека, который читает по-еврейски, вы можете уйти ни с чем. Мне повезло: мимо проходил пожилой человек, который знал идиш и показал, где в закреплённой за организацией «Арбетер ринг» (Workmen Circle) секции №1, блок Е, под номером 16 находится скромная могила великого еврейского писателя. Он сам завещал, чтобы его похоронили

среди простых еврейских работяг. А ещё он завещал, чтобы в годовщину его смерти читали самые смешные его рассказы и хохотали до слёз.

В 2014 году мюзикл «Скрипач на крыше» отмечал 50-летие. Он был поставлен на сцене в 1964 году. А через шесть лет был экранизирован. Юбилейный вечер организовал в Нью-Йорке Национальный еврейский театр Фолксбине. В манхэттенском концертном зале «Таун Холл» собрались те, кто стоял у истоков мюзикла. Это, прежде всего, автор текстов песен Шелдон Харник. Он сыграл важную роль в создании знаменитого мюзикла. А какую роль этот мюзикл сыграл в его жизни?

– Очень большую, – ответил он мне на вопрос. – Во-первых, мюзикл вернул меня к моим еврейским корням. Когда мы с композитором Джерри Боком и либреттистом Джозефом Стайном приступили к работе, в основу которой легли рассказы Шолом-Алейхема о Тевье-молочнике и его дочерях, я стал по-другому читать этого великого еврейского писателя, стал вспоминать своё детство в Чикаго, тамошних еврейских эмигрантов из России, как они пытались сохранить в Америке свои национальные традиции. Впервые я прочёл Шолом-Алейхема еще в школе. Я тогда увлекался американской юмористической литературой. Шолом-Алейхема называли у нас еврейским Марком Твенем. Хотя, говорят, сам Марк Твен однажды назвал себя американским Шолом-Алейхемом. В подростковом возрасте я не понял всей глубины его прозы. Когда мы начали работу над мюзиклом, я стал перечитывать Шолом-Алейхема – и полюбил его всей душой.

50 лет назад израильский актёр Хаим Тополь сыграл роль Тевье на сцене лондонского «Театра Её Величества». После этого кинорежиссёр Норман Джуиссон пригласил Тополя на главную роль в своём фильме. Эта роль принесла актеру всемирную славу. Сейчас Хаиму Тополью 80 лет.

– Когда я работал над ролью Тевье, – сказал Хаим Тополь, – перед глазами были два человека: мой отец и замечательный израильский актёр Шмуэль Роденский, которого я считаю своим учителем.

— Вы играли Тевье сначала на сцене, потом в кино, потом опять на сцене. Как дались вам эти переходы? – спросил я.

– К счастью, я сначала сыграл эту роль в театре. Если ты сыграл Тевье на сцене 500-600 раз, значит, у тебя было 500-600 репетиций, прежде чем ты вышел на съёмочную площадку. Когда я появился перед кинокамерой в роли Тевье, я точно знал, кто я и чего хочу. Думаю, это было одной из причин, почему режиссёр Джуиссон выбрал меня. Мне тогда было 35 лет. Играть старого мудрого Тевье в киномузике я бы не смог, если бы не мой театральный опыт.

Когда в 2009 году мир праздновал 150-летие со дня рождения Шолом-Алейхема, в Нью-Йорке вышел спектакль, посвящённый этой дате. Он назывался «Смех сквозь слёзы». Этим спектаклем нью-йоркский еврейский театр Фолксбине открыл 95-й сезон. Гвоздём сезона стал моноспектакль, в котором переплелись письма Шолом-Алейхема, персонажи его произведений, еврейские песни и тот еврейский мир, которого уже нет. На сцене был Теодор Бикель, сам похожий на Тевье-молочника. Трудно поверить, что актёру тогда было 85 лет. В спектакле-монологе было много юмора и много грусти. Актёр рассказывал про похороны Шолом-Алейхема в Нью-Йорке, а казалось, что это были похороны литературы на идиш. Впрочем, с этим многие не согласны. На мой вопрос, как здоровье еврейского театра на идиш вообще, и театра Фолксбине в частности, председатель общественного совета директоров еврейского театра Фолксбине Джеффри Вайзенфелд ответил:

– За последние годы Фолксбине полностью обновлён и теперь переживает свой Ренессанс. Можете спросить у русскоязычных евреев Нью-Йорка, и они подтвердят, что все билеты на наши спектакли обычно раскуплены. Конечно, успеху способствовало то, что мы стали переводить еврейский и английский тексты на русский язык.

Внучка Шолом-Алейхема писательница Бел Кауфман пожелала говорить со мной по-русски:

– Я так люблю русский язык! А мне не с кем говорить. Я очень старая, мне 98 лет. Ужас! Когда я встречаю кого-нибудь, кто говорит по-русски, это будто родственник.

Удивительно, как Бел Кауфман (она умерла в 2014 году в возрасте 103 лет) помнила русский, хотя приехала в Америку, когда ей было 12 лет.

– Я сохранила язык потому, – объясняла она, – что очень люблю читать Пушкина не в переводе, а в подлиннике.

А вот Шолом-Алейхема в подлиннике уже мало кто может прочитать. Но даже в переводе, даже на русском или на английском, читать его произведения – огромное удовольствие.

Сам Теодор Бикель признался мне тогда, что не смог рассказать всё, что хотел бы рассказать языком Шолом-Алейхема о еврейской литературе, о еврейском театре, о судьбе русских евреев, о судьбе самого Шолом-Алейхема и о своей собственной. Рассказать, смеясь и плача.

... Как сказал мне актёр Файвуш Финкель, у Шолом-Алейхема каждое слово такое вкусное, будто ешь приготовленную мамой фаршированную рыбу.

Ирина Чайковская
Б. Вашингтон, США

РОДИНА – ЭТО ТО, ЧТО ПРЕДСТОИТ
Интервью с писателем Сергеем Юрьененом

Ирина Чайковская. Сергей, если посмотреть на вашу жизнь, то вы – вечный странник. Остались на Западе, в Париже, в 1977 году, перебрали несколько стран Европы – Францию, Германию, Чехословакию, сейчас живете в Америке. «Что же вас гонит?» – задам вам вопрос из лермонтовских «Тучек небесных».

Сергей Юрьенен. Перед вами, Ирина, география человека, который ехал в Америку. С пересадками и остановками на много лет. Но вполне маниакально.

ИЧ. Лермонтов о своих тучках говорит: «Нет у вас родины, нет вам изгнания». А у вас есть родина? Или вы человек вселенной? Испытываете ли вы ностальгию? Вы писатель, пишете по-русски. А могли бы писать, скажем, по-французски или по-немецки?

СЮ. Я испытываю благодарность к возникающим в памяти образам. Это было, было именно это, и от этого не избавиться. Однако всегда, с тех пор когда начал об этом задумываться, исходил из того, что родина – это то, что предстоит. Будущее, а

не прошлое (что в моем случае Франкфурт-на-Одере и Бранденбургские концерты). И, конечно, равнозначна она свободе.

ИЧ. В эпитафии к «Дочери генерального секретаря» вы приводите слова Достоевского из набросков к «Бесам», что, если человеку милы иностранки, значит он оторван от «почвы и корня». Вы много лет были женаты на испанке Ауроре Гальего. Что скажете о своей оторванности от «российского корня»?

СЮ. Эпитафия задает тему, но употреблен там в ироническом смысле. Брак с испанкой, родившейся в Париже, везде побывавшей и переводившей мне со всех языков, конечно же, изменил мои перцепции, весь аппарат восприятия советского гражданина 24-х лет. Впрочем, отчасти я к этому был подготовлен своим интересом к «иным мирам» и обстоятельствами происхождения.

ИЧ. Вы ведь по отцовской линии «последний представитель эмигрантов из ниоткуда, когда-то возлюбивших империю Российскую и взявших курс на Петербург». Это я привожу цитату из «Сделай мне больно». Так уж из «ниоткуда»? Вы Юрьенен, первоначально Юргенен, это скандинавская фамилия... А по матери вы из Австро-Венгрии, тут только догадываться можно, какой национальности был ваш австрийский дедушка. Вы оставили себе фамилию отца, что мешало в советской жизни, провоцировало вопросы о национальности. Спрошу вот о чем: кем вы себя ощущали тогда, в свои 16? И кем ощущаете себя сейчас?

СЮ. В 16 лет я – такой, каким был, со всеми названными атрибутами – казался себе ходячим абсурдом. Монокультура исключала, и порою весьма агрессивно, мое право на существование – даже физическое. Не то чтобы я надувал щеки от важности, что я такой другой и многосоставной, но взял под защиту свою индивидуальность и экзистанс. Что завершилось бегством от «чудища обло, озорно и лайй» – прекрасный образ этой монокультуры оставил нам переводиссидент Радищев. То есть сначала я не без риска, поскольку как невозвращенец попал в особо опасные госпреступники, изменил мир вокруг себя. Затем этот новый стал меняться в мою мультикультурную пользу: представьте себе Францию Жискар Д'Эстена (возлагавшего венки к Мавзолею) и эту же страну наших дней.

Сегодня в мире, что у всех у нас за окном и в Интернете, теперь я, если и абсурд, то худо-бедно воплощенный.

ИЧ. Ваша первая жена, Аурора Гальего, была дочерью генерального секретаря Компартии Народов Испании. У меня есть к вам несколько испанских вопросов. Мы знаем, что Советский Союз активно участвовал в Гражданской войне в Испании, на стороне республиканцев воевало много советских так называемых добровольцев, были командиры, летчики... Знаю, что в Испании после победы Франко произошло «национальное примирение». Но интересно, как испанцы относятся к Советскому Союзу, к России? Моя старшая подруга Юлия Добровольская, участница испанской войны, считает, что Сталин хотел присоединить Испанию, сделать ее советской. Что же это было – «героическая страница в истории наших народов» или что-то другое?

СЮ. С госпожой Добровольской всецело согласен. Франко, конечно, малоромантическая фигура, и холодная беспощадность расстрелов в белых перчатках не менее отвратительна, чем убийства служителей церкви и прочие запредельные зверства «рохос» («красных»). Но Франко знал, что другого шанса не будет у страны на западном краю Европы. Патриа о муэрте.¹ Думаю, что Испания справедливо чтит своего каудильо как спасителя от абсолютного зла.

ИЧ. Многих испанских коммунистов после поражения республиканцев в Гражданской войне Сталин уничтожил, посадил, довел до самоубийства. Но Советский Союз в конце 1930-х принял большое число испанских детей. Потом, в 1956-59 гг. и позже, кто-то из них вернулся на родину. Что они говорили о приютившей их стране? ругали, проклинали, были благодарны?

СЮ. Вы, конечно, помните образы испанцев в «Зеркале» Тарковского. Стресс, под которым жила эта эмиграция в СССР, передан там так, что я помню восторги молодой моей жены. До окончательного отъезда из СССР мы с Ауророй пять лет прожили в Москве.

В двух шагах от «Детского мира» и еще более известного здания за ним находился так называемый «Испанский центр».

¹ Родина или смерть (исп.)

Мы держалась на дистанции от испанской эмиграции (как потом на Западе от русской), но бывших «ниньос» (детей) пришлось наблюдать во множестве, и самых разных. Несмотря на привилегии и льготы, меньшинство это страдало куда больше, чем советские аборигены.

Даже те, кто «роптали» по заданию и с целью вызвать нас с Ауророй на откровенности ради пополнения компромата. Невозможность вернуться на родину была для них как постоянный нож в сердце. При том, что Испания, как они знали, стремительно менялась к лучшему. Не только процветала, но и становилась все более свободной. Испанцы в общем-то экстраверты и фанфароны («Принять смерть, что таблетку аспирина», говорили рохос на гражданской), и это прорывалось иногда у них и в Москве 70-х. Но атмосферный столп тоталитаризма поголовно превращал их в пугливых интровертов. Даже самых отчаянных когда-то. Не знаю, что может быть печальнее испанца с потухшими глазами.

Самый трагический случай описан в «Дочери генерального секретаря». Это советское самоубийство младшего брата Сантьяго Карильо, генсека КПИ и одного из основателей еврокоммунизма. Роберто Карильо, которому выезжать не давали дальше Румынии, где была антифранкистская радиостанция «Пиренаика», даже не роптал. Все было понятно и совершенно безысходно. Формой антикоммунизма в данном случае стал беспощадный, совершенно мазохический алкоголизм, остановивший сердце.

ИЧ. Хотела вас спросить о вашем пасынке, счастливо обретенном Ауророй ее сыне, которого она считала умершим, Рубене Гальего. Большой церебральным параличом, он стал писателем, написал о своих мытарствах в инвалидных домах в книге «Белое на черном». Как все-таки он нашелся? Это вы помогли ему издать книгу? Как сейчас складывается его судьба? Слышала, что в Америке в 2011 году он упал в инвалидной коляске на рельсы в метро, ему делали операции. Почему сейчас он живет в Израиле – из-за тамошней медицины? И еще такой вопрос: отыскался ли его родной отец, бывший в момент его рождения студентом МГУ из Венесуэлы?

СЮ. Что значит «пасынок»? О существовании Рубена я не подозревал. Я знал, что первый брак Ауроры с венесуэльцем

закончился смертью их близнецов, и, конечно, не мог предвидеть, что «песни мертвых детей» услышу не только я, но и весь мир. Мы прожили с Ауророй в разных странах 27 лет, а после победы над коммунизмом развелись. Это было в Праге. Мы работали в одном месте и сохраняли вполне диалогические отношения. Рубен прорезался из небытия года через два после нашего развода. Так что как пасынок он для меня не состоялся. К моему искреннему сожалению. Но я постарался сделать в Праге все, чтобы Рубен обрел голос. Потому что сразу увидел в нем писателя. Каждый из нас есть, как минимум, одна интересная книга.

Многие меня упрекали за то, что я их побуждал и даже принуждал к самовыражению в письменном виде. Мама, например. Но для мамы с ее довоенным советским и немецким лагерным опытом мне пришлось стать медиумом, и за четыре года мы произвели «Германию, рассказанную сыну». Рубен же написал свою книгу самостоятельно. Видел текст на потолке и указательным пальцем набирал на клавиатуре компьютера, который ему купила в Праге обретенная мама: для нее Рубен стал смыслом последнего десятилетия ее жизни.

Нашелся же Рубен потому, что решил, что пришла пора возникать из небытия, на которое его обрек «международный коммунизм». В 2000 году я получил по электронной почте несколько коротких рассказов из Новочеркаска. Город расстрелянного пролетариата, а имя – Давид Гонзалес. Писал этот Давид о судьбах в СССР детей «с ограниченными возможностями».

Тексты меня потрясли. Мы стали общаться путем взаимной переписки, я сделал передачу на «Свободе», где занимался культурой и среди прочего вел литературную программу «Экслибрис». Эту передачу «Рубен Давид Гонзалес Гальего. Записки из детского дома» можно и сейчас услышать по линку archive.svoboda.org/programs/ex/ Аурора в передаче выступила диктором, читала рассказы сына, воскресшего в российской глубинке. Невероятный резонанс вдохновил Рубена, который приехал в Прагу и воссоединился с мамой – на первую книгу. Отклик аудитории и поддержка мамы. Были и другие источники вдохновения. Гертруда Стайн, которую я ему принес, почувствовав какое-то сродство его прозы с прозой наставницы

молодого Хэмингуэя. Юз Алешковский, которого привел к Рубену, тоже энергично поддержал. Последующее общеизвестно. Премия Букера, признание в России и переводы на двадцать с лишним языков. Совершенно уникальная судьба. Трагедия, героизм, триумф.

ИЧ. Извините, если вопрос не вполне корректен, но все же: почему вы ушли со «Свободы»? Очень любила и люблю это радио, слушала его в тяжелые времена, слушаю и сейчас, когда «Эхо Москвы» становится скучным. Вы были прекрасный ведущий «Поверх барьеров», вели программу «Экслибрис». Было время – я мечтала, чтобы вы прочитали какой-нибудь из моих рассказов. Что вас там не устроило?

СЮ. Я помню нашу с вами переписку. Чтобы не вдаваться в корпоративный драматизм десятилетней давности... Без малого двадцать семь лет было отдано подрывному эфиру. Что было оценено по заслугам. «Свобода» дала мне свободу без кавычек.

ИЧ. Сергей, ваш последний роман «Фен», который мне довелось прочитать, не стал ли для вас неким итогом взаимоотношений с радио «Свобода», или, как вы называете его в книге «Подрывным центром»? Это своеобразный реванш?

СЮ. «Подрывным центром» радио называла партийно-советская печать. И справедливо. Капля камень точит. Долбить стали в канун смерти Сталина – и в режиме нон-стоп день за днем, десятилетие за десятилетием вливали в советские уши бальзам в виде достоверной информации о стране и мире. В конечном счете, заслуги этого «центра» признали главными сокрушители системы: Горбачев, Яковлев, Ельцин. Книга роман-фактоид. История персонажа, который попал в уникальную, исторически беспрецедентную организацию. И вместе с коллегами помог привести ее к победе над.

ИЧ. Уходите от вопроса? Что значит к «победе над»? Все же была у вас мысль «расквитаться» с радио, которое вас не оценило?

СЮ. Над коммунизмом, Ирина. Вот что значит «над». А что касается «недооценки»... Мы же в Америке: боссы приходят и уходят, корпорация остается. Фриланс в Париже через без малого три десятилетия ушел с должности, которая называлась замдиректора. По культуре, разумеется, – ничем иным я там не занимался. Куда, скажите, было дальше? Креативная фигура –

для нее любая власть, начиная со своей собственной, – испытание почище, чем руки брадобрея.

ИЧ. Как писатель, мне кажется, вы опираетесь не на русскую классику, а на какие-то другие образцы. Какие? Кто у вас из любимых? У вас много, с одной стороны, политики, «диссидентства», с другой – эротики. Откуда это? У Нагибина было что-то похожее в его последних повестях, сейчас – у Виктора Ерофеева. Но вообще русская литература довольно стыдлива, вы не находите?

СЮ. Я с детства полюбил экстремалов. Как Франсуа Рабле, чья книга была главной в детстве: уже в третьем классе я достал «взрослое» издание, хотя в Советском Союзе и оно было адаптированным. «Путешествия на край ночи» – последняя книга, которая довела меня до слез еще в конце 60-х. Англоязычный эротизм влиял намного меньше, чем французский. Но англичан с американцами мы любим за другое.

Особой стыдливости в русскоязычной литературе сегодня я не наблюдаю, но похоже, в экстремальных образцах ее интересует не столько эротика, сколько совсем обратное и производное от Танатоса. Скатология² и некрофилия в многообразных формах. Что контекстуально понятно, но не есть моя «чашка чая».

ИЧ. Вам не говорили, что вы «непонятны»? что вы пишете словно для себя, пропуская всякие объяснения, не желая облегчать читателям их работу? Понимаю, что это сознательный прием, но не слишком ли вы им злоупотребляете? Что если плюнут – и отбросят книжку? Вообще для какого читателя вы пишете? Кто он? Откуда?

СЮ. Насчет непонятности – нет, не говорили. Но вот от вас услышал. И что сказать мне в оправдание? *Understatement*, недоговоренность и суггестивность, для меня не только литературный прием, но, возможно, свойство характера. А человек, как мы знаем, – стиль.

² *С греч.* - литература, анекдоты, шутки о физиологических отправлениях; влечение к такой литературе и анекдотам.

Я не особенно ропщу на то, что замолчан в России как писатель, хотя отчасти так и есть, включая украденные и уничтоженные тиражи. До конца ничто не уничтожается и не исчезает, а мне нравится быть раритетом. Пишу же я для того альтер эго, каким и сам являюсь: для глобального русскоязычного читателя. Где он именно обретается и каким способом достает мои тексты – это вопросы не ко мне.

ИЧ. Расскажите, чем вы сегодня живете, в чем черпаете силы для жизни.

СЮ. Пишу, издаю. Люблю свою американскую жену. Атлантику с Карибами. Совершаю трипы в иные миры.

ИЧ. Вы говорите о «трипах в иные миры». Мне не совсем понятно, о чем вы (вот образец той «непонятности», о которой я упоминала) – о путешествиях, о чтении книг или о спиритических сеансах и мистических озарениях?

СЮ. Океану, конечно, предпочтение, но тут я имею в виду горы. Трипы в Катскильские горы, которые открывают вид на иные миры. Настолько, что там забылся сном на двадцать лет Рип ван Винкль, герой писателя-романтика Вашингтона Ирвина. Там полно разнообразных ашрамов. Вообще это самые мистические горы в стране. Наши Гималаи.

ИЧ. А что такое ашрамы?

СЮ. Это учебные центры-храмы. Например, буддистские.

ИЧ. Теперь понятно, почему вы сказали «мистические». Как вы смотрите на то, что происходит сейчас в Европе, в родных для вас Франции и Германии? Что можно сделать с наплывом эмигрантов из мусульманских стран? Не самоубийственную ли политику проводили до сих пор эти «флагманы» Европы?

СЮ. Да уж «родных». Было бы так, я оказался бы не в Новом Свете, а припадал бы к «священным камням». Не безразличных, однако. Сердцу дорогих. Русский менталитет со времен Достоевского требует эти камни оплакивать. И к этому я вполне готов, поскольку помню и не забываю Западную Европу эпохи холодной войны. Несмотря на советский дамоклов меч, уютней места в мире не было. Западноевропейский покой гарантировал Жи-Ай. «Жандарм Европы», как кричали Советы. У меня есть старый рассказ, который называется «Американское присутствие». Оплакивающий превращение этого присутствия в

американское отсутствие. Наступивший вакуум деформировал Европу.

Свято место пусто не бывает, что Кремль не замедлил подтвердить. Мы ушли, они пришли. Я не имею в виду кирзовый сапог или во что теперь их обувают. Сапог – завершение процесса. А его продвинутая стадия – это вам и ошеломительная коррупция руководящих чиновников Евросоюза, и электорат, не знающий, куда бросаться – вправо, влево или забить на все и впасть в цинизм. И тот же наплыв эмигрантов, бегущих от российских бомб или под их предложением.

Что можно сделать? Я не парижская префектура или аналогичный германский «амт». Пусть проверяют соискателей на отсутствие подрывных намерений с тем же служебным рвением, как некогда нас, диссидентов из Советского Союза, наплыва из себя не представлявших, но стоявших в общих очередях с теми же мусульманами, не говоря про иудаистов, христиан, буддистов, индуистов, атеистов и прочих беженцев, которым посвящена статья 120 Конституции 1793 года: «Французский народ предоставляет убежище иностранцам, изгнанным из пределов своей родины за преданность свободе».

Но если вопрос ко мне как американскому гражданину и русскоязычному писателю, ответ будет такой: вернуться на европейскую арену. Интеллектуально, информационно и насколько хватит guts. Священные камни к этому зывают – если еще не вопиют.

ИЧ. Бываете ли вы в России? Что думаете о ее будущем – и расширю – о будущем всех нас, живущих в очень сложное, чреватое катастрофой время?

СЮ. Последние 38 лет бывать не доводилось. Когда я уезжал, хорошие люди говорили: «Роковую ошибку делаешь». Тогда был Советский Союз. Новая страна сумела доказать, что ошибку сделали те, кто остались, возлагая надежды на лучшее. Станет ли она роковой для них всех и всех нас?

Знаете, во времена той холодной войны, которая, казалось бы, благополучно закончилась для человечества, на «Свободе» был штамп, который мы, редактора, в конце вычеркивали у всех подряд автоматически: *«Поживем – увидим»*.

Евсей Цейтлин
Чикаго, США

ПОСЛЕ ЮБИЛЕЯ: МИССИЯ СЕМЕНА ЛАНВЕРГА

19 апреля исполнилось семьдесят лет Семену Михайловичу Ланвергу – чикагскому радиоведущему, замечательному театроведу и культурологу

Этот юбилей мало кто заметил. Ланверга поздравили в эфире двое его коллег по радио «Новые горизонты». Не было творческого вечера. Не обмолвились об этом *событии* другие, теперь уже многочисленные чикагские русскоязычные радиостанции. Промолчали газеты. Впрочем, думаю сейчас: тут нет ничего удивительного. В эмиграции СМИ на редкость «самодостаточны»; их – если не пахнет скандалом – не волнует вопрос: что там у «соседей»?

Семен Ланверг вместе с Еленой Образцовой

Когда-то меня познакомил с Ланвергом наш общий, увы, уже покойный друг искусствовед Ванкарем Никифорович. Он говорил о Ланверге с восхищением и печалью: эмиграция явно не востребовала многие таланты этого яркого человека.

Потом мы изредка встречались на чикагских улицах или каком-нибудь концерте.

Однако мне всегда казалось: я хорошо знаю Ланверга. Наверное, здесь не было ошибки. Дело в том, что в течение двадцати лет я слушал по радио его авторскую программу «Имена».

Помню, впервые меня привлек красивый, пожалуй, даже завораживающий голос ведущего. Его богатая, щедрая на нюансы и оттенки русская речь резко выделялась на фоне обычного радионного мусора. Я удивился. И не перестаю удивляться до сих пор, стараясь понять уже другое: в чем своеобразное обаяние, неумолимое притяжение радио-эссе Ланверга?

Вот неторопливо идем мы с ним по театральной Москве или театральному Киеву (цикл из доброго десятка передач!). Вот заглядываем на репетиции Соломона Михоэлса, Юрия Любимова, Анатолия Эфроса. Вот приходим на спектакли Владимира Высоцкого или Олега Даля. Разные эпохи, разные индивидуальности – неизменно одно: у слушателя возникает сразу не объяснимый «эффект присутствия»...

Конечно, это одна из безошибочных, вечных примет театра. Не зря свои программы Ланверг называет (конечно, для себя, мысленно) спектаклями. Так для него привычнее. Но в этом есть и иной, глубинный, смысл. Спектакль? Хотя, вроде бы, многие его программы по форме представляют собой интервью, которые я слушаю, боясь оторваться.

Нет, меня не гипнотизируют имена: Олег Табаков, Армен Джигарханян, Михаил Козаков, Валентин Гафт, Елена Образцова... Нет, ведущий не задает вопросы, от которых интервьюируемым хочется спрятаться. Просто вместе с собеседниками (со многими он общается уже десятилетия!) Ланверг опять совершает маленькое чудо: реконструирует спектакли, фильмы, театральный процесс, да что там – ушедшие годы. То же и с собеседниками помладше – Сергеем Маковецким, Олегом Меньшиковым, Сергеем Безруковым, Юлией Рутберг, Максимом Авериным, когда Ланверг размышляет о «новом театре» или задается старым вопросом: «Смотрите, кто пришел!»

Однажды Эльдар Рязанов сказал ему после передачи: «Семен, вы знаете обо мне больше, чем я сам. Я-то уже стал забывать».

Не раз с удивлением замечал, как у гостей Ланверга (если они раньше не были знакомы с Семеном) неожиданно меняется настроение, в частности, исчезает плохо скрываемое пренебрежение к «заморскому» радиоведущему – появляется уважение к его несомненному профессионализму. Так было, помню, с Константином Райкиным – до тех пор, пока Ланверг не начал блистательно анализировать первые спектакли театра «Сатирикон». Так было с Михаилом Ефремовым – пока Семен точными штрихами не нарисовал устный портрет Олега Ефремова: портрет светлый и трагический, одновременно.

Творчество неповторимо озаряет нашу жизнь и придает ей единственный, сокровенный смысл. Так я бы передал лейтмотив программ Семена Ланверга. Вот почему он представляет слушателям не только шедевры театра, но говорит о знаменитых «Русских сезонах» Дягилева, окрашенных тайной картинах Бенуа, Бакста, Врубеля, музыкальных экспериментах Стравинского, неумирающих танцах Анны Павловой и Вацлава Нижинского, поэзии Бродского.

У каждого из нас был свой путь в эмиграцию. А до того – часто загадочный, не понятный со стороны поиск призвания. Однако его жизнь сразу и безоговорочно определила любовь к театру. Он ведь и вырос среди кулис: отец Семена был театральным администратором.

А окончив театроведческий факультет Киевского театрального института, Семен полтора десятилетия заведовал литературной частью Национального академического театра русской драмы имени Леси Украинки.

Одновременно восемнадцать лет преподавал в родном вузе курс истории театра и театральную критику. Не сомневаюсь, он мог бы написать (а, может, и хотел?) пьесу под названием «Завлит». Легко угадать подоплеку сюжета: борьба с инстанциями, не пропускавшими талантливое и смелое на сцену; будни театра с его поэзией и интригами; дружба героя с актерами и режиссерами, многих из которых потом назовут великими (Адой Роговцевой, Богданом Ступкой, Романом Виктюком). И, наконец, обычное, как у всех, прозрение спустя десятилетия: та суматошная жизнь и была его счастьем.

Когда-то он обильно публиковал в газетах и журналах свои статьи и рецензии. Но это когда-то – не теперь. Мне не надо спрашивать его о причине. Знаю, что Ланверга многое тяготит в эмиграции: дилетантизм, постепенно ставший нормой; воинствующее хамство, давно отстаившее здесь свои права. Спросил однажды Семена: не жалеет ли он об отъезде из Киева; не хочет ли – хотя бы мысленно – вернуться назад. Он посмотрел на меня с удивлением: «Знаете, свобода – не пустой звук, ради нее люди жертвуют многим. Так неужели не способен на это я? К тому же *там* сейчас совсем плохо дышится. Мне не нужны свидетельства политиков – достаточно одного наблюдения Михаила Жванецкого, который обмолвился во время недавней нашей беседы: из Одессы ушел юмор».

Пора однако открыть секрет, о котором в Америке мало кто знает: в Киеве он был Семеном Грином. Но вот в 96-м пришел в Чикаго на радио «Новые горизонты», а там уже работал один Грин – его сын Андрей, выпускник актерского факультета Ленинградского института театра, музыки и кинематографии. Семен без сомнений взял псевдоним. Как большинство людей искусства, он сентиментален: «Ланверг – это ведь моя семья, самое дорогое, что у меня есть. Первая буква, «л», означает «любимые», а дальше уместились согревающие меня имена: «а» – Андрюша; «н» – Наташа, дочка; «вер» – Верочка, жена, с которой мы уж полвека вместе; «г» – Грины».

Сейчас многие выступают на радио, пользуясь телефоном, а еще удобнее – скайпом. Я спросил об этом Ланверга, зная: живет он очень далеко от студии, к тому же не имеет машины. Семен удивился: «Ну что вы – такое не для меня... нет, не для меня. Еду тремя автобусами, больше часа в один конец. И переживаю... И радуюсь, конечно. И репетирую предстоящий спектакль».

За двадцать лет работы на радио Ланверг подготовил более тысячи программ. Много это или мало? Сушая ерунда, если вспомнить некоторых мастеров эмигрантского «прямого эфира», по любому поводу упоенно рассказывающих о собственной «жизни в искусстве». А передачи Семена Ланверга отчетливо противостоят пошлости, бездуховному самодовольству. Напоминают: великая русская культура – это то наследие, от которого мы не можем отказаться, которое мы

не должны легкомысленно растерять по пути. Как бы ни были тяжки и извилисты эмигрантские наши дороги.

Наталья Роскина

Москва, Россия

О КОРНЕЕ ЧУКОВСКОМ. ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

Публикация Ирины Роскиной

Муки творчества всем известны. Сначала думаешь, писать ли на хорошей бумаге, закладывать ли два экземпляра, потом думаешь, а надо ли писать вообще? И всегда находится внутри себя кто-то уговаривающий, что да, надо. А о чем? Опять муки творчества... Лев Толстой говорил так: «Иногда напишешь:

Наталья Роскина

Иван Семеныч надел шубу и вышел из дому». И вдруг как-то совестно станет, – зачем врать? Никогда он не выходил, ничего он не надевал, и никакого Иван Семеныча не было... И подумает: почему не написать просто то, что думаешь и чувствуешь, а придумываешь каких-то Семенычей». Лев Толстой пришел к этим мыслям в конце жизни (я привела его слова 1899 года, в записи Ильи Саца), а мы пришли к ним смолodu, так хотелось правды, только правды обо всем: о себе,

о других, о жизни и смерти, о том, когда же кончится эта эпоха, которая на кончится, увы, никогда. Вот я и думаю: никакого Ивана Семеныча не было. А Корней Иванович был. И был он совсем не такой, каким он предстает в сборнике воспоминаний о нем, где оглавление пестрит названиями: «Завидная жизнь», «Он был целой страной», «Сказочный человек», «Простота и артистичность» (простота особенно к месту), «Очарованная душа», «Приглашение к радости», «Я – добрый лев» (тут особенно к месту – добрый)... Или еще так: «Он раздвинул границы литературы». «И все это сделал один человек». Это как раз не о Толстом – это о Чуковском. Фрида Вигдорова тоже написала о нем очерк в «Литературной газете» под названием «Доброта». Легко представляю себе тот сатанинский смешок, который сопровождает чтение этого очерка тогда еще живым Корнеем Ивановичем. Ведь о нем писали во все эпохи, и всегда что-то черное. И вдруг – «Доброта!» Дожил и до такой эпохи... Верно, на фоне второй половины двадцатого века он воспринимался не так, как в конце девятнадцатого, при А. Блоке и В. Соловьеве. Но все-таки «доброта» – это уж слишком...

Меня в дом Чуковских привела именно Фрида Вигдорова. Я познакомилась с нею на занятиях по английскому языку в Доме литераторов. Фрида по натуре была спасателем, я же по натуре – тонущий. Но в том году мы все были тонущие, ибо шел 1950 год. Весной этого года я окончила филологический факультет Московского университета. О том, как я сдавала государственные экзамены, было написано в многотиражке «Московский университет». Статья начиналась так:

– Где происходил второй съезд РСДРП?

Сидящая перед столом девушка долго молчит, потом неуверенно отвечает:

– Кажется, где-то за границей...

Ни на один вопрос экзаменатора студентка пятого курса филологического факультета МГУ Наташа Роскина не могла дать сколько-нибудь удовлетворительного ответа».

Теперь, конечно, можно похвастаться тем, что я не вступила в комсомол (чуть ли не единственная на курсе), что никогда не сидела на собраниях и не голосовала ни за какие резолюции, что я и в самом деле ничего не помнила и не могла запомнить про съезды партии и их отличия. А тогда было страшно. На

экзамене мне поставили двойку, кстати, ее ставили в тот год многим евреям, которые все знали лучше меня. По закону пересдавать государственный экзамен можно только через год, но получилось нечто негодное властям: учились-учились, а марксизма не знают. Наш декан академик В. В. Виноградов написал соответствующую бумагу в министерство и пересдача была разрешена. (Виноградов был в то лето на подъеме, так как Сталин опроверг учение Н. Я. Марра о языке.)

Одна моя соученица, вместо того, чтобы праздновать свой диплом с отличием, просидела со мною сутки, натаскивая меня по программе. Мы пили крепкий кофе и репетировали. К утру я знала вопросы так, что они буквально отскакивали от меня. Я ответила на экзамене замечательно. Мне поставили тройку. Собственно, этого было мне совершенно достаточно, но вот что задело: в экзаменационной комиссии сидела интеллигентная женщина-профессор, преподаватель французского языка. Я знала, что она из дворянской семьи, верующая. Она жила вдвоем с сестрой. Боясь доноса, они специально уезжали в Саратов, чтобы пойти в церковь. Участие такого человека в этой комедии! Я подошла к ней:

– Клавдия Васильевна, почему же – тройка? Ведь я все правильно ответила.

Профессор открыла свой портфель, вынула блокнот и совершенно серьезно посмотрела в записи:

– Когда вы давали определение материи, вы споткнулись. И поэтому мы поставили вам «три».

Так или иначе, но я закончила университет. Направление на работу мне было дано – в Читинскую область, в железнодорожную школу. Но тут антисемитизм помог мне. Евреев настолько не хотели никуда, ни в какое ведомство брать, что управление железнодорожных школ охотно приняло мою справку о болезни ребенка и избавилось от меня навсегда, как и я – от него.

Но и сидеть без работы было невозможно. Не было денег, не было и перспективы куда-то устроиться – со всех штатных мест евреев в то время увольняли. Одновременно, как всегда, шло и притеснение неработающих. Словом, было страшно.

И тут я познакомилась с Фридой Абрамовной Вигдоровой. Как-то, провожая ее после английского кружка домой, я

прочитала ей свои стихи, рассказала о своем знакомстве с Ахматовой. Фрида сказала, что хотела бы показать эти стихи Лидии Корнеевне Чуковской. Я дала ей тетрадку и вскоре была приглашена к Лидии Корнеевне.

О моих стихах Лидия Корнеевна отозвалась незаслуженно лестно. Она сказала: «Эти стихи написал поэт. А станет ли он большим поэтом – это зависит от того, какая у него будет жизнь». Я думаю, что жизнь у меня была вполне пригодная для того, чтобы стать поэтом. Что, скажите, вообще может помешать поэту? Ничего. А таланта было мало. Были даже не талант, а способности, начитанность, желание писать. И была молодость, жажда любви. И были ужасы вокруг, которые надо было передавать зашифрованно, ведь в стихах «катастрофа» не воспринимается как «сталинщина», как «1937 год», как «погром».

Но тогда мне казалось, что главное в моей жизни – стихи. И отзыв Лидии Корнеевны меня ошастливил.

Из моих стихов мне нравится сейчас только одно стихотворение, написанное мною в шестнадцать лет, в 1944 году; с ним я и к Ахматовой впервые пришла. Вот оно:

Отгорят бои, отгорюют вдовы,
Залечатся раны людей и домов,
И о нашей войне снова и снова,
Напишут десятки, сотни томов.
А нам останется дом да дворик,
Серебро волос и усталый шаг.
И нам заявит юнец-историк,
Что все было совсем не так.

В это время у Корнея Ивановича не было секретаря. Лидия Корнеевна и Фрида предложили ему взять меня. Возможно, что им заранее ясна была моя непригодность, во всяком случае, вскоре она обнаружилась. Но спасание стало Фридиной судьбой. За это она в конечном итоге заплатила собственной жизнью. Я вспомнила о ней недавно, когда прочитала в газете очерк о чемпионе подводного плавания, который вытаскивал людей из рухнувшего с моста в воду троллейбуса. Шаварш Карапетян его зовут. Он все нырял и вытаскивал, пока не

рухнул на землю; двадцать человек спас, но еще больше, конечно, потонуло, так как кроме него никто спасать не мог, не умел, да и жизнью рисковать не хотел. Шаварш остался жив, но здоровье его было погублено. Во всяком случае, он показал, ради чего вообще человеку стоит становиться чемпионом.

Каков был Корней Иванович в роли начальника своего секретаря, написал Евгений Шварц в своем ядовитом очерке «Белый волк». Он не мог существовать без секретарей, но и с ними он тоже не мог существовать. Я же была, разумеется, никуда не годной секретаршей. Я не умела печатать на машинке, не умела вообще работать, к тому же, была самолюбива, заносчива и неуравновешена. В меня влюблялись, я влюблялась. А тут еще Лидия Корнеевна пророчит мне литературное будущее, говорит, что в жизни не видала людей, настолько способных к литературному труду... Вскоре у Корнея Ивановича уже был другой секретарь (они всегда у него сменялись быстро, так продолжалось до смерти Марии Борисовны; а уж потом появилась К. И. Лозовская – навсегда). А меня Лидия Корнеевна сосватала в редакцию «Литературного наследства», где я проработала восемь лет (с осени 1951 до весны 1959 г.).

Я много раз пыталась написать о Корнее Ивановиче, но останавливала себя. Мне казалось, что я недостаточно люблю его, чтобы писать. А воспоминания без любви – или холодное разоблачение, которое справедливо всем кажется клеветой, или сусальное восхваление, которое смахивает на глупость.

Одним из самых резких качеств его было коварство. Начало коварства было в нем так активно, что вступало в реакцию со всеми другими качествами, образуя невиданные вещества и новые химические формулы. Вот, к примеру, обсуждается работа скульптора И. Л. Слонима – бюст С.Я. Маршака. Корней Иванович говорит: «Маршак – это все-таки поэт, а не просто старая жаба». Думаете, критикуется скульптор, который не сумел передать творческий потенциал своей модели? Нет, это не цель, это средство. Корнею Ивановичу не столь уж интересен скульптор Слоним, хотя приятно и его задеть. Но главное, что Маршак – жаба, причем так навести, чтобы вы не могли сослаться на него.

Однажды я написала статью для «Литературной газеты» о языке литературоведения. Статья была молодая, задорная, нахальная, примеры брались из работ старых и опытных литературоведов. В газете тогда работал З.С. Паперный, это было в его духе – посмеяться над стариками, которые пишут учено, но не особенно элегантно. Я написала эту статью под влиянием Лидии Корнеевны, которая всегда вела борьбу за великий русский язык. У нее было много сил в борьбе, и не могла же она тогда бороться с Берией. Лидия Корнеевна легко убедила меня, что ужасны два родительных подряд, что плохо если рядом стоят два слова, оканчивающихся на «ение» и т.д. Сейчас мне все это кажется то ли дилетанством, то ли просто чепухой.

Поэты пишут без точек и запятых, писатели придумывают

К.И.Чуковский. Photo courtesy: chukovskiy.ru

новые слова, и никакие родительные, никакое «ение» не может помешать человеку высказать мысль, когда она у него есть. Но тогда я безраздельно верила Лидии Корнеевне. И З.С.Паперному моя статья тоже понравилась. На более высоких редакционных ступенях ее забраковали.

Тогда Корней Иванович выразил желание ее прочесть и сказал, что статья прекрасная и что он отдаст ее сам в какой-то

журнал. Через несколько дней он заехал ко мне и сказал, что для этого журнала моя статья – точно помню его выражение – была как божья роса. Журнал мало популярен, у него совсем нет хороших материалов, и приезду Корнея Ивановича с моей рукописью якобы безмерно обрадовались. При этом в его глазах мелькнуло что-то, внушившее мне неопределенное подозрение. Прошло еще несколько дней, и из журнала мне вернули мою статью, испещренную самыми наглыми пометками какого-то безымянного редактора. Пометки были так многочисленны, целенаправленны и язвительны, что не оставалось никаких сомнений: их делал человек по просьбе самого Корнея Ивановича. Представляю себе сцену (видела подобные не раз), как Корней Иванович говорит этому редактору: «Отхлестайте как следует эту самозванку, я для этого и привез вам рукопись».

Разумеется, если бы Корней Иванович просил оказать моей статье протекцию, отказ был бы облечен в самую вежливую форму. Однако редактор перестарался, и Корней оказался этим выдан. Я ему, конечно, высказала свое негодование. Вообще когда я его вспоминаю, будто две струи воздуха смешиваются во мне – тепло и холод. Вот еще эпизод эпохи моего секретарства. Корней Иванович говорит мне: ко мне приходили какие-то незнакомые люди, рассказали, что они из Иркутска (может быть, из Новосибирска, не помню точно города), я дал им триста рублей, но они не вернули. Напишите, пожалуйста, от себя, как секретарь, что я давал деньги при вас. Такое поручение было мне, понятное дело, неприятно, но я его исполнила. Вскоре пришел перевод на двести рублей и письмо: «Ваш лжесвидетель врет, мы брали не триста, а двести рублей, которые и возвращаем». Я готова была провалиться сквозь землю. Корнея Ивановича это весьма мало смутило. Теперь я думаю: а другой ведь и не подумал бы эти деньги дать. Это незнакомым-то людям, пусть даже не триста, а двести... Он давал, но потом вот так поворачивалось... Никто кроме Корнея Ивановича не носился по городу, пристраивая мои статьи, но кончалось вот так... Ни одно мероприятие не кончилось путно.

Как-то году в 1964 Корней Иванович затеял пересказ Библии для детей под названием «Вавилонская башня». Это было бы, вне сомнений, благое дело, если бы мы не жили в

атеистическом государстве. Редакция постановила, что Бога упоминать нельзя, что вместо Бога у нас будет волшебник по имени Ягве (Чуковский считал вполне приемлемой эту замену). Вместо евреев будут некие местные жители. Разделили между литераторами библейские сюжеты и стали сочинять «сказки». У всех, на мой взгляд, получалось фальшиво. Мне досталась Валаамова ослица, и у меня тоже шло плохо. Мое слабое знание Библии и отсутствие опыта подобных пересказов очень мешали мне.

Я долго возилась с рукописью, чувствуя, что ничего не получается. А как-то вечером ко мне зашел мой сосед по дому и учитель по университету Леонид Ефимович Пинский. Увидев разбросанные по столу бумаги, он заинтересовался, чем я занята. Мой рассказ о Библии без Бога и без евреев его страшно возмутил, и он сказал, что наша писанина останется в веках как памятник антирелигиозного обскурантизма. Это произвело на меня огромное впечатление. Напрасно Таня Литвинова, активная участница сборника, уговаривала меня, что подобные пересказы есть на всех языках, что из Библии можно бесконечно черпать любые сюжеты, как делали и живописцы. Для меня авторитет Пинского был недостижимо высок. А он как припечатал! Вскоре пришло и письмо Корнея Ивановича, в котором он писал: «Башня, пожалуй, и выйдет, но я думаю о ней с чувством тошноты: в последнюю минуту распорядились выбросить из нее слово «Иерусалим». Библия без Бога, без евреев и без Иерусалима была готова не только к печати, но и к выходу в свет, она вся была отпечатана – и пошла под нож. Деньги участникам заплатили, но увидеть книгу не разрешили. Быть может, роль сыграло выступление газеты «Жень-Минь-Жибао», где писалось о предполагаемом выходе «Вавилонской башни» (объявленном уже в «Книжном обозрении») как об акте ревизионизма. Об этом я узнала, разумеется, не из этой газеты, а из передачи Би-би-си, пойманной как-то в полночь. Так что и это совместное мероприятие можно считать неудавшимся.

В те же годы началась работа над подготовкой академического издания сочинений и писем А.П. Чехова. Издание давало мне ту работу, которой мне хотелось заниматься. На фоне моей жизни это было большой удачей, и Корней Иванович поздравил меня пылким письмом. Но тут

среди литературоведческого начальства неожиданно возник спор о том, как издавать Чехова. Дело в том, что перед смертью сам Чехов готовил полное собрание своих сочинений и выправил для него многие рассказы, другие он оставил без изменений, а третьи вообще в издание не включил. Как расположить рассказы, по хронологии – или же выправленные взять подряд, а остальные отодвинуть в конец? Казалось бы, вопрос сугубо академический, но Корней Иванович, кем-то из начальства вовлеченный в спор, толком не понимая даже, кто с кем и почему спорит, напечатал статью в «Правде», звучащую безапелляционно и директивно. Статья Чуковского не уничтожила издания (такая опасность была), но отодвинула его примерно на семь лет. Корней Иванович не подумал и минуты о том, что можно было бы обсудить со мной, кому на пользу пойдет его выступление, касавшееся меня так близко – и это при том, что его письма превозносили меня как литератора. (Правда, никогда я не верила этим комплиментам в силу их чрезмерного характера). Все чеховеды сердились тогда на него, он чувствовал это, но все они были ему безразличны, чего не могу сказать о себе. Вот в этом-то и дело. Я ему безразлична не была. И я заключаю это не из его писем ко мне, не из его надписей на книгах (он называл меня талантливой, совсем как Сталин Маяковского). Я заключаю это из небезразличия к моему мнению, которое я ощущала, здесь трудно ошибиться. Мой характер в сущности был ему противоположен, так же как характер Лидии Корнеевны, которой он иногда прямо-таки панически боялся. Лидия Корнеевна прекрасно знала двойственный тип Корнея Ивановича, сложность его душевной жизни. Она видела и его грехи, и его попытки эти грехи замалчивать, – часто эти попытки дорого ему стоили. Она жаждала видеть его безгрешным, старалась не допустить его до новых грехов. Часто она успевала предотвратить их, но его это не радовало (хотя он мог выражать фальшивую радость), а бесило. Он ощущал в ней Савонаролу, вечного обличителя и судью. (Кто мог подумать, что эта главная правдолюбница Советского Союза после его смерти будет возражать против распространения «Белого волка», писать сентиментальные воспоминания и вдохновлять сборники воспоминаний о своем отце, полные скучной патоки?) Его двойственность была

органичной, «дореволюционной», это не было то двоедушие, которому нас учила наша подцензурная жизнь!

Недаром его так влекло к двоедушным: Некрасову, Горькому. Его книга о Горьком так и называется: «Две души Горького». Правда, она не о том, о чем писал В. Ф. Ходасевич, она о творчестве, а не о поведении, но ведь как это разделить... Корней Иванович был действительно человеком сложным, потому что две души его все время были в каком-то единоборстве, от которого он страдал. Когда он выражал это страдание, он, думаю я, был искренним. И во всяком случае, наиболее симпатичным из всех его ипостасей. Вообще многое его мучило в жизни: бессоница и приступы тоски, от которых он по ночам метался по коридору – это плюс к тому, что мучает всех талантливых людей, а именно сознание неадекватности возможного и сделанного. Корней Иванович любил похвастаться всем, включая свой возраст (чем тут хвастаться, казалось бы? кто не рад бы пожить вволюшку, не дали...), но самодовольством он не страдал. Его неумеренные хвалы ближним, которые многих дураков окончательно свели с ума, были не только средством избавиться от них, но и средством обезопасить себя от критики, причинявшей ему страдания в силу его странной (для его масштаба) чувствительности к ней.

Он знал, что многими был нелюбим, и от этого тоже страдал, придумывал всякие мероприятия защитного характера. После того, как он завещал десять тысяч А. И. Солженицыну, кто укорит его в том, что посылая свою секретаршу Наташу Роскину по срочному делу на такси, он не возвращал ей потраченные на такси деньги? Мне представляется зощенковский герой, который говорит: «Ну до чего же нахальная гражданка! Какая мелочность с ее стороны!» А у меня ведь и в самом деле было ужасно мало денег. Или: после того, как Корней Иванович построил в Переделкине детскую библиотеку «на свои средства», кто там вспомнит, как складывались эти средства. Корней Иванович был большой мастер выколачивать деньги из издательств. Разумеется, это не есть недостаток, такое умение, и хорошо, что оно было у него, что он не пассовал перед издателями, как Чехов перед Сувориным и Марксом; но и благотворительность его носила характер не чеховский. Я думаю, что Чехов просто умер бы от

стыда, если бы о его филантропической деятельности написали в «Литературной газете» с крупно набранным заголовком «Доброта»... Если вы спросите меня, что такое доброта, я отвечу: это то, о чем Корней Иванович в жизни своей и понятия-то не имел...

Когда я поступила работать к Корнею Ивановичу, Лидия Корнеевна – при нем – предупредила меня, что надо приходиться со своими бутербродами. Мария Борисовна не любила приглашать секретарей к столу. Ее можно понять – хочется обедать в кругу семьи, без посторонних. Но практически получалось всегда неловко. По молодости лет мне было неохота таскаться с бутербродами, и утром казалось, что есть не захочется. Среди работы Корней Иванович выходил к обеду, смущенный, но бесправный. У них была кухарка, готовившая по-старинному, ублажавшая эту небольшую, но весьма притязательную семью. Корней Иванович всегда возвращался голодным, уж очень он был большой. Однажды я отпросилась у него на пять минут, спустилась в магазин «Диета» и купила себе две калорийные булочки. Корней Иванович с жадностью смотрел, как я стала есть, и вторую булочку мне пришлось отдать ему. Мне было так жаль себя, что просто стыдно. Не в булочке, конечно, дело, а в этой вот господской шалости. Все равно – пора забыть. Ведь был даже случай, когда Корней Иванович повел меня в «Националь» и угостил обедом. Его там все знали и подавали заботливо, старательно. Было вкусно, весело. А память об отнятой булочке осталась, вернее не о булочке, а о том, как злорадно он ее ел.

Сергей Бычков
Россия

ЗАБЫТЫЙ ПОЭТ ЛЕВ КРАНЦБЕРГ

С поэтом Львом Кранцбергом я познакомился в конце 1967 года. Мы посещали литературное объединение при МГУ, которое вел поэт Эдмунд Иодковский. Поначалу я не обратил на него внимания – одутловатое простое лицо, голубые глаза, в

которых таилась вечная еврейская скорбь, скромно одет. Но вскоре его меткие реплики по ходу чтения стихов молодыми поэтами привлекли мое внимание.

Он был значительно старше многих из нас. А когда я услышал его стихи, то понял, что передо мной сложившийся, зрелый поэт. Он, как и многие участники литобъединения, понимал, что в редакциях его стихи не возьмут – и не только потому, что их не пропустит цензура. Они были классически просты, без какой-либо примеси авангардизма, но это была подлинная поэзия. Литконсультанты многих толстых журналов, которые неплохо рифмовали и считали себя поэтами, стояли на страже, не пропускавая ничего талантливое. Быть может, поэтому он не пытался предлагать свои стихи советским журналам.

Мы подружились. Коротко он рассказывал о себе. Родился перед войной в Днепропетровске. Во время войны родители были эвакуированы. А после окончания вернулись в родной город. Там Лев закончил школу. Приехал в Москву, поступил в технический ВУЗ, который успешно закончил. Работал в научно-исследовательском институте и даже в начале 70-х годов получил квартиру. У него было больное сердце, врачи запретили ему курить. Но он продолжал дымить. Поздно женился. Его жена, Вера, относилась к нему с нежностью, всегда поддерживала его. Он очень пессимистично смотрел на жизнь. Иногда в его стихах проскальзывали даже богоборческие мотивы. Грустью, а иногда даже отчаянием, проникнуты многие его стихи:

Как будто в повторяющемся сне,
Где все размыто или очень тонко,
Старуху, тупо раздвигая снег,
Прогуливает злая собачонка...

Он мыслил неординарно, иногда мгновенно реагировал на понравившуюся ему мысль или образ. Как-то он оказался среди литераторов, центром которых был Евтушенко. Он предлагал награду, если кто-то придумает рифму для его фамилии. Наступила тишина. Лев отреагировал мгновенно: «Подумаешь! Акушерка!» Позже в одной из своих поэм Евтушенко использовал этот подарок. Многие из его поэтических строк

становились афоризмами: «И только серость, серость только Нас всех от гибели спасет...»

В начале 70-х годов я издал самиздатский сборник его стихов тиражом шесть экземпляров. Пять подарил ему. Один остался у меня. В 1975 году он эмигрировал и обосновался в Бостоне (США). Я получил от него два письма в 1977 году.

В первом, майском, письме он делился своими проблемами: «...А вообще говоря, я был рад тому случайному обстоятельству, которое позволило нам с Верой поселиться в Бостоне и начать вращаться в чужую и непонятную для нас жизнь в этом чудесном городе. Конечно, к этому бы еще работу по душе, тем более, что такая работа, как выясняется, хорошо оплачивается. Стихи я пишу. Немного печатаю. Жаль, что нельзя посидеть нам с тобой да почитать.»

В свое время я познакомил его с Геной Айги. Более того, он стал обладателем одного из самиздатских экземпляров его «Избранного», которое я издал в 1973 году. В письме он вспоминает: «Сейчас читаю Генину книгу. Скажи ему, если это будет ему интересно, что очень не хватает голоса. Что-то пропадает при чтении с листа. Ловлю себя на том, что начинаю бормотать, когда читаю, чтобы хоть немного озвучить их.»

Я ответил на его письмо, и оно добралось до Бостона. В июне я получил второе письмо: «Страшнее всего, что стихи здесь мало кому нужны. Американские поэты – это самодеятельность в основном. Оно вроде бы как у Маяка: «Землю попашут, напишут стихи» Но уж если зачал пахать... А русская пресса? Разве что «Континент» да еще там, на исторической родине, кое-что. Газеты же примитивны и жалки в сущности. Заметь, что ежели бы меня не печатали, я бы этого писать не стал. Но если удастся прижиться здесь и думать не только о деньгах, то писать легче. Читателя же здесь нет. Он там, у вас. ...Я пишу «Прощание с Россией», потому что ничего другого чувствовать и знать не могу. Американец уезжает в Париж или на Бермуды и при этом затрачивает меньше физических и духовных усилий, нежели мы, перебираясь в Жмеринку. А ведь переезд в Америку – это ведь к антиподам прямо»

В этом же письме он с радостью пишет, что нашел работу и даже смог купить собрание сочинений Мандельштама: «Я вот Мандельштама купил (помнишь ли, что уже давно он для меня

важнее, нужнее, любимее других), а работать мне на него три дня надо». Немалой радостью стало для него прибытие его большой и с любовью собранной библиотеки. Это событие не омрачило даже то обстоятельство, что: «...некоторые, правда, гвоздями пробиты были. Знаешь, такими российскими – длинными, толстыми, добротными». Он интересовался, просил прислать ему адрес Вольфганга Казака, о котором рассказывал Гена Айги.

После этих двух писем связь прервалась. В том же, 1977 году, он опубликовал подборку стихов в израильском журнале «Время и мы» (№19, сс.111-114). Все они были связаны с Россией. Свой экземпляр его сборника стихов я отдал критику Льву Аннинскому, с которым дружил. Надеялся, что Лев сможет хоть что-то опубликовать. Не удалось. Сборник так и сгинул в его библиотеке. По памяти мне удалось восстановить четыре его стихотворения. Все попытки разыскать в США его или Веру не принесли результатов.

СТИХИ

Бесплодны споры и бесполы,
И бесполезны для земли.
Мы голы, словно короли,
И королевы наши голы.
Оркестров бравурная медь
Перекрывает наши споры,
И нам велит идти в суфлеры
Столетия траурная треть.
Земля, как сцена. И софиты –
Прожектора рвут темноту.
И, взяв на откуп правоту,
Здесь выживают лишь софисты.
А мы здесь выжить не смогли.
Мы – озимь раннего посева.
И голы наши короли.
И голы наши королевы.

Жизнь меня обтекла,
Как река остров.
Вот какие дела.
Это так просто.
Ни вперед, ни назад.
Боже мой, Боже!
Понимаешь, глаза
Не цветут больше.
Отцвели, не глядят,
Не цветут синью.
Над Россией летят,
На ветру стынют.
Жизнь меня обтекла,
Поменяв русло.
Вот какие дела.
Грустно!

Все актеры как дети
Посреди автострады.
На безумной планете
Их желания странны.
Грим насмарку. Слезами
Размывают румяна.
Лицедействуют. Сами
Верят в мудрость обмана.
Ах восторги, восторги!
Зал. Размытые лица.
А в глазах у актеры
Только пепел клубится.

Его глаза, как две заплаты.
Так обесцвечено чисто,
Что может женщина заплакать
От их пришитой пустоты.
И плачет женщина бесслѣзно,
Других пытается винить.
Все очень просто. Очень сложно.
И ничего не изменить.

Конец 1960-х годов

Помню: гарью пропахла Москва.
Лес горел и торфяники тлели.
Воздух, пищу, жилища, слова —
Ничего защитить не сумели.
Ничего не сумели сберечь.
И среди разоренной природы
Понял я, что российская речь
Боль утишить, как в прежние годы
Не сумеет уже, что словарь
Знать не знает о наших страданиях.
Я заметил, как ширится гарь
В его стереотипных изданиях.

Мне ль винить лексикографа? Он
Был усерден и точен в отборе.
Но когда на изломе времен
Мы назвать безымянное горе
Не умеем, что проку в трудах.
И что пользы нам от прилежанья.
Если вновь народившийся страх
Бродит здесь, среди людей, без названья.
Жуткий август недвижим застыл
Среди непобедимого тленья
А народ уж давно позабыл,
Где хранятся слова утешенья.
И тогда мою грудь каждый лист
Бессловесною мукой наполнил,
Будто наново сюрреалист
О горящем жирафе напомнил.

ОБЩЕЕ ДЕЛО

От Черной речки до Второй³ —
Мир, обернувшийся дырой.
И в захолустье этом диком
Звучит божественный глагол —
Поэт слагает протокол,
Чтоб после захлебнуться криком.
От Черной речки до Второй
Застыл поэтов плотный строй,
Забитых насмерть за столетье.
И не понять любимцев Муз,
Не жизнь спасавших, а союз.
Предлог. Частицу. Междометье.

*«Мы дети страшных лет России —
Забывать не можем ничего!»*
А. Блок

³ Вторая речка под Владивостоком – место гибели Манделъштама

Двадцать пятое. Среда.
В октябре моем последнем
Безымянная беда
Что-то делает в передней.
Там, в прихожей, темноту
Постепенно обживает;
Мне, последнему Христу,
В руки гвозди забивает.
Весь я в красных письменах,
Как страна моя в тридцатых.
Что теперь нам в именах
Правых или виноватых?
И какой нам интерес,
И какая нам забота
Исторический прогресс
Тормозить у поворота?

Меня пугает жирный карандаш
И медь оркестров – тот избыток силы,
Что отвергает горький опыт наш,
Но вовсе не спасает от могилы.
Меня пугают дождевых червей
Конвульсии, похожие на танцы,
И стон в сердцах захлопнутых дверей,
И на проспекте Маркса иностранцы.

О как боюсь я низких голосов
И толчеи приезжего народа.
Как страшно видеть точный ход часов,
Которые не требуют завода.
Как страшно знать, что так заведено
Навеки. Но уж бродит ветер в скалах
И в уксус превращается вино,
Еще вчера игравшее в подвалах.

1977 год

Часть 3

БАЛЕТ, ТЕАТР, КИНО

Лиана Алавердова
Нью-Йорк, США

НЕ ТОЛЬКО БАЛЕТ
*Интервью с балетным критиком и фотографом Ниной
Аловерт*

Нина Аловерт. Photo Etel Pesina

*Нина Аловерт родилась в Ленинграде, окончила исторический факультет Ленинградского университета. Специалист в области балета и балетной фотографии. С 1977 года живет в Америке. Внештатный балетный критик и фотограф журналов *Dance Magazine*, *Ballet Review*, *Point*, журнал «Балет» (Москва), русскоязычных газет в Америке. Принимала участие в составлении *Международного балетного словаря* (Лондон, «Сент-Джеймс Пресс», 1994) в справочнике «*Кто есть кто в современном мире*», Москва, 2003. Автор книг и альбомов, имеет международные премии и награды.*

Много ли Вы знаете балетных критиков и балетных фотографов? Довольно редкие профессии, не так ли? А помните

передачи о балете, которые вел по советскому телевидению незабвенный Борис Александрович Львов-Анохин? Одна из светлых страниц воспоминаний о нашем прошлом. Мой список балетных критиков так и был бы ограничен одним этим почтенным именем, если бы не известное (и не только в балетоманских кругах!) имя Нины Аловерт.

Возможно ли эмигранту, приехавшему из России, сделать успешную карьеру в Америке в области балетной критики и фотографии? Согласитесь, далеко не каждый способен на подобные достижения. Работа тире призвание да еще в Америке...

Юлия Махалина в студии. Photo: ©Nina Alovert

Это ли не счастье! Уроженка Ленинграда, Нина Аловерт фотографирует и пишет для американских журналов Dance Magazine и Ballet Review, а также для русской прессы в Америке и России. Нина Аловерт не раз уже становилась

объектом дотошных интервьюеров. Не избежала искушения и Ваша непокорная слуга.

Лиана Алавердова. Мой прадед рекомендовал заглянуть в корни, направляя большой палец к земле и невольно иллюстрируя афоризм Козьмы Пруткова «Зри в корень!» Вы родились в Ленинграде в семье фольклориста и литературоведа Елены Александровны Тудоровской и химика Николая Николаевича Аловерта. Мне, уроженке Баку, показалось, что фамилия Аловерт имеет восточное происхождение? Парируйте, если можете!

Иосиф Бродский, 1984 Photo: © Nina Aloverт

Нина Аловерт. Моя фамилия имеет «грузинское происхождение». Мой прадед (по отцу) был найден подкидышем русскими рабочими на рудниках Алаверди в Грузии. Они привезли его в Воронеж и дали ему фамилию Аловерт.

ЛА. Ваши родители за участие в студенческих волнениях в 1920-х гг. жестоко поплатились. Ссылка для обоих, расстрел отца-эсера в 1937 г. Через сорок лет Вы вместе с матерью, сыном и дочерью навсегда покинули страну, в которой родились. Полагаю, что старшие члены семьи достаточно натерпелись от режима и не пожалели о выборе. А как сложилась судьба Ваших детей в Америке? Они тоже работают в области искусства или по научной части, как Ваши предки?

НА. У меня двое детей, Игорь (старший) и Маша. Нет, они оба не работают в области искусства, хотя с искусством связаны. Игорь программист. Но он любит музыку, играет на гитаре, вокруг него сложилась группа музыкантов, они иногда выступают в клубах и ресторанах. Любит балетный театр. По приезду в Америку первые два года мы ходили слушать оперу на галерку в Метрополитен-опера. Маша в детстве часто ходила со мной на балет. Кроме того, в доме велись постоянные разговоры о балете. Словом, она захотела заниматься балетом. Училась в школе Роберта Джоффри, а затем – в школе Марты Грэм. В старших классах бросила эти занятия. Я не настаивала на ее поступлении в балетную школу и не отговаривала, когда она решила уйти. Сейчас она занимается техническими проблемами, связанными с использованием природных ресурсов.

ЛА. Из Вашего интервью с Сашей Корбут я узнала, что Вы удостоены наград Emmy и Venois de la danse. Не могли бы Вы подробнее рассказать об этих наградах и как Вы их удостоились?

НА. Emmy я получила вместе со съемочной группой как фотограф на съемке фильма «Волф Трап представляет Кировский театр: «Лебединое озеро»» (съемку проводил телевизионный канал PBS). История эта забавная, но длинная. Вкратце: когда в 1986 году балетную труппу Кировского театра из Ленинграда выпустили на гастроли в Америку после 15-летнего перерыва, я попросила для себя билет как для прессы. Мне с извинениями отказали, поскольку в договоре с театром стоял пункт: ни один эмигрант не получит билет через американский пресс-центр. Узнав об этом, из PBS меня пригласили фотографом фильма (приговаривая: «Пусть они нам что-нибудь посмеют сказать!»). Так я получила Emmy. Премию

(диплом) *Venois de la danse* я получила за «вклад в дело сближения двух великих культур».

ЛА. Вы дружили или были знакомы со звездами литературы и искусства: Иосифом Бродским, Сергеем Довлатовым, Михаилом Козаковым, Натальей Макаровой, Владимиром Войновичем, Михаилом Барышниковым, Николаем Цискаридзе. Люди искусства, как правило, не самые легкие для дружбы. Гении самодостаточны и сосредоточены на самих себе. С кем из перечисленных Вы были наиболее близки? С кем Вам было труднее? С кем легче?

НА. Гении не самодостаточны. Я бы так не сказала. Гениальность – тяжелый крест (я всегда это говорю), и тяжесть его знает только тот, кто его несет. Поэтому с ними в быту, наверное, трудно. Из всех перечисленных Вами имен я была дружна с Барышниковым в Ленинграде и с Довлатовым в Америке.

ЛА. Михаил Барышников также довольно щедрый и великодушный человек. Помогал ли он Вам в создании книги о его творчестве? Расскажите немного о Вашем сотрудничестве.

НА. Я действительно была дружна с Барышниковым в Ленинграде, он помогал мне и моей семье в самое трудное время переезда в Америку и в начале нашей жизни здесь. Но никакого отношения к работе над книгой о нем он не имел. То есть это не совсем верно – он отбирал фотографии и читал текст. У него были замечания по тексту, я все исправила, согласуясь с ними. А изданием книги я обязана автору книг по истории балета Пармении Мигель-Экстром, основательнице Дягилевского фонда в Нью-Йорке. Она меня познакомила с главным редактором крупного нью-йоркского издательства, нашла переводчицу.

ЛА. Что Вы можете сказать о Вашем общении с Бродским? Как долго Вы были с ним знакомы?

НА. С Бродским была знакома еще с ленинградских времен, но очень поверхностно. Всегда любила его поэзию, но встречалась с ним очень редко. Снимала два его выступления перед русской аудиторией в Нью-Йорке. Он не возражал, я ему не мешала, хотя снимала во время чтения.

ЛА. Вы фотографировали людей искусства, главным образом, танцовщиков балета. Но не только. Как рождаются Ваши

фотографии? Вы работаете по заданию редакции или на Ваше усмотрение?

НА. Я действительно всю жизнь фотографирую больше всего танцовщиков. Я снимаю для себя. Потому что люблю балет и артистов (как и театр и артистов театра). Я всю жизнь снимаю прежде всего из-за этой любви к ним. Но, конечно, иногда снимаю и для журналов по их заказу.

ЛА. У Вас, судя по Вашим снимкам, обостренное чувство прекрасного. Но не только. Что еще пытаетесь Вы уловить и о чем поведать миру?

НА. Прежде всего я хочу уловить момент наибольшего актерского выражения (в танце или в драме). Или танцовщика в самый красивый для него момент танца. Словом, остановить, насколько это возможно, мгновение творчества или красоты.

ЛА. Какие Ваши любимые хореографические труппы? Любимые хореографы?

НА. Мои любимые труппы: в прежние времена – балетная труппа Кировского (Мариинского) театра, затем театр Марты Грэм, Большой театр, театр Роберта Джоффри (увы, больше не существующий в прежнем виде), театр Бориса Эйфмана. Мои любимые хореографы: Мариус Петипа, Юрий Григорович, Леонид Якобсон, Борис Эйфман, Марта Грэм, Игорь Чернышов в начале его творчества.

ЛА. Вы выделяете Диану Вишневу из всех современных балерин. Почему?

НА. Потому что она уникальна, она настоящая великолепная балетная актриса, у которой каждое движение на сцене полно чувства и смысла. Потому что каждое ее выступление – это еще одно путешествие в «новую страну чудес». Она принадлежит к тем танцовщикам и актерам, чье состояние на сцене мне близко.

ЛА. Чем еще, кроме фотографий и литературы, наполнена Ваша жизнь?

НА. Если говорить о сегодняшнем моменте, то общение с друзьями или сыном составляет важную часть моей жизни. Читаю. Естественно, хожу в театры. Иногда пишу о спектаклях, иногда хожу только как зритель. Стараюсь приводить в порядок архивы, что, к сожалению, получается плохо. И все время возникают новые большие или маленькие проекты. Сейчас, например, я принимаю участие в групповой выставке

фотографов в Нью-Йорке, которую организует Марина Ковалева. Выставка будет посвящена «Новому Американцу» и третьей волне эмиграции, а затем состоится вторая выставка,

Диана Вишнева. Photo: © Nina Aloverт

персональная, посвященная русским танцовщикам. Так что «работа есть работа, работа есть всегда...», как пел Окуджава.

Л.А. Нина Николаевна, я восхищена Вашим творческим долголетием и желаю Вам в Новом году творить на радость себе и другим!

Ирина Чайковская

К ЮБИЛЕЮ БОРИСА ЭЙФМАНА. «А ДУШУ МОЖНО ЛЬ РАССКАЗАТЬ?»

А душу можно ль рассказать?
Михаил Лермонтов. «Мцыри»

Его семидесятилетие начали отмечать задолго до дня рождения – родился Борис Яковлевич Эйфман 22 июля 1946 года. Но вот уже показан и двухсерийный фильм о нем («Главные слова Бориса Эйфмана», режиссер Анатолий Малкин), и два вечера подряд шли на канале КУЛЬТУРА его балеты.

Да, значит, сейчас его время. Идут старые спектакли и ставятся новые. В Питере открыта балетная школа-интернат, куда со всей страны собираются пластически одаренные детишки. И пусть пока у С-Петербургского академического Театра балета Бориса Эйфмана нет своего постоянного пристанища, Мастер мечтает о грандиозном Дворце танца, где танцевать будут профессионалы и любители – с утра до поздней ночи.

В фильме «Главные слова Бориса Эйфмана» есть запоминающийся кадр – балетмейстер показывает рукой куда-то вдаль, на другую сторону Невы, где сейчас свалка. Вот там, на месте этой свалки, говорит он, и будет выситься роскошный Дворец танца, вымечтанный им за годы жизни в этом фантастическом городе... Этим проектом он занимается уже 17 лет.

Признаться, очень мне захотелось, чтобы мечта Эйфмана воплотилась. Может быть, этому человеку и художнику действительно улыбается Фортуна? Да и сам он говорит: «Бог меня хранит». Пожелаем ему удачи. В России было всяко. И великий Мейерхольд, *до того* вознесенный на вершину славы, «революционер театра», в один миг превратился во «врага народа» и, обвиненный в связях с тремя иностранными разведками, был пытаем, а затем убит в застенках Лубянки. Дай-то Бог, чтобы с нашим замечательным «сочинителем балетов» ничего подобного не случилось (изо всех сил стучу по дереву).

Его Театр на взлете, никто не препятствует ежегодным американским гастролям, приносящим овации, цветы, радость от встречи с благодарными зрителями. Не так давно и я смогла увидеть въяве эйфмановский спектакль о Родене на сцене Кеннеди-центра в Вашингоне. Не будучи ни знатоком, ни фанатом балета, была увлечена и заморожена этим поразительным рассказом, где и события, и явления, и душевные движения передаются языком пластики.

Но о балетах Эйфмана чуть позже, вначале – о фильме. Две серии по сорок минут каждая.

Мастер, сидящий в просторном репетиционном зале, отвечает на вопросы невидимого интервьюера. Интервьюер, однако, осязаемо присутствует. Это режиссер картины Анатолий Малкин, изредка появляющийся в кадре, – седой, вальжанный.

Заметила его еще с фильма о Виктории Токаревой, с которой у Малкина получился на редкость синхронный, слаженный дуэт. Грубоватый и прямой вопрос соответствовал таковому же ответу, да еще с некоторой прибавкой, чтобы спрашиватель не слишком-то зарывался, найдется-де у Виктории Самойловны на него укорот.

В случае с Эйфманом, как мне показалось, такой слиянности спрашивающего и отвечающего не было. Нервный, подвижный балетмейстер иногда терялся под натиском наступательного Малкина. Но – и здесь нужно отдать Эйфману должное – ни разу он не сорвался, всегда находил и нужные слова, и верный тон.

Весь фильм в камере было его лицо, да простится мне этот эпитет – его *прекрасное* лицо, его горящий взгляд художника. Если говорить о взгляде, то точно такой я видела в документальных кадрах с Баланчиным. Излучающий свет, концентрирующий энергию света.

Помню, что несказанно удивилась, когда Соломон Волков, рассказывая о встрече с Баланчиным на нью-йоркской улице, сказал, что был тот серенький, незаметный, в плаще, с насморком... Подумала вот о чем: не срабатывает ли тут явление, отраженное в известном стихотворении Пушкина «Пока не требует поэта...»? Не будет ли художник «в миру» совсем не таким, как наедине со своим искусством? В нашем случае – *в разговоре* о своем искусстве.

Приведу несколько высказываний Мастера.

– Я хотел создать свое, никогда не посягал на государственную институцию (в ответ на вопрос, не было ли у него желания стать временным главным балетмейстером Большого театра).

– Каждый человек пишет сценарий своей жизни.

– Балетный мир застыл. Гениальность связана с прорывом.

– Творческая совместимость бывает редко (об актерах). Я им даю энергию.

– У меня гипертрофированное желание сочинять балеты.

– В хореографии нет законов, я думаю, что в искусстве нет законов.

На вопрос, избран ли он Богом, – «не избранный, но замеченный».

– Было время авангардного бессюжетного спектакля. Я возвращаю танец *в театр*.

На вопрос об эмиграции: «Эмиграция постоянно присутствовала рядом со мной. Уезжали родственники, друзья. Но я мог состояться только в Петербурге.»

– Считаю себя наследником Петипа и Григоровича.

«Евгений Онегин» на музыку Чайковского

По поводу последнего высказывания. Мне показалось странным, что Борис Яковлевич не назвал в числе предшественников Леонида Яковсона, тоже питерского балетмейстера, умершего в 1975 году, как раз в пору, когда молодой Эйфман ставил свои первые спектакли.

Где-то я писала, что студенткой, приехав в Питер, случайно попала на балет Яковсона «Скульптуры Родена», и это посещение полностью перевернуло мое представление об искусстве балета. Раньше оно ассоциировалось исключительно с белыми пачками и пуантами, с чужой эпохой, со сказочным сюжетом.

У Яковсона же герои и героини были чуть ли не наши современники, живые, молодые, страстные, они заражали зал своим волнением, своими чувствами... Не мне быть экспертом в вопросах балета, но не проложили ли новации Яковсона путь к новаторству Эйфмана? Тем более, что и Родена, как кажется, он взял для своего спектакля не случайно.

Борис Эйфман, судя по всему, человек страстный, его «пламенная страсть» направлена на сочинение балетов. На канале «Культура» были показаны два его балета на литературный сюжет – «Анна Каренина» и «Евгений Онегин». Оба балета показались мне гениальными, никогда бы не подумала, что танец может выразить такие тонкие оттенки чувств, такие состояния души, которые и слову-то не подвластны. Бесспорно, здесь «сочинителю» помогает музыка – в обоих балетах выбран Чайковский.

Перед тем как поступить на балетное отделение Ленинградской консерватории, Борис Яковлевич кончил в Кишиневе музыкальное училище. Он был с детства погружен в музыкальную стихию. Не отсюда ли такой потрясающе безошибочный выбор музыкальных произведений, такое доскональное знание наследия Чайковского? Вспомнилось, что и Баланчин обучался музыке, занимаясь в Балетной школе в Петербурге, и Чайковский, кстати говоря, был одним из его любимейших композиторов; на его музыку он поставил несколько балетов.

Что поразило в трактовках Эйфмана? Умение обобщенно выразить смысл произведения. Ведь совсем другое искусство!

Но я скажу, что балет «Евгений Онегин» показался мне гораздо ближе к пушкинскому «оригиналу», чем одноименная опера, отрывки из которой (Письмо Татьяны, Вальс...) включены в его музыку.

Еще поразило явление, которому даже трудно подобрать обозначение, – «развоплощение» что ли...

Физические тела балетных артистов, – а танцоры в балете Эйфмана все как один редкостно высокие – перестают восприниматься как «плоть», становятся выражением «духа».

«О если б без слова сказаться душой было можно», – восклицал когда-то Афанасий Фет. Вот оно и пришло: в балетах Эйфмана «без слова» говорит душа. Особенно это касается «Евгения Онегина». Оба балета чудные, но «Онегин» не может не вызвать у зрителя катарсис, так это поставлено и сыграно, на такой высокой трагической ноте.

Действие «Онегина», по видимости, перенесено в современность. Сцены из романа перемежаются молодежными тусовками, на экране возникают кадры революционного 1992-го года, Татьяна читает книжку, на которой написано «Евгений Онегин». Все так.

Но что-то не дает полностью поверить, что Татьяна и Онегин (да и Ленский, и муж Татьяны, «слепой олигарх» в темных очках, – вот вместе с Ольгой все действующие герои этого сюжета) – из нашего времени. Если из нашего, то почему письмо пишет не на компьютере? Почему такая чужая на этой тусовке? Такая временами смешная и даже нелепая? Герои, как и сам балетмейстер, не «избранные», но «выделенные». Они явным образом другие.

Но ведь и у Пушкина так было... Его герои были чужаками в своей среде. И никак Татьяна не вписывается в эту постоянно воспроизводимую сцену с варкой варенья и чисткой яблок, которой начинается опера... Должна сказать, что в балете нас ожидает не только изображение глубоких и сильных чувств, но и юмор, комизм. В этом смысле и Каренин, и Татьянин муж решены похоже, в слегка шаржированном комическом ключе.

А «нелепость» юной Татьяны проходит, «гадкий утенок» вырастает в Лебедя. Правда, в сцене, где Татьяна борется с собой и со своим чувством к Евгению, снова возникают эти

странные, диковатые движения... Атавизм возвращения в «детство», в неушедшее прошлое.

Нет, Татьяна не изменит своему слепому мужу, явно ее любящему и ревнующему, не могущему нащупать ее лицо... Но какая же однако драма перед нами разыгрывается!

Как больно видеть муки двух душ, которым рок не дал соединиться!

Хочу еще сказать вот о чем. Негодовала, когда в каком-то оперном спектакле Хворостовский играл Онегина, находящегося в гомосексуальной связи с Ленским. Моя филладельфийская подруга специально прислала мне газету с интервью певца – я не верила ей на слово, мне казалось, что со стороны российского исполнителя это предательство по отношению к Пушкину. Думалось, что только больное воображение чужеземного режиссера могло заподозрить приятелей, Онегина и Ленского, в чем-то «таком». Вспомним, что, желая оскорбить Дантеса, в письме к его «усыновителю», барону Геккерну, Пушкин нарочито язвительно пишет о постыдной связи барона с Жоржем.

Но вот у Эйфмана явно присутствует гомосексуальный мотив в отношениях Онегина и Ленского – и я его принимаю. Что здесь? Почему? Наверное, самое главное – необыкновенная красота этого дуэта, какая-то воплощенная в нем эстетизированная чувственность. А во-вторых... вот о чем я подумала. Мы все сейчас знаем про гомосексуальную природу Петра Ильича, про муки, которые он испытывал, про его смерть, которая едва ли не была вызвана этой стороной его жизни... Такой чувствительный локатор, как Эйфман, уловил все это в музыке... Возможно, было еще что-то, какой-то дополнительный импульс, но в любом случае, в балете эти сцены не выглядят таким уж кощунством, воспринимаются как одна из красок в живописном холсте...

Балетмейстер Борис Эйфман находится на пике своей карьеры и своего мастерства. В интервью Малкину он говорит, что задумал сделать за этот год три (!) спектакля. Сколько счастья предстоит ему, сочинителю балетов! Пусть Вам прибудет энергии, Борис Яковлевич! Она нужна Вам, чтобы заряжать ею Ваших замечательных молодых артистов, заряжающих, в свою очередь, нас, зрителей.

Александр Сиротин
Нью-Йорк

СКРИПАЧ ПРОДОЛЖАЕТ ИГРАТЬ НА КРЫШЕ
Новая постановка «Тевье-молочника» Шолом-Алейхема на Бродвее

На Бродвейской сцене – новая постановка мюзикла «Скрипач на крыше» (Fiddler on the Roof). Это один из самых известных и самых любимых не только в Америке, но и в мире бродвейских мюзиклов. Поэтому его регулярно возобновляют, а актёры музыкального театра считают за честь получить в нём роль.

В «Скрипаче на крыше» слились таланты писателя Шолом-Алейхема и художника Марка Шагала, композитора Джерри Бока, либреттиста Джозефа Стайна, поэта Шелдона Харника, режиссёра-хореографа Джерома Роббинса. Киноверсия с израильским актёром Хаймом Тополем в роли Тевье завоевала три статуэтки Оскара, высшей кинопремии Америки.

(Кстати, в Киеве уже не первый год идёт работа над фильмом о Тевье по пьесе Григория Горина «Поминальная молитва». Режиссёр Владимир Лерт пригласил на главную роль московского актёра Евгения Князева, запомнившегося по роли Вольфа Мессинга. В роли мясника Лейзера-Вольфа снимается прекрасный актёр Владимир Долинский, самый народный из Заслуженных и самый Заслуженный из народных.)

Мюзикл «Скрипач на крыше» шёл не только на английском, но на французском, немецком, русском, еврейском языках. Роль Тевье играл и знаменитый певец Иван Ребров. Сцены из спектакля часто играют школьники, студенты, а музыкальные номера включают в свои концерты знаменитые певцы. Настоящими шлягерами стали такие песни как «Традишн», «Матчмейкер, матчмейкер», «Иф ай уэр а рич мэн», «Ду ю лав ми?», «Ту лайф», «Анатевка», «Миракл оф мираклс», «Санрайс, сансет»...

Мне не удалось увидеть на нью-йоркской сцене таких ранних исполнителей Тевье, как Зиро Мостел, Хершел Бернарди и Леонард Нимой, но я хорошо помню в этой роли Теодора Бикеля, Альфреда Молину, Харви Файерстина. Все они, на мой

взгляд, уступали в мастерстве Хаиму Тополю. И вот теперь новая постановка.

Первое, что бросается в глаза, шагаловские повисшие над жителями местечка бревенчатые домики и летающий скрипач (художник-постановщик Майкл Йерган). Начинается спектакль выходом актёра Дэнни Бурстина, играющего роль Тевье, с книгой в руке: видимо, это «Тевье-молочник» Шолом-Алейхема, и далее время от времени зрители слышат голос Тевье, рассказывающего свою историю и комментирующего события. Режиссёр-постановщик Бартлетт Шер, израильский хореограф Хофеш Шехтер и оранжировщик Тед Сперлинг смогли осторожно внести некоторые изменения в спектакль, бережно сохранив прелесть оригинальной постановки, хореографии, музыки.

Дэнни Бурстин в роли Тевье

Огромное достоинство новой редакции мюзикла – замечательный актёрский ансамбль, и прежде всего, конечно же, Дэнни Бурстин в роли Тевье. Редкого обаяния, юмора, драматизма актёр, хотя и иной Тевье, чем его предшественники в этой роли, но очень убедительный. Яркие, запоминающиеся образы создали исполнители ролей бедного портного Мотла (Адам Кантор) и одержимого идеями революции студента Перчика (Бен Раппопорт). Впрочем, прекрасно сыграны роли дочерей Тевье, его жены Голды, мясника Лейзера-Вольфа и другие. Как и положено на шолом-алеихемовском спектакле, зрители много смеются и часто вытирают слёзы.

Публику привлекает в этом мюзикле и трогательная история семьи Тевье-молочника, и музыка, и танцы, но главное – каждый зритель может найти ассоциацию с историей своей жизни, своей семьи. Здесь тема справедливости и несправедливости, собственного выбора, любви, антисемитизма и гонений, бедности и богатства, счастья и несчастья, отношений человека и Бога, родителей и детей... Каждый находит то, что ему близко, что проникает в сердце.

Я бы назвал нынешнего «Скрипача на крыше» образцовым мюзиклом, в котором точно соблюдены все законы жанра и выдержаны пропорции диалога, вокальных и танцевальных номеров. Одно естественным образом вытекает из другого. В сцену сна введены маски, которые вполне в духе народных еврейских преданий и драмы Ан-ского «Диббук».

Под воздействием спектакля в зрительном зале явно возникла атмосфера единения, какая возникала когда-то у евреев в Советском Союзе на редких спектаклях еврейских театров и на концертах еврейской песни.

Послушаем, что говорят зрители после того, как посмотрели новую постановку бродвейского мюзикла. Седовласая дама:

– Я видела первого исполнителя Зиро Мостела, и думала, что никто не сможет сыграть роль Тевье лучше. Но Дэнни Бурстин оказался в этой роли очень хорош.

Двое молодых жителей Манхэттена. Первый:

– Кинофильм был очень хороший, а теперь и спектакль доставил удовольствие, потому что еврейская тема близка моему сердцу.

Второй:

– Мои прадедушка и прабабушка приехали в Америку с Украины и из России. На спектакле я почувствовал связь с ними.

Молодой мужчина с женой:

– Я был и растроган, и смеялся. Я сам играл роль Перчика в школьной постановке. Приятно вспомнить.

Пожилый зритель в бейсбольной шапке:

– Я из Филадельфии, мало знаю о еврейских традициях, но за еврейским материалом здесь универсальный посыл.

Крупный мужчина без пальто, с небрежно повязанным поверх пиджака шарфом:

– Фантастическая работа и актёров, и постановщиков. Не пропустите лучший спектакль сезона!

Две молодые афроамериканки. Первая:

– Музыка прекрасная, актёрская игра в самую точку, великолепная работа, наполненная энергией, я получила огромное удовольствие.

Вторая:

– Это теперь мой любимый мюзикл, он останется в памяти навсегда.

Бородатый юноша, говорящий с сильным испанским акцентом:

– Я прилетел из Толедо, плохо говорю по-английски, скажу только – супер!

Дама средних лет в бежевом пальто:

– Этот спектакль надо видеть! Он о наших традициях. А какая музыка!..

Старушка в шляпке:

– Очень хорошо поставлено! Я ведь всё это прошла. Была в гетто. Я сохранила идиш, мамэ лошн, и сердцем приняла спектакль!

Юная, голубоглазая, длинноволосая блондинка.

– Спектакль пробудил во мне гордость за то, что я еврейка.

Супружеская пара – молодая женщина с розовым шарфом и крупный мужчина в очках:

– Мы приехали из Аргентины и очень рады, что попали на этот мюзикл. У нас нет спектаклей такого уровня.

...Новый триумфальный спектакль скорее всего получит номинацию на высшую театральную премию Америки «Тони» в категории «Возобновлённый мюзикл».

Этой постановкой сценическая жизнь «Скрипача на крыше» вряд ли закончится. Мы не раз ещё увидим новых «Скрипачей...»!

Александр Сиротин
Нью-Йорк, США

СПЕКТАКЛЬ «НАТАН МУДРЫЙ» ВО ВНЕБРОДВЕЙСКОМ ТЕАТРЕ

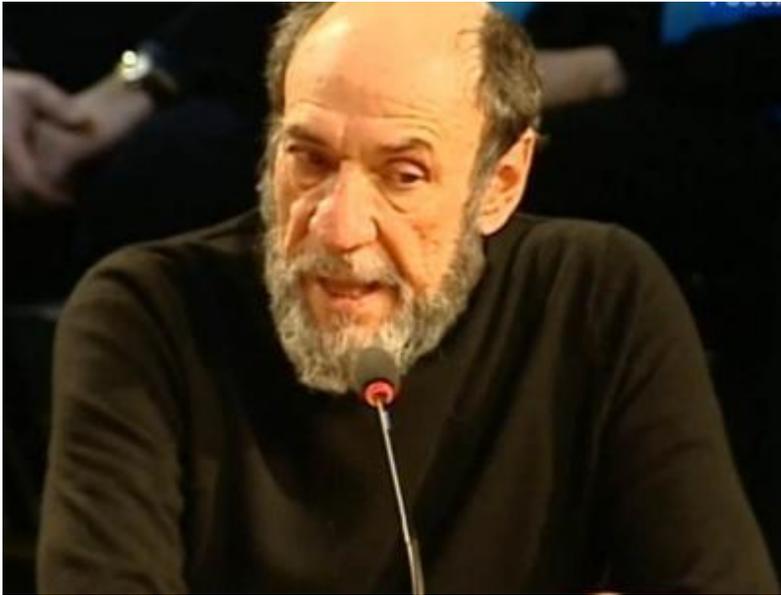
Классика потому и классика, что всегда современна. Немецкий классик 18-го века Готгольд Эфраим Лессинг – философ, писатель, поэт и драматург – не очень известен в Америке. Поэтому постановка его пьесы «Натан Мудрый» в нью-йоркском некоммерческом офф-бродвейском театре классической пьесы Classic Stage Company – CSC – была довольно рискованной. Пойдёт ли на эту пьесу нью-йоркский зритель? Оценит ли? Поймёт ли? Забегая вперёд, скажу: зритель пошёл, понял и оценил! В зале нет свободных мест. Актёрская игра и умная режиссура завораживают.

Жанр пьесы Лессинга – поэтическая драма в пяти действиях. В наше время пьесы идут в двух актах с одним антрактом. Поэтому переводчику Эдварду Кемпу пришлось адаптировать пьесу, сведя её к двум действиям, а белый стих переведа на современный английский. Кемп сумел при этом сохранить всю ткань драмы, её поэтичность, притчевость. Поставил пьесу художественный руководитель театра Брайан Кулик. Актёрский ансамбль просто великолепен, но особое восхищение вызывает исполнитель роли Натана Мюррей Абрахам, обладатель премии Оскар за роль Сальери в фильме «Амадеус». Этот актёр – без ампулы. Он может играть в трагедиях Софокла и в комедиях Аристофана, в любой пьесе Шекспира, Мольера и Чехова, в пьесах Беккета, Мамета и Шепарда, в экспериментальных постановках, мюзиклах, мыльных операх. За его плечами десятки кинолент, среди которых роль Сталина дважды – в

американской экранизации романа Солженицина «В круге первом» и в австралийской картине «Дети революции», роль Пантелея Мелихова в англо-итало-русском семисерийном телефильме по роману Шолохова «Тихий Дон» (режиссёр Сергей Бондарчук). Я видел его во многих ролях на экране и на сцене, и каждый раз – это открытие. Особенно в театре. В роли Натана Мудрого он поднимается до высокой трагедии. Вот у кого молодые актёры должны учиться мастерству. 76-летний Мюррей Абрахам с гордостью говорит о своём происхождении: он ассириец по отцу и итальянец по матери. Родился в Питтсбурге, штат Пенсильвания, актёром стал в Нью-Йорке. Среди наград, которыми он особенно дорожит помимо «Оскара», – премия имени Джона Гилгуда и премия Московского Художественного театра.

Действие пьесы происходит в конце 12-го века после третьего крестового похода, когда Иерусалимом правит арабский султан Саладин и при нём в городе живут христиане-крестоносцы и еврейские купцы, среди которых выделяется богатый торговец Натан, по прозвищу Мудрец. Султан вызывает к себе Натана и спрашивает: «Какая вера лучше – мусульманская, христианская или иудейская?» Натан понимает, что от ответа на этот вопрос может зависеть его жизнь, и рассказывает притчу о трёх кольцах, из которой делается вывод, что каждая вера имеет право на существование. Доводы Натана убеждают Саладина. В этом – ответ современным религиозным войнам. К сожалению, в нашем мире продолжают споры о том, чьё кольцо настоящее. В спектакле единственное прямое указание на актуальность пьесы – задник, на котором спроецирована фотография современного города, разрушенного бомбами.

Если первый акт кажется несколько дидактичным и не слишком динамичным, то второй акт насыщен сюжетными поворотами, идёт в хорошем темпе и воспринимается на одном дыхании. Султан оставляет в живых молодого крестоносца, юноша спасает от гибели в огне пожара еврейскую девушку, а эта девушка оказывается дочерью Натана, впрочем... Не буду пересказывать сюжет, но уже из этого ясно, насколько переплелись в этой пьесе, как и в жизни, три основные религии.

Актёр Мюррей Абрахам

Суть постановки, её мораль в поиске ответа на вопрос: «Ты сначала еврей, или христианин, или мусульманин, и только потом человек, или ты всё-таки сначала человек, а уже потом еврей, христианин или мусульманин?» Лессинг, а вместе с ним театр, осуждают религиозные предубеждения и недоверие к людям иной веры. Естественно, возникают ассоциации с происходящим сегодня, скажем, в Иерусалиме, где должны бы уживаться люди любого вероисповедания, но этому мешают религиозные фанатики-исламисты.

...Всё в этом спектакле хорошо, кроме одного: если вы не успели его посмотреть с 24 марта по 1 мая, то возможность упущена. Специфика внебродвейского драматического театра такова, что даже выдающиеся постановки и замечательные актёрские работы, как правило, телевидению снимать не разрешено. Это как скульптуры из песка на пляже: налетела волна – и всё смыло.

Ирина Чайковская

Б. Вашингтон

УКРОЩЕНИЕ «ХОМО СОВЕТИКУСА» ПЬЕСА ШЕНДЕРОВИЧА В БОЛЬШОМ ВАШИНГТОНЕ

В воскресенье 22 мая в последний – третий раз – в Рэндолф-театре игралась пьеса Виктора Шендеровича «Потерпевший Гольдинер». Этот миниспектакль по двухактной пьесе шел без перерыва, что правильно: прерваться – и двум актерам, вовлеченным в действие, и зрителям, этим действием захваченным, – было бы трудно.

После спектакля, горячо принятого публикой, звучали зрительские предложения устроить его показ в других городах Америки. Не знаю, соберутся ли это сделать участники и создатели действия – народный артист Грузии Борис Казинец и его ученица, Ольга Лейтуш, – самим устраивать себе гастроли сложно.

Почти героических усилий потребовали и эти три вечера, собравшие русскоязычную публику Большого Вашингтона, кое-кто приехал даже из Нью-Йорка.

Почему говорю о героических усилиях? Потому, что все делалось самими актерами. Правда, был у спектакля спонсор – Lazarus Art Productions, оплативший аренду зала и расходы на декорации.

Но при этом... Кто рассылал и развозил по русскому Большому Вашингтону специальные приглашения-открытки? Кто фотографировал в нью-йоркском Бруклине, на Брайтон-Бич, смешные вывески и особо колоритные сценки, чтобы после, увеличив фотографии, оклеить ими жилище Гольдинера? Кто придумывал костюмы? Записывал шум нью-йоркского метро, голоса соседей? Доставал нужные пластинки Хиля, Дунаевского и Утесова? Договаривался насчет зала? Все это пришлось делать Борису Казинцу и Ольге Лейтуш при деятельной помощи Светланы Казинец, жены и помощницы Мастера. А одновременно с этими хлопотами происходило главное – шли репетиции.

Артисты собирались регулярно: два раза в неделю в течение шести месяцев. И хотя Борис Михайлович немолод, а Ольга

приходила после работы уставшая, репетировали часами, вместе искали решение спектакля, характеры персонажей. Режиссером-постановщиком, как всегда, выступал Борис Казинец.

Говорю «как всегда», так как здешняя публика привыкла к работе Бориса Михайловича с группой актеров в возглавляемом им «Театре русской классики». Сейчас нам был показан спектакль на двоих и мэтр играл в нем заглавную роль.

Жанр, обозначенный Шендеровичем, – «комедия и немножко себе мелодрама». Признаюсь, мелодрамы в спектакле не увидела. Комедия? Пожалуй. Временами зал задыхался от смеха – Шендерович был бы не Шендеровичем, если бы его герой не произносил хохмы.

Но, слава богу, репризность в постановке Бориса Казинца не преобладала, а комедия ближе к концу прямехонько выринула к драме.

В двух словах о сюжете пьесы: к жителю Брайтон-Бич Вульффу Гольдинеру, обитающему аккурат под грохочущим метрополитеном, приходит американка миссис Уотсон. Суд Нью-Йорка приговорил ее к восьмидесяти часам общественных работ в доме Гольдинера, так как она наехала на него на своей машине. Теперь он в инвалидном кресле с загипсованной ногой.

Шендерович признается, что позаимствовал сюжетную основу у американского драматурга Джеффа Бэйрона; у того в роли миссис Уотсон выступал «приходящий мистер Смит» (название американской пьесы). Заменив персонажей и связав их с Россией, Виктор Шендерович создал что-то очень свое, к тому же отличное от чистой комедии. Двух своих героев-протагонистов, его и ее, он показывает в узловые моменты их общения. Динамика этого общения составляет главный нерв пьесы.

В спектакле Бориса Казинца зрители увидели эволюцию Гольдинера – от почти неандертальца, злобного и грубого «хомо советикуса», не слышащего и не желающего слышать чужой голос, до чего-то вполне человекоподобного.

В голову пришло сопоставление с Элизой Дулиттл. Но если герой Шоу профессор Хиггинс поставил перед собой цель превратить вульгарную необразованную цветочницу в даму,

принимаемую в высшем обществе, то у миссис Уотсон, или Жени Ровинской, как зовут ее по-русски, такой цели нет.

Временами она с трудом сдерживается, чтобы не ответить на грубость и хамство той же монетой, иногда, увы, срывается. Но и в самом деле, выдержать распалившегося старичка трудно:

Гольдинер. Мерзавка!

М.У. Называйте меня миссис Уотсон.

Гольдинер. Чтоб ты сдохла со своим драндулетом!

М.У. Это был «форд фокус», четвертого года выпуска

Гольдинер. Чтоб ты сдохла со своим драндулетом четвертого года выпуска, идиотка!

Профессор Хиггинс из «Пигмалиона» исправлял «пациентку» посредством изменения ее лексики и произношения. То же происходит и с Гольдинером Бориса Казинца.

У «хомо советикуса», чей словарь поначалу исчерпывается бранной и вульгарной лексикой и чьи интонации утрированно южно-русские, под «криминальную Одессу», в конце спектакля вдруг появляются и нормальный человеческий голос, и цивилизованная речь.

Процесс трансформации личности идет незаметно. В пьесе миссис Уотсон упоминает про буддистов, которые благодаря учению, воплощаются в существа более высокой категории. Это на практике и происходит с Гольдинером.

Борис Михайлович Казинец самой манерой исполнения «очеловечивает» своего героя, делает его мягче и симпатичнее. Нужно сказать, что когда я прочитала «Потерпевшего Гольдинера» в московском журнале «Театрал», чей редактор, Валерий Яков, подал Борису Казинцу идею этой постановки, мне пьеса не слишком понравилась. Показалось, что сочувствовать такому герою просто невозможно.

Пьесу играют в московском проекте «Театральный марафон» (Владимир Этуш, Ольга Тумайкина, режиссер Анна Дубровская), где ее жанр обозначен как «лирическая комедия». По-видимому, акцент там делается на возникновении неких лирических чувств между героем и героиней.

Но «Гольдинера» можно прочитать и иначе. У дуэта Казинец-Лейтуш общение персонажей, как мне кажется, держится не на лирике, а на совместном узнавании друг друга и избавлении от шор. Герой Казинца движется по этой дороге семимильными шагами, но и миссис Уотсон, в очень органичном, без наигрыша, исполнении Ольги Лейтуш, узнает о жизни в России «при Советах», счастливо ею избегнутой, благодаря эмиграции родителей.

Вот, скажем, словечки «поц» и «шлемазл» или словосочетание «агицын паровоз». Думаю, что многие из публики, как и я, с интересом, вслед за миссис Уотсон, узнавали их значение.

В числе «узнаваний» одно особенно запоминающееся. Гуляя по набережной с «пациентом», американка замечает бабушку, громко на идише препирающуюся с дочерью, к тому же на руке у бабули татуировка.

– Какой-то панк, а не бабушка.

Услышав реплику миссис Уотсон, Гольдинер-Казинец очень просто, обыденным тоном поясняет: «Это номер... Эта татуировка – из Освенцима». Пояснение убойное. Важная деталь в познании «российского менталитета» американской стороной.

Миссис Уотсон выпало иметь дело с представителем особой разновидности эмигрантов из России. Приехав в Америку, они

ее ненавидят, хотя знают о ней исключительно пропагандистские штампы: «страна доллара», «не страна, а сумасшедший дом», «американцы тупые», «Америка – бордель», «все американцы – порченые», «американцы помешались на патриотизме» и подобное.

Двадцать лет жизни в этой стране не дали ему ничего для ее познания, да он к нему и не стремился. Как и многие его одногодки на Брайтон-бич, законсервировался в своей скорлупе. На Манхеттен выбрался лишь однажды – и то лишь для того, чтобы взглянуть на диковинку, о которой ему говорил телефонный приятель, – голого ковбоя.

Этот человек привез с собой многое, что связывает его с покинутой родиной: ее песни («Это время гудит – БАМ!»), ее фарфорового пионера-горниста, ее привычки (высший шик – пить пиво с воблой), ее стиль поведения – брать нахрапом, не давая опомниться. Ему хочется гордиться перед американкой своей великой страной, противопоставляя ее Америке.

У той «нет ничего святого», а вот в Советском Союзе была социалистическая идея.

Когда миссис Уотсон напоминает о миллионах жертв этой идеи, он готов и их оправдать: «Страна была в опасности». Все знакомо, и даже слишком, и, хотя Гольдинер принадлежит к поколению наших отцов и дедов, подобный стиль мышления не остался в прошлом, постоянно напоминает о себе в сегодняшней России.

Резонен вопрос: «Так зачем же ты, член партии и парторг, всю жизнь агитировавший потив Америки, ехал в этот гадкий для тебя «оплот капитализма»? Кто тебя гнал?» Оказывается, ехал за сыном. Что ж, бывает. Но и с сыном произошла неувязка. Тот ушел в иудаизм, женился на набожной еврейке, родил детей, говорящих на английском и называющих деда «гренпа». Вещи вполне естественные. Но для догматика Гольдинера – повод прекратить отношения с сыном и его семьей.

В конце пьесы обнаруживается еще один «изъясн» в герое пьесы. Выясняется, что он был тем человеком, из-за которого отца Жени Ровинской, тогда еще не родившейся на свет, выгнали с работы, а потом и из страны. Жениному отцу вменили в вину чтение крамольной книги, привезенной кем-то из-за границы. Статья парторга Гольдинера (а на родине он

звался Владимиром Михайловичем Семеновым) об «идеологической диверсии» послужила последней каплей: отца Жени принудили к отъезду. Сам того не ведая, Гольдинер помог будущей миссис Уотсон стать американкой.

Момент, когда зритель – в отличие от миссис Уотсон – понимает, что ее подопечный и есть тот, кто написал статью против ее отца, в спектакле подлинно драматичен. Борис Казинец играет человека, к которому вернулось прошлое.

И сейчас он воспринимает его совсем иначе, чем много лет назад, когда им руководили страх и желание выгородить себя. Нет, Гольдинер у Казинца не подлец, не подонок, он типичный плод своей эпохи, и она настигает его в лице этой молодой женщины, Жени Ровинской, настигает тогда, когда он не ждал. Воистину «юность – это возмездие».

Очень бы хотела, чтобы читатель не подумал, что весь спектакль – сражение «социализма с капитализмом». Это не так, и, мало того, в трактовке Бориса Казинца «идеология» по большому счету куда-то уходит, уступая место проблемам чисто человеческим. В конце концов остается старый нездоровый и очень одинокий человек, развлекающий себя и телефонных знакомых по Брайтон-Бич рассказами о своих сексуальных успехах у молодой американки. Остается знакомый хриловатый голос с пластинки Леонида Утесова – Казинец заменил Утесовым американский хит, указанный в тексте, ничего не говорящий его Гольдинеру.

Мне было интересно, как решит артист последнюю сцену – расставание героев. Срок «общественных работ» миссис Уотсон истек, она уходит – и Гольдинер-Казинец, согласно ремарке автора пьесы, стирает ее телефон, написанный на холодильнике.

Дальше однако он делает что-то такое, чего в пьесе Шендеровича нет. Он начинает срывать со стены обои с картинками Брайтон-Бич. Ольга Лейтуш, замечательная его партнерша, выходит из зрительного зала и громко спрашивает: «Борис Михайлович, что, ваш Гольдинер собирается делать ремонт?» На это актер отвечает: «Нет, Оля, Гольдинер собирается переезжать».

Конец спектакля открыт. Слово «переезжать» может иметь разные смыслы, и хочется верить, что Гольдинер, который за время спектакля из «хомо советикуса» превратился в

страдающего и вызывающего сочувствие человека, будет жить и даже, возможно, отыщет миссис Уотсон, Женю Ровинскую, – нет, не для сексуальных утех, а для серьезного разговора-покаяния.

Спектакль закончен, прислушиваюсь к отзывам публики. Вот пара в сторонке обменивается мнениями. Он: «Давно так не смеялся!». Она: «Великолепная игра!». А рядом пожилая женщина вытирает слезы. Про великолепную актерскую игру обоих артистов говорят все. Среди мнений слышу такое: «Какую халтуру привозят нам из России, и ведь люди с именами...! (Имена позволю себе опустить). А здесь настоящий актерский класс!». С этим трудно не согласиться.

P.S. Забыла сказать, что газета «Каскад» назвала Бориса Казинца «Человеком года» в 2015 году. Диплом был вручен артисту прямо на сцене после представления. Поздравляем Бориса Михайловича с почетным званием!

Ольга Соловьева
С-Петербург, Россия

ПОД СКРИП ПЕРА О МЮЗИКЛЕ «ОНЕГИН» В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

«Мюзикл» – по-русски звучит несколько легковесно. На деле же представляет собой гармоничный синтез серьезных жанров, оперы и драматического спектакля. Это подтвердил «Онегин» – мюзикл, идущий на сцене Санкт-Петербургского мюзик-холла, соединивший в себе гениальные стихи Пушкина и вечную музыку Чайковского, великолепную игру актеров, интересную сценографию, новшества в области видеоарта. «Онегин» создан по роману в стихах А.С. Пушкина продюсерской компанией «Makers Lab». Постановщики: Софья Сиракян, Ирина Афанасьева. Композиторы: Петр Ильич Чайковский, Антон Танонов, Глеб Матвейчук. «Онегин» как синтез оперы и драматического театра потребовал в ряде сцен музыкальных связок (авторы ее А. Танонов и Г. Матвейчук). Спектакль не

является точной копией оперы и романа, дополнен сценами народных обрядов и сценами, помогающими лучше понять героев.

Прежде чем следовать дальше, хочу сказать несколько слов о всплеске интереса к театру в Петербурге. Причина этого довольно проста: не самая радужная действительность с такими составляющими, как извлеченные из нафталина страшилки об «угрозе с Запада», кризис экономики, тенденция к «закрытости» страны, – все это увеличивает тягу к иной реальности – той, что сотворена на сцене. На память приходит «Театр» Марины Цветаевой, сборник изысканных, красивых пьес о любви, о сильных чувствах, написанных в 1918-19 годах прошлого века, в период военного коммунизма, голода, предательства, гибели и потери близких. Действие в этих произведениях происходит в галантную эпоху рококо, которая есть олицетворение самой романтики. Цветаева создала свои миры, иные, чем окружающие ее реалии. Пьесы ее искрятся как пузырьки шампанского.

Вернемся к мюзиклу. Наибольший след в душе оставляют постановки по произведениям с «характером», с богатой историей, по тем, что прожили жизнь. «Онегин» – о Любви, о том, как легко порвать волшебную соединяющую двоих нить, о том, что поздно понимаешь, насколько важно сохранить ее. Авторы смогли воссоздать контекст эпохи. Это сценическое выражение бессмертного романа никак не вяжется с понятием «удешевление». Великая русская культура – это не только наследие, это еще и источник вдохновения для наших современников.

Продюсерская компания «Makers Lab» анонсирует спектакль как отказ от привычного взгляда на произведение А.С. Пушкина. Я бы назвала прочтение – более глубоким, чем обычно принято. Создатели мюзикла рискнули извлечь из самых глубин сущность героев, визуализировать демонов, которые сокрыты внутри каждого из нас. Демоны эти – не столько наше дурное, сколько то, что не соответствует принятым на данный момент в обществе нормам. Показали мир сказок, суеверий, обрядов, окружавших любого русского человека той эпохи вне зависимости от социального статуса. Гадание, хороводы и венки на Ивана Купала, народные игры, в

которых участвуют и дворяне. Помните «Сказки» Пушкина? А «Лукоморье» с незабвенным дубом и котом? Кринолин и фрак только на первый взгляд не вяжутся с сарафаном и рубахой. Александр Сергеевич весьма иронично описал «народные» пристрастия таинственного и недоступного с виду молодого барина в «Барышне-крестьянке».

Ленский (А. Авдеев) и Онегин (К. Гордеев)

Оформители достойно решили непростую задачу. Декорации уникальные, этакий синтез классики и медиатехнологий, помогают создать иллюзию присутствия в роскошном зале – лепка, колонны, зеркала, затем перенестись в деревню, окунуться в иллюзорный мир сновидений Татьяны или в сказочный вечер накануне Ивана Купалы. При этом они не оттягивают внимание на себя, а служат обрамлением игры актеров, помогают проставить необходимые акценты.

Интерьеры и костюмы «Онегина» соответствуют эпохе, в которой происходит действие. Корсеты и кружевные манжеты, перчатки и цилиндры или венки, сарафаны, вышитые рубашки. Создатели мюзикла в этом подошли уважительно и трепетно к литературному источнику, в отличие от тех, кто в погоне за модой в мировом оперном искусстве, переносит исторические события в современность.

Действие начинается с заводом музыкальной шкатулки состарившимся Евгением Онегиным (Ярослав Шварев), сидящим в инвалидном кресле. Шкатулка эта когда-то принадлежала Татьяне. Ожившие фигурки воскресили воспоминания. Мы видим на сцене движущийся круг с застывшими в различных позах светскими красавицами и франтами. Далее основная канва действия соответствует роману. Получение Онегиным наследства, прибытие в поместье, знакомство с Ленским и Лариными. Письмо Татьяны, объяснение Евгения с ней. Дуэль с Ленским, которая закончилась трагедией. Дуэль – этакий «центр равновесия»... Поздняя встреча с уже замужней Татьяной. Заканчивается спектакль движущимся кругом с действующими лицами, застывшими будто по взмаху волшебной палочки. «Дней круговерть – жизнь и смерть...».

Инструменты актера – лицо, тело, голос. Сложно играть, если чего-то нет. Эдвард Нортон создавал своего Болдуина IV (фильм «Царство Небесное» Ридли Скотта) без лица, у его героя гниющая плоть на месте лица закрыта маской.

Пластика, осанка, голос – незаурядному актеру удалось посредством урезанного инструментария изобразить сильную, яркую личность. У Ярослава Шварева была обратная задача. Он мог воспользоваться только лицом или поворотом головы, плеч дабы показать истинное отношение своего героя к событиям минувших лет.

По анонсу продюсеров, сердце мюзикла – его музыка. Музыка, бесспорно, важна. Но мы, зрители, идем, в первую очередь, на харизму актеров. В мае мне посчастливилось попасть на премьерное выступление в роли Онегина блистательного Ивана Ожогина (в роли Татьяны была Вера Свешникова). Накануне посмотрела спектакль с другим Онегиным – Кириллом Гордеевым (Татьяна – красавица Анастасия Макеева). Одни и те же тексты, одна и та же музыка, одно и то же действие. Но энергетика исполнителей создает разных героев и строит по-разному взаимоотношения с партнерами. Каким был Онегин? Каждый из актеров дает свой ответ на этот вопрос.

Онегин Гордеева – повеса, денди, в поле зрения которого попадают только самые стильные столичные красавицы. По

прибытии в поместье встречается с Ленским (Антон Авдеев), романтиком. Подоплека их взаимоотношений – выяснить, кто же будет в дальнейшем лидировать. Женщины являются не только предметом ревности, но и предлогом для выяснения отношений. Двум крупным рыбам тесно в одном пруду. Обращение Ленского к Онегину «друг мой» – принятый в обществе оборот речи. В объяснение с Татьяной актер вкладывает следующий подтекст: «Вы меня, конечно привлекаете. Но не рассчитываете на серьезные отношения, меня это не устраивает и проблем мне не нужно». В основе последующих страстей гордеевского Онегина кроится обида отвергнутого, нереализованное желание встречаться с замужней женщиной, которой он хочет обладать, не создавая себе дополнительных проблем.

Иван Ожогин не побоялся представить на суд публики своего – другого – Евгения Онегина. Мы, зрители, привыкли видеть актера в образе Воланда, вампира фон Кролока, жестокого Хайда, Призрака Оперы.

Тем неожиданнее был для нас его Евгений. Под светским лоском, маской столичного циника и повесы в его трактовке прячется романтик. В Ленском Онегин нашел друга. У них разные взгляды, тем интереснее спорить. Отказ во взаимности Татьяне – это своего рода проявление честности, неготовность погрязнуть в семейном быте. Взаимоотношения с Ольгой – поддразнивание Ленского, игра, подхваченная девушкой. «Онегин, друг мой» – в этой фразе Ленского обращение «друг» искренне.

Дуэль – так принято, иначе осудят, дань мнению Света. Может, и промахнулся бы Онегин Ожогина, но «безжалостные» строки романа диктуют свои законы. Ленскому выжить не полагается. Дальнейшие переживания Евгения из-за случившейся трагедии – горе о потерянном друге. Позднейшая встреча с уже замужней Татьяной – осознание обрыва волшебной связи между ними, любви, которую он не смог сразу распознать. В создании образа героя не последнюю роль играет и чарующий голос актера, творящий особую ауру. Многие зрители ходят на сам голос Ивана Ожогина.

Публике пришелся по душе Онегин, созданный актером. По окончании спектакля зрители завалили Ивана цветами,

женщины от восторга чуть не разорвали на части. Ожогин – лучший. Онегин в исполнении Ожогина способен страстно любить, Онегин Гордеева – желать, выдавая или принимая это за любовь.

Татьяна Анастасии Макеевой прекрасна, изящна, романтична. При взгляде на нее на ум приходят слова «дыша духами и туманами». Ее видишь блистающей в высшем свете. Где она и оказывается во втором действии.

Более земная и понятная Татьяна Веры Свешниковой. Источник ее романтизма – не только в книгах, но и в народных сказках и обычаях. Что больше соответствует деревенскому воспитанию и окружению Татьяны.

По-разному решают актрисы сцену, в которой Татьяна приходит за книгой к Онегину. Героиня Макеевой, влюбленная книжная барышня, книгу роняет специально. Причина падения книги из рук Татьяны Свешниковой кроется в сильных переживаниях, в жажде и страхе коснуться Евгения.

Мне очень понравилась Ольга в исполнении Анастасии Азеевой-Шведовой. Ее героиня совсем не глупа и не «пустышка», она веселая, любит жизнь, а не живет в «книжном» мире, как Татьяна. Кокетство Ольги с Онегиным – игра очаровательной девушки и желание привлечь романтика Ленского к реальной жизни, любви, заставить ревновать. Увы, эффект был слишком велик.

Не знаю, что задумывали авторы мюзикла, вводя образ «демона Татьяны» (Сергей Худяков), по мне, он – прекрасный и пластичный, – борьба «книжного» существования и стремления ее тела к земному миру.

Удивительный образ нянюшки сестер создала Манана Гогитидзе. Кто знает, может, такой и была няня Александра Сергеевича. Верящая в сказки и обряды, когда-то пережившая большую любовь (рассказ о любимом Ванюшке), душевная, сопереживающая. Когда героиня Мананы поет песню про чертенка, а с двух сторон к ней прильнули Ольга и демоненок, возникает горячее желание оказаться рядом, почувствовать ее тепло, обнять. Эта роль актрисы в корне отличается от энергичной, жесткой и одновременно привлекательной Мамы Мортон (мюзикл «Чикаго», который шел на сцене Санкт-Петербургского театра музыкальной комедии).

В заключение хочу пожелать «Онегину» избежать участи «Мастера и Маргариты» и не стать жертвой «грязных» бизнес-ходов. А закончу эту статью словами Андрея Пастушенко: «Под скрип пера, мир, придуманный вчера, как душа, будет жить во все века».

Алекс Грант

Спарта, Нью-Джерси, США

ВЕЛИКОЕ ИМ БЫЛО ПО ПЛЕЧУ.

ВСЛЕД ЭЛЬДАРУ РЯЗАНОВУ

Эссе

Для человека из Союза зима перед Новым годом и сразу после него – время особенное. Почему это так, объяснить трудно, да и ни к чему, достаточно посмотреть «Иронию судьбы, или с лёгким паром» – и всё сразу станет ясно. Эльдар Александрович Рязанов остро чувствовал поэзию, сам писал стихи и умел в своих фильмах создавать настроение, что в полной мере проявилось в его лирических комедиях.

Зима же в Нью-Йорке – это совсем другое дело. О настоящей зиме, да ещё под Рождество или в Новый год, как правило, можно только мечтать. В один из таких зимних дней, уже после Нового года, когда снега хватило только на то, чтобы создать пробки на дорогах и испортить настроение, я сел за руль своего восьмицилиндрового потрёпанного понтиака и поехал в Бруклин, куда из Нью-Джерси в 1990-х переселилась моя мама.

Водить машину ей уже было небезопасно, а в Бруклине все прелести цивилизации, в отличие от Нью-Джерси, находились в пределах пешеходных прогулок, которые она так любила совершать. Погода в этот день не вызывала никакого желания выходить на улицу, и я решил остановиться на Брайтоне и пройтись по магазинам сам, обычно мы это делали вместе. Продукты питания на Брайтон-Бич – это особая статья, и здесь можно найти достаточно материала на кандидатскую в сфере социологических исследований. Я же ограничусь коротким замечанием: слава Богу, что среди вновь прибывших

эмигрантов нашлись предприимчивые люди, которые своим нутром почувствовали, что для человека из Союза праздничный

Эльдар Рязанов

стол без селёдки, квашеной капусты, малосольных огурцов, черного хлеба и рижских шпрот не будет праздничным. Новогодний же стол даже нельзя себе представить без бутылочки полусладкого Советского шампанского.

Мне до сих пор больно вспоминать мой первый Новый год в Штатах, когда я в первый раз попробовал Андре Брут, и до сих пор от одной мысли об этом я ощущаю, как меня передёрнуло после первого глотка, прямо скажем, обжигающе сухого напитка. Пришлось тут же закусить шампанское то ли маринованным, то ли солёным огурцом из Шоп-Райта, от которого меня передёрнуло ещё раз.

Помню также, что по советской традиции, после нескольких бокалов, и не только шампанского, я вышел, как оказалось, на совершенно пустынную улицу, обитатели которой давно уже мирно спали в своих уютных нарядных домиках. Тоскливо оглянувшись по сторонам, я в одиночестве задрал голову, уставился в бесконечное звёздное небо, отыскал Большую медведицу, улыбнулся, как улыбаются увидев старого приятеля, помахал ей рукой и на минуту забыл о том, кто я и где я.

Американцы, или как мы тогда их в шутку называли америкашки (не от неуважения к ним, нет, а скорее от непонимания, нового для нас уклада их жизни), выпускали свой праздничный пар, в Рождество и под Новый год там и сям на улице можно было увидеть выброшенные, отслужившие своё рождественские ёлки. Именно в мой первый Новый год в Штатах я остро, как никогда, ощутил, что живу в чужой стране. Ни английский, которого я практически не знал, ни незнакомая мне еда (вернее сказать, еда-то знакомая, а вот вкус этой еды был незнаком), ни телевидение с рекламами, играми на денежные призы и смехом за кадром, а эта, отслужившая своё Рождественская ёлка, выброшенная на улицу в самый канун Нового года, стала тем самым последним штрихом в моём сознании, который заставил меня остановиться, грустно вздохнуть, и протянуть: «Даа, дела...»

«Иронию судьбы» здесь показывать бесполезно – не поймут. Ещё в детстве мне всегда было грустно и обидно за Новогоднюю ёлку, особенно в тот день, который я всегда старался оттянуть, когда нужно было снимать с неё игрушки и выносить дерево во двор. Мне казалось, что в этом крылась какая-то несправедливость, даже предательство: срубили ёлочку, нарядили, потанцевали вокруг неё, а потом выбросили на помойку!

В Штатах для выходцев из Союза Брайтон оказался тем спасительным местом, которое хоть как-то, но помогало снова окунуться в предновогоднее настроение, ощутить столь знакомую предпраздничную суматоху и встретить Новый год так, как мы привыкли его встречать, как самый любимый праздник года.

Помимо продуктовых магазинов на Брайтоне вскоре стали появляться и книжные, а затем театральные кассы, и наконец, свой кинотеатр. Именно там, около кинотеатра «Океан», и была вывешена афиша о вечере встречи с Эльдаром Рязановым. Можно было пропустить всё что угодно, но только не это событие. Я резко нажал на тормоза, проскользил несколько метров на изношенных покрышках моего понтика по замёрзшей снежной слякоти, покрывавшей дороги Нью-Йорка, выскочил из машины, подбежал к театральной кассе и, к своему счастью, и во многом благодаря плохой погоде, стал

обладателем двух билетов на встречу с Рязановым. Зная, как моя мама обожает его творчество, я заскочил в цветочный магазин, купил букет цветов и не по сезону солнечную, с подсолнухами, открытку (она оказалась единственной без какого-либо заготовленного текста), на которой, вспомнив студенческие годы и то, что Рязанов сам любил сочинять стихи, я настроил небольшое послание. Вскоре мы с мамой пробирались по нерасчищенным от снега дорожкам к школе, где и должен был состояться этот вечер встречи. Когда мы, наконец-таки, до неё добрались, то выяснилось, что рейс, которым летел Рязанов, по-моему из Бостона, в силу погодных условий, задерживается. Прошел час, народ начал волноваться, а вдруг встреча не состоится. В зал не пускали, все толпились в фойе, говорили о его творчестве, вспоминали интересные моменты из полюбившихся фильмов.

Мужчины и самые отважные женщины, а у женщин, как известно, желание выглядеть эффектно стоит несравнимо выше, чем любые неудобства, которые может принести самая неблагоприятная погода, включая снег, холод и пронизывающий насквозь ветер, выходили на улицу покурить и даже оттуда доносились то громкий смех, то оживлённый разговор.

Настроение оставалось приподнятым, и после сообщения о том, что самолет, на котором летел Рязанов, благополучно приземлился, – перешло в радостное. И вот, наконец, долгожданный момент – всех запускают в зал и через несколько минут появляется Эльдар Рязанов. Он вышел на сцену быстрой походкой, не показав и капли усталости, но явно расстроенный, что задержка с рейсом да и пробки на заснеженных дорогах, заставили людей ждать. Первыми его словами были слова благодарности к собравшимся, что они не разошлись, несмотря на то, что шансов на его прибытие в Нью-Йорк было очень немного. Может быть, именно поэтому встреча получилась исключительно тёплой. Не знаю, готовился ли Рязанов к этой встрече или нет, но говорил он без бумажки, вспоминая и перескакивая с одной темы на другую, создавалось ощущение какой-то импровизации воспоминаний: смешных и не очень смешных моментов из его жизни и творчества. Великолепный рассказчик (не по исполнению, а по умению интересно донести

до слушателя то, о чём он хотел с ним поделиться), он безошибочно чувствовал, что для аудитории интересно, а что нет. Ему, чтобы заинтересовать зал, не нужно было читать монологи или стихи. Он рассуждал о жизни, отвечал на вопросы и мы то смеялись, то внимательно слушали, боясь даже покашлять, как это порой бывает в театре, когда на сцене происходит что-то захватывающее.

И если бы меня сейчас спросили, что я считаю главным в творчестве и даже в личности Рязанова, хотя я видел его первый и единственный раз на этом вечере, я бы не задумываясь ответил – любовь к людям. Это чувствовалось и по той озабоченности во всём его облике, когда он вышел на сцену, ведь вечер встречи начался часа на полтора позже, чем планировалось, и по тому, как ему было приятно увидеть полный зал людей, которые так ждали встречи с ним.

У каждого из нас, наверное, есть свой любимый Рязанов. Кому-то больше нравятся его сатирические комедии, вершиной которых, безусловно, стала картина «Берегись автомобиля». Само название уже заинтриговывает. Что это значит? Не суйся под колёса? А может, что-то другое? В этом фильме любовь к людям у Рязанова видна даже в том, как он показывает отрицательных персонажей этой замечательной комедии. Отставной вояка, в исполнении Папанова, живущий на сомнительные доходы своего зятя, вызывает не раздражение, а улыбку. Даже в сатире, где традиционно всё представляется в чёрно-белом цвете, у Рязанова герой Папанова качует из одной «категории» в другую, и как тут не рассмеяться, когда в суде, он громогласно произносит: «Свободу Юрию Деточкину!» Тому самому Деточкину, который угнал его машину (машина-то была зарегистрирована на его имя!).

Мне же, как и многим поклонникам творчества Рязанова, ближе его более поздние работы. В его лирических комедиях мы видим более мудрого, более терпимого к человеческим недостаткам Рязанова. Они пронизаны поэзией, любовью к жизни и к людям. И если у кого-то всё ещё возникает вопрос: в чём же феномен фильма «Ирония судьбы» и почему просмотр именно этого фильма стал настоящей новогодней традицией, то ответ на этот вопрос дал сам Рязанов, когда, изменив своему правилу (не смотреть свои фильмы после

их выпуска в прокат), всё-таки почти через 30 лет после выхода картины на голубые экраны, посмотрел «Иронию судьбы» ещё раз и сказал, что остался доволен своей работой.

На новогоднюю тему было создано много фильмов, кстати, включая и «Карнавальную ночь», опять-таки самого Рязанова, но их успех и близко не стоит к успеху «Иронии судьбы».

В этой картине есть великолепные комедийные сцены и есть драма, есть тонкое психологическое наблюдение за развитием характеров героев картины и замечательная игра исполнителей главных и эпизодических ролей. И всё это многократно усиливается великолепной музыкой и стихами, которые создают настроение незабываемой новогодней сказки для взрослых.

В «Иронии судьбы», в отличие от сатирических комедий, нет деления персонажей на положительных и отрицательных, но есть, как и во многих фильмах Рязанова, столкновение двух жизненных позиций, двух очень разных поколений. Одно поколение, которое пошло в школу уже после войны, и поэтому, скорее, послевоенное, – свободное, раскрепощённое, поколение Лукашина; другое – поколение Ипполита, которое помнит, что такое война, и это наложило на них свой отпечаток.

Тяжёлое время научило их идти на таран. И в то же время, это удивительное поколение – поколение, которое послало человека в космос, всего через 16 лет после окончания войны! Поколение, которое дало нам учёных, поэтов, писателей, композиторов, художников, артистов, бардов, которыми мы восхищаемся до сих пор, поколение необыкновенно талантливое, к которому относился и сам Эльдар Александрович Рязанов. Ипполит ревнив и ведет себя неразумно, прямолинейно. Поначалу симпатии зрителей и все преимущества явно на стороне Лукашина. Он легко ориентируется в ситуации, ловко использует все промахи Ипполита в достижении своей цели – завоевать расположение Нади. Но вот наступает сцена последнего появления Ипполита в квартире Нади. Он побеждён, казалось бы, раздавлен, он потерял любимую женщину, и вдруг Рязанов показывает нам другого – настоящего Ипполита – человека, умеющего мыслить, анализировать, человека с глубоким пониманием основ человеческой порядочности, преданного; «за ним – как за

каменной стеной», как сказал о нём сам Лукашин. Он настоящий мужчина.

Интересна фраза, брошенная Ипполитом: «Какая гадость - эта ваша заливная рыба». Не «заливная рыба», а «эта ваша заливная рыба». Остаётся только догадываться, что он имел в виду. Сдаётся мне, что не только рыбу. Интересно ещё и то, что в сценарии слово «ваша» отсутствовало, его добавил (после нескольких неудачных дублей) Юрий Яковлев, снимавшийся в роли Ипполита. Рязанов, как мне кажется, решил оставить именно этот вариант не только потому, что он был более удачным, но и потому, что фраза «эта ваша заливная рыба» придала монологу Ипполита совершенно другую смысловую нагрузку и стала ключевой к последующему самому сильному эпизоду этой замечательной комедии – Ипполит в пальто и в зимней меховой шапке принимает душ.

В этой сцене Рязанову, как и великому Чаплину в его незабываемых фильмах, удаётся удивительно легко и естественно перевести действие из комедии в трагикомедию, и делает он это тогда, когда меньше всего этого ожидаешь. Такое доступно только настоящему мастеру. После этой сцены начинаешь задумываться, а на чьей же стороне сам Рязанов. Да, это был Ипполит, который стоял под холодным душем, но не стал ли этот душ холодным душем для Лукашина, а поскольку Рязанов сталкивает в своём фильме два столь разных поколения, то, в некоторой степени, и для всего нашего послевоенного поколения?

Мужское начало в Лукашине не то чтобы отсутствует, но явно не на высоте. В критические моменты оно ему изменяет, и он может повести себя с женщиной бесцеремонно, а то и похамски. Ещё раз убеждаешься в этом, когда он, по возвращении домой в Москву, даже не удосуживается позвонить женщине, которой он всего день назад объяснился в любви и сделал предложение. Ипполит бы так не поступил. Сцена в душе могла бы быть заключительной в фильме, но новогодняя сказка должна оставаться сказкой, и Рязанов дарит нам её счастливое завершение.

Невозможно также не сказать о том, как Рязанов относится к «слабому» полу в своих фильмах. У Рязанова женщины сильнее мужчин. Взять хотя бы эпизод, когда Лукашин ищет повод

остаться у Нади, но не находит и, рискуя потерять её навсегда, направляется к двери. Надя оказалась мудрее, она сумела переступить через порог стеснения, нерешительности, назовите это как угодно, но сколько раз это случается в жизни, когда этот порог, созданный исключительно в нашем сознании, нам никак не удаётся преодолеть. Надя смогла это сделать, и это поступок незаурядной женщины. И особенно близко зрителю то, что она обыкновенный учитель русского языка и литературы в самой обычной районной школе, она одна из нас.

В другом замечательном фильме Рязанова – «Служебном романе» – Людмила Прокофьевна, в блестящем исполнении Алисы Фрейндлих, сумела преодолеть в себе одинокую, угасающую, почти смирившуюся со своей участью женщину и показать, какой прекрасной, очаровательной может стать женщина, когда поверит, что за счастье можно и нужно бороться. Есть ещё один эпизод из того же фильма, после просмотра которого улыбка у почитателей этого фильма ещё долго будет оставаться на лице и который, по-моему, просто необходимо показывать на бис каждое 8-е марта: начало рабочего дня в типичном советском учреждении – сотрудницы статистического управления наводят марафет. С каким теплом и любовью Рязанов сумел отснять эту сцену!

Женщины в фильмах Рязанова просто неотразимы. В них невозможно не влюбиться.

В заключение хочется сказать – какое счастье, что мы были свидетелями того, как умели творить, работать и бороться с невероятными трудностями, которые обрушила на них судьба, люди старшего, теперь уже уходящего – военного поколения, – к которому принадлежал и сам Эльдар Александрович Рязанов. Великое им было по плечу. Низкий им поклон и любовь.

Элеонора Мандалян
Лос-Анджелес, США

ПОГРУЖЕНИЕ В ИНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ. АРМЕНФИЛЬМ
Глава из мемуаров

За всю свою жизнь я испробовала немало профессий, но самой любимой была работа в кино, переносившая как бы в иную реальность, дарившая массу ярких, незабываемых впечатлений. Ее специфика уникальна еще и тем, что с каждым новым фильмом, непохожим на предыдущий, ты погружаешься в новую для себя среду, ментальность и время. Ощущения эти могу сравнить разве что с теми, что испытывешь путешествуя по разным странам.

Мне посчастливилось попасть на «Арменфильм» (в Ереване) года через два после окончания института. Тогда, в 1966-м, там запускалась новая музыкальная кинокомедия «Карине», а ее режиссером-постановщиком был определен Арман Манарян (1929-2016), личность незаурядная и безусловно талантливая. Не случайно о нем писали, что его творчество «определяло лицо армянского национального кинематографа всей второй половины XX века».

С сожалением только что узнала, что месяц назад он скончался, в возрасте 87 лет. Когда тебе самой уже ого-го сколько, все чаще и чаще приходится слышать, что покидают этот мир близкие тебе и просто некогда знакомые люди. Грустно, но, увы, закономерно, и от этого никуда не денешься – диалектика Жизни.

Родом Арман был из Ирана (Тегеран), но образование получал в Ереванской консерватории (дирижерское отделение), то есть к музыке имел самое прямое отношение, а затем – и во ВГИКе, в Москве. О себе ярко и, так сказать, аккордно заявил уже своей дипломной работой – комедийной короткометражкой «Тжвжик» («Печенка»), снятой по одноименной новелле западно-армянского писателя Атрпета – так ярко и искрометно заявил, что его фильм тут же окрестили жемчужиной армянского национального киноискусства, а о нем самом заговорили как о явлении в кинематографе. Да и могло ли быть

иначе, если главную роль в том фильме сыграл гениальный Грачья Нерсисян.

По окончании ВГИКа Арману сразу дали на «Арменфильме» зеленую улицу – в виде полнометражного художественного фильма. Ну а я вошла в состав его съемочной группы – в скромной роли ассистента художника-постановщика.

И началась жизнь, похожая на сон. Быть может, оттого, что я впервые окунулась в волшебные будни кинопроизводства, мне все было в диковинку, все безумно интересно и празднично. День пролетал на едином дыхании. Да и фильм-то был не обычным, а сказочно-иллюзорным – экранизацией оперетты Тиграна Чухаджяна «Леблебиджи». Национальный колорит на грани гротеска имел свою конкретную привязку: армянская диаспора Константинополя конца XIX века.

Арман Манарян, режиссер-постановщик фильма Карине

Мне повезло втрое оттого, что художником-постановщиком музыкальной комедии-буфф был уникальный во всех отношениях Валентин Подпомогов (которого я буду вспоминать отдельно и подробно). Фильму-водевилю, легкому, веселому искрометному и изящному, и декорации требовались

соответствующие – условные, воздушные, яркие. Их по эскизам Вали построили, окрасили, а мы с ним потом их расписывали. Каждая сцена, каждый кадр являл собой богатое поле деятельности для полета художественной фантазии. А Валя был редким фантазером, так что мы с ним самовыражались, как могли.

Арман Манарян умело подбирал актеров – с одной стороны, молодых, задорных, полных обаяния – Лидия Арутюнян (Карине), Жирайр Аветисян (ее жених Армен), Тигран Левонян (друг Армена, Маркар); Варвара Карапетян (подруга Карине, Шушан); с другой – маститых и известных – Ашот Каджворян (отец Карине, Ор-Ор ага); Вардуи Вардересян; Ерванд Манарян – старший брат Армана Манаряна; колоритнейший Арман Котикян, для которого эта роль стала, увы, последней; Гурген Ген – та еще личность, и др.

В молодой актрисе Лиде Арутюнян Арман нашел не только героиню фильма, но и свою любовь на всю оставшуюся жизнь. Они поженились сразу же по окончании съемок и не расставались до самой его смерти. В фильме Лида все свои арии «пела» под фонограмму. То есть за нее пела знаменитая оперная певица Гоар Гаспарян (1924-2007).

Репатриировавшись из Каира в Армению, на свою историческую родину, вместе с мужем-дипломатом, и поселившись в небольшой типовой квартире в Ереване, Гоар поначалу никому не была известна и выступала по вечерам в небольших клубах.

Мой муж познакомился с ней именно в этот период. Она жила на одной площадке – дверь в дверь – с квартирой его близких друзей. Гоар, совсем еще молоденькая, будучи в Армении человеком новым и неустроенным, очень часто заходила к соседке то за советом, то «за солью», то за помощью, или просто поболтать. На удивление скромная и позитивная женщина, глубоко порядочная и доброжелательная, внешне она была ничем не привлекательна – ни в молодости, ни тем более потом: маленького роста, неказистая и даже нескладная.

Она и на сцену клуба выходила с какой-то деревянной неуклюжестью, вызывавшей у зрителя недоумение: что, мол, эта клуша здесь делает? Но стоило ей открыть рот, и следом рты

открывались у всех присутствующих – от неожиданности, от восторга, от изумления, граничившего с шоком.

Талант такого масштаба просто невозможно было не заметить. Ей не было равных. И вскоре она уже пела в Театре оперы и балета им. Спендиарова как ведущая солистка и оставалась ею несколько десятилетий. Люди ходили в оперу на ее голос.

Лидия Арутюнян в роли Карине

Встречая ее у своих друзей, муж, наверняка, потом даже не вспомнил бы о ней, если бы через пару лет не услышал ее в опере, которую регулярно посещал, а имя ее не начало бы греметь на весь Советский Союз. Гоар Гаспарян была признана одним из лучших колоратурных сопрано мира.

Как она пела! Видно, сам Господь Бог через родителей дал ей при рождении вещее имя: «гоар» по-армянски означает драгоценный камень, сокровище. Соотечественники ее иначе и не называли – сокровище Армении.

У Гоар был очень хороший и верный муж, чью фамилию она до конца носила. Но в 32 года она влюбилась в будущего оперного тенора, а на тот период – своего ученика, 20-летнего красавчика Тиграна Левоняна (1936-2004), и вышла за него замуж. Для пуританской Армении такой мезальянс классифицировался как скандал. Можно себе представить,

сколько толков и пересудов он вызвал – и в отношении ее поступка, и в отношении избранника. А главное, никто не верил, что их союз может быть долговечным.

Они прожили душа в душу 47 лет. Тигран не был «вещью при знаменитости». Он полностью себя реализовал и как певец (народный артист Республики Армения), и как режиссер, и как администратор – профессор Ереванской консерватории, директор Театра им. А. Спендиарова (1991-1999). Несмотря на такую разницу в возрасте, Тигран Левонян ушел из жизни первым (в 68 лет). 80-летняя Гоар была безутешна. А три года спустя последовала за ним в мир иной.

Гоар Гаспарян была отмечена всем, чем только можно отметить яркий талант: народная артистка СССР и Армянской ССР, Лауреат Сталинской премии, Герой Социалистического труда, Кавалер ордена Месропа Маштоца (высший орден Армении), профессор Ереванской консерватории. Но самое главное ее звание: великая армянская певица, которой стоя рукоплескали зрители разных стран мира...

Во время съемок «Карине» Гоар было 42 года. Она несколько раз появлялась на нашей съемочной площадке. Ведь в фильме был задействован не только ее голос, но и ее муж, снимавшийся в одной из главных ролей (друг героя, Маркар). Голоса Тиграна и Гоар, записанные на магнитофон, постоянно звучали в воздухе, что создавало удивительную ауру и приподнятое настроение. Гоар, как я упоминала, пела за Карине. А Тигран исполнял сразу две партии – за Маркара и за Армена, виртуозно меняя до неузнаваемости тембр голоса.

Съемки фильма проходили не только в павильоне, но и на натуре. Наша съемочная группа выехала в городок Раздан, что в 50 км от Еревана. Все его достопримечательности – монастырь Макраванк, XIII века, да небольшое Ахбюракское водохранилище, или озеро Раздан, как его все называют. Озеро лежит в обрамлении гор. Посредине крошечный зеленый островок. А на берегу, на высокой скале, возвышается над водой ресторан из розового туфа. Вот его-то мы и облюбовали для съемок, дополнив бутафорскими декорациями.

Нас расселили по квартирам, и пробыли мы там практически все лето. Поэтому свекровь с моим сыном поселилась вместе со мной, а муж приезжал к нам на выходные. Поскольку мой

непосредственный «босс», Валентин Подпомогов был тот еще гуляка и любитель «заложить за воротник», приезды мужа заканчивались кайфом где-нибудь посреди озера, на островке, где местные, по поручению Вали, заранее ловили рыбу, жарили ее на костре или варили уху. И вся эта дачно-творческая жизнь протекала в окружении артистов и массовки, разодетых по моде прошлого века, да не Армении, а Константинополя, и под ласкавшее ухо музыкальное сопровождение. А Валя еще и умудрился сняться в эпизодической роли подвыпившего игрока...

Благодаря тому, что первый советский мюзикл, как его окрестили, очень бережно и деликатно был дублирован лучшими актерами «Мосфильма», «Карине» смогли увидеть и оценить по заслугам зрители всей страны. (Премьера в Москве состоялась в 1969-м.)

Был в США известный режиссер и кинорежиссер Рубен Мамулян (1897-1987), король американских мюзиклов середины прошлого века, имеющий на Бульваре Голливуд свою звезду. Побывав в Ереване и посмотрев «Карине», он воскликнул: «Вот уж не ожидал увидеть в Армении картину, не уступающую по уровню всемирно известным музыкальным фильмам!»

В 1966 году киностудии «Арменфильм» присвоили имя Амо Бекназаряна. Амбарцум Бек-Назаров, он же Бекназарян (1891-1965) – выдающийся советский кинорежиссер, сценарист и актер, отмеченный Сталинской премией. Зная, что я скульптор, директор киностудии попросил меня сделать его барельеф. В цехе, где строились декорации, мне выделили место, и я слепила памятную доску с портретом знаменитого режиссера, заложившего основы армянского кинематографа. С тех пор она, отлитая в бронзе, красовалась над центральным входом в киностудию. (Я употребляю прошедшее время, потому что после развала СССР перекупленный американскими армянами «Арменфильм» практически перестал существовать, а построенные для него в советское время новые помещения находятся в ужасающем запустении.)

Выделенное мне место так за мной и закрепилось. В свободное от основной работы время я лепила там портреты армянских кинознаменитостей, которые охотно и с

удовольствием мне позировали. В их числе был наш режиссер-постановщик Арман Манарян, сохранивший мальчишескую внешность – худощавый, импульсивный с острым, почти колючим взглядом из-под бровей.

Хорена Абрамяна (1930-2004) я уже начала лепить (конечно, слово «ваять» подходит больше, да как-то уж очень выпренно звучит), но его отозвали в другой город на съемки, и портрет, едва начатый, так и остался незаконченным. Его знала и любила вся страна за сыгранные им роли (более чем в 40 картинах), и, в первую очередь, – за роль Арсена в фильме «Песня первой любви». Народный артист СССР Хорен Абрамян был вне конкуренции и в театре, и в кино. Во второй половине жизни он сконцентрировался на режиссуре и преподавании. В 50 лет стал главным режиссером (а потом и художественным руководителем) Театра Сундукяна.

Фрунзе Довлатян (1927-1997) – актёр, кинорежиссёр, сценарист, народный артист СССР – моя следующая натура. (Боже, как же тяжело делается на душе, когда приходится проставлять эти проклятые двойные даты и осознавать, что всех этих людей уже давно нет в живых!) Фрунзик и Хорик были друзьями не разлей вода. Оба видные, красивые. По обоим девушки сходили с ума. И они, по-моему, этим во всю пользовались, не отказывая себе в развлечениях. Они и в фильмах, как правило, снимались вместе, включая те, где Фрунзик был режиссером и сценаристом. Наверное, потому, что других таких видных парней в «Арменфильме» просто не было.

Довлатяна Фрунзе, как успешного режиссера, хорошо знал советский зритель старшего поколения. Хотя бы по таким фильмам, как «Здравствуй, это я!»; «Братья Сарояны»; «Одинокая орешина». Он считался даже одним из тех режиссеров, кто определял лицо советского кино 1960-х.

Фрунзе был не просто хорош собой, он обладал особой царственно-мужественной внешностью с магнетическим взглядом, что вызывало у меня ассоциации с каким-нибудь древним урартским или ассирийским царем. (Правда, то была только внешняя оболочка, не подкрепленная соответствующим характером.) Мне ужасно хотелось сделать его портрет, просто руки чесались.

Он согласился сразу. И аккуратно мне позировал до тех пор, пока работа не была полностью закончена. Думаю, я смогла добиться желаемого – портрет получился, и был принят на выставку Союза Художников. Я им даже горжусь.

Сделала я портрет и Валентина Подпомогова, но с опозданием лет на десять, уже в своей собственной студии-мастерской. Портрет был отлит в бронзе и закреплен на отполированном гранитном кубе. Поскольку этих выдающихся деятелей армянской культуры никто, кроме меня, так и не изваял, думаю, их изображения в моем исполнении останутся надолго – как память о них.

Валя, много лет работавший художником-постановщиком, был накоротке со всеми киношниками – от режиссеров и операторов до осветителей. А, в силу своей суперкоммуникабельности, со многими близко дружил. Ну а я как его ассистент и, разумеется, друг через него со всеми знакомилась и общалась. В частности – с актером Геном, утверждавшим, что «дружба – понятие круглосуточное», и потому аккуратно являвшимся на киностудию в дни зарплаты и гонораров. Нет, он приходил не за своим гонораром, а в надежде, что кто-нибудь из «круглосуточных друзей» пригласит его «по старой дружбе» обмыть свой гонорар.

Другим близким другом Вали (без кавычек) был Сергей Параджанов, забегавший к нему всякий раз, как у него случалось что-нибудь хорошее. Таким хорошим стал, например, подписанный киностудией договор с Параджановым (в 1968-м) как с режиссером и сценаристом на запуск фильма «Саят-Нова». Только название ему оставить не дали, и он вынужден был заменить его на «Цвет граната», хотя фильм был целиком и полностью посвящен Саят-Нове, музыканту и поэту-лирику XVIII века. Даже отснятый уже материал заставили десять раз перемонтировать и искромсать. И все равно советская цензура не смогла полностью загубить это потрясающей красоты произведение, которым восторгался потом весь мир.

Мне удалось присутствовать на съемках миниатюр, проходивших не в церкви св. Иоанна, села Ардви (как остальные), а в павильоне «Арменфильма», полюбоваться его статичными, словно живопись, сценами и перевоплощениями грузинской актрисы Софико Чиаурели (1937-2008),

представшей в фильме сразу в нескольких ипостасях – юного Саят-Новы, аллегории Любви поэта, Музы поэта Ангела и т.д. Было ужасно интересно наблюдать, как творит этот режиссер-авангардист с таким видением, с таким уникальным восприятием мира.

Но предпочтение все же отдаю его более раннему фильму, ввергающему в настоящий эмоциональный шок – его гугульскому шедевру «Тени забытых предков». Ничего более прекрасного и удивительного я не видела. Французы, выстраивавшиеся на этот фильм в длинные очереди, дали ему свое название: «Огненные кони», а в рецензиях писали, что он не похож ни на какой другой фильм. Были мнения и покруче. Например, что это лучшая картина в мире, снятая до сих пор.

Сожалею, что в мою киногалерею скульптурных портретов не попал Фрунзик Мкртчян (1930-1993). Он настолько был характерен, что слепила бы его играючи и получила бы от достигнутого сходства максимум удовольствия. Но в те годы он мало появлялся на студии, в основном снимаясь в Москве, в комедийных ролях.

Во второй половине жизни Фрунзик ставил спектакли в Армении и за рубежом и основал собственный театр. Сейчас его театр так и называется – Ереванский артистический театр им. Фрунзе Мкртчяна. А руководит им после смерти Фрунзика его младший брат, Альберт Мкртчян, тоже режиссер. В молодости он был куда более симпатичным, но далеко не таким колоритным и талантливым, как Фрунзик.

С Альбертом Мкртчяном меня столкнула работа в кино. Он тогда только вышел из «колыбели» практически всех армянских киношников – московского ВГИКа, и снимал для телевидения свой первый художественный фильм – «Фотография», этакую печально-безрадостную историю об армянской деревне в годы Второй Мировой войны. Я была в том фильме художником, хотя оформлять там по сути было нечего, и вся наша небольшая съемочная группа провела месяц в высокогорной деревушке, с которой по ночам луну можно было созерцать не над головой, а у себя под ногами, – на дне ущелья.

Эта наша экспедиция помогла мне лучше узнать глубинный быт сельских жителей Армении, который я сполна потом отразила в своем эзотерическом романе «Ншан» или

«Ясновидящая», рассказав историю простой деревенской девушки, мистическим образом потерявшей зрение, но обретшей взамен зрение психическое. Даже приезд съемочной группы в село, где жила моя героиня, я целиком списала, так сказать, с натуры.

Роман этот позднее был опубликован несколько раз в Ереване и в Москве, в том числе – в московском журнале «Наука и религия», с анонсом, что он готовится к экранизации. Такое решение принял В.В.Меньшов, которому я отнесла рукопись на «Мосфильм». Владимир Валентинович предложил мне написать сценарий в соавторстве с профессиональным сценаристом... (хоть убей, не могу вспомнить ее фамилию), и мы с ней несколько месяцев работали у нее дома над сценарием. Но Меньшову что-то в нем не понравилось. Как мне кажется – слишком явный армянский колорит, и он хотел заручиться моим согласием снять фильм «по мотивам» романа. Я не согласилась, что было, наверное, моей большой ошибкой.

Ну а на «Арменфильме» мы, по инициативе Подпомогова, от музыкальной кинокомедии перешли к мультипликации. Валя вдруг вспомнил, что в Армении уже лет 20 нет мультипликации и предложил директору студии ее возродить. Получив добро, он набрал себе группу из трех-четырёх художников, в которую вошла и я. Поскольку никто из нас никогда мультипликацией не занимался, нас на пару месяцев отправили на стажировку в Москву, в «Союзмультфильм».

А там как раз полным ходом снимали одну из серий «Маугли». Больше десятка художников-мультипликаторов и два художника-постановщика трудились над фильмом, и все до одного мужчины. Я попала к Владимиру Зарубину и Виталию Боброву. Они тогда работали над сценой, где Багира мчится рядом с питоном Каа и пытается разными уловками склонить его на свою сторону.

Багиру озвучивала актриса Людмила Касаткина, а Каа – Владимир Ушаков. Видеть, как они это делают, не только интонациями, но и мимикой вживаясь в образ своего героя, было очень интересно и забавно. Но когда потом отснятую сцену зациклили на непрерывный повтор (чтобы при просмотре легче было находить недоработки), диалог этот, без конца повторявшийся, так прочно въелся в мозги, что, кажется, снился

по ночам: «Так они называли меня желтой рыбой?» «Да! Да! рыбой, и ещё червяком! Земляным червяком!»

А чего стоил Сергей Мартинсон с его неповторимым голосом, когда он озвучивал шакала Табаки, прихвостня Шерхана, повторяя все его ужимки и гримасы: «А-ха-а! Старый волк промахнулся! Акелла промахнулся! Аха-а-а!» Или Анатолий Папанов, воплощавшийся в Шерхана. Уже только ради того, чтобы увидеть в работе таких великих наших актеров, стоило побывать на «Союзмультфильме»! Что же касается профессиональных навыков, то их, конечно же, за месяц-два не приобретешь, особенно от художников, занятых своим делом. Так что поездка получилась больше познавательная.

Да мы, собственно, на традиционную мультипликацию у себя поначалу и не замахивались. Рисовали на прозрачном целлулоиде образы в разных ракурсах, а потом передвигали их под камерой – такая техника подчеркнутого примитивизма как стили называется «перекладками».

Но главное, что Подпомогов, с нашим участием, положил начало возрождению мультипликации в Армении и свой рисованный фильм выпустил. За ним последовали и другие. А тот, первый, назывался «Капля меда», по одноименной поэме Ованеса Туманяна, в которой рассказывается, как из-за ничтожной ссоры, возникшей между продавцом и покупателем вокруг упавшей капли меда, шаг за шагом разгорелась жестокая война, унесшая множество жизней. Тема актуальная и нравоучительная во все времена. Поэма заканчивается четверостишьем:

И в ужасе среди могил
Живой живого спросил:
С чего ж, откуда и когда
Такая грянула беда?

Александр Сиротин
Нью-Йорк, США

ТЁМНАЯ ЛОШАДКА И СВЕТЛЫЕ ЛЮДИ

Кинорецензия

Кинокомпания Sony Pictures Classics пригласила журналистов на закрытый просмотр нового английского документального фильма Луизы Осмонд DARK HORSE.

Поскольку я очень люблю и лошадей, и английское кино, то приглашение принял, помчался в здание Sony на манхэттенской Медисон Авеню. Если вы смотрели английский художественный фильм Full Monty («Мужской стриптиз»), в котором показана история группы работяг, потерявших работу и нашедших выход из положения в групповом стриптизе, то в документальном фильме «Тёмная лошадка» можно найти некую аналогию. Здесь тоже героями фильма стали простые жители обедневшего шахтёрского городка в Уэльсе.

Уже немолодая барменша решила завести скаковую лошадь, которая бы участвовала в призовых скачках. А в Англии скачки – это спорт королей! Барменша по имени Джан ничего не знала о лошадях. У неё были птички, собачки, но не лошади. По словам мужа Джан, беззубого Брайена, бывшего шахтёра, если его жене что-то взбредёт в голову, она не отступит, пока не добьётся своего. Они собрали группу друзей-пенсионеров, владельцев мелкого бизнеса, рабочих, постоянных посетители бара, которые согласились вкладывать еженедельно по 10 фунтов стерлингов на содержание и тренировку лошади. Для начала они вскладчину приобрели стареющего, но чистокровного коня, нашли самую дешёвую племенную ферму, где спарили своего мерина и стали растить в любви и заботе жеребёнка, названного Dream Alliance («Союз мечтателей»). Когда жеребец достаточно окреп, стали выпускать его на скачках.

И сами они, и их лошадка поначалу смотрелись диковато на фоне английских аристократов и миллионеров – традиционного антуража британского ипподрома. Даже тренеры жеребца не видели в нём особых перспектив. И вдруг он стал выигрывать! В фильме показано, как реагируют на победы своего любимца

сами мечтатели, сидя в баре и следя за скачками по телевизору. У автора и режиссёра этого документального фильма Луизы Осмонд картина получилась очень добрая, тёплая, проникнутая глубокой симпатией к простым жителям бедного шахтёрского городка. На мой взгляд, недостатком фильма является некоторая его затянутость: почти полтора часа многовато для документальной ленты. И я бы предпочёл больше кадров с лошадьми за счёт интервью с участниками альянса мечтателей. Возможно, это моё чисто личное ощущение, поскольку я с детства люблю лошадей: мой любимый аттракцион в Московском цирке, а затем в американских был конный цирк, особенно джигитовка. Будучи студентом, я брал в Москве уроки верховой езды, а позднее, в Америке, старался ездить верхом при любой возможности, и сына приучил к этому. Мне кажется, что из всех созданий живой природы нет ничего красивее, благороднее, аристократичнее скаковой лошади...

«Тёмная лошадка» завоевала приз зрителей на кинофестивале Санданс-2015. На экраны американских кинотеатров фильм выйдет шестого мая, как раз к открытию самых знаменитых в США соревнований среди чистокровных скакунов-трёхлеток на приз Кентукки дерби.

Часть 4

СТИХИ И ПРОЗА

Из рубрики «Одно стихотворение»

Лариса Миллер

Москва, Россия

ЖИТЬ В КРАЮ ЭТОМ ХМУРОМ

Жить в краю этом хмуром, в Евразии сумрачной трудно.
Всё же есть здесь и радости. И у меня их немало.
Например, здесь рябина пылала по осени чудно.
Например, я тебя, мой родной, по утру обнимала.
Сыновей напоила я чаем со сдобным печеньем.
А когда уходили, махала им вслед из окошка.
Нынче день отличался каким-то особым свеченьем.
Разве есть на земле неприметная мелкая сошка?
Что ни особь, то чудо и дар, и судьба, и явленье.
Разве может такое простой домовиной кончаться?
После жизни земной обязательно ждёт нас продленье,
Да и здесь на земле неземное способно случаться.

2006

Михаил Синельников
Москва, Россия

ДЕРЖАВИН

– Пой, Державин, державу оплакав!..
Нет, победы скорей воспевай -
Белоруссию, Крым и Очаков,
И Ломбардию, и Туртукай!

Долгий век доживающий в лире,
Чьи упругие струны свежи,
О креолке поведай Пленире⁴,
О славянке Милене⁵ скажи!

Поспевая за шлейфом Фелицы,
Слово правды вдогонку шепни...
Словно белые, легкие птицы,
Отлетай в отдаленные дни!

Дай забыть, что не плеском Алфея –
Гладью Леты означен предел,
Что с доски двухсотлетней, желтея,
Осыпается мыслящий мел...

В этот вечер под посвист буранный
Над поникшей осенней травой
Утешенье – твой стих первозданный,
Малограмотный и громовой.

Ночь на 24 октября 2014

⁴ Первой женой Державина («Пленира»), была Екатерина Яковлевна Бастидон (1760 – 1794), родом португалка.

⁵ Вторая жена Державина ("Милен") – Дарья Алексеевна Дьякова (1767 – 1842). Прим. автора

Борис Лихтенфельд
С-Петербург, США

ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ

1. Вместо эпиграфа

Вотще мечтать о песнях рая,
от отвращения умирая,
чураясь правильных орбит.
Но пусть не покоробит лиру
врождённая враждебность миру
и ангелов не оскорбит!

Когда в сердцах, когда от сердца,
когда как взрывчатое скерцо
в постылых гаммах бытия –
о, Ненависть! – ты виртуозней
импровизатора всех козней:
прекрасна музыка твоя!

Коль в воздухе зависла, то и
рушь все основы, все устои,
режь слух и разбивай скрижаль!
Отрадны старому неряхе
все эти диссонансы, крахи –
и самого себя не жаль.

2. **Vox Populi**

Да на хрена вы нам нужны,
кто у кормила и кормушки!
Гребите вволю из казны!
Мы не должны вам ни полушки.

На подковёрную борьбу
кремлёвских банкформирований
плевать нам, видели в гробу

мы ваш питомник тараканий!

Что в ящике ни изрекли б –
всё блеф и лажа; что ни рожа –
мелькает, как рекламный клип,
с гламурной задницею схожа.

Сосите скважины свои,
друг друга избирайте сами,
дуря широкие слои,
что без мозгов, но с голосами!

Пуускайте миру пыль в глаза:
единство дивное какое!
Считайте наши *против – за!*
Оставьте только нас в покое!

3. Vice Versa

Они внушали нам, что Бога нет,
теперь внушают, что наоборот,
хвалу Ему поют под звон монет –
и нас уже сомнение берёт:
они же ведь не могут, чтоб не лгать,
и если Бог готов им помогать –
всех их манипуляций быть слугой,
то, может быть, и бог у них другой?

.....

5. Звезда пленительного счастья

Со всех сторон нас обложили,
а Смольный потерпеть просил.
Вотще молебен отслужили
мы от нашествия злых сил.
И в безнадежности одно лишь
есть упование под рукой:
душевных травм не обезболишь,

но верь, товарищ дорогой,
что отольются наши слёзки,
что вурдалак найдёт свой кол,
что беглых паханов кремлёвских
ещё отловит Интерпол!

6. Оптимистическая страшилка

Вот-вот встанут воды-заводы,
засохнут поля-тополя,
тяжёлые роды свободы
стране загулявшей суля –
с потерей сознания и крови
и с риском для жизни самой.
Дитя же в неистовом рёве
потребуется пищи земной –
и в смуте голодного бунта
сметётся поганая хунта.

2007-2009

Елена Пацкина
Москва, Россия

ДУША

«И звезда с звездою говорит...»
М. Лермонтов

Когда душа с душою говорит,
Ей не нужны любые ухищренья.
Когда она, – пускай одно мгновенье, –
(не знаю, где) кружится и парит,
Найдется то единственное слово
На ей одной известном языке,
Которое в смятенье и тоске
Твоя душа принять в себя готова.
И это длится сотни лет подряд.
И души, словно звезды, говорят...

Владимир Спектор
Бад-Зоден, Германия

ВСПОМИНАЯ ОБЛОЖКИ ПРОЧИТАННЫХ КНИГ

Вспоминаю обложки прочитанных книг –
Слышу эхо, которого нет.
Вижу их, словно лица ушедших родных,
Словно окон не гаснущий свет.

И, как будто страницы сквозь память летят,
И счастливые лица видны...
Это «время вперёд» или «время назад»?
Это ветер, листающий сны.

Саша Немировский
Сан-Франциско, США

ПАПЕ

Иногда, спотыкаясь о запах вареного кофе,
Я попадаю в наше обычное утро.
Глушилка борется с радиостанцией «Немецкая Волна»,
Твой набитый портфель,
Темнота
За окном.
За обрывом подоконника косо летящая пудра
Снега. До дна
Обжигающий легкие морозный вздох. Пешком,
Торопливо догонять трамвай,
И успеть ввалиться, подтянувшись за поручень.
Стукнуться в расстояния между сумками
И прочими
Вещами. (В духоте толпы сразу теплее).
Варежкой отскрябанный край
Непрозрачных стекол в морозном рисунке.
И смотреть, смотреть как ночь становится посветлее.

На завтрак делались бутерброды
Иногда ленивые вареники
Со сливочным маслом.
Я входил в садик как в непогоду,
Съездившись от детской вражды, ожидая ненастья.
Глушилка хрипела «Голосом Америки».
Кофе прыснув,
Шипя, заливал конфорку.
И бесконечная жизнь не имела смысла.

Сейчас, когда взгляд упирается в переборку
Авиалайнера,
Летящего над Атлантикой,
Я понимаю тебя гораздо больше.
Мы жили в рамках, следуя правилам,
Глупым, как стало понятно намного позже.

Романтика

Оставалась уделом книжек,
Собранных в домашние библиотеки,
Так, что обоев на стенах было не видно.
Что-то все-таки из нас вышло.
При взгляде в прошлое, по крайней мере, не стыдно.

Мне, наверное, уже никуда не деться.
Не сойти с вектора, начатого морозной ночью.
Я прохожу площадью.
Я вкладываю записку в стену.
Калифорнийскому солнцу не озарить детства
Как на твою любовь не поставить цену.

05/03/16

Евгений Сливкин
Денвер, США

А ПРОПОВЕДНИКИ БАПТИСТСКИЕ

А проповедники баптистские
на Запад шли на край земли
в ботинках черных – баб не тискали,
подмышкой Библию несли.
Пугая огненной геенною,
грехом и бременем вины,
они входили в коды генные
самодостаточной страны.
В ответ молчали краснокожие,
и сквернословил ауто⁶,
не принимая Слово Божие,
поскольку было запаadlo.
И подобрав, дарили пугалу
пришедшие издалека
переселенцы – шляпу круглую,
штаны, ошметки сюртука.
И миру с собственного берега,
не защищенного от зла,
читала проповедь Америка, –
она иначе не могла!..

23 июня 2016

⁶ Находящийся вне закона (англ.)

Ян Гамарник
Филадельфия, США

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

Время качает – я был, я не был.
Нет у волны ни конца, ни края.
Это не страшно: я сплю, я знаю...

Это не страшно, не грустно, вечно.
Кто-то качает мой сон беспечный.
Звуки блестят, на свету играя.
Время придёт: я проснусь, я знаю...

Время пройдёт, оробев как осень
Перед штыком корабельных сосен
Время придёт без конца и края
Время придёт... Я не сплю, я знаю...

* * *

Лет через сто вас встречу. Поговорим.
Обсудим Палестину, Междуречье, Рим.
Раскроем тайну числа сорок два.
Сущность галактик и вещества.

Лет через двести увидимся. Повторим
Палки в колёса столетних рифм.
Лет через тысячу, через две
Время уснёт в белой сон-траве

* * *

В танце падаем, падаем, падаем...
В танце странные, странные, па даём...
Всё по кругу, по кругу смещается
Всё вращается... Всё вращается...

В танце медленном, медленном, медленном.
Сладким веером, веером ветреным...
Он всего лишь, всего лишь прелюдия
К «Я люблю тебя! Я люблю тебя!»

«ЗАВЕТ» РЕДЬЯРДА КИПЛИНГА

Перевод с английского

Ксения Хрусталева

Москва, Россия

If you can keep your head when all about you
Are losing theirs and blaming it on you,
If you can trust yourself when all men doubt you,
But make allowance for their doubting too;

If you can wait and not be tired by waiting,
Or being lied about, don't deal in lies,
Or being hated, don't give way to hating,
And yet don't look too good, nor talk too wise:

If you can dream – and not make dreams your master;
If you can think – and not make thoughts your aim;
If you can meet with Triumph and Disaster
And treat those two impostors just the same;

If you can bear to hear the truth you've spoken
Twisted by knaves to make a trap for fools,
Or watch the things you gave your life to, broken,
And stoop and build 'em up with worn-out tools:

If you can make one heap of all your winnings
And risk it on one turn of pitch-and-toss,
And lose, and start again at your beginnings
And never breathe a word about your loss;

If you can force your heart and nerve and sinew
To serve your turn long after they are gone,
And so hold on when there is nothing in you
Except the Will which says to them: 'Hold on!'

If you can talk with crowds and keep your virtue,
Or walk with Kings – nor lose the common touch,
If neither foes nor loving friends can hurt you,
If all men count with you, but none too much;

If you can fill the unforgiving minute
With sixty seconds' worth of distance run,
Yours is the Earth and everything that's in it,
And – which is more – you'll be a Man, my son!

Будь стойким, если пленник наваждений
За трезвый ум винить тебя готов,
И верь в себя под градом злых суждений,
Не сбросив их, однако, со счетов;

Жди часа своего без утомленья,
Отвергни ложь, замаранный лжецом;
Когда клянут – беги от озлобленья,
Не выходя святым и мудрецом;

Мечтай, у грёз не будучи вассалом,
И мыслям дай не править, а вести;
Готовым будь с триумфом и провалом
Столкнуться, чтобы всё перенести:

Крепиться, если силой толкованья
Плут истину корёжит пред глупцом,
И тяжкий труд, что сгнил до основанья,
Начать с нуля изношенным резцом;

Умей рискнуть и, волю дав азарту,
За что радел, идя за пядью пядь,
Утратить враз, поставив всё на карту,
И в этот час лица не потерять;

Свой дух, и нерв, и связки сухожилий

Пришпорь, когда ничто их не берёт,
Когда свой век давно они отжили
И Воля лишь твердит им всем: «Вперед!»

Храни же честь, беседуя с толпою,
И будь простым в ряду царевых свит.
Пусть друг и враг считаются с тобою,
А слово их вреда не причинит;

Когда умеешь счет вести мгновеньям,
Чтоб ценностью наполнить жизни бег,
Тогда ты, царь над всем земным твореньем,
По праву носишь имя – Человек!

Сергей Жадан

Украина

Перевод с украинского

Аркадия Шпильского

США

Не понимая после, не принимая до –
всё идёт, как должно идти. Как плывёт в воде.
Я живу в стране, в которую не верит никто,
мою родную речь не понимают нигде.

Но пока хотя бы ты читаешь наши стихи,
и пока пусть ты одна остаёшься тут,
всем нам выпало книжки писать свои,
всем нам выпало высветить твой маршрут.

Мы не помним даже, кто и что говорил,
мы даже не замечаем ни одной из твоих прикрас.
Главное, чтобы ты всегда ловила этот упрямый ритм,
повторяя всю нашу ересь дословно за каждым из нас.

Нося в карманах ножницы и ключи,
вытягивая из смерти неизвестно кого,
имея лишь имена поэтов, что вспомнишь в ночи,
и своего гражданства рваный сладкий ожог,

небо держа в глазах и воздух в руке,
защищая даже тогда, когда подмоги не будет,
речь своей нежности, ясную в любом уголке,
границы своей свободы, видные отовсюду.

Елена Литинская
Нью-Йорк, США

ПЕРЕД ОТЛЁТОМ

Отрывок из романа «Женщина в свободном пространстве»

Надо было идти в ЖЭК, ехать в ОВИР, подписывать какие-то документы, докупать нужные вещи, а Люся всё сомневалась и вопросительно взирала на родителей в поисках поддержки и совета. Люсины родители, отказавшись сами от эмиграции, тоже не были уверены, какое решение для дочери будет правильным. С одной стороны, они боялись и знали, что расставание с дочерью и внуком, скорее всего, продлится долгие годы и они так и не доживут до встречи. Это убивало их. С другой – они понимали, что ни Люсе, ни маленькому Сашке в Союзе прекрасное будущее абсолютно точно не светит. (Кто же мог в конце семидесятых годов предположить, что через шесть-семь лет начнётся перестройка и гласность, которые перевернут политику и экономику Советского Союза! Что рухнет железный занавес и развалится оплот мирового социализма и коммунизма – грозная империя СССР! Что антисемитизм останется в стране лишь на бытовом уровне!)

Значит, всё-таки надо ехать. Да, но ехать с таким, мягко выражаясь, неуравновешенным мужем, как Андрей, боязно и даже опасно. Кроме того, для Марии Александровны было очевидно, что Люся не любила мужа и заставить себя полюбить его не могла. И реально ли это для женщины вообще – принудить себя полюбить нелюбимого? Можно привыкнуть, привязаться, проникнуться симпатией и уважением к мужу. Но Григорий Ефимович и Мария Александровна сомневались, что с Люсей произойдёт даже эта метаморфоза общечеловеческого отношения к Андрею. Несмотря на красивую и мужественную внешность, Андрей уже после недолгого знакомства вызывал у окружающих исключительно отрицательные эмоции. Тем более у жены, которая с ним соприкасалась чаще других. Родители не давали советов Люсе. Они попросту безмолвствовали, за что себя впоследствии нещадно упрекали.

Всё разрешилось в один час, когда взмыленный от беготни по инстанциям Андрей прибежал к Люсе домой с букетом роз, в

пафосном порыве встал перед ней на колени, стал обнимать её ноги и целовать руки, клялся в вечной любви и со слезами на глазах (да, да, натурально проливал слёзы) умолял ехать в Америку. Причём эта сцена сознательно разыгрывалась на виду у Люсиных родителей и тёти Нади.

Смотрите все, какой я замечательный! Я любящий, верный, единственная Люсина надежда и опора, та самая крепкая мужская спина, за которую они с Сашкой могут спрятаться в случае любых жизненных невзгод!

– Я исправлюсь, Люсенька! Я понял свои ошибки. Я так люблю вас обоих, я жить не могу без тебя и Сашки. Клянусь, я тебя никогда, никогда больше не обижу, пальцем не трону. Да и какая жизнь вас ожидает здесь? Жалкое прозябание на рубль в час! Прошу тебя, соглашайся! – взывал он к её эмоциям и разуму.

В таком состоянии решительности и вроде искреннего покаяния Люся видела Андрея впервые. Никто до сих пор не стоял перед ней на коленях с букетом роз и не обнимал её ноги. Она растерялась, расчувствовалась, заплакала и в конце концов согласилась ехать. Домашние смирились, успокоились, не то облегчённо, не то покорно вздохнули. Решение было принято. Правильное решение или нет, показать могла только дальнейшая жизнь.

Григорий Ефимович с Люсей пошли в ЖЭК для выписки её из квартиры. Работница ЖЭКа, молодая девица лет двадцати пяти, посмотрела на них с нескрываемой ненавистью и презрением. Её всю распирало от негодования, и она не смогла удержаться от «патриотического» напутствия отъезжающей:

– Поскорей бы вы убирались в свой Израиль, – она сделала ударение на третьем слоге. – Без вас тут воздух будет чище.

– А можно без хамства, девушка? Я лично никуда не уезжаю и напишу на вас жалобу начальнице ЖЭКа и... в райком партии. Я – ветеран Великой Отечественной войны и член КПСС с 1944 года. Ко мне прислушаются, а вас за такое хамство по головке точно не погладят, – пригрозил девице Григорий Ефимович.

– Что? – открыла рот девица.

– То, что слышали, – сказал Григорий Ефимович.

Девица только и смогла открыть рот и ловить воздух. Не ожидала она такого отпора от «этого старого еврея».

– Пап, не связывайся с этой дрянью. Пошли. У нас нет времени, – влезла в разговор Люся.

Она взяла отца под руку и буквально оттащила его от типичной представительницы советской хамско-антисемитской бюрократии.

Не хватало ещё, чтобы эта нахалка в отместку притормозила документы и не выдала нужную справку.

Но внутри у Люси всё kloкотало. Вот и ещё одно доказательство того, что она всё делала правильно.

Надо уезжать, непременно!

Вечером Люся с Андреем решили немного погулять. Взяли Сашку и выкатились на местный бульвар. Стоял конец апреля, самое любимое Люсино время года, когда зима уже отступила, а весна ещё только-только подкрадывалась к городу, обещая скорую зелень, тополиный пух, а потом уж и цветенье сирени-черёмухи. Радость была именно в этом первом лёгком дыхании весны и предвкушении лета. Теплицкие сели на скамейку, тихо говорили о том, что ещё им предстоит сделать в ближайшие несколько недель перед отлётом. Сашка, опьянённый кислородом, заснул.

К скамейке подошла пьяная женщина лет сорока-пятидесяти, неопрятная, распатланная, из тех прожёванных жизнью «бывших ночных фей», которых в народе называют «шалава» или просто «старая б-ь». Она посмотрела на парочку тупым затуманенным взором и без всякой злобы, просто как утверждение факта произнесла:

– Во, явреи сидят. Чаво ждёте? Ехайте в свой Израиль!

Она ухмыльнулась и обнажила отвратительный рот с чёрными пеньками гнилых зубов. Резко запахло тухлятиной и сивухой.

Андрей хотел было ей что-то ответить, но Люся своевременно схватила его за руку и сказала:

– Молчи! Не связывайся. Это же настоящее дно. Нам сейчас только скандала не хватает и вмешательства милиции. Пошли отсюда, немедленно!

Андрей молча сжал кулаки. Он всё же умел сдерживаться, когда это было необходимо. Ведь на кону стояла эмиграция. И они покатали коляску в другую часть бульвара. Горькое чувство приниженности и незащищённости охватило Люсю.

Какая-то падаль со дна рода человеческого, грязная мразь и пьянь, которая еле стоит на ногах и мало что соображает, способна в этом полуживотном состоянии выделить их как евреев да ещё отпустить по этому поводу ремарку. Да, из такой страны надо эмигрировать непременно и как можно скорее. Всё шло к тому. Вот и ещё одно доказательство.

Больше всех отъездом Люси и Сашки была расстроена бабушка, бывшая актриса. Бабушке было семьдесят шесть лет. Она больше не играла на сцене, ей нечем было заняться, кроме забот о собственном здоровье. И тут вдруг рождается Сашка, её первый и единственный правнук. Он рос и развивался на её глазах. Старушка сильно привязалась к ребёнку, златокудрому и зеленоглазому ангелочку, пела ему колыбельные песни по-русски, по-украински и на идише, играла с ним, иногда варила ему супчик. И у неё этот супчик получался вкуснее, чем у Люси. Сашка наполнил её угасающую жизнь любовью, долгом и, можно сказать, первостепенным смыслом. Бабушка искренне горевала о том, что больше не увидит Сашку, и отговаривала Люсю ехать. Она рассказывала внучке в назидание, что в своё время её старший брат, который уехал в Америку в одна тысяча девятьсот далёком году, писал им с дедушкой о трудностях, которые ждут эмигрантов. Бабушка даже предрекала, что с профессией «английский язык», на котором там говорят все, следовательно, он не является профессией, и «таким ужасным мужем» Люся, возможно, окончит свою жизнь в приюте для бедных или в канаве. И что будет с Сашенькой! У бабушки были устарелые, дореволюционные представления об эмиграции: пароход, долгое плавание, качка, Эллис-Айленд, тяжёлый фабричный труд, нищета, приют для бедных и ранняя смерть.

– Не переживай, бабуля! Ты просто не в курсе. Сейчас другие времена. Американское государство оказывает новым иммигрантам и беженцам моральную и материальную помощь. Со мной и Сашкой всё будет хорошо!

Не удалось бабушке отговорить внучку от отъезда в Америку. Бабушка всплакнула и на всякий случай всё же снабдила Люсю адресами своих племянников и их детей. Потом, по приезде в Америку, Люся написала им письма, но никто не откликнулся, и послания её не вернулись, значит, всё же были получены

адресатами. Видимо, американские родственники просто не захотели отвечать какой-то там троюродной сестре – десятой воде на киселе, испугавшись, что она обременит их заботами или, что ещё хуже, упаси боже, попросит денег.

Где-то за месяц до отъезда Люся с Андреем собрали кое-какие хорошие, но ненужные вроде в Америке вещи, сложили в чемодан и решили отнести в комиссионный магазин. Выходят они из дома, направляются к автобусной остановке, а навстречу им два милиционера:

– Куда направляетесь, молодые люди? Ваши документы.

Андрей побледнел, у Люси всё похолодело внутри.

Ну вот. Приехали. Они знают, что мы собрались эмигрировать. Выследили нас. Сейчас придержатся к чему-нибудь – и напрямик в СИЗО. Не видать нам Америки!

– Мы едем в комиссионный магазин, – еле выдавила из себя Люся. Андрей, наступив на горло своему вздорному характеру, слава богу, молчал.

– Вы проживаете в этом доме?

– Да, я здесь прописана. Это мой муж. Вот паспорт, пожалуйста. Вот прописка. Вот штамп регистрации брака.

Блюстители порядка просмотрели Люсин паспорт, убедились, что она проживает в доме и подъезде, из которого вышла, и вернули ей документ.

– Всё в порядке, граждане, можете ехать в комиссионный магазин. Извините за беспокойство! Превентивные меры, так сказать.

– А что, собственно, происходит, почему вдруг такая проверка? – не преминул вставить вопрос Андрей. Ну, не мог он удержаться, так и лез на рожон! Люся мрачно на него взглянула.

Лучше бы ты помалкивал. Какое нам, отъезжающим за кордон, дело до того, что здесь происходит. Отпустили нас, и слава богу! Сейчас нарвёшься! Мало не покажется.

Однако в этот день всё закончилось наилучшим образом. Милиционеры спокойно отреагировали на вопрос Андрея, объяснив Теплицким, что в их доме произошли две крупные кражи, и теперь служители порядка пытаются выследить преступников, поэтому, когда увидели мужчину и женщину, выходящих из дома с чемоданом, решили проверить документы. Всё логично и просто.

У Теплицких отлегло от сердца. Они поехали в комиссионный, сдали вещи на комиссию, но потом в суматохе так об этом и не вспомнили и не узнали, проданы вещи или нет. А деньги от продажи? Кому-то они достались...

Наступил день отлёта. Все не спали две ночи. Одну – перед отправкой багажа, дома, другую – в аэропорту, сдавая багаж перед отлётом. Кошмар таможенного досмотра в Шереметьеве. Когда открывали каждый из многочисленных чемоданов, трясли каждую тряпочку, мурыжили дотошно и сознательно, чтобы эмигранты там, за границей, не забыли родину-мать. У одного отъезжающего в поисках валюты даже развинтили утюг, а у другого – срезали каблук ботинок.

Люся действовала как автомат, без мыслей и эмоций. Она знала, что нужно пройти через все препоны и улететь. Единственное, что она смогла из себя скупой выдавить:

– Мамочка и папочка, простите меня, что я не говорю вам о том, как вас люблю. Вы же знаете и всё понимаете. Я просто боюсь разреветься и не хочу вас расстраивать. Всё решено. Пути назад нет. Надо сжать зубы и действовать.

– Я понимаю, Люсенька, девочка моя, – ответила Мария Александровна. Чего стоила ей эта короткая фраза! Отец молча кивнул и взял жену под руку.

Мама надела Люсе на руку свои золотые швейцарские часы марки «Мовадо», подаренные ей ещё бабушкой на тридцатилетие. Так, на чёрный день, чтобы дочь смогла их продать, если дойдёт до крайней степени бедности. У таможенника глаз на драгоценности был намётан. Он сразу заметил эти часы и велел их немедленно вернуть родственникам. Из ювелирных изделий Люсе позволили провезти только два золотых кольца (одно с жемчужиной, другое – обручальное) и маленькие жемчужные серьги. Денег разрешалось – триста долларов на семью.

Отъезжающих было четверо, не считая собаки: Андрей, Люся, Сашка и Инна Абрамовна. Когда они прошли все контрольные пункты и оказались по ту сторону «баррикады», Люся оглянулась назад и застыла соляным столпом. Родители – две сразу сгорбившиеся печалью фигурки – медленно удалялись, поддерживая друг друга.

Что я натворила, безумная? Как я могла решиться на такой шаг? Я искалечила наши жизни. Ведь я никогда, никогда своих родителей больше не увижу! Я оставляю их заложниками в стране, где их могут покарать за мой выбор. Папу будут таскать в райком партии, читать мораль за то, что вырастил предательницу дочь. Могут понизить в должности и даже уволить с работы. Бедная моя больная мама впадёт в депрессию, а бабушка без своего любимого правнука просто зачахнет и скоро умрёт, – ясно и безжалостно пронеслось в голове.

Люся заплакала, беспомощно и беззвучно, и ещё крепче прижала к себе Сашку, которого несла на руках. Сашка пока не умел разговаривать, но он понимал, чувствовал, что происходит нечто очень важное, неотвратимое, что это касается и его тоже, и, глядя на плачущую маму, захныкал.

Семен Резник

Б.Вашингтон, США

ЭТА КОРОТКАЯ ЖИЗНЬ:
НИКОЛАЙ ВАВИЛОВ И ЕГО ВРЕМЯ

Глава из книги

Николай Иванович Вавилов (1887 – 1943) – советский учёный-генетик, ботаник, селекционер, мечтавший накормить всю планету и погибший в сталинской тюрьме от голода.

От автора

Моя первая книга, научно-художественная биография академика Николая Ивановича Вавилова, изданная в 1968 году в серии ЖЗЛ, несмотря на большие цензурные изъятия, была признана *идеологически вредной*. Ее 100-тысячный тираж был арестован, поступило указание его уничтожить. Около года шла борьба за спасение книги, после чего, с новыми изъятиями, она поступила в продажу.

Это была одна из первых биографических книг о Н.И. Вавиллове, его борьбе и гибели за науку. Я смог ее написать

благодаря бескорыстной помощи учеников, друзей и близких Н.И. Вавилова – всем им в книге вынесена благодарность.

За прошедшие годы мне не раз приходилось возвращаться к вавиловской теме: в биографической повести о выдающемся хлопковом Вавиловской школы Г.С. Зайцеве (сб. «Земледельцы», ЖЗЛ, 1975; «Детская литература», 1981), в книге об истории эволюционного учения (Изд-во «Знание», 1977), в книге «Дорога на эшафот», (Нью-Йорк, 1983), в книге «Против течения: Академик Ухтомский и его биограф» (Спб., «Алетейя», 2015), в ряде статей в газетах, журналах, сборниках, сетевых изданиях. Я был соредактором и соавтором вступительного очерка в издании перевода на английский язык книги Н.И.Вавилова «Пять континентов». В этом году книга вышла также на испанском языке.

Николай Вавилов

Работая над обновленной, «синтетической», как я ее называю, биографией ученого, я контактирую с ведущими биологами и

историками, разрабатывающими тему его жизни и научного наследия. Без их помощи новая книга не могла бы быть написана. Всем им, конечно, моя благодарность.

Вниманию читателей предлагается одна из глав о Саратовском периоде жизни и научной работы Н.И. Вавилова. В Саратове ученый работал с 1917 по 1921 год, здесь стала складываться его научная школа. В Саратов же, в октябре 1941 года, арестованного и приговоренного к смертной казни Вавилова привезли умирать. Правда, смертный приговор ему «милостиво» заменили 20-летним заключением, но затем – уморили голодом.

Предлагаемая глава охватывает начальный этап Саратовского периода жизни ученого. В книге ей предшествуют главы о его детстве и юности, учебе в Московском сельскохозяйственном институте, стажировке в научных учреждениях Великобритании, Франции и Германии, о его первой, Ирано-памирской, экспедиции.

С.Р.

На грани эпох

1.

Вернувшись в конце 1916 года из экспедиции в Иран и на Памир, Вавилов рвался в новые путешествия. «Мне хотелось бы удрать в Африку, Абиссинию, Судан, Нубию. Кстати, там так много можно найти», – писал он А.Ю. Тупиковой-Фрейман, одной из первых своих учениц и сотрудниц. Мировая война и революция отодвигали задуманные путешествия в туманное будущее. А выжидать в бездействии Вавилов не умел.

Его жизнь расписана по часам. По *получасам*, как он говорил.

Он выступает с докладами о своей экспедиции.

Разбирает привезенные материалы.

Ведет занятия со студентками Высших Голицынских курсов.

В теплице Политехнического музея начинает опыты с памирскими скороспелыми пшеницами.

В вегетационном домике и на опытных делянках Селекционной станции Московского сельскохозяйственного института (Петровки) продолжает исследования по иммунитету растений.

Всё это – жадно, увлеченно, охватывая все большее число изучаемых ботанических видов и сортов и связанных с ними научных проблем.

Всё ему интересно, всё важно, всё значимо.

Что это? Продолжающиеся поиски своего места в жизни, в науке, поиски самого себя? Не слишком ли они затянулись!

Недавние учителя провожают его укоризненными взглядами, когда он – всегда бодрый, веселый, с разбухшим портфелем в руках – быстрой, чуть раскачивающейся походкой пронесится по коридорам Петровки: нельзя же так разбрасываться!..

В его беспорядочных действиях и впрямь трудно уловить стремление к единой цели. Только глядя из будущего, их можно выстроить в цепочку продуманных, увязанных между собой звеньев.

В феврале 1917 года Вавилов писал из Москвы А.Ю. Тупиковой-Фрейман, работавшей временно в Средней Азии:

«А без Вас тут что же нового? Самое интересное – это лекции Валерия Брюсова о древнейшей культуре человечества <...>. И содержание и форма на 5. Эгейская культура вся, как живая».

Так что его еще хватало на посещение лекций поэта Брюсова! Правда, привлекал к ним не столько интерес к современной поэзии, сколько к древнейшей культуре человечества, к истокам цивилизации.

Между тем подходил к концу срок его «подготовки к профессорской деятельности» (так это тогда называлось). Магистерский экзамен был благополучно сдан. Надо было думать о будущем.

Вавилов наводит справки и узнает, что в Воронежском сельскохозяйственном институте появилась вакансия адъюнкт-профессора кафедры частного земледелия. Более подходящего места для себя он не мог и вообразить!

Селекционная станция Московского сельскохозяйственного института (Петровки), где он вел исследования по иммунитету растений и все другие свои работы, состояла при кафедре частного земледелия профессора Д.Н. Прянишникова. Такую работу Вавилов с удовольствием продолжил бы в Воронеже! Отрадно было и то, что там работал близкий ему человек, Николай Павлович Макаров, недавний муж Лиды, любимой

младшей сестры Николая Ивановича, неожиданно умершей от оспы.

Убедившись, что руководство Воронежского Сельхозинститута благосклонно относится к его кандидатуре, Вавилов подал официальное заявление и стал готовиться к переезду.

Прошло полгода, а из Воронежа нет никакого ответа. Неопределенность положения стала тревожить Вавилова. И вдруг он узнает, что на то же место, никому ничего не сказав, подал другой сотрудник Прянишникова, Иван Вячеславович Якушкин.

К удару исподтишка Николай Иванович внутренне не был подготовлен. Еще больше его ошеломил разговор с Якушкиным «на чистоту». Не моргнув глазом, тот очень просто объяснил свой поступок: *ему очень хочется* получить место в Воронеже!

Николай Иванович слушал и не верил своим ушам. Он не мог себе представить, что такое возможно в сияющем храме науки, где все призваны поддерживать друг друга, а не ставить подножки! О том, что Вавилов подал на кафедру частного земледелия Воронежского института, все хорошо знали, знал и Якушкин. Но, с кем-то посекретничав и получив какие-то обещания, втихаря подал на ту же позицию и держал это в тайне до тех пор, пока скрывать уже стало невозможно. Неписанные правила научной этики не допускали этого.

Такое вероломство не укладывалось в голове. И подумать только, от кого оно исходило! Если Вавилов был сыном купца, внуком крепостного крестьянина, то Якушкин – столбовой дворянин, голубых кровей, герб его рода красуется в 4-й части Общего Гербовника, его предки служили воеводами, стольниками, стряпчими, послами. Его прадед, современник Пушкина, был блестящим офицером, храбро сражался против Наполеона, был человеком чести, не терпел произвола и лакейства. Участвовал в тайном обществе, пережил разгром декабрьского восстания, был приговорен к вечной каторге. Помилованный после 30 лет в Сибири, написал воспоминания, которыми зачитывалась вся образованная Россия! А правнук, слегка ухмыляясь и с трудом сдерживая злорадство, почти открыто торжествовал по поводу того, что так хитро объегорил наивного плебея!

(Вавилов не мог и предполагать, каким роковым демоном станет для него Иван Вячеславович Якушкин. Впрочем, в те весенне-летние месяцы 1917 года, когда они впервые сошлись на узкой дорожке, Якушкин тоже об этом не подозревал. О его зловещей роли в гибели Вавилова у нас речь впереди).

2.

Первым порывом Вавилова было – забрать свое заявление из Воронежского института! Но, поостыв, он решил этого не делать. С какой стати облегчать жизнь ректорату, поступившему столь некорректно. Пусть сами ищут выход из тупика!

Понятие «частное земледелие» было довольно расплывчатым: от руководителя кафедры зависело, какое из возможных направлений преимущественно развивать. Направления работы у Вавилова и Якушкина были разные. Ивана Вячеславовича интересовали питание растений, обработка и удобрение земли, севообороты; Вавилова – сами культурные растения: их происхождение, эволюция, география, биологическая природа. Воронежскому ректорату предстояло решить, какое из двух направлений для него больше подходит.

Не снимая своей кандидатуры в Воронеже, Вавилов подает на должность преподавателя Высших саратовских сельскохозяйственных курсов. Там вопрос решается быстро: ему предложено место преподавателя. А из Воронежа ни слуху, ни духу. Наконец, 13 апреля, он узнает – опять от Якушкина! – что тот избран штатным адъюнкт-профессором. Вавилов тоже избран – но на сверхштатную кафедру; о ее учреждении решено ходатайствовать.

Какая сверхштатная кафедра имеется в виду? Если селекции, то Николаю Ивановичу это подходит; но ничего определенного ему не сообщают. Да и время для ходатайств о новой кафедре очень уж неподходящее. Идет 1917-й год. Страна увязла в войне, все более тяжелой, высасывающей последние соки. Царский режим свергнут, в стране революция, предприятия стоят, рабочие больше митингуют, чем работают; солдаты массами бегут с фронта, во Временном правительстве раздрай, государственный бюджет трещит по швам, – какие там

сверхштатные кафедры! И почему обо всем этом он снова узнает от Якушкина, а не от самого Воронежского ректората?

Отношения с Иваном Вячиславовичем натянутые, хотя они почти не соприкасаются; будущая работа бок-о-бок может привести к еще большим трениям – они, собственно, уже начались. Радостное предвкушение предстоящей работы в Воронеже отравлено.

Да и сверхштатную кафедру, скорее всего, не утвердят. «Ходатайство» похоже на попытку ректората сделать хорошую мину при нечистой игре.

Вавилов ставит себе срок 1 июля. Так и не дождавшись из Воронежа ничего определенного, он принимает предложение Саратовских курсов. Позиция менее престижная, зарплата поменьше, зато «Саратов очень радушен», как сообщил он в Воронеж Н.П. Макарову⁷.

3.

В сентябре 1917 года Вавилов выступил на Саратовских сельскохозяйственных курсах с первой лекцией. В ней изложил «Credo агронома-ботаника», как написал о том в Петроград заведующему Отделом прикладной ботаники Роберту Эдуардовичу Регелю.

Это была программная лекция!

Начиная ее, Вавилов предупредил, что будет говорить о «тех перспективах, в направлении которых мыслится работа современного растениевода», об «идеологии исследования в этой области агрономической науки».

И сразу перешел к изложению концепции Льва Ильича Мечникова о трех фазах развития человечества и его культуры.

Если свои исследования по иммунитету растений он считал продолжением идей основателя теории иммунитета Ильи Ильича Мечникова, которому посвятит свой труд, то в саратовской лекции он заявил себя последователем другого Мечникова, Льва Ильича.

⁷ См. Авруцкая Т.Б. Письма Н.И. Вавилова – Н.П. Макарову. «Природа», 2012, № 11. С. 83.

4.

Талантами Лев Ильич Мечников не уступал младшему брату, возможно, превосходил, но был не столь последовательным и целеустремленным. Зато он был большим забиякой и обладал необузданным нравом.

Лев Ильич родился в Петербурге, в 1838 году, в семье блестящего гвардейского офицера Ильи Ивановича Мечникова, чей дворянский род восходил к молдаванину Спотарю Милешту, приближенному молдавского князя Стефанита. Князю Стефаниту Спотарь оказал ряд очень важных услуг, был им обласкан и вознесен, но потом ему изменил. Послал в подарок польскому королю дорогую позолоченную трость, инкрустированную драгоценными камнями, а в нее вложил секретную записку: могу свергнуть молдавского князя, трон отдать тебе. У польского короля были другие планы, записку он переслал Стефаниту. Князь до глубины души возмутился изменой своего сатрапа и решил покарать его самой суровой казнью. Но потом смягчился. Во уважение прежних заслуг, отрубать голову Спотарю не стал, а велел отрубить ему только... нос! Что и было исполнено. После чего изменника изгнали из страны.

Согласно легенде, Спотарь уехал в Германию, и тамошний чудодей-лекарь – *отрастил ему новый нос!*

С новым носом Спотарь явился к русскому царю Алексею Михайловичу, сильно нуждавшемуся в грамотеях.

Царь определил молдаванина учителем маленького Петра – будущего императора Петра Великого. Спотарь выписал из Молдавии своего племянника Юрия Степановича, который был определен *мечником* (кем-то вроде судьи); за добрую службу царь Петр пожаловал ему богатые поместья в Малороссии. От этого *мечника* и пошла фамилия Мечниковых. В роду были видные государственные мужи, один стал сенатором. Но свои собственные дела они вели неумело, род их изрядно оскудел.

Илья Иванович поправил материальное положение, женившись на богатой, хотя и не знатной, невесте: дочери Льва Неваховича, удачливого коммерсанта и талантливого литератора.

Невахович был одним из трех первых евреев, поселившихся в Петербурге при Екатерине Великой. По закону евреям в столице жить не дозволялось, но просвещенная государыня любила либеральничать и на нарушение закона закрыла глаза.

Лев Невахович вошел в историю как зачинатель русско-еврейской литературы. Его перу принадлежало первое русскоязычное произведение на еврейскую тему: «Вопль дочери иудейской». Это был действительно вопль! Автор призывал русское общество к справедливости и милосердию по отношению к своим соплеменникам, страдавшим от злобных наветов и всяких несправедливостей. Позднее Невахович принял крещение (лютеранство), женился на лютеранке и в своем творчестве отошел от еврейской тематики. Впрочем, еще позднее, когда ему было даровано дворянство, в свой дворянский герб он вмонтировал шестиконечную звезду Давида – символ еврейства⁸. Его веселые, искрометные комедии с успехом шли в столичных театрах. Неваховичи были приняты в высшем обществе. Его миловидная дочь Эмилия пользовалась успехом на балах, однажды танцевала с Пушкиным. Поэт спросил очаровательную партнершу, как ее зовут; она ответила: «Мила».

– Как вам идет ваше имя! – любезно улыбнулся поэт, возможно, тотчас забыв о своем комплименте.

Но Эмилия Львовна помнила о нем до конца жизни, пересказывала детям; это стало семейным преданием, как и отрубленный нос Спотаря Милешту.

Похоже, что Илья Иванович Мечников женился по любви, а не только из-за приданого. Все шло бы хорошо, если бы не его пагубная страсть к карточной игре. Не с него ли и ему подобных рисовал Пушкин своего Германна в «Пиковой даме»?

От богатого приданого жены с годами ничего не осталось, жить в Петербурге с должным для светского офицера размахом стало невозможно. Иван Ильич вышел в отставку и поселился в своем родовом имении Панасовке, в Харьковской губернии. Сыновей своих, старшего Ивана (названного в честь деда по отцовской линии) и младшего Льва (названного в честь деда по материнской линии), оставили в Петербурге, в частном

⁸ Сообщено Л. Бердниковым, выражаю ему благодарность.

пансионе; дочь взяли с собой. В Панасовке у них родился четвертый ребенок, Николай, после него уже детей иметь не хотели. Но, как я писал в книге о младшем Мечникове, «через два года, 3 мая 1845-го, взял и возвестил победным криком о своем появлении на свет божий Илья. Это был его первый своевольный поступок»⁹.

Неукротимым своеволием Лев Мечников превосходил даже младшего брата.

Болезнь тазобедренного сустава, перенесенная в детстве, сделала его инвалидом, но сильная хромота не мешала ему мотаться по свету, драться на дуэлях, еще мальчишкой убежать из дому – то в Молдавию, чтобы захватить трон (!!), то в Севастополь – спасать отечество во время Крымской войны.

Из гимназии его исключили за независимый нрав; его это не обескуражило. Он засел за книги и играючи сдал экзамены за гимназический курс – экстерном. Поступил в Харьковский университет, но связался с революционными кружками и после первого курса был удален. К счастью, без волчьего билета. Он поехал в Петербург, поступил в Медико-хирургическую академию, параллельно в университет. И еще в Академию художеств. Трех высших школ ему было мало; он приватно изучал иностранные языки. За два года он освоил десяток европейских и несколько восточных языков. В это трудно поверить, но так говорят его биографы. А когда появилась возможность присоединиться к дипломатической миссии, он, не задумываясь, бросил учебу во всех трех высших школах и отбыл в Константинополь, оттуда в Афины, затем в Иерусалим. Мир посмотреть, себя показать, кое-что зарисовать.

Он преуспел в одном, и в другом, и в третьем.

Начальника миссии генерала Б.П. Мансурова он высмеивал в едких карикатурах – ими полнился его дорожный альбом, который он не думал таить от окружающих. Приятелю, который на него настучал, Мечников вlepил пощечину, вызвал его на дуэль. Из миссии его уволили.

Устроившись торговым агентом в какую-то русскую компанию, он продолжает «смотреть мир», путешествуя по

⁹ С. Резник. Мечников. М., ЖЗЛ, «Молодая гвардия», 1973. С. 23.

Балканам и Ближнему Востоку. Потом порывает с компанией и едет в Италию. Оттуда пишет родителям:

«Теперь я определённо знаю, что создан быть только художником. И никакие силы мира не заставят меня покинуть родину Тициана»¹⁰.

Однако Тициану он скоро изменил с ... Джузеппе Гарибальди и его *тысячей* отчаянных молодцов. В Италии шла борьба за независимость и объединение страны. Лев Мечников, конечно, в стане самых горячих патриотов.

«Как пишут итальянские историки, «командуя артиллерийской батареей в битве при Вольтурно 1 октября 1860 года, лейтенант Мечников успешно отражал атаки неаполитанской пехоты, а когда кончился боезапас, поднял гарибальдийцев в контратаку, но был сражён осколками вражеского снаряда». Его выходили французские врачи, которых нанял Александр Дюма, ставший Мечникову другом»¹¹.

Приключения хромоногого беса продолжают с такой виртуозностью, что романы Дюма на их фоне выглядят пресными бытовыми хрониками.

После того, как в Италии воцарился мир, Лев Мечников переезжает в Швейцарию, знакомится с Герценом и Бакуниным, вступает в Первый интернационал – в секцию анархистов.

В Россию ему путь закрыт: в секретных депешах его характеризуют «республиканцем, красным, опасным человеком». Зато в российских журналах нарасхват, как горячие пирожки, идут его корреспонденции, рассказы, повести, аналитические статьи. Они печатаются под разными псевдонимами, некоторые не расшифрованы до сих пор.

Гонорары, однако, приходят нерегулярно, и они мизерны. А у него на руках семья: жена и удочеренная падчерица. Жить становится все труднее, грозит нищета. Как быть?

Лев Мечников не из тех, кто терпеливо распутывает Гордиевы узлы, он их рубит сплеча.

¹⁰ С. Аксентьев. Две судьбы, разделенные двумя веками. «Наука и жизнь», 2008, №1

¹¹ Там же

Его новое дерзкое решение – освоить японский язык и ехать в Японию!

Сказано – сделано.

Через полгода он в Токио: преподает русский язык, активно общается с японцами из разных слоев общества, ездит по стране, жадно вбирает впечатления, собирает сведения о географии, истории, экономике, политическом устройстве страны, бытовой жизни народа. Результатом двухлетнего пребывания в Стране восходящего солнца становится труд объемом в 700 страниц: «Японская империя».

Развившийся туберкулез легких заставляет его вернуться в Европу. Но не обратным путем – это не интересно! – а через Тихий океан в Сан-Франциско; оттуда по железной дороге – в Нью-Йорк; оттуда пароходом через Атлантику, завершая кругосветное путешествие. Он стремится «больше увидеть, узнать», что не мешает ему по пути закончить монографию о Японии.

Вернувшись в Женеву, Лев Мечников знакомится со знаменитым географом и своим единомышленником, убежденным революционером-анархистом Элизе Реклю. Как и Мечников, Реклю – изгнанник, только не из России, а из Франции; как и он, путешественник, объехавший, точнее сказать, обошедший на своих двоих полмира.

Неутомимый труженик и блестящий стилист, Реклю издавал ежегодно по толстому тому «Всемирной географии» – 19 томов за 20 лет! В Льве Мечникове он нашел родственную душу. Помог ему издать «Японскую империю», а тот помогает в подготовке очередных томов «Всемирной географии».

Стараниями друзей и особенно Реклю, Лев Мечников становится профессором географии и статистики Лозаннского университета. Профессорского жалования вполне хватает на жизнь. Параллельно с чтением лекций он работает над книгой «Цивилизация и великие исторические реки».

Она и станет его главным научным трудом, хотя выйдет уже посмертно.

Прогрессирующая болезнь исподволь подтачивает силы. В 1888 году пятидесятилетний Лев Мечников умирает. В прочувствованном слове над могилой друга Элизе Реклю скажет: «Смерть не полагает конца его предприятиям и

стремлениям. Он живёт в памяти своих друзей, а его идеи живут в жизни потомков».

5.

В год смерти Льва Мечникова Николай Вавилов был младенцем. Но почти через 30 лет Лев Ильич ожил в его вступительной лекции на Высших саратовских сельскохозяйственных курсах. Вавилов вдохновенно рассказывает о книге Мечникова, в которой проводится идея о *трех* периодах развития человечества и его культуры.

Первым, в представлении Мечникова, был речной период, когда на берегах великих рек возникли и развивались земледельческие цивилизации древности: Месопотамская, Египетская, Китайская, Индийская... Вторым периодом он назвал средиземноморским: отдельные изолированные цивилизации вступили в контакт друг с другом, что наиболее характерно для стран Средиземного моря. Третий, океанический период, начался с открытия Америки и налаживания регулярных связей Европы с Индией и Китаем; он продолжается до сих пор.

В своей лекции Вавилов полностью солидаризируется с взглядами Льва Мечникова.

Через несколько лет он выступит с пересмотром этих воззрений: дополнит три периода человеческой культуры четвертым, наиболее древним, который в системе Мечникова следовало бы поставить *первое* первого. Вавилов еще не подозревает, насколько существенны будут его коррективы, но уже с уверенностью говорит: «ботаник может поправить историка и археолога».

«Культура поля идет всегда рука об руку с культурой человека» – вот основная идея его программной лекции. Древние земледельческие цивилизации, изолированные друг от друга, могли вводить в культуру те растения, которые имелись в местах их обитания. Великие цивилизации доколумбовой Америки не знали пшеницы. Древние инки, майя, ацтеки, достигшие изумительных высот культуры до прихода европейцев, не ведали вкуса простого пшеничного хлеба! Точно так же обитатели Старого Света до открытия Америки не имели

понятия о картофеле, табаке, томатах, подсолнечном масле, кукурузе.

Человечество вступило в такой период, когда между всеми частями планеты идет и все увеличивается интенсивный обмен. Пшеница стала господствующей культурой в США и Канаде, а картофель возделывается на миллионах гектаров в Европе.

Но Вавилов подчеркивает, что процесс переселения сельскохозяйственных культур только начинается. И идет стихийно. Никто еще не доказал, что в таком-то районе наиболее рационально выращивать такие-то растения. Более того, никто еще не выявил, какими растительными ресурсами реально владеет человечество. «Но и теперь ясно, – говорит Вавилов, – что через 100-200 лет настоящий состав культурной флоры многих стран изменится существенным образом».

Чтобы это могло произойти, надо, прежде всего, провести всемирную перепись сортов культурных растений. Не только родов и видов, но сортов! Надо собрать сорта со всего света. И хранить не засушенными в гербарных шкафах, а живыми, ежегодно высеваемыми, с тем, чтобы всесторонне исследовать на экспериментальных делянках реальную ценность каждого сорта. И на их основе создавать новые сорта.

Такую задачу Вавилов впервые сформулировал в сентябре 1917 года, в Саратове, в своей вступительной лекции. Она стала программой работы – его и всего исследовательского коллектива, который ему предстояло создать и возглавить. Сегодня, через сто лет, она остается программой многих научных учреждений России и разных стран мира.

Ксения Кривошеина
Париж, Франция

НОВАЯ КНИГА «ШУМ ПРОШЛОГО»

В издательстве «Алетейя» (СПб) вышел сборник повестей К. И. Кривошеиной «Шум прошлого». В неё вошло четыре текста. Отрывок из книги предваряет интервью с автором.

М.П. Корректируя вашу книгу, я невольно поймала себя на том, что с увлечением слежу за развитием сюжета. К какому жанру вы отнесёте эти повести?

К.Кривошеина. Думаю, что, прежде всего это смесь психологического детектива с пародией. Персонажи книги это наши соотечественники, оказавшиеся в силу разных обстоятельств в эмиграции. Но не только. По всем повестям протянута нить, связывающая их с Ленинградом 1960-х годов, здесь и интеллигенция, и богема, и их связи с КГБ, и выезд многих на Запад в 1970-е, а потом «обретение» себя в новой среде, которая не всегда оказывалась для эмигранта «раем» и долгожданным «медом». Почти каждый, кто испытал не себе эту «пересадку», найдёт схожие ситуации: здесь и «смех сквозь слезы», и «нечаянные радости», а кое-кто, может быть, узнает кого-нибудь из своих знакомых.

М.П. Я сама живу в Париже, и многое из того, что написано у вас, показалось мне достаточно точно описанным. Некоторые персонажи и обстоятельства, в которые попадают ваши герои, даже слишком остро, слишком зло описаны, но мне, как ни странно, приходилось встречаться с чем-то подобным... Это пародия на «правду жизни» или жизнь как она есть?

К.К. Я, скорее, считаю мои повести правдой жизни (без кавычек), но написаны они в форме гротеска. Первая часть повести «Недоумок» была впервые опубликована в журнале «Звезда» в 2006г., но с тех пор я дописала этот текст, и в новой книге «Шум прошлого» он вышел с большими дополнениями. После первой публикации «Недоумка» мой телефон стал разрываться от звонков возмущённых знакомых и незнакомых людей: «как ты (вы) могла вывести (моего мужа) и знаменитого режиссёра и журналиста (да, фамилия мною изменена) в таком неприглядном виде...». Мой ответ был: «это собирательный образ и не моя вина, если человек узнал себя, несмотря на фарс, даже несколько в утрированной ситуации». На то и литература. Кто только – даже из великих писателей – не создавал образы своих героев, беря в основу друзей, врагов и любовников... Были обиды. Но тут я выступлю адвокатом своих «героев», они тем и хороши, что в результате своих проделок и безобразий, глупости и предательства, выявляют для нас истинную мораль:

зло не всегда наказуемо, но для некоторых оно есть ступенька из тьмы к свету. Ну и сейчас, наверное, будут не все довольны, особенно в эмиграции. Точно так же другая повесть (отрывок из которой приведён здесь) была мною доработана и введены новые персонажи

М.П. Здесь вы выступаете в новом для вас жанре. Многие знают вас как публициста и биографа. В прошлом году издательство ЭКСМО выпустило огромный том «Мать Мария (Скобцова), святая наших дней». Это книга собирательная, в неё вошло многое из архивов, вы пригласили к участию в ней известного богослова Г.И.Беневича, филолога – криминалиста из Польши Г. Ойцевича и привели многочисленные тексты ныне покойного биографа А.Н.Шустова. В книге огромный изобразительный материал. Почему вдруг такой неожиданный переход к другому жанру?

К.К. Переход логичный. За последние 35 лет моей эмиграции я очень много наблюдаю и записываю. Это своего рода черновики, наброски, эссе. Жизнь меня сводила с интереснейшими людьми, как в СССР, так и в Париже. Работая над книгой о матери Марии, особенно с архивами, я остро почувствовала, что мне необходимо сохранить свои наблюдения на бумаге. Но это будет (если получится!) следующий этап. А пока, «Шум прошлого» – это, как поётся у Макаревича, «...новый поворот, и что он нам несёт...» – посмотрим на реакцию читателей. Тут мне захотелось испытать себя в жанре детектива и любовных приключений.

М.П. Первый текст, открывающий книгу совершенно отличается от повестей. Он ведь очень грустный, серьёзный, в нём много слез и страшная безнадежность. Это рассказ о вашей маме. Почему именно это стало введением?

К.К. Именно для того, чтобы у читателя присутствовал некий маячок, своего рода спасательный круг, перед вхождением на зыбкую почву дальнейших повествований в этой «смешной» книге. В рассказе о маме, ее жизни и смерти сосредоточено все то, что нас удерживает от плохих поступков в этом мире... Это некая планка для каждого человека, чтобы не скатиться в пропасть безнравственности. А удерживает нас от озверения – любовь и прощение.

Я очень люблю Набокова, постоянно возвращаюсь к нему и преклоняюсь перед его языком, красотой описания природы, деталей, характеров персонажей, щемящей ностальгией детства, с его потрясающим умением обернуть свои повести в остросюжетный детектив, не переходя на бульварщину и женские романы. Это мой вдохновитель и невидимый учитель. Мне далеко до него как до луны (!), но изобретая свой язык и форму, я училась именно у него. У меня всё другое: время, персонажи, ситуации, но замороженность жизнью и шум прошлого остаются вечной темой для каждого писателя и тем более читателя.

Отрывок из книги

«Вечер не принёс облегчения, жара расплавляла город. На перроне Лионского вокзала рядом с поездом, в который загружалась Маруся с малышом, завершалась посадка пассажиров, напоминая об абордажах советских электричек.

Выделялся горнист в скаутском полосатом галстуке и голубой пилотке. Он дул в медную трубу, мелодия «взвейтесь кострами...» захлебывалась и заикалась фальшью. Девочки и мальчики досадливо посмеивались, ободряюще хлопали горниста по спине и совершенно неожиданно хором затянули «Подмосковные вечера». Пели серьезно, задушевно, качаясь в такт, обняв друг друга за плечи: «Ръчкадивижится и недвижится вся из люнного сириебря...» И поскольку для всякого француза произнести русские «ы», внятные «у» и шипящие согласные было равносильно пытке, выходило карикатурно смешно.

Последние тюки забивались в проходы вполне обшарпанной плацкарты, знакомые запахи паровозной гари и мочи били в нос, и не верилось, что это Франция. Чужих пассажиров в вагонах не было, все свои, и состав этот был не обычный, а сформированный под отъезд в «пионерско»-христианский лагерь, эмигрантской молодежи из движения РСХД.

Поезд отходил в шесть часов вечера, ехали всю ночь, приезжали в Гренобль в десять утра, потом перегружались в автобусы и до горно-палаточного лагеря катили еще часа три. Среди родителей, собравшихся у одного из вагонов, мелькали знакомые лица, здесь провожали самых маленьких, за всех

отвечали»-пионервожатые, старшие по возрасту, из своих же «движенцев», они покрикивали, подталкивали малышей, начальственно не обращали внимания на суетящихся родителей. Одну из этих мам Маруся уже встречала на общем родительском собрании, где инструктировали, какие пожитки брать в дорогу; толстая Шура была католичкой и работала в «Русской мысли». Ее муж, высокий красивый блондин, правозащитник, и в эмиграции ездил в порты, раздавал запретную литературу советским морячкам, все еще по инерции продолжая наносить удары «по самому передовому». В лагерь они провожали двух своих детей. Блондин приветливо улыбался, успокаивал Марусю: «Да мы скоро все к вам туда нагрянем, ходим по грибы, костерок разожжем, водочки поьем. Вон видите того тщедушного человечка, у него вид состарившегося ангела, это же знаменитый диссидент, Алик Гинзбург, он тоже придет, у нас уж давно дорожка протоптана к христианским ценностям. А вы привыкайте, вам там хорошо будет среди своих».

Муж Маруси напрягся и прошептал: «Ты не вздумай с этой третьей волной там общаться. Я тебе уже говорил, что от них ничего хорошего не жди, одна пьянка. Там наших эмигрантов будет вдоволь, намолишься и наговоришься всласть, а я приеду вас навестить».

Он обнял их, поцеловал и посадил в вагон. Малыш с рюкзачком за спиной, она с крошечным чемоданчиком, хранившим память питерских антресолей и еще не впитавшим в свою искусственную кожу французский лоск.

Поезд тронулся, все прилипли носами к стеклу, радостно махали с двух сторон, платформа отъехала вправо, медленно проплыли привокзальные улицы, за ними парижские кварталы, и, будто отбросив сомнения, состав вымахнул в кварталы шлакоблоков, улепленных по фасадам телетарелками, нацеленными на Ближний Восток. А еще через полчаса за окном зазеленели поля, что-то цвело голубым, желтым, потом небо затянуло тучами, и пошел грустный дождь.

Ей удалось захватить нижнюю свободную койку. Подстелила курточку, под голову малышу свернула валиком полотенце; а она, конечно, глаз не сомкнет. На верхней полке кто-то из детей открыл бутылку кока-колы, она рванула теплым фонтаном,

залилась липкой буростью ей за шиворот, попала на платье, все дружно засмеялись.

Это лето было их первым упоительным общим счастьем, когда после безнадежной разлуки с мужем и малышом они наконец все втроем соединились в Париже. Страх не прошел, где-то затаился, еще навевался в снах, напоминал о тяжелой борьбе с ОВИРОм и КГБ, возвращался мигренями, так что нужные таблетки лежали на дне чемодана; сейчас было впору принять одну, дабы заглушить отвратительное уныние сердца.

А начиналась вся эта затея с поездкой в лагерь лучезарно и душевно, ей так хотелось прилепиться к неведомой доселе русской православной эмиграции. Сколько она слышала о них, читала, а от любимого мужа, который сам из бывших, так и веяло: пора голубушка, все ужасы нашего воссоединения позади, расслабься... Родители мужа чего-то от нее ждали, но главное, она сама готова была на жертвенные подвиги, к ним она себя давно готовила. Сердце и душа рвались навстречу чему-то новому, возвышенному, а потому ехала она в лагерь одержимая энтузиазмом, искренним порывом принести пользу. Ах, ах, эмигрантских деток я научу рисовать, лепить, буду читать им русские сказки!

Был у нее в университете друг, которого она боялась и избегала, а он был в нее влюблен. Как она ни увивала, но наступил день, когда этот парень улучил момент и признался ей в любви. Сердце ее отвратительно заныло. Звали его Леонидом, он был старше ее на пять лет, и все в компании, с которой она дружила, дразнили его «столбом», а за спиной намекали, что через него тянутся провода подслушек прямо в Большой дом.

Длинные патлы, прилипшие к потному лбу, и тонкие усики с жиденькой бороденкой вызывали а памяти образ дьячка, так выпукло и со вкусом припечатанный Кукрыниксами. Этот длинновострый, далеко смотрящий, приехал учиться из Кишинева. В университетских компаниях болтали, что его отец был большой шишкой, а теперь его перевели в Ленинград, что он мотается по загранкомандировкам не только в страны Варшавского блока, но даже в Югославию и Финляндию. Частенько Ленчик появлялся то в модном свитере, то с запрещенной книжицей. Маруся с приятелями под его новомодные пластинки танцевали, книжки читали, бесстрашно

их обсуждали, хотя втайне были уверены, что Леня на них стучит. Позже кто-то из-за него даже пострадал, кажется, по делу Марамзина. Одну из общих подруг допрашивали на Литейном, да так затаскали, что у нее поехала крыша и она попала в психушку. Но был ли в этом замешан Леня? Не пойман – не вор, и подозрения не есть доказательства, многое осталось для них тайной.

В те годы страна переживала короткую оттепель, так быстро перешедшую в зимнюю слякоть и застой. Народ был почти демонстративно счастлив, одержим поэзией, джазом, песнями Галича и прочими бардами. Длинный Ленчик за Марусей ухаживал, она его держала на расстоянии, но когда он заявил, что хочет на ней жениться, то ее затошнило не столько от его говорка малоросского парубка, от медовой улыбки, распирающей щеки, и от ватной, мокрой ладони, бррррр...

Но так как в задачи Лени входило всех со всеми сводить, однажды он познакомил ее с Борисом....»

Стояло лето, и сосны источали смоляной аромат, он только что вернулся со Щучьего озера, мокрое полотенце вокруг шеи, короткий бобрик светлых волос, синие глаза с поволокой безысходности, застенчивая улыбка, уже женат, но сплетничали, что он ее не любит, а больше всего на свете он любит живопись. Маленькая жена, актриса детского театра, весело протянула Марусе руку, потом они все вместе уселись на пол и долго рассматривали его рисунки, а уже после чая, когда беседа увлекла их, он внимательно посмотрел на Марусю и предложил нарисовать ее портрет.

Она никогда не знала, где встречается с ним в поселке, на какой дорожке мелькнет его тень. Бывало, сердце замирало, и она чувствовала его приближение: вот-вот сейчас из-за поворота он вылетит к ней навстречу на легком гоночном велосипеде... Рано утром в пятницу он выезжал с Васильевского острова, а к вечеру уже спускался по Комаровской горке, притормаживал, у Маруси холодело все внутри, но, когда он спрыгивал с седла и подходил к ней, она успевала справиться с волнением и принимала беспечный вид, прятала глаза, притворялась, будто случайно прогуливалась в это время и шла к лесной тропинке, протоптанной от их дачи прямо к пляжу...

Каждое утро Маруся стала находить у забора бутылку кефира или молока, горлышко обмотано резинкой, под которой записка, а в ней странные каракули с рисуночками.

«Наверное, это молоко на моих губах не обсохло, вот он на это и намекает»,— думала она, но девичью гордость решила преодолеть и не сдаваться.

Окно его сторожки-мастерской выходило в маленький садик, где вместо земли был гравий и странной формы валуны и сухие коряги. Задняя стена домика, увитая густым плющом, жила в сосновом лесу. Она пролезала в дырку забора, усаживалась на траву и, припав спиной к влажному срубу, замирала. Ветер доносил запах костра, знакомые голоса с соседней дачи громко спорили: «А я вас, Евгений Александрович, уверяю, что Хрущ – козел, и по «Свободе» сегодня сообщили, что ему крышка! Кстати, сегодня ночью слушал по «Голосу» солженицынские главы. – «Я вас не расслышал, Игорь Иванович, громче, пожалуйста, говорите, я высоко сижу, на яблоне ветки обрезаю... Так это те главы из «Круга первого», которые я вам давал читать в самиздате, или другие?» Бесстрашие физиков-лириков поражало воображение. Советская интеллигенция при Хрущеве осмелела.

Желание видеть Бориса перерастало в муку, даже если его сейчас не было в домике, все вокруг принадлежало ему.

Для Маруси это была первая любовь с первого взгляда, описывать не стоит, скучно, потом будут и слезы, и разочарования. Сначала она стеснялась и всячески старалась не выдавать своих чувств, он частенько засиживался с ее друзьями, брал гитару, откинувшись в глубь дивана, пел романсы, острил, делился воспоминаниями, рассуждал о политике, о литературе. Молодежь слушала внимательно, для многих было в диковинку, что мужчина на двенадцать лет старше прилепился к ней, некоторые подшучивали, называли его «папулей», но Маруся не обижалась, она тихо восторгалась им. Был в нем и неведомый уголок, он в эту частицу души Марусю не пускал, она мучилась, сердилась, но потом решила для себя, что, может, это и к лучшему.

В их среде было много философов, как говорил Борис, «бесплатных болтунов», за их тирадами и выкладками терялся смысл, человеку неразвитому и необразованному эти люди

здорово пудрили мозги. Борис однажды ей сказал: «Вот подрастешь, жизнь тебе тумачков надает, приучит к терпению, и ты многое поймешь. Главное в жизни – ждать».

Как ни странно, но его слова стали сбываться только сейчас, за перевалами лет, в эмиграции...

Лейла Александер-Гарретт

Лондон. Англия

СВЕТОЧКА

Интерес к Светочке иссяк у меня довольно быстро. Я почти забыла прошлогоднюю встречу с ней хотя и оставила в дневнике небольшой набросок, но вот недавно произошло одно событие, подтолкнувшее меня к завершению этой истории. Полезное школьное правило: ставить точку в конце начатого предложения, иначе оно волочится за тобой, как кусок содранной кожи.

Светочка, о которой пойдет речь, конечно же, в мире не одна. Светочек пруд пруди. Но суть в другом: как много на свете охочих дураков, готовых верно и преданно служить Светочкам. И дураки-то они не совсем дураки, а очень даже неглупые персоны. И их – как рыбешек в пруду. В Светочкины сети заплывают и рыбехи с извилинами. Почему так происходит – загадка. А мы любим загадки, иначе не были бы людьми, но я не Эдип, чтобы их разгадывать.

Светочка живет в каждой из женщин: у большинства в приемлемых дозах, но стоит ли на таких тратить время? Нет. Интересней необычное, непредсказуемое. Мы поговорим о Светочках с яркой подсветкой. И немного о рыбешках, заплывающих в их сети и тонущих там.

Даже самые яркие мужчины в присутствии Светочек блекнут и превращаются в плохо функционирующие электрические приборы, отвечающие на простые команды: принеси-унеси, подбери-убери, сделай эдак, сделай так. Но стоит Светочкам удалиться, что иногда случается, правда, и в салонах красоты «приборам» приходится с тем же послушанием дожидаться своих «предметов вожделения», вставляя иногда словечко, в

какую сторону лучше сделать зачес (Светочки, естественно, воспринимают это как провокацию), но приятно же вставить хоть словечко, – «приборы» начинают включаться: в них загораются лампочки, увы, быстро гаснущие (Светочки отлучаются ненадолго); откуда-то из глубин прошлого выныривают самоирония, остроты, заученные когда-то давно анекдоты; пробивается нормальный тембр голоса, распрямляются плечи, выпячивается живот, – и происходит «выколуп» мужчины со слегка слежавшимся, замшелым шармом.

Светочки – баловни судьбы. Их обожают не только мужчины. В жизни Светочкам крупно повезло: они миниатюрны – ниже первого космонавта, зимой и летом декольтированы – при этом не болеют, у них круглосуточно идеально ухоженные головки, бровки, ногти (тело Светочек состоит исключительно из ручек, ножек, плечиков, пальчиков, глазок, точеных носиков и розовых губок... остальное к ним не относится). Личико высечено скульптором-скальпелем по последнему слову гламурных журналов. Допустим, Светочки не «La Bella Simonetta» (Светочки не красавицы, нет, но они прехорошенькие!), но взгляд ваш на них непременно задержится, к тому же Светочки знают выгодные ракурсы своих прелестей и подыгрывают обратившему на них внимание. «Красота в глазах смотрящего», – сказал какой-то философ. Вот на него (не философа, конечно) и рассчитывает Светочка. Хотя какой-то другой философ сказал, что глазами главного не увидишь.

Светочки справедливы: «чтоб никого не обидеть», они носят чуть ли ни все бренды «высокой моды» одновременно. С некоторыми известными французскими кутюрье они лично знакомы: находились в одном помещении.

Женское обожание Светочек, скорее всего, зависть, что не является секретом для обладательниц «золотого стандарта» 90-60-90. Светочки обычно темненькие с жиденькими волосками и с искусно высвеченными «перышками». Если Светочки светлые, это уже не Светочки, а Светы или Светланы.

Мужчинам Светочки отвечают взаимностью: обожателей не может быть «перебор», а Светочкам нужны батарейки: они заряжаются от мужчин, когда те рассказывают окружающим о

том, как Светочки «питаются только солнцем и лепестками роз». По всей вероятности, они для Светочек их и собирают, выдергивая ежедневно из свежих букетов. Прошлым летом я тоже переваривала эту «лапшу», наблюдая, как Светочка запускает свою лапку с вилкой в тарелку с кровавым мясным блюдом своего возлюбленного (тут важно правильно представьте себе картину: крови возлюбленного я не видела). При этом Светочка щебетала, что она, как и я, вегетарианка. Вскоре вилка Светочке надоела, и она томно и нежно погружала свои пальчики, обрамленные кольцами и перстнями с крупными драгоценными камнями, в сочные бараньи кусочки, которые её возлюбленный услужливо нарезал для нее, а нож послушно выпускал из них струйки крови.

Светочка как-то быстро привыкла ко мне и не церемонилась. А вообще, Светочки на людях не едят, это действие они проводят ночью. Ночью Светочки чувствуют себя в своей тарелке. Днем безжалостное, подлое солнце высвечивает их густо зашпаклеванные морщинки. Солнечные очки Светочки не снимают даже в ресторане. Когда в следующий раз увидите такую, знайте – это Светочка! Днем Светочки спят, чтобы не мешать домработницам. Светочки патологические чистюли. Любое пятнышко трут до дыр после тщательного удаления его прислужгой. Светочки часами учат «бестолковых» домработниц-западенков (работают у нее только «свои»; всяким там «арабкам» она не доверяет), как надо убирать, пока те «тупо смотрят мимо и тупо кивают». Сами Светочки – штучки столичные (правда, приехавшие в свое время из той же провинции). Короче, никто не способен одраить квартиру так, как они. Выходит, Светочки – лучшие в мире уборщицы (считающие себя хозяйками), в чем монотонно убеждала меня Светочка, облизывая испачканные бараньей кровью пальчики. Они и мужчин превращают из грязнуль в чистюли. Светочка кивнула на выглаженный, вычищенный, благоухающий предмет своего перевоспитания в пастельных бежево-оранжево-голубых тонах. Предмет виновато заморгал, будто признаваясь: так оно и есть...

Светочки ничего не делают для того, чтобы вызывать у вас раздражение, но находиться с ними рядом – пусть недолго – испытание не из легких и чревато походом к психотерапевту

или, по крайней мере, приемом таблетки от головной боли. Зато у мужчин они вызывают восторг и умственный паралич!

Что еще сказать про Светочек? Светочки почти всегда старше своих избранников лет на... Но на эту загадку пусть Эдип и отвечает... Когда они особенно остро начинают тянуться к молодым особям, они уже бабушки (фу, какое слово!). Светочки все делают быстро (хотя по натуре они тихони и всегда чего-то недоговаривают): выходят замуж едва выскочив из-за школьной парты за весьма успешных местных бизнесменов. Разводятся Светочки также быстро, едва родив ребенка, но с приличным состоянием за спиной: на что-то же нужно опереться их хрупким спинкам. Пентхаус с видом на Эйфелеву «башенку», да «виллочка» у Лазурного берега вполне способны утолить их жажду. Что еще? Светочки боятся мышей и хотят быть похожими на балерин, но достать пальчиками до пола у них не получается. Зачем это Светочкам, гадайте сами. Тут бы и Эдип сплеховал.

Светочек часто видишь на балетах, но на сцену они редко поднимают глазки с тяжелыми ресничками, которые все время чешутся. Когда громко аплодируют, они испуганно вскидывают вверх свои ухоженные, благоухающие головки, растопыривают глазки и делают вид, что тоже хлопают в ладошки. А вы думаете легко оторваться от айфонов в стразах? Попробуйте! Хотя балерины – единственные существа на свете, кому Светочки завидуют!

Спорт Светочкам тоже противопоказан: в спортзалах потеют, а позора под мышками ни одна Светочка не переживет. Они держат себя в форме массажем; на службе у них обычно несколько мускулистых массажистов.

Одеваются Светочки с запредельным шиком – у них это получается превосходно! Проблему составляет поход в музей: с выбором одежды доходит до мигреней, поэтому в музеи Светочки не ходят. Другое дело престижные вернисажи, где покрасовался с бокалом шампанского, сфотографировался с художником на память (какая разница с каким?), да тихонечко смылся. Светочкам подходит слово тихонечко.

Книжки Светочки очень даже любят, но в строгом порядке: сначала экранизация, потом купированная версия не толще модного глянцевого журнала, которую можно полистать и

запомнить парочку имен. В целом, Светочки в курсе всех событий: что-то телевизор напророчит, что-то любимый наболтает. Светочки знают все, но только не себя. В электронных посланиях Светочек больше смайликов и всяких дрожащих представителей фауны и флоры, чем слов. Подобной дребеденью заразились и некоторые мои друзья, что наводит на тревожные мысли о предстоящем разрыве.

Встреча с незнакомыми людьми, как и музеи, вызывает у Светочек головную боль: надо же определиться, что надеть, чтобы гармонировать, соответствовать, оттенить, подчеркнуть свои прелести... Перед тем, как идти в гости, когда одна нога возлюбленного уже за дверью, Светочки слезливо просят позвонить и сообщить, что не смогут прийти. Выходить из неловкого положения они предоставляют сильному полу. Причину приходится выдумывать на ходу, а с фантазией у Светочкиных обожателей не очень-то! Заикания, паузы, сопение, но что делать? Желание Светочки – сами понимаете... В гости Светочки все же идут, но после длительного осмысления и осознания, что среди гостей может оказаться другая Светочка... и что тогда? Тогда молниеносно происходят сборы и заказ такси. Ездят Светочки на такси, хотя в подземелье их гаражей пылится не один Ягуар. Как вы поняли, Светочки и пунктуальность – «две вещи несовместные». Зачем забивать ухоженную головку, а тем более куда-то спешить?

Светочки бывают и мужского пола – сколько хотите. У них шикарный вкус в одежде, в том, что они едят и пьют; от них вкусно пахнет «Ветивером» от Герлена. Но о них пусть пишут другие.

И все же строптивницы приезжают на встречу, сидят в ресторане в солнечных очках: свет Светочкам противопоказан. Они не заказывают себе ничего, кроме минеральной воды, чтобы разбавить съеденные на завтрак лепестки роз; они отказываются идти в музей из-за внезапной паники, что неправильно одеты (а как правильно, не знает никто!), жарко (лето, а вдруг вспотеют); но самое удивительное: во всей этой суматохе они умудряются заметить цвет лака на ногтях пальцев твоих ног, которые все время находятся под столом! Наутро они требуют от своих возлюбленных позвонить и выяснить название лака, о чем ты понятия не имеешь (как обычно, в

спешке, указываешь в салоне на первый попавшийся бесцветный флакон). Но Светочке нужен именно этот лак! И только он! Из-за него она всю ночь не сомкнула своих глазок! Поэтому сначала ты бежишь в салон (благо, он рядом!) и выясняешь, чем же тебя накануне накрасили, покупаешь последний флакончик, а заодно узнаешь название лака – «Mademoiselle», а вечером к тебе приезжает Светочкин возлюбленный (за бледно-розовой «Мадмуазелью»), и ты прекрасно проводишь с ним время за бокалом красного вина в маленьком саду с пальмой, а после его ухода недоумеваешь, как может этот милейший человек превратиться в податливый пластилин? Чего тут больше: любви или стремления подпереть состоятельную стену? Но разве это интересно? Вот как Светочка в темных очках, под столом заприметила мой бесцветный лак?! Сию загадку не осилить даже Сфинксу! Признаюсь, Светочка доставила мне большое удовольствие и подарила приступ безудержного смеха. Я ведь не мучаюсь вопросом, что надеть в музей?..

В итоге, как вы догадались, для похода в музей Зигмунда Фрейда Светочка «доверила» мне своего, как оказалось, весьма образованного «партнера». В одном из книжных шкафов её возлюбленный распознал Лу Соломе, чем совсем покорил меня, как некогда эта неотразимая женщина покорила Фрейда, да и не его одного.

Чем я могла расположить Светочку? Предчувствием, что она станет главным персонажем моего рассказа? Скорее всего, ей просто захотелось выспаться. Еще Светочка сообщила, что после душа и приема ванн, её возлюбленный собственноручно обмазывает её кремом (забыла каким). Признаюсь, Светочка благоухала как «Весна» Боттичелли.

Ближе к десерту Светочка поделилась со мной и своими парижскими бедами (откровениям не было конца): её «достал» мышонок! Он её «мучает даже во сне»! Чем только она его ни травила? Выставляла дюжину крысиной отравы на всех этажах, во всех углах, а он как жил себе, так и живет, как бегал ночью по коридору, так и бегает... И плевать ему на Светочку с её отравой! А кошку заводить Светочка не хочет: «вонь разводить, да шерстью плеваться...» Лучше переехать!

Пока Светочкин возлюбленный уплетал пахлаву, она обнаружила что-то на его шее и решила это что-то изничтожить. Попытки высвободиться от её цепких пальчиков не увенчались успехом: острые ноготки впились в покрасневшую шею возлюбленного, и сопротивление причиняло ему дополнительную боль. В спешном порядке (дабы смягчить пытку) пришлось «поделиться» со Светочкой своим опытом борьбы с полевыми мышами, забегающими ко мне в сад попить воды, хотя я выставляю её для птиц. Светочка тут же отцепилась от шеи «партнера», на которой появилась смазанная кровавая нить, и переключилась на историю о том, как в мою «экологически безопасную» мышеловку каждое лето забегает с полдюжины полевых мышек. Работает черная пластмассовая трубка обыкновенно: закидываешь в нее кусочек шоколада (продавец мышеловки объяснил, что лондонские мыши любят молочный шоколад), мышка лезет туда полакомиться, мышеловка захлопывается, а утром из отверстий трубки высовываются острые усики и острые коготки. С добычей ты идешь в ближайший парк и отпускаешь мышку на волю. Случается, что узников из мышеловки не вытрясти: шоколад на дороге не валяется даже в Лондоне. В мышеловку вползают и улитки. Они тоже любят шоколад. Вообще, вкусы у людей с животными одинаковые, кроме питающихся лепестками роз, конечно. Некоторые друзья настаивают, что пойманный – это один и тот же «глупый, маленький мышонок», который преспокойно возвращается обратно. Мыши не дураки – помнят, где их кормят шоколадом. Возможно, и так. Только Светочке в ту же минуту захотелось заполучить именно такую мечту-мышеловку! Тут она не артачилась. Оставив недоеденным восточный медово-ореховый десерт, мы бросились в лавку строительных товаров, где Светочка произвела фурор, скупив всю партию мышеловок, пообещав продавцу непременно утопить мышонка, попадись он ей. Бедная Светочка! Бедный мышонок! И счастливый продавец! Такого счастья, как Светочка, ему давно не светило!

PS. На днях пришло письмо от Светочкиного возлюбленного. Отгремела кровавая революция в одной из прекрасных южных столиц. «Загремел», точнее, лопнул банк, где Светочкин

обожатель хранил все свои сбережения. Приходится занимать (а у кого нынче займешь?), чтобы вернуться к Светочке под Эйфелеву башенку. Предприимчивая Светочка не потеряла ни гроша: должно быть, она припрятала свои денежки в стеклянной банке из-под соленых огурцов или «поховала» золотые слитки в швейцарском банке. Светочка по-прежнему навещает своих внушек в Лондоне, но уже без своего возлюбленного. Светочкина дочка пока не собирается отсуживать у мужа пентхаус с видом на Хэрродс, поэтому Светочка у нее не живет, к тому же там маленькие дети и «англичанин» – зять. Светочка останавливается в гостинице напротив своего любимого Хэрродса. «А где ж еще жить в Лондоне?» – недоумевает Светочка, ненавидящая Англию, где мужчины не обращают на нее внимания. Она убеждена что все они не той ориентации.

Не знаю, сменила ли Светочка свой парижский адрес с видом на Эйфелеву башню и с мышонком в придачу, или перебралась на улицу Революции, поближе к Лувру, чему бы несомненно обрадовался непокорный мышонок. Знаю только, что Светочкин возлюбленный сидит у разбитого корыта в прекрасной южной столице, не имея средств добраться до предмета своего вожделения и признаться в уже ненужной ей любви. Светочка его не зовет. Светочки достигают многого на ниве любви и на ниве ловли новой любви. Только вот, как она теперь питается: ведь «лепестками роз» её снабжал обанкротившийся возлюбленный... Но нет привязанностей, нет и страданий, а с ними и лишних морщин. Зато остался лак «Мадмуазель».

Остерегайтесь Светочек, не снимающих в помещении темных очков и храните свои денежки в швейцарских банках, если они у вас вообще есть...

Лондон, март 2016

Виктор Родионов

Кентукки, США

ДАВАЙ ПОЕДЕМ В АППАЛАЧИ! АМЕРИКАНСКАЯ ГЛУБИНКА

Недавно, «на пельменях» у приятелей, мы с женой познакомились с их взрослой дочерью и зятем. Ира и Сергей – «новые американцы», приехали всего полгода назад. Среди застольных вольных тем затронули Аппалачи. Когда я сказал, что был там не раз, Ира посмотрела на меня округлившимися глазами – как мне удалось вернуться оттуда живым?! Кто-то из наших старожилов внушил им: в Аппалачи ни ногой, туда ездят только экстремалы, любители острых ощущений.

К счастью, Алекс, мой приятель и давний коллега по совместным путешествиям, «пуганый воробей». Мы с Аппалачами почти «на ты» – все горы объездить невозможно, они тянутся через девять штатов, не считая канадского Квебека – но с Кентукки, Теннесси и Вирджинией более-менее знакомы. На сей раз главная цель трехдневной поездки – уникальный фольклорный фестиваль «Hillbilly Days» в сердце кентуккийских Аппалачей, по пути, несколько городков в Кентукки и соседней Западной Вирджинии. Едем по принципу Остапа Бендера. Идеи мои, бензин (то бишь, машина) – Алекса. Тестируем в горных условиях его новую «Toyota Prius». Забегая вперед: фантастически экономная «гачка». Склонный к экспериментам, Алекс на диете, питается святым духом, его «гибрид» ест еще меньше.

С песней по дорогам

Опыт путешественника со стажем позволяет утверждать – в Америке нет неинтересных мест. Даже в самом захолустном тауне найдется изюминка, что-то свое, особенное. Аппалачи не исключение. Больших городов здесь мало, в основном, тауны на несколько сот жителей. А то и меньше. Аппалачи особенно красивы весной и осенью. Конец апреля, горы расцвечены в пастельные тона. Доминируют сиреневые dogwoods – собачьи деревья. Еще со времен Великой депрессии Аппалачи

перманентно считаются проблемным регионом с высокой безработицей и бедностью. Визуально трудно сказать, так оно или нет на самом деле. Но, как сказал бы незабвенный Валентин Зорин, контрасты капитализма здесь налицо. Приспособленные под жилье списанные автобусы, фанерные трейлеры, ржавая техника по обочинам, белье на веревках, деревянные нужники. Картинки из прошлого мирно уживаются с аккуратными городками, домами-виллами с припаркованными у газонов дорожными машинами.

Особенно впечатляют дороги. В моем экономически благополучном Луисвилле латаные-перелатаные, в бедных Аппалачах – заглядение. Даже в самой глухой тмутаракани. Въезжаем на хайвэй №23. Кентуккийская часть дороги прорублена через скалы, им 250 миллионов лет. Ее нередко зовут «аппалачским каньоном». Но 23-я знаменита не столько своими красотами, сколько необъяснимым феноменом. Она своего рода питомник звезд американской музыки кантри. Вдоль нее, в радиусе нескольких десятков миль от местной «столицы» Пэйнтсвилла, родина целой плеяды исполнителей кантри. Первая среди равных Лоретта Линн, за ней Кристал

Гэйл, Хило Браун, Рикки Скаггс, Пэтти Лавлесс, Рэй Сайрус, Том Холл, Дуайт Йокам, мать и дочь Джаддс. И это не весь список.

После музея «музыкальной дороги» посещаем изумительно красивую методистскую церковь Пэйнтсвилла с потрясающими итальянскими витражами и органом, подаренным Эндрю Карнеги. Как магнат начала XX-го века мог знать о какой-то церкви в аппалачской глуши, для меня загадка.

Если взять подробную карту лишь нескольких аппалачских округов Кентукки или Западной Вирджинии, ощущение нереальности. На небольшой территории сколок мировой географии. Деревушки-тауны Лион, Бангор, Денвер, Сидней, Бордо, Кливленд, Генуя, Ганновер, София, Глазго... Одна Волга и две страны – Чад и Канада. Но нас больше интересует Tomahawk. Из-за крутого названия. Собственно, в этом Томагавке делать нечего. Здесь когда-то жили индейцы-чероки и шони. Воинственные племена частично истребили, остальных этапировали в американскую «Сибирь» – пустыни и каньоны Дикого Запада. В нынешнем Томагавке ни одного краснокожего.

Первая ночевка в Западной Вирджинии, местечке Мэтуон (Matewan). Городок известен самым крупным в истории США вооруженным столкновением шахтеров с наемниками-боевиками угольных компаний и властями в 1920-21-м годах. Конфликт начался с локального эпизода, в котором погибли семь детективов угольной компании и три шахтера. Закончился почти настоящей войной. 15.000 бастующих шахтеров сформировали двухтысячное ополчение. Против них были выставлены боевики компаний, полиция, затем армия с использованием артиллерии и авиации. В боях погибли больше ста человек. В конце концов бастующие сдались, но битва при Мэтуоне послужила поворотным моментом в движении шахтеров за свои права.

Во всем виновата свинья

Мы петляем вдоль границы Кентукки и Западной Вирджинии. По обе стороны речки Таг-Форк нещадно эксплуатируют историю легендарной в Америке вражды двух

семейных кланов. Кентуккийских Маккоев и западновирджинских Хатфилдов. Начавшийся в 1878 году с пропажи свиньи конфликт продолжался 13 лет. С обеих сторон погибли 12 человек, одного повесили власти. Семейной вражде посвящены книги, фильмы и недавний телесериал с Кевином Костнером в главной роли. В тех местах, где мы с Алексом кружим, все связано с вездесущими Хатфилдами-Маккоями. Хижины, места убийств, могилы участников, где ловили, где судили, где вешали. Ощущение: их было в сто раз больше, чем на самом деле.

Как и положено настоящим аппалачцам, Хатфилды-Маккои, гнали самогон для собственных нужд. В те времена это было рутинным занятием. Романтика пришла с принятием в Америке «сухого закона». Производство самогона было поставлено на промышленную основу. Аппалачцы освоили профессии муншайнеров и бутлеггеров. Под стрекот автоматов «Томми», ночные полицейские облавы и погони, муншайн широко потек со склонов Аппалачей в Нью-Йорк, Чикаго, Детройт, в большие и малые города огромной страны.

С началом Великой депрессии «сухой закон» отменили, но самогон остался в опале вплоть до наших дней. За исключением нескольких штатов. В частности, в Теннесси, Западной Вирджинии и Кентукки можно открыть самогонный бизнес, если ты платишь налоги. Нелегальное производство по-прежнему вне закона. И вообще, с самогоном казуистика. По определению, муншайн – нелегальный спиртной напиток. С получением легального статуса это уже не самогон, а нечто иное. Что – никто не знает.

Мы с Алексом едем в самогонную винокурню Хатфилдов и Маккоев. Два года назад в городке Джилберт, Западная Вирджиния, ее открыл Чад Бишоп. Сам он не имеет прямого отношения к знаменитым кланам. Зато женат на Эмбер, правнучке тех самых Хатфилдов и Маккоев, со временем бывшие враги-соседи перемешались в межклановых браках.

По крутой грунтовке въезжаем на паркинг винокурни. Нас встречает очаровательный английский бульдог. «Ишь, морду на самогоне отъел», – комментирует Алекс. И хотя мы оба собачники, бульдог стал ходить за мной по пятам, что мне, несомненно, льстило.

В новенькой, пахнущей спиртом и деревом винокурне, всего два работника. Хозяин Чад и его помощник. Литой крепыш Чад проводит короткий ликбез, как грамотно варить самогон. Под портретами патриархов кланов проводим дегустацию первача. Уйти, ничего не купив в таком нестандартном магазине, неудобно. И хотя цена бутылки «Напитка дьявола» кусачая, была не была, раскошеливаюсь на 35 баксов. В горах фляге муншайна, большей емкости и крепости, красная цена – десятка. Но там продают только своим. Назавтра я получу неожиданную компенсацию, но об этом потом. Продажа на самой винокурне забредшим покупателям, как мы, погоды не делает. Основной товар расходуется через дистрибьютеров и онлайн. В месяц Чад продает 2-3 тысячи бутылок, что очень неплохо для молодого бизнеса.

На выходе встречаем молодую смешливую женщину в разноцветных бигуди, ту самую Эмбер, продолжательницу рода Хатфилдов-Маккоев. До машины меня провожает новый друг – английский бульдог – с отъевшейся на самогоне уморительной мордахой.

По борту остается деревушка Мира. С населением в ней настолько туго, что пять лет назад здесь закрыли даже почту. Миру можно было и не вспоминать, если бы не ее уроженец Чак Эгер, пилот, первым в мире преодолевший звуковой барьер. Бригадный генерал в отставке, похоже, готов преодолеть еще один барьер – столетний. Герою-летчику 93 года, и он находится в хорошей для его возраста форме. В Мире, правда, не живет, но изредка навещает.

Еще одна путаница с американскими провинциальными городками – в одном штате, и даже округе, может находиться несколько населенных пунктов с похожими названиями. В нашем случае, Williams, Williamsburg, Williamson. Нам нужен последний вариант. Спасибо навигатору, не промахнулись. По местным меркам, Вильямсон вполне солидный город. Не говоря уже о былых временах. В годы угольного бума Вильямсон называли городом на миллиард долларов. В его окрестностях работали свыше ста шахт. Сегодня большинство из них закрыты. Но кое-какие приметы былого процветания остались. В частности, отель «Mountaineer», построенный в 1925 году, ныне в реестре архитектурных памятников США.

Главная фишка гостиницы – исторический шлейф. В ее номерах останавливались акулы пера Америки, знаменитые спортсмены, режиссеры и актеры. Из имен первой величины Генри Форд, Элеонора Рузвельт, президент США Джон Кеннеди. С позиций сегодняшнего дня непонятно, для чего таким людям надо было ехать в заштатный аппалачский городишко?

Внутри отель напоминает замок Дракулы. В фойе задрапированные окна, среди бела дня сумрак, в узких мрачных коридорах ни души. Скрипучий ретро-лифт. Номера на третьем и четвертом этажах с табличками знаменитых постояльцев. Толкаю дверь номера Джона Кеннеди, авось не закрыта. Бесплезно. В коридоре попадаетея молодой мужчина. Похоже, он рад встретить живых людей в отеле-призраке больше, чем мы. Парень показывает нам свой номер. Спартанская обстановка, допотопный кондиционер и тусклое освещение, как в коридорах. Нет, нам такой отель не нужен! Пусть даже и в номере с самим Джоном Кеннеди.

Ночлег в Кентукки. Завтра у нас море фана – фольклорный фестиваль, ярмарка и парад хиллбилли!

Эх, ярмарка-праздник!

Фестиваль «Hillbilly Days» проводится ежегодно в третий уикенд апреля уже в сороковой раз. Все гостиничные места в Пайквилле и его округе забронированы за месяц вперед. По степени популярности в штате аппалачский фестиваль уступает только Кентуккийским дерби. В шеститысячный городок съезжаются 100.000 гостей со всей страны.

Ночуем в 25 милях от Пайквилла, парад начнется в два часа дня, но лучше заранее решить проблему с паркингом. Находим «бесхозную» улицу рядом с университетским кампусом. Уп-с, в девять утра мы свободны на целый день, как птицы. Алекс прихватывает свой штатив и видеокамеру, я фотоаппарат. Мой приятель – профессиональный фотограф, но на данном этапе жизни у него очередная техническая страсть – видео. Все остальное ему сейчас неинтересно. Фото, как второсортный, низкий жанр дано на откуп мне. С горки топаем в огороженный

турникетами даунтаун. За ними сотни, если не тысячи, палаток и ларьков. Эх, ярмарка-праздник, скучать не придется!

Хиллбилли – это звучит гордо

В Америке есть особая этническая общность, которую знают под именем Appalachians (аппалачцы), или Hillbillies. В дословном переводе на русский что-то вроде – Билли с холма, горный котелок; в переносном – деревенщина, дубина стоеросовая, неотесанный малый...

Основу населения Аппалачей составляют потомки выходцев из Англии, Ирландии и Шотландии. В угольном регионе почти нет черных. Замкнутость и своеобразие образа жизни породили множество легенд о хиллбиллис и подчас трудно отделить правду от вымысла. О жителях гор написаны десятки книг, тысячи сатирических рассказов, сняты фильмы. Карикатурный персонаж Li'l Abner – «испытатель матрасов» – стал самым популярным персонажем в истории комиксов, а над телевизионными скетчами из жизни его семьи до сих пор потешается вся Америка.

Тонкая грань между юмором и сатирой оказалась размытой не в пользу беззлобного смеха. На аппалачцев намертво прилепили ярлык гротескных хиллбиллис – бедных, малограмотных, бескультурных, невежественных аборигенов в соломенных или фетровых шляпах и комбинезонах на все случаи жизни. За что бы ни взялись, делают через пень-колоду. Днем работают на фермах и в поле, по ночам гонят муншайн. Ездят на добитых тракторах и допотопных машинах. Женщины курят трубки, в бессменной моде металлические зубы. Вдобавок ко всему, хитрованы, пьют без меры, агрессивны, жестоки и мстительны.

Конечно, нет дыма без огня, но сложившийся стереотип и реальный портрет жителя гор не совсем совпадают. В основе это богобоязненные, бесхитростные, прямолинейные, открытые и простые в общении люди. Аппалачские семьи патриархальны, семейные узы между поколениями очень тесные, все держатся друг за друга. Вместе с тем, они слишком провинциальны и, как все провинциалы в мире, не отличаются терпимостью. На все есть готовые клише: как жить, как себя вести, как одеваться.

«Шибко» грамотных не жалуют, зато в почете практические навыки и умение делать деньги, все остальное вызывает подозрение и считается излишним. Предмет насмешек для остальной Америки аппалачский диалект: *ahr* – час, *aig* – яйцо, *misrus* – миссис, *paraw* – дедушка, *skoo* – школа, *Pony Ask* – «Понтиак»... По мнению историков и филологов, в Аппалачах стихийно законсервировалась Америка времен пионеров и большинство современных американцев, по сути, вчерашние хиллбиллис.

По определению Маяковского, «его препохабие капитал» вел себя в Аппалачах действительно препохабно. В конце XIX века он вторгся в этот регион и буквально перепахал его своим «рылом». Богатые углем горы стали кочегаркой Америки, уникальную природу искромсали бездумными вырубками леса, подземной и открытой добычей угля, загрязнением воздуха, воды и почвы. Особо хищническое отношение было к людям. Владельцы шахт, лесоразработок и железных дорог, наживая миллиардные состояния на природных ресурсах Аппалачей, возвращали их исконным хозяевам жалкие крохи. Попутно шла люмпенизация местного населения, вырванного из привычных устоев жизни.

Но самый страшный удар был нанесен в середине прошлого века. С переходом на атомную энергию и падением спроса на уголь закрылись сотни шахт и с ними пришла в упадок вся инфраструктура региона. И так небогатые шахтерские городки поразила сплошная безработица. Если «равнинному» американцу раз плюнуть сорваться с места в поисках лучшей доли, для повязанного патриархальными узами аппалачца уход из родного тауна равносильен предательству семьи.

Лишь джонсоновская программа построения Великого общества всерьез взялась за вытягивание из нищеты (в американском понимании) отсталого региона страны с общей численностью населения в миллионы человек. Результаты реализации программы неоднозначны, но в целом позитивны. Достойный пример – «столица» кентуккийских хиллбиллис Пайквилл. Шеститысячный город связывает с остальным штатом прекрасный хайвэй, здесь работает центр спутниковой связи, университет, в Методистском госпитале проводятся операции на открытом сердце, процент безработицы снизился

вдвое, число окончивших среднюю школу с тридцати процентов поднялось до семидесяти.

Наряду с позитивными переменами в социальной жизни менялась и самооценка аппалачцев. В ней стало больше достоинства и, чего не наблюдалось раньше, умения посмеяться над собой. В созидании нового, положительного образа аппалачцев главная заслуга принадлежит ... масонам. Идея проведения «Hillbilly Days» возникла сорок лет назад у местных масонов Грейди Кинли и Говарда Стрэттона, членов влиятельного по части благотворительности ордена «Shrine Temples», владельца сети детских госпиталей на североамериканском континенте.

Не все из нас знают, кто такие шрайнеры, но наверняка все их видели. Пожилые люди в турецких фесках несколько раз в году выходят на перекрестки городов и собирают пожертвования. Шрайнеры охотно используют любую возможность для помощи детям, в том числе и клоунату, к тому же обладают хорошим чувством юмора. Члены и кланы масонов носят отнюдь не героические имена. Желтый ишак, Бешеная ливанская собака, Старый мерзавец... Союз масонской клановости с аппалачской оказался на редкость удачным.

Аппалачский Марди Гра

За годы жизни в Америке я побывал на десятках фестивалей и парадов в разных частях страны. Все они проходят приблизительно по одному сценарию, даже знаменитый нью-орлеанский Mardi Gras. «Hillbilly Days» – самый уникальный. Здесь органично сочетается несовместимое. Бок о бок выступают джаз и кантри-бэнды, клоуны, сказочные феи, персонажи фильмов и видеоигр, активисты местной церкви, агитаторы избирательной кампании. Больше всего плакатов за Трампа.

Памятная стела основателю «Hillbilly Days» Грейди Кинни у входа в единственный городской туалет. Каждый второй-третий гуляющий в фетровой шляпе с высшим «знаком отличия» хиллбилли – кукурузным початком на тулье, в комбинезоне, с понарошными металлическими «зубами», флягой «самогона» подмышкой.

И апофеоз праздника – парад хиллбиллис. Это надо видеть! Пиршество для глаз и съемок. Машины – ржавые мастодонты, обитые горбылем, увешанные рогами, хвостами енотов, старыми духовыми инструментами, пилами, кирками, лопатами, в кузовах деревянные нужники под государственным и конфедеративным флагами, на веревках гремят кастрюли и чугунки. И все это под неумолчный рев клаксонов. Мостовые усыпаны сладостями, с платформ машин кидают бусы-бидс и раздают бутылки с водой. Десятки табличек и плакатов на автомашинах и подводах вещают о «местном моралите»: «Никто не хочет быть умным!», «хрюкай, если любишь хиллбиллис», «не спи в туалете», «ешь опоссумов», «стоянка и муншайн – только для хиллбиллис!». Основной доход от праздника идет в детские больницы и госпитали.

Ну и мне кое-что перепало. В одной из торговых палаток хозяин «из-под полы» презентовал мне банку настоящего теннессийского самогона. Бог все видит, в том числе мою вчерашнюю переплату на винокурне «Хатфилдов-Маккоев». И вообще, я нигде не встречал такого радушия в Америке, как в Аппалачах. В многотысячной толпе все друг с другом здороваются, при встрече взглядом обязательная улыбка, мгновенный отзыв на шутку или юмор. Даже с суровыми на вид полисменами. Жаль, с нами не было новых американцев, Иры и Сергея. Мы бы показали им настоящие, а не выдуманные Аппалачи.

Марк Копелев
США

ТРИ КОРОТКИХ РАССКАЗА

Кофе

В Новосибирске недалеко от телевидения, на площади Станиславского, в семидесятые годы существовало заведение на два стоячих столика под названием «Пышечная». В советском театре абсурда, когда на витринах магазина «Мясо-Рыба», кроме пирамиды из банок консервов «Завтрак туриста», ничего не просматривалось, эта едальня являла собой

исключительный случай полного соответствия формы и содержания – кроме пышек, которые тут же и пеклись, и кофе с молоком, там ничего не подавали. Но зато какие это были пышки!!! Кофе было похуже, но тоже вполне нормальное, несмотря на то, что готовилось и разливалось оно из больших армейских чайников...

Сильно грамотные интеллигенты тотчас кинутся меня поправлять – мол, «фи, автор не знает, что кофе – это не ОНО, а ОН». Не извольте беспокоиться, господа, знаю. Ещё со школы помню правило, которое вбивала в наши пустые головы учительница русского языка замечательная Евгения Соломоновна Персова: *«Иностранные, несклоняющиеся слова на -а, -е, -и, -о, -у, означающие предметы неодушевленные единственного числа, употребляются обычно в среднем роде.»* Но слово «кофе» являлось исключением. Русские классики, на чьих произведениях мы воспитывались, предпочитали использовать для «кофе» мужской род, в соответствии с правилами французского языка, в котором, как утверждают знатоки, среднего рода не существует.

Именно так, в мужском роде, я его всегда и употреблял. И никакие высказывания типа: *«Кофе – он» – глупость и архаика...»* или: *«Употребление «кофе – он» является признаком псевдоинтеллигентности...»* – меня не убеждали. Я был старомоден и упорствовал в своем заблуждении, ибо не видел логических обоснований для изменения мнения. До случая, приключившегося со мной именно в этой пышечной. Собственно, мой рассказ как раз об этом.

В те давние поры я был молод, высок, красив и спортивен и предпочитал перемещаться по городу Новосибирску сугубо на гоночном велосипеде. Путь на телевидение, где я работал, пролегал мимо этой пышечной, и проезжая мимо, я частенько делал остановку, чтобы выпить кофе и съесть пару замечательных пышек. Заехав туда в очередной раз, я обнаружил, что тихая интеллигентная Вера Моисеевна там больше на работает, по причине, как я потом узнал, отбытия на историческую родину. На её месте возвышалась толстая тетка с огромной грудью, в кокетливом передничке и кружевной наколке. Отстояв небольшую очередь, я протянул деньги:

– Мне, пожалуйста, один кофе и две пышки.

Тетка внимательно посмотрела на меня и сказала:

– ОДНО кофе.

– Что? – не понял я.

– Я говорю, «ОДНО КОФЕ» – сказала тетка. – «Кофе» – это ОНО! Ты же вроде интеллигент.

Я, как говаривал один мой знакомый, тоже большой знаток русского языка, «*замер в остолбенении*». «Остолбенение» моё было вызвано даже не тем, что тетка без обиняков сразу на «ты» взялась учить меня русскому языку, а тем, что подобные материи вообще могут занимать существо в передничке напротив меня. Зачем ей это с такой грудью?

– Да нет, – придя в себя, сказал я, – «кофе» – это всё-таки ОН.

Тетка опять внимательно посмотрела на меня и с чувством полного превосходства над убогим интеллигентиком назидательно сказала:

– «ОН» – это, если он черный. А если с молоком, то «ОНО!».

Тут уж я не просто остолбенел. Я остекленел. Меня поразила глубина проникновения в суть проблемы. Потому что, если разобраться, тетка была абсолютно права: кофе с молоком – это уже не совсем «ОН». Это действительно «ОНО». Как мужик с накрашенными губами.

– Спасибо! – сказал я. – Я обязательно запомню.

Теперь я тщательно выбираю слова при определении рода того или иного напитка, в зависимости от способа его приготовления. И когда я узнал, что в России с 01.09.2009 г. согласно приказу Министерства образования РСФСР принята норма считать «кофе» словом среднего рода, я, спасибо скромной труженице новосибирского общепита, был уже подготовлен к этому и не особенно удивился. Так и должно быть в стране, где продавцы пышек учат режиссеров русскому языку, а кухарки и кэжэбэшники управляют государством.

Пышки, кстати, с приходом «учительницы» стали много хуже. И ОНО из армейского чайника тоже.

Синяя пальма

Каждое утро, выгуливая свою пуделиху Пеппи, прохожу мимо дома моего соседа, что на углу улиц Saint Nicholas и Katharine. Он, как и я, иммигрант в первом поколении, и у него так же, как у меня социалистическая родина. Остров зари багровой и

немыслимой Свободы. Видимо, от этого счастья он оттуда и слинял. Кроме того, что он кубинец и что имя его Хосе, я ничего про него не знаю.

– Hi! – говорю, – Buenos días!

– Buenos días, my friend! How are you? – машет рукой Хосе.

– Fine, – отвечаю я.

Американский ритуал вежливости выполнен, и, улыбнувшись друг другу, мы продолжаем заниматься каждый своим делом. Я выгуливать собаку, а он мыть свой «Мерседес».

Он очень хозяйственный, этот Хосе. Он вечно копошится на своем участке, который огородил высоким пластмассовым забором.

Хосе многого добился по своим кубинским понятиям. У него дом, три новых машины: джип «Монтеро», Тойота «Камри» и «Мерседес», с которого он сдувает пылинки и которым очень гордится. Для своих кубинских родственников Хосе, по всей видимости, образец успешного эмигранта, осуществившего свою «Американскую Мечту».

Но, вероятно, чего-то ему все-таки не хватало для полного счастья.

И вот однажды я обнаружил, что около его дома вдруг выросли две огромные кокосовые пальмы. Вчера еще не было, а вот сегодня качаются на суровом нью-джерсийском ветру и шумят своими зелеными панковскими гривами. Пальма в окне, а под окном «Мерседес» – это, видимо, как раз то и было, чего ему не хватало, чтобы привести свою жизнь в полное соответствие с Мечтой.

Вообще-то кокосовые пальмы на берегах Гудзона не произрастают. Но Америка, как всем известно, страна неограниченных возможностей. Поэтому Хосе купил две искусственные пальмы, которые, кстати, стоят дороже живых, и «посадил» их у себя под окнами. И радовали они его кубинский глаз, ну абсолютно, как настоящие. Особенно зимой, по колено в снегу.

Со временем от солнца, снега и дождей кокосовые пальмы выгорели, выцвели, полиняли и из ярко-зеленых превратились в синие.

«Американская Мечта» – это синие пальмы под окнами.

А Хосе сейчас пристраивает второй этаж к своему дому.

Еврей

Концерт Шаова в Нью Йорке. Брайтон, концертный зал «Миллениум». Тимур на сцене, я как всегда – перед сценой, фотографирую.

Заканчивается первое отделение. Зажигается свет. Откуда-то из середины зала, распахивая встающих людей, к сцене устремляется высокий, тощий человек в бейсболке. Он похож на булгаковского Коровьева, каким я его всегда представлял. Он весь сияет, он потрясён, он восхищен, его переполняют чувства, он, видимо, впервые услышал Шаова, он хочет спросить о чём-то очень важном. Тимур в это время уходит со сцены. Человек вслед ему кричит:

– Простите, можно у вас спросить вопрос? Вы еврей?

Тима не слышит, уже ушел. Тогда Коровьев, видимо, уловив, что я каким-то образом с Тимуром связан, обращается ко мне.

– Простите, он еврей?

– Нет, – говорю, – он не еврей.

– Это точно? – не верит он.

– Точно.

– И что... *Никогда, никогда?..*

– Ну... – я понимаю, что нельзя так разочаровывать человека.
– Иногда... в общем, бывает.

Удовлетворенный Коровьев разворачивается и кричит кому-то в зале:

– Ну вот! Я же говорил! Он-таки еврей.

Яков Фрейдин
США

ТЕНИ ЗАБЫТЫХ ПРЕДКОВ

Где-то лет 35 назад, весенним утром в моём доме в Нью-Хэйвене, что на восточном берегу Соединённых Штатов, зазвонил телефон. Голос с сильным испанским акцентом сказал по-английски:

– Мистер Фрейдин? Я звоню из Мадрида. У меня фамилия, как и у вас, тоже Фрейдин, Манюэль Фрейдин, хотя написание

чуть другое. Вы пишете свою фамилию по-английски *Fraden*, а я на франко-испанский манер – *Fradin*. Я составляю генеалогическое дерево моих предков и хотел у вас узнать, не родственники ли мы с вами?

– Ну давайте сравним родню, может найдём какие-то пересечения, – ответил я.

Я стал перечислять своих родственников со стороны отца, а он своих. Так мы перебрали всех, кого помнили, но общих не нашли, и вдруг Манюэль спросил:

– Погодите-ка. Ваше имя ведь Яков? А вы случайно не еврей?

– Да, – ответил я, – но совершенно не случайно. Надеюсь не сильно этим вас огорчил.

– Ну тогда мы с вами родственниками никак быть не можем, – сказал Манюэль. – Я своих предков изучил почти за два столетия – мы все католики. В наполеоновские времена в нашем роду был даже французский кардинал.

– Что ж, извините, – сказал я, – тут ничем помочь не могу. Значит, мы не родня. Рад был с вами побеседовать, дорогой однофамилец.

* * *

Мы сидели в подаче на эмиграцию уже месяца три, когда я спросил своего отца:

– У дедушки ведь где-то в Америке должны быть родственники. Ты не знаешь где? Если нас выпустят и мы окажемся на Западе, было бы интересно их разыскать.

К тому времени моего деда уже более 20 лет не было в живых. Отец ответил:

– Я про них ничего не знаю. Где-то в 20-е годы, когда мы ещё жили в Чернигове, дед получал от своего брата из Америки письма и фотографии, но потом всё сжёг – боялся, если узнают о родственниках за границей, отправят куда Макар гусей не гонял... Когда он умер, я все его бумаги перебрал, там ничего о его американском брате не было.

– Значит никак не найти? Может у твоей родни что-то сохранилось?

– Кто знает? Вот ты свяжись с моим дядей Шайей, он мне как-то говорил, что ещё до войны он все старые документы и фотографии закопал в огороде, так, может, он их выкопал, когда

вернулся домой в Чернигов из эвакуации? Ты с ним поговори, пока он жив...

Тогда я решил поехать в Чернигов, город, где жили многие поколения моих предков со стороны отца. Гражданская и мировые войны многих из них убили, иных раскидало по стране и в Чернигове доживал свой век лишь одинокий старик Шая.

Я прилетел в Киев, а оттуда автобусом доехал до Чернигова – тысячелетнего города на берегу Десны. От автобусной станции пешком дошёл до домика-развалюхи, где жил старик. Он меня ждал с обедом. К моему приезду Шая сходил на рынок, купил продуктов и сам сварил довольно вкусный борщ. Потом, несмотря на свои 88 лет, сказал, что хочет показать мне Чернигов. Оказался он довольно ходячим, хотя и сильно прихрамывал. Мы с ним около часа гуляли, и он мне с любовью про свой город рассказывал. У Пятницкой церкви я несколько опешил, когда Шая сказал мне, что она 12-го века. Церковь сияла новеньким розовым кирпичом, и вид у неё был совсем молодой, ну от силы лет 10, хотя архитектура действительно старинная. Старик засмеялся:

– Ты прав, она хоть и старинная, но совсем свежая. Тут большой местный начальник лет эдак 15 назад решил себе построить за городом дачу, с размахом. Ему понадобился хороший кирпич, вот он приказал эту церковь снести, чтоб из её кирпича себе там хоромы возвести. Но не учёл, дурак, что за 800 лет кирпич стал крепче железа. Ломали, взрывали, в пыль всё перемололи, но годного кирпича так и не набрали. А потом местные краеведы написали на него телегу в Москву, на самый верх, что он памятник старины разрушил. Там разобрались, ему выговор вlepили и велели эту церковь за его же счёт восстановить. Ну, построили её заново, но уж из нового паршивого кирпича. Не чета старому, так я думаю, она ещё 800 лет никак не простоит, это я тебе обещаю.

Тут я перешёл к цели моего приезда:

– Дядя Шая, а что вы знаете про брата моего дедушки? Я слышал он в Америку уехал.

– Правда, уехал. Если хочешь, я тебе расскажу, что помню. Когда в 14-м году началась германская и всех, кто по возрасту подходил, стали в армию забирать, дедушка твой, Юдка, пошёл на войну и там до 17-го года честно воевал. А брат его тогда

только-только женился и ему от молодой жены никак уходить на войну не хотелось, да и за царя-батюшку, антисемита проклятого, ему тоже умирать было неинтересно. А может, это она, жена то есть, его надоумила. Вот они вдвоём сели на поезд и, каким уж путём я не знаю, смогли добраться до Турции, а оттуда на пароходе уплыли в Америку. Пойдём домой, я тебе фотографии покажу. Он нам оттуда писал, года до 35-го, а потом письма перестали приходить.

– А как же вам удалось сохранить письма и снимки? – спросил я.

– Когда в 30-е годы стало опасно иметь родственников за границей, наша родня стала все такие бумаги в печку кидать. А мне было жалко память сжигать, думал, вот ты когда – нибудь приедешь и спросишь. Тогда я сложил все бумаги в жестяную коробку, унёс в лес, нашёл приметное место и там закопал. Потом война началась, меня сразу в ополчение забрали, для армии я уж стар был. Но я там долго не был. Меня в августе бомбой контузило, и в ногу ранило. Повезло однако: вывезли в тыл, в госпиталь, там вылечили, но на войну больше не отправили – я долго ходить не мог, да и сейчас, как видишь, хромой. После войны я вернулся и коробку выкопал.

Когда мы с Шаем пришли обратно в его домик, он забрался на скамеечку, достал с верхней полки серванта чашки-блюдца, а за ними лежала облезлая жестяная коробка из-под леденцов «Монпансье». В коробке оказались письма в конвертах с американскими марками на 5 центов, несколько чёрно-белых фотографий, маленькие открытки с видами Филадельфии и ещё много разных бумаг. На конвертах стояло имя отправителя: Harry Fraden. На снимках были изображены элегантный седоголовый господин и четверо улыбчивых ребят в шортах. Старик пояснил:

– Вот это и есть брат твоего деда, его в Америке стали звать Гэри, а фамилию он стал писать на английский лад. Эти ребята – его сыновья, в Америке родились. На обратном адресе, видишь, написано, что они жили в штате Флорида, в городе Джексонвилль, а где сейчас, я и не знаю. С тех пор писем не было. Гэри про их жизнь в Америке писал. Нам это всё в диковинку было. Как будто из сказки.

Шая открыл один конверт и достал письмо, оно было написано какими-то знаками, как мне тогда показалось, похожими на рыболовные крючки.

– Он письма писал на идише, – пояснил Шая, – ему так было проще. Если хочешь, я тебе переведу.

В письме Гэри рассказывал, что их пароход пришёл в Нью-Йорк в начале декабря 14-го года. Было холодно, дул сильный ветер, и шёл мокрый снег. Это ему не понравилось и он сказал своей молодой жене: «Я не для того приехал в Америку, чтоб мёрзнуть в снегу». Они сели на поезд и поехали на юг. Через день поезд остановился в Релей, Северная Каролина. Было теплее, и шёл дождь, но снега не было. Гэри сказал: «Уже лучше, но ещё не хорошо». Они вернулись в вагон и поехали дальше на юг. На следующий день поезд остановился на станции города Джексонвилл. Было тепло, и светило солнце. Гэри сказал: «Вот это то, что надо! Будем жить здесь!» Так они и поселились во Флориде.

– Жаль, – сказал я, – что в 14-м году мой дедушка не сообразил тоже уехать в Америку, как его брат, а ушёл на войну.

– Так ведь у него тогда ещё не было умной жены, которая бы подсказала, – усмехнулся Шая. – Твой дед на войне храбро воевал, звание фельдфебеля получил, что для еврея совсем непросто было. В 17-м году его часть отозвали с фронта и перевели в Петроград для охраны Временного Правительство. Они в Зимнем Дворце стояли, а когда большевики дворец захватили, вскоре его часть распустили. Он бороду сбрил, штык в землю, немного в Питере покуралесил – за три года на войне стосковался по гражданке, а потом домой в Чернигов уехал.

Я много позже ему сказал: «Ты, Юдка, плохой солдат». Он надулся и отвечает: «Что значит плохой? Я на фронте на рожон не лез, но и за спинами других не прятался. Нормально воевал». Я тогда говорю: «Да я не о фронте. Ты вот почему Зимний Дворец не удержал? Был бы ты хороший солдат, не сдал бы дворец матросам и вся наша жизнь без этой революции могла бы по другому сложиться». Он только посмеялся: «Да какая, – говорит, – революция! Не было никакой революции! Перепилась вся солдатня из охраны – вина во дворце было залейся, да с девками из женского батальона и медсёстрами из

дворцового госпиталя позабавились – вот тебе и вся революция».

Он потом, когда в Чернигов вернулся, большим гулякой стал, в карты играл, всю свою жизнь в разнос пустил, пока его твоя

Юда Фрейдин в Петрограде (1917)

бабушка Берта не встретила и к рукам не прибрала, а потом на себе женила. Она лет на пять старше его была. Он у неё сразу как-то утих, играть бросил, работать стал и всё наладилось. Любил он её сильно.

Слушая старика, я перебирал в коробке письма, какие-то документы начала века, нашёл там старые семейные фотографии на картонках и несколько царских сторублёвок. На самом дне лежал грязно-жёлтый плотный листок с витиеватым текстом латинскими буквами. Листок был похож на пергамент и явно очень старый. Я поднёс его к окну на свет и с трудом разобрал начало текста: «...Le 13 juillet 1496, Bernart Fradin de la ville de Saint-Jean-d'Angély, comme héritier à cause de sa femme...» Это было по-французски, я смог перевести архаичные слова, а вернее, больше догадался, чем перевёл: «...13 июля 1496 года, Бернарт Фрейдин из города Сен-Жан-д'Анжели, в качестве наследника своей жены...», а дальше я

понять не мог. Этой записи было почти 500 лет, но меня больше поразило то, что там была наша фамилия, хоть и на французский манер!

– Дядя Шая, – спросил я, – что это такое? Откуда у вас этот пергамент?

– Не знаю, – ответил он, – я его нашёл очень давно в бумагах моего покойного дедушки. А откуда это у него – кто теперь может знать? Решил сохранить. Ты можешь это прочитать?

– Нет, это старый французский язык, а я и новый-то не очень. Ты мне можешь дать его с собой? Может я найду кого-нибудь, кто сможет прочесть.

– О чём речь! Ты вообще всё, что тебе интересно, отсюда забери. Мне это уж ни к чему. После меня ведь пропадёт.

Я поблагодарил старика, забрал американские снимки и старинный пергамент. На следующий день я уехал домой. Где-то через месяц мы с женой получили разрешение, а ещё через десять дней навсегда покинули Советский Союз. Везти с собой через границу старинный пергамент было рискованно – если его найдут на таможне, не только отберут, но и неприятности могут быть большие. Тогда я придумал такой трюк: в писчебумажном магазине купил пустой кляссер для коллекции марок. Аккуратно расклеил один из картонных листов, вложил в середину пергамент и заклеил обратно. Выглядело совершенно невинно. За день до отлёта из Союза, я запаковал кляссер в большой конверт, пошёл на Московский почтамт и отправил его в Вену на своё имя «до востребования». Риск конечно был – мог пропасть, но разве вся наша жизнь – не риск? Где-то через пару недель после прилёта в Вену я на центральной почте получил свою посылочку с пергаментом в целости и сохранности.

* * *

После приезда в Америку, в первые годы было как-то не до предков – надо было свою жизнь строить сначала. Работали, учились, детей растили. Однажды я решил узнать, живут ли ещё во Флориде родственники моего дедушки? В публичной библиотеке Кливленда, где мы тогда жили, я нашёл телефонную книгу города Джексонвиль и обнаружил там несколько человек по фамилии Fraden. Я выбрал по алфавиту первого из них Эйба

(Абе) и позвонил. Он страшно удивился, когда я сказал, что я, возможно, его троюродный племянник, и спросил:

– А есть ли у вас какие-то доказательства, например, письма или фотографии?

Я сказал, что у меня есть старый снимок Гэри Фрейдина с сыновьями. Эйб попросил, чтоб я снимок ему прислал и обещал вернуть. Так я и сделал, а дня через три он мне позвонил и радостно сообщил: «Это мы!». Вскоре мы съездили к нему в гости в Джексонвиль и он познакомил меня с братьями и сестрой. Их отца Гэри уже не было в живых, но в старческом доме ещё жила их мать, которая приехала в Америка в 1914 году. Эйб спросил, не хотел бы я с ней познакомиться, и я согласился. Мы приехали в этот дом, я остался подождать в вестибюле, а Эйб пошёл за ней на второй этаж, но вначале предупредил меня, чтобы я особенно её словам не удивлялся – у неё старческой маразм. Вскоре я увидел старуху с палкой, спускающуюся по лестнице. Увидев меня, она вдруг остановилась, замерла и по-русски громко сказала: «А я вас знаю! Вы брат моего мужа!». Я действительно похож на моего деда, а в её затуманенном мозгу смешались люди, времена и страны. Но больше всех был поражён Эйб – он и не знал, что его мать может говорить по-русски. К сожалению, мои вновь обретенные родственники ничего о своей родне не знали и заводить с ними разговор о французском пергаменте из Чернигова смысла не было.

* * *

Через несколько лет, когда мы стали ездить в Европу, я опять вспомнил о старом пергаменте. Прежде чем что-то выяснять, сперва надо было его прочесть, но для этого моего французского было явно недостаточно. Мы тогда жили около Йельского университета, и я пошёл в библиотеку старинных рукописей. Там мне указали на специалиста по кельтским и французским манускриптам, и я показал ему этот листок. Он предложил его оставить на недельку и обещал, что постарается разобраться. Когда я зашёл снова, эксперт сообщил мне, что это подлинный отрывок из завещания и подал мне отпечатанный на машинке перевод. Вот он:

«...13 июля 1496 года, Бернарт Фрейдин из города Сен-Жан-д'Анжели, в качестве наследника своей жены и будучи единым

и полноправным владельцем шато Фрейдин-Белабр, всего имущества в нём и 1400 золотых эю и примыкающих к шато угодий и шести невольных слуг, и находясь в здравом уме и обращая душу свою к Создателю Господу Нашему Иисусу Христу и славной Деве Марии, повелеваю предать моё тело земле в церкви Ностр-Дам-де-Пюи и завещаю все свои владения нашей досточтимой дочери Иветт и её потомкам, и также повелеваю лишить каких либо привилегий и владений и проклинаю во веки моего богопротивного сына Гийома, вопреки воле нашей принявшего веру иудейскую и покинувшего...». Вот и всё, что было на пергаменте.

Как интересно получилось без малого 500 лет назад! Этот строптивый Гийом порвал с роднёй, потерял наследство и решил стать евреем. Станный и небезопасный переход в гонимую веру в те далёкие, да и в более близкие к нам времена. Поступок совершенно неординарный! Что его к этому подтолкнуло, какая невероятная сила на него повлияла? И как завещание его отца оказалось в бумагах моих родственников? Вот бы узнать!

В нашу следующую поездку в Европу, мы с женой решили попытаться что-то выяснить. Единственной зацепкой был город Сен-Жан-д'Анжели. Мы его на карте Франции довольно быстро нашли – он оказался на север от всем известного городка Коньяк. Интернета в те годы ещё не было и разбираться надо было на месте.

Путешествуя на машине по Бретани и двигаясь всё южнее, мы доехали до порта Ла Рошель, из которого Д'Артаньян плыл через Ла-Манш в Англию за подвесками королевы, а оттуда уж не так далеко и до Сен-Жан-д'Анжели. Это оказался чудный, провинциальный городок с современной архитектурой, стандартными магазинами, воскресным базаром в центре, но и несколькими довольно старыми зданиями. Впрочем, побродив по улочкам с путеводителем в руках мы не нашли ни одного строения старше 17 века, так что надежда увидеть фамильное шато, что упоминалось в завещании, быстро испарилась. Всё же пять столетий – не шутка. Мы нашли гостиницу в центре и, когда я подал свой паспорт, парень за стойкой сказал:

– Ого, у мсье почти такое имя, как и у меня!

Оказалось, что парня зовут Honoré Fradin и он сообщил мне, что в городе у него куча родственников с такой же фамилией. И действительно, в гостиничном номере была телефонная книга, а в ней оказалась целая страница с разными Fradin обоюбого пола. «Что ж, – подумал я, – начало неплохое. Надо бы с кем-то из них познакомиться, может что-то узнаю». Но с кем? Тогда я решил выбрать своего полного тезку, которого звали Jacques Fradin, то есть по-русски Яша Фрейдин. Я ему позвонил из гостиницы, он сначала не понял, чего от него хотят, но когда я ему на своём корявом французском объяснил про пергамент, он заинтересовался и мы договорились встретиться в кафе. Жак оказался работником муниципалитета (что-то по водоснабжению) примерно моего возраста. Он сказал, что его родня живёт в этом городке уже много поколений, как это во Франции часто случается. Он, конечно, знает про своих дедушек и бабушек и даже их родителей, но если меня интересуют совсем уж давние времена, то самое разумное это пойти в городской музей. Туда я и направился следующим утром.

Музей был небольшой, совсем старинных экспонатов там было мало, поэтому когда директор музея мадам Ж. увидела у меня пергаментный листок, глаза у неё загорелись и она поинтересовалась, не хочу ли я его продать музею? Я сказал, что пришёл к ней по другому поводу – меня интересует судьба человека по имени Guillaume Fradin, который жил в городе в конце 15-го века. Она пожала плечами и сказала, что это лучше поискать по старым церковным книгам и процесс этот не только очень долгий, но и невероятно сложный. Но вдруг она неожиданно просияла и сказала:

– Фамилия Fradin в городе известная, и мне кажется, в нашем хранилище я видела книгу об этой семье. Мне нужно время, чтобы её найти, зайдите к вечеру, может, вам повезёт.

Когда я появился у неё в кабинете перед закрытием, она протянула мне книгу в пожелтевшем переплётe. На обложке было название: «*Фрейдины. Шесть столетий их истории, 1901 год издания*». На обложке изображён семейный герб – три грозди винограда под королевской короной. Я книгу полистал, там была масса имён, титулов и жизнеописаний начиная с 13-го века и до конца 19-го, и я понял, чтобы мне с этим разобраться

(книга ведь по-французски), не то что дня, но и месяца будет мало. Я спросил:

– Мадам Ж., могу ли я где-то купить экземпляр этой книги?

Она пожала плечами и ответила, что книге почти 90 лет и найти её можно разве что у букинистов, если сильно повезёт. Тогда я довольно нагло сказал:

– А давайте поменяемся. Я вам этот пергамент, а вы мне – книгу.

Она вздохнула и сказала, что рада бы, но на это у неё нет прав, книга в фонде музея. Но она предлагает другое решение: я передаю в дар музею мой пергамент, а она к утру переснимет мне эту книгу на микрофиш. Мне ведь не обязательно иметь оригинал – важен текст. Я согласился, отдал ей пергамент, а следующим утром, когда я опять пришёл в музей, она протянула мне конверт, где лежали прямоугольники негативов со снимками страниц всей этой книги.

Мы вернулись в Америку и в течение следующего года, когда у меня выделялась свободная минута, я брал словарь, заряжал микрофиш в специальный проектор и читал эту книгу. Из неё я узнал совершенно удивительные вещи, которые под стать перу великого Дюма, ну а мне по силам лишь их кратко пересказать.

* * *

Автором книги был Luis Fradin de Belabre, вице-консул Франции. Она начиналась с введения: *«История семейства Fradin de Belbre или Bellabre, чьё земное имя пишется таким образом, была изначально составлена для установления законных владений и записана в три приёма: 22 февраля 1698 года, 29 июля 1744 года и 24 мая 1773 года на основе ценных бумаг, восходящих к началу 14 века. Поскольку Fradins владели землями Fraisines, то можно предположить, что имя Fradin произошло от латинского Fraidinus, а оно, в свою очередь, от Fraxinus означającego ясень. А потому первоначально на старом гербе рода, обгорелые остатки которого ныне хранятся в музее Вены, были листья ясеня, впоследствии заменённые на стебли винограда. Право иметь корону на гербе было даровано роду Fradin королём Филиппом VI Валуа за помощь при возведении его на престол».*

Затем шли самые разные и малоинтересные мне документы: купчие, свидетельства о браках, рождений и смертей членов семейства, а также множество преданий и рассказов о их жизнях. Но вот на одной странице я нашёл то, что искал – упоминание о рождении 2 апреля 1472 года мальчика Гийома, а через несколько страниц приводилось романтическое предание о том, как в 1492 Гийом возвращался домой из Ла Рошели, куда ездил по поручению отца. На дороге он увидел необычно одетую группу странников, отбивающихся от грабителей. В те времена дорожный разбой был обычным делом. Гийом и его слуги обнажили шпаги, отогнали разбойников и предложили странникам проводить их до города. Путники говорили на незнакомом ему языке и были они, похоже, одна большая семья – мужчины, матери с младенцами, дети и старики. Один из стариков слабо, но мог говорить по-французски и сказал, что они все иудейской веры и направляются из испанских земель на север.

Всё же не зря французы говорят, что в каждом поступке следует *Cherchez la Femme*. Так и получилось. Среди семьи странников выделялась молодостью и красотой девушка лет 15, и молодой дворянин не мог отвести от неё глаз. Что произошло после можно только догадываться, ибо в книге об этом ничего не сказано. Но из пергамента, что мне дал старик Шая, мы уже знаем, что Гийом был человек смелых решений – он покинул родной дом и перешёл в иудейство, скорее всего чтобы на ней жениться.

После притчи о разбойниках и еврейской красоте в книге следовали другие истории, мне неинтересные, вплоть до следующей главы, многозначительно названной «Autre Branche» («Другая Ветвь»). Там скупо говорилось, что в городе Лион отпочковалась от рода Fradin иудейская ветка, где от Гийома и его еврейской жены пошло многочисленное потомство. Об их жизни в Лионе ничего не рассказывалось и за последующие годы никаких ни имён, ни документов в книге приведено не было. Но вот за 1573 год появилась новая запись о том, что, после Варфоломеевской ночи во Франции во всю мощь развернулась Инквизиция в борьбе против гугенотов, еретиков и иноверцев. Аутодафе дошло до Лиона и перед евреями поставили выбор: перейти в веру Римской церкви или

уйти из города. Так произошло ещё одно разветвление рода – часть еврейских Fradin крестилась и вернулась к вере предков из Сен-Жан-д'Анжели. Другая часть осталась верна иудейской религии, покинула Лион и двинулась на восток. Ничего далее об этой еврейской ветви в книге сказано не было, но зато о потомках тех, кто крестился – много интересного. Среди них появились купцы, ремесленники, богословы, священники, военные, был даже мэр Лиона, а в конце 18 века один из них стал французским кардиналом, принявшем имя Луи-Жозеф (тут я вспомнил тот звонок из Мадрида – круг замкнулся). Когда Наполеон стал императором, полковник Jean Fradin получил из его рук звание генерал-лейтенанта. Он участвовал во всех наполеоновских войнах и даже в русском походе, о котором он в 1826 году написал книгу «Русская кампания Наполеона Бонапарта». Вот и всё, что я узнал о далёких предках моего отца из той старой книги.

* * *

Где-то лет 12 назад, я получил email от некоего господина из Флориды по имени Walter Fradin. Он интересовался, не родственник ли он мне и спрашивал, не хочу ли я сделать DNA тест, чтоб определить есть ли между нами генетическая связь? Там же спрашивал, знаю ли я что о других моих родственниках. Когда я написал ему, что мои самые близкие родственники тоже живут во Флориде, в Джексонвиле, он обрадовался и заявил, что никакой тест делать не надо, так как он уже сделал такой тест с ними и было точно установлено, что они родня. Потом он позвонил мне и рассказал, что после того, как за 20 лет до того он вышел на пенсию – он решил заняться изучением своей родословной. Причём, занялся этим весьма серьёзно – вёл обширную переписку, ездил по разным странам, в поисках документов сидел в архивах Лиона и даже поехал на Украину в Чернигов, где смог найти какие-то документы в музее и архиве. Он выяснил, что когда в 16-м веке инквизиция вынудила еврейскую ветвь семьи покинуть Лион, они двинулись на восток и после долгих странствий осели в старинном городке Чернигове, который в те времена входил в состав Литовского Княжества. Там они и жили последующие 350 лет, пока в начале 20 века не стали разлетаться по миру. Видимо, из каких-то документов они знали, как в стародавние времена писалась

их фамилия латинскими буквами, ибо те из них, кто осел в Европе опять стали носить имя Fradin, а те, кто уехал в Америку, стали Fraden. Да и я сам, когда приехал в США в 1977 году, решил взять то же написание, что и у моей флоридской родни.

Вот такая история с историей.

Ольга Дунаевская
Россия, США

ЗА ЧТО ЛЮБЯТ МУЖЧИНЫ

Почему-то у меня такая планида: чем хуже выгляжу, тем больше мужчинам нравлюсь.

Помню, ехала как-то с работы – а работала под Москвой, вставать приходилось ни свет ни заря, под глазами мешки, цвет лица типа «грязный снег», потому что дело было зимой, а у меня было 36 часов в неделю занятий – меня как раз взяли на работу под только что прибывшую группу студентов из Вьетнама. Преподавать русский как иностранный.

Так вот еду домой, готовлюсь в метро к занятиям на завтра. Глаза слипаются, сонно встряхиваюсь – и опять в книжку. Тут голос справа: «Девушка, вас как звать?» Гордо молчу, дескать, я не из таких. Снова: «А едете куда?» Молчу. «Девушка, я недавно фильм шведский видел – вы очень на шведку похожи». Опять молчу. «Девушка, извините за любопытство, а какую книжку читаете?»

Тут я так же молча закрываю книгу и даю соседу прочитать название на обложке. На ней написано: «Четырнадцать уроков по развитию речи». Была такая популярная у преподавателей тонкая синяя книжечка для иностранцев. Очень дефицитная. Коллега на неделю одолжила.

Мужчина справа, онемев, поерзал на сиденье, потом, перед «Театральной» вдруг вскочил и, пятясь, стал двигаться к выходу, как будто кланяясь и приговаривая: «Ох, девушка, простите, пожалуйста! Простите!»

Тонкой души человек оказался. Решил, что это я говорить учусь. Причем не на иностранном, а на родном.

Или еще случай. Когда я была беременна старшим сыном, мы совсем на мели сидели в смысле финансов. А прямо перед его рождением вдруг все поперло – и из земли, и с неба. Родился он в августе, так на даче созрело столько яблок и слив, что мама, брат, жена брата не успевали перерабатывать. Я-то выбыла из игры. Под деревья ставили корыта, детские ванночки, расстилали клеенки и все было завалено, и такое было вкусное! Впервые на моей памяти столько уродилось.

Это перло из земли. С воздуха же стали падать деньги. Я тогда репетиторством подрабатывала, так ближе к родам ученики повалили – в количествах дотоле незнакомых. Сiju с утра до вечера на уроках, а живот к изумлению очередного абитуриента яростно колыхается вправо-влево, вверх-вниз. Сын еще в утробе был очень энергичным ребенком. Иногда от усталости я свирепела. До сих пор стыдно, как на милую девочку из Фряново я вопила: «Так кто ж там реально мертвые души – неужели неясно?!» Девочка испуганно молчала.

Еще вдруг посыпались деньги за публикацию сказки мужа. За одну и ту же грустную сказку о непослушном щенке с плохим характером, в котором я без труда узнавала себя, он получил несколько гонораров и в советских рублях, и в валютных чеках. Да еще Щен ухитрился войти в антологию мировой сказки где-то в Чехословакии. И я наконец сшила себе два красивых ситцевых платья, присборенных под грудью, чтобы огромному животу и сыну в нем вольнее дышалось. А до того, до самой середины лета, я всю беременность проходила в старых джинсах мужа, много раз подвернутых снизу, поскольку у нас с ним заметная разница в росте. Ширинка в них делалась все более растянутой по мере укрупнения моего живота, а сверху джинсы крепились на подтяжках. На это сооружение я надевала укороченное «под тунику» шерстяное темно-синее платье свекрови. Темно-синий и всегда-то был не моим цветом, а тут в соединении с синими подглазниками и общим потрепанным видом, украшением и вовсе не служил. Хотя я старалась жить по режиму и во всяком случае ежедневно выгуливалась – либо одна, либо с помощью кого-то из близких.

И вот как-то в конце весны иду себе в этом прикиде не торопясь вдоль Ленинградского проспекта, потею и привычно дышу выхлопными газами. Недалеко от дома вижу сзади тень –

движется на одном расстоянии, ни ближе, ни дальше, видимо, в качестве сопровождающей. Живот мой, однако, и сзади уже ни для кого не секрет. Наконец тень настигает мою и тихий вежливый голос без обиняков спрашивает: «Девушка, вы замужем?»

Изумленно поворачиваюсь. И на девушку не тяну, и скорее всего, замужем. Вроде, заметно. Рядом идет невысокий молодой человек, если не кавказской, то какой-то явно южной национальности. Говорит, однако, без акцента. Удивление заставляет вступить в беседу: «А не видно?» – «Вы не обижайтесь. Раз одна гуляете, беременная, может, и не замужем». – «Не угадали. Муж на работе» (что было чистой воды неправдой – муж еще учился). – «Ну, может, вам защита понадобится...» – «От таких, как вы?» – «Да не сердитесь. Просто жалко вас стало».

Хотя вообще муж часто со мной гулял, мне почему-то тоже стало себя жалко. Причем глобально. И что одеть нечего, и что с мужем ссоримся, и что мама в детстве на меня сердилась, и что сейчас волнуюсь, в порядке ли будет ребенок. Короче, я позорно шмыгнула носом и ускорила, в прямом смысле насколько положение позволяло.

Жалостливый юноша остался позади, а в душу закралась недобрая советская мысль: может, он бабу ищет с московской пропиской? Но вопрос этот навсегда остался без ответа. Догонять меня молодой человек не стал.

Однако рекорды собственной популярности я била с помощью ячменей. Бывали у меня в жизни сложные периоды, когда иммунная система сдавала и ее нервные позывные пузырились на красных истерзанных веках. «Ячменной» особенностью в моем исполнении было то, что они отказывались вскрываться и их приходилось удалять хирургически. Удовольствие ниже среднего. Под веко ставится распорка, и хирург кривыми ножничками под несильным местным наркозом выстригает затвердевший шарик. Однажды у меня количество этих холязиумов дошло до десяти одновременно.

Но жизнь компенсировала меня одним странным способом. Некоторые мужчины их не просто не замечали, а, возможно, в этих ячменях для них крылась какая-то магическая сила.

Короче, у кого во лбу звезда горит – у меня же на глазах горели красные фонари ячменей. И это было мое тайное и могучее оружие, которое я всеми силами старалась побороть.

В начале девяностых я привезла из-за открывшейся границы некую диковинную лихорадку. Температура поднималась аккуратно вечером пятницы – 39,5. В субботу я была «вне зоны действия», а к вечеру воскресенья полностью приходила в себя. В понедельник, уже огурцом, была готова к труду и обороне. Однако попутно пора было собирать и урожай моей злаковой культуры. Как-то я вернулась с очередного удаления затвердевшего зернышка с перебинтованной половиной головы и в изнеможении рухнула на диван. Ко мне подошла едва научившаяся говорить дочка, обняла и заплакала.

«Ты что, зайка?» – спрашиваю. «Папа сейчас придет и скажет: зачем мне такая резанная мама?» – не унимаясь, стенала надо мной мудрая не по годам дочь. С папой мы, и правда, частенько ссорились, только не по причине моих внешних несовершенств, а больше из-за творческих исканий самого папы. Да и делать это старались в удаленных местах, так что опасения дочери были основаны скорее на ее врожденном женском чутье.

На днях позвонили знакомые из Германии: статья мужа вышла в престижном журнале. В редакции дали несколько экземпляров, их передаст немец, остановившийся в соседнем с нами доме. Вот телефон, немец хорошо говорит по-английски. Звоню, договариваюсь. Оперированное веко еще опухшее и синеватое, а на другом глазу уже на подходе новое зерно. Но муж один идти не может – он по-английски говорит с трудом. Поэтому, буквально не взирая на лица, идем вместе.

Остановился немец в квартире на первом этаже. На звонок открывает высокий блондин лет сорока, а дальше ведет себя странно. Войти не приглашает, но улыбается по-доброму. В узкой захлавленной прихожей горит ярко-желтая лампа. Стоим. Потом он спохватывается, уходит в недра квартиры и возвращается с длинной коробкой, завернутой в серую бумагу и щедро заклеенной скотчем. Берем через порог. Благодарим, раскланиваемся, идем домой.

Коробка вызывает удивление. Кроме нестандартного для журнального номера размера, она еще и по-настоящему

тяжелая. Дома жадно, в четыре руки, ее обнажаем. Коробка голубая, как небо, и зеленая, как трава. Уже без особого изумления понимаем, что в ней скрывается ручная газонокосилка. Однако для точности все же трясем коробку: внутри что-то добродушно погромыхивает, но ничего похожего на спрятанные там номера журнала не прослушивается. Стандартное предположение мужа – это я все напугала: или пришли не туда, или немец не тот: мало ли их теперь живет по окрестным домам! Звонить в Мюнхен знакомым неудобно; мы чувствуем себя дураками, с чем и ложимся спать.

На следующий день знакомые звонят сами. Приносят кучу извинений – от себя и от немца. Он сказал, что пришла женщина такой нечеловеческой красоты, что он смешался и все перепутал. А наши журналы поступили как раз тем, кто надеялся на газонокосилку. Неся их домой, люди, наверное, думали, что это супер портативная косилка, для травы в ящиках на балконе.

Все разрешилось. Минуя немца - любителя ячменей, муж обменялся с истинными владельцами красивой коробки, обрета свои долгожданные журналы. А я подумала: может, у немцев любовь к ячменю стала просто генетикой? Хоть это и противоречит теории Менделя.

А вообще это я все к чему? Вот, говорят, мужики злые, эгоисты. А они ведь туда же: кого жалею – того люблю.

Павел Товбин

Сан-Франциско, США

СЛУЧАЙНОСТЬ И ВЕЧНОСТЬ

По слухам, каждый год ближе к Пасхе по Темзе, между Патни и Мортлейк, состязаются распашные восьмерки с рулевыми из Оксфорда и Кембриджа. С перерывами на две мировые войны экипажи соперничают с 1829 года.

Был апрель. Бес грустил. Давно уже поселился он на верхнем этаже в здании парламента. В его комнате было обычно тепло и

сумрачно. На стульях и портьерах год за годом накапливалась сухая пыль. Иногда по вечерам его посещали бесцеремонные мыши. Они приводили своих малышей поиграть в пыли и раздражали беса своей суетой. Люди в последний раз побеспокоили беса около четырехсот лет назад, когда передвигали стулья вокруг стола, и с той поры путь этот был, по-видимому, забыт. На некотором расстоянии от его комнаты на башне Елизаветы, как всегда, гудел колокол, установленный за старинными часами. Стрелки медленно двигались и бесу казалось, он чувствует, как время движется волнами вокруг него, принося долгие спокойные сны. Несколько раз ему уже снилось, что поток времени уносит его куда-то далеко от этой комнаты в старом здании над рекой. Но сейчас бес мучился бессоницей. У него распухли и болели веки, жжение в глазах вызывало обильные слезы.

Когда-то лекарство для век ему готовил лекарь, живший в дальнем квартале огромного города. Квартал отделялся от соседних улиц высокой стеной с металлическими воротами. Лекарь был еще молод, но в его бороде уже мелькали белые струи. Он был неразговорчив, часто улыбался своим непонятым мыслям. Бес помнил узловатые, как корни имбиря, пальцы, осторожно касавшиеся мазью его распухших век. Лекарь происходил из народа, которому Им было предназначено стать многочисленным, как песчинки на дне морском. Бес тогда не поверил, но Он лишь усмехнулся со словами: «Время нас рассудит».

Бес не мог привыкнуть к запаху этой мази. Она пахла тонко и неожиданно, как первые цветы после зимы. Боль в веках быстро стихала, и бес по возвращении вновь укладывался спать в дальней комнате на верхнем этаже. Как-то, когда бес отправился к лекарю, оказалось, что всех жителей квартала специальным эдиктом короля изгнали из города, а затем из страны. Бес тогда искал его, но лекарь и весь тот народ куда-то сгинул, чтобы много позже возродиться в жаркой земле меж трёх морей.

В периоды бессоницы бес раздражался по пустякам, ворочался, вздыхал. Тяжелые веки давили на глаза. Бес вытирал слезы и вспоминал старые обиды.

Сто шестьдесят и один раз подряд с двумя перерывами в ежегодных гонках сходились восьмерки гребцов из двух прославленных университетов, и девятым у них - вперёдсмотрящий рулевой.

На обоих берегах Темзы волнуются зрители. Некоторые даже оделись в этот день в традиционные цвета команд: светло- и темно-синий.

Носы лодок выравнивают по огромному камню, вкопанному для этого во дно реки. Вдруг сильный порыв ветра заставил дернуться чуть вперёд одну из лодок. Резкий окрик судьи – фальстарт. Лодки вновь выравнивают.

– Команды готовы?

– Ну скорее же, скорей, – шепчет кто-то из команды.

Старт – и экипажи бросаются в путь. Первый длинный гребок, затем черед коротких – лодки набирают скорость. Команда в светло-синем обычно уходит вперед со старта. Весла и мощные плечи гребцов несут лодки по весенней воде против течения реки в узкие проходы под мостами, мимо небольших островов. Забыты годы побед и поражений – существует только весло, что врежется в темную воду, и жесткий ритм гонки, задаваемый рулевым. Задувает встречный ветер, идет мелкая волна. Скорость возрастает. Борьба идет за то, кто первым придет на середину дистанции, где глубокая вода и быстрое течение, помогающее гребцам.

«Как они прекрасны в своем порыве, – думал бес. – И как наивны они в своих надеждах. Ведь все предрешено и вершится по Его воле, хотя им это знать не дано. Но почему Он так несправедлив? Отчего же в этой гонке всегда побеждают темно-синие?»

Напрасны были все усилия, надежды, тренировки на суше и на воде, когда мертвеют спина и руки и недостает воздуха. Не помогли даже новшества последних лет, когда для облегчения веса экипажей в рулевые стали приглашать и женщин.

Бес восхищался способностью людей верить в будущую победу несмотря на то, что год за годом складывались в столетия поражений. Сменялись поколения, молодые люди старели.

Они приходили к реке уже с детьми. Одевались в цвета любимых команд, становились по обе стороны зрителями очередной победы темно-синих.

«Удивительны они во всем – Его творенья, – повторял бес. – И в победах своих малых, и в пораженьях своих».

Вот лодки несутся мимо второго острова, проходят под мостом. Вода шуршит о борт. Синхронный грохот восьми весел сменяет короткая пауза, затем новый гребок приближает соперников к желанной середине дистанции. Вот уже немного впереди лодка гребцов в темно-синем.

Тридцать семь, тридцать восемь, сорок гребков в минуту горячат кровь. Вперед смотрит только девушка-рулевой, а она знает, что её команда уже вышла вперед.

– И-и раз, и-и два , – кричит она.

– Пятый, шестой, ровнее!

-Пошли под мост.

– И-и раз, и – , ... стой! – Неожиданно она приподнимается на корме. – Табань! -

Услышав эту неожиданную команду, гребцы сбиваются с ритма, оглядываются по сторонам, тормозят веслами. Лодка, летевшая со скоростью двадцати пяти километров в час, резко замедляет ход. Их соперники в некоторой растерянности тоже тормозят. Команды, забыв о необходимости соблюдать дистанцию, сцепляются веслами.

Меня учил плавать отец. Благодаря ему я вошел в воду Тихого океана в три года, и за двадцать последующих лет, что прошли до моего отъезда на учебу в Англию, понял, что смог бы и жить в воде.

Я встретил её на второй день после приезда, а ещё через день сделал ей предложение. С той поры я повторил его одиннадцать раз.

Я плыву поперек течения, река бережно несет меня. Я сжимаю в руке букет ранних роз, капли воды дрожат в середине бутонов. С берега мне кричат, я не слышу их слов. Сегодня никто не смеет помешать мне увидеть мою любимую. Вот уже я

вижу её экипаж, сейчас мы вновь встретимся. Я знаю, её сердце дрогнет, и она согласится быть моей навсегда.

«Хорошо, что у людей слова обычно расходятся с делом, не то не дожить бы бедняге до завтра с его букетом. Я такой ругани уже не слышал больше четырехсот лет – со времен того аутодафе, но там ведь бранилась чернь», – думает бес.

– Идиот проклятый! – закрывает лицо руками девушка-рулевой.

Пока из воды вылавливали букет и влюбленного, лодка светло-синих уплыла было вперед. Бес заволновался. Однако радость его оказалась преждевременной, т.к. судьи заставили экипажи продолжить гонку с того места, где она была прервана темпераментным пловцом.

– Как Он велик во всем, даже в мелочах. Никто не может противиться Его воле. Я тоже бессилен перед Ним. – Бес почувствовал, что задыхается в густой пыли своей комнаты.

Лодки соперников вновь взбираются вверх по Темзе. Прошли середину дистанции. Уже светло-синий экипаж отстает от соперников, сначала на четверть, на половину. Когда они проходят под третьим мостом, их разделяет уже целый корпус. Оба экипажа идут в финишном темпе, рулевые, забыв обо всем, кричат до хрипа. В этот момент весло гребца темно-синих переламывается в воде. Возможно, это результат недавнего происшествия, когда команды сцепились веслами.

Гонка продолжается, хотя исход её теперь предрешен, и лодка светло-синих выходит наконец вперед. Зрители кричат всё громче. Быть может, история поломанного весла и пловца с букетом, которая развернулась у них на глазах, станет теперь частью легенды этих состязаний на многие поколения?

Девушка-рулевой темно-синих подгоняет команду, голос ее срывается. Семь вёсел все быстрее врезаются в темную воду Темзы. Однако всё напрасно. Охрана, увидившая влюбленного, следит вместе с ним за гонкой с берега. Они видят, что лодка светло-синих приходит к финишу на пять корпусов ранее

соперников. Гребцы в изнеможении валятся на дно лодок. К одному из них уже спешат врачи.

Бес вздохнул с облегчением. Он решил, что может теперь забыть о той старой обиде, когда много лет назад он умолял Его сохранить жизнь безумцу, мечтавшему познать Божественное через силы Природы и Любовь. Но Он тогда не согласился, и жизнь философа оборвалась в Риме на площади Цветов. Ощущение покоя вернулось к бесу. Две мышки играли в пыли. Он стал засыпать в своей комнате, путь к которой был забыт людьми.

Команда катера охраны вручает рулевому ее букет с той слегка ироничной серьёзностью, что свойственна жителям этой страны. На нашего влюбленного наложен судебный запрет, и до конца его дней ему более не удастся ступить на землю Англии.

Лариса Берман

Стамфорд, Коннектикут, США

МАМЫ ВСЯКИЕ НУЖНЫ. ИЗ ЗАПИСОК ЛОГОПЕДА

Она подошла к двери, как-то странно передвигая ноги, ступая медленно и осторожно, точно заранее обдумывала каждый свой шаг. Прелестная белокурая головка, испуганные глаза в поллица. Какая-то удивительная усталость и печаль плавали в них, будто это были глаза не четырехлетнего ребенка, а женщины, много испытавшей на своем веку. Сняв пальто, я пошла мыть руки. Девочка следовала за мной тяжело и шумно дыша, словно выполняя непосильно тяжелую работу. «Полиомиелит», – подумала я и, уступая своему любопытству, опустила глаза стараясь незаметно рассмотреть ее ноги. Но то, что я увидела, меня просто рассмешило. Ее маленькие тоненькие ножки гуляли в огромных черных туфлях на высоком каблуке, и в этих лакированных лодках она аккуратно скользила по полу, боясь

упасть и потерять их. Перехватив мой взгляд, бабушка-профессор шёпотом объяснила:

– Боится, что мать уйдет. Вот и придумала надевать ее туфли, уж очень редко видит, тоскует ужасно.

Я вошла в детскую. На уголке дивана сидела девушка лет двадцати пяти. Вся её поза выражала явное недовольство и раздражение. Опережая мои вопросы, она стала торопливо рассказывать о своей дочери.

– Наташе четыре года, беременность и роды без осложнений. Первые месяцы жизни девочка развивалась нормально. А потом... у нас в семье начались неприятности: дело в том, что я встретила человека и полюбила его, поняла, что мой брак был ошибкой, начала разводиться. Муж долго не давал развода, в доме были постоянные скандалы, слёзы. Наверное, это сказалось на молоке, у Наташки нарушился сон, появилась плаксивость, она стала плохо брать грудь, в общем, переживала и боролась вместе со мной. С мужем мне все-таки удалось разойтись, но привести в дом любимого человека родители не разрешили, поэтому встречалась с ним украдкой, когда укладывала её спать.

Однажды я убежала на свидание. Наташка спокойно спала, да и родители должны были подойти с минуты на минуту. Но она, видимо, вскоре проснулась, вылезла из кровати, поползла в другую комнату. Там на столике лежали мамины таблетки, ну она их все и положила в рот. Когда родители пришли, Наташка уже умирала: пульс прощупывался еле-еле, дыхание угасало. Счастье, что моя мама врач, она не теряла ни минуты...

После госпиталя Наташка развивалась намного медленнее. Она стала какая-то вялая, грустная, просыпалась в слезах, ела плохо. Мы старались поставить её на ноги: пичкали витаминами, много гуляли, забрасывали игрушками. Понемногу Наташка начала приходить в себя, но речь практически не развивалась.

А через год у нас случилась новая беда. Я уложила её спать, ко мне пришел мой друг и мы довольно долго были в дальней комнате. Я была уверена, что она спит. А когда зашла в детскую проверить, ребёнка там не было. Я бросилась в комнату родителей, это было её любимое место. Она лежала на полу, не подавая никаких признаков жизни. Серое, застывшее лицо,

глаза сначала были открыты, но зрачки расширены и на свет не реагировали. Я звала её, кричала, тормошила, но она уже не слышала меня. Через несколько минут глаза закрылись. Парализованная страхом, я тупо смотрела на свою дочь, медленно уходящую на тот свет, и пустую упаковку из-под снотворного, валяющуюся на полу.

По дороге в госпиталь наступила клиническая смерть. Но доктор не сдавался, его седая голова склонялась все ниже и ниже, он делал глубокий вдох и вдвух в её ротик крохи жизни. Искусственное дыхание и массаж сердца врач проделывал точно волшебник, под его ловкими руками угасающее сердце едва начинало биться, затем останавливалось и снова оживало. В эти безумные минуты я молила Всевышнего помочь мне спасти дочь, умоляла простить все мои грехи. Тогда же я поклялась себе, что если свершится чудо и Наташка будет жива, я уйду от неё, уйду навсегда, чтобы она продолжала жить.

Критическое состояние длилось довольно долго, дни и ночи врачи отнимали Наташку у смерти и боролись за её жизнь.

Болезнь сильно изменила ребёнка. Заторможенная, апатичная, она часами бессмысленно смотрела в одну точку, погруженная в свой мир, своё одиночество; ничто её совершенно не интересовало. Но когда я подходила к ней, цеплялась двумя руками и не отпускала, оторвать её от себя было абсолютно невозможно. Я не могла выйти из дома, моя личная жизнь значительно осложнилась. Жить взаперти я больше не могла и, во избежание новых трагедий, решила уйти. С родителями был неприятный разговор, сказали, если уйду, лишат материнских прав, удочерят Наташу.

Так мы и расстались. Теперь родители – они. Они растят, балуют, воспитывают. Ну, а я как мать, наверное, не состоялась, то ли по молодости, то ли по глупости. Прихожу редко, но Наташка меня все равно не забывает: увидит – бежит радостно: Мама, мама! и уже не отходит. Раньше прятала мои туфли, а недавно придумала надевать их, чтобы я не ушла.

– А может, не уходить, остаться?

– Нет, не могу, хочу быть свободной. Да и ей так лучше.

Я продолжала обследование: первичный интеллект в норме, команды выполняет полностью. Речь практически нулевая. Ее словарный запас состоял из одного единственного слова

«мама», которое она постоянно повторяла без всякой надобности, с гордостью и удовольствием меняя интонации.

– Кто смотрел её?

– Все знаменитости. Говорили «случай тяжелый», «ребёнок без будущего», «речь развиваться не будет»

– А начинали с ней работать?

– Да пытались, но на контакт она не идет, сидит спокойно, вся в себе, ни на что не реагирует. Говорили, что работа бессмысленна.

Мы вышли из комнаты. «Родители» бросились ко мне, с тревогой заглядывая в глаза.

– Задержка общего и речевого развития. Речь развиваться будет, если немедленно начать лечение.

Бабушка-профессор заплакала.

– Милая вы моя, я знала, что вы поможете, я верила в вас, спасибо, огромное спасибо.

Дедушка-папа схватил Наташку на руки, сияя от счастья, словно она уже начала говорить и все неприятности остались далеко позади. А мать сидела, закинув ногу на ногу, сладко затягиваясь сигаретой, такая равнодушная и безучастная ко всему происходящему, точно это не имело к ней никакого отношения. Потом встала:

– Я пойду, наверное, не нужна больше. Я рассказала всё что могла. И торопливо направилась к двери.

Наташка тут же вскочила, одним движением сбросила туфли-великаны, затолкала их под кровать и помчалась к двери со скоростью звука. Она бежала, ловко огибая все препятствия на своём пути; летела, боясь опоздать и упустить мать. Достигнув цели, она отработанным движением легла на пол поперёк двери, загоразивая своим хрупким тельцем выход из квартиры.

Она не плакала, не билась в истерике, не хватала мать за подол платья, прося остаться. Она лежала на полу, на том самом резиновом коврике, о который пару часов назад мы вытирали ноги, и так умоляюще смотрела на мать, что сердце разрывалось на части. В глазёнках злость, упрямство и вместе с тем такое отчаяние и безысходность, такая мольба о помощи. О! Если бы она могла говорить в эту минуту! Наверное, все те слова, которые застыли у каждого из нас на языке, Наташка произнесла бы вслух. Но она молчала, а мать подошла к ней,

спокойно взяла на руки, отнесла в комнату и ... закрыла на ключ. Она ушла... Ничто не сумело удержать её, пробудить в ней чувство материнства, жалости, сострадания к своему собственному ребёнку.

Наташка разразилась дикой истерикой. Ее крик «мама» обжигал уши, оглашая все окрестные улицы.

– Она вернётся! – хором произнесли мы.

Но стрелки часов отстукивали минуты: пять, десять, пятнадцать... Мы ждали напрасно. Общими усилиями нам удалось напоить Наташку валерианкой и уложить спать. Она медленно погружалась в сон, еще долго всхлипывая и шевеля губами «ма , мама».

На следующий день мы начали терапию. Но найти с Наташкой контакт действительно было невозможно. Я так старалась растормошить ее, заинтересовать ее игрушками, книгами, но она не проявляла и малейшего внимания к моим стараниям. Каждый день, вооружившись терпением, я начинала всё сначала; пела, плясала, показывала кукольный театр . Но девочка по-прежнему ни на что не реагировала и полностью отказывалась от общения.

Бежали дни, недели, а я никак не могла подобрать ключ к этому ребёнку. Казалось, все мои профессиональные идеи были уже полностью исчерпаны. Часами я просиживала в тишине своего кабинета, бродила по улочкам вечернего города, ломая голову и пытаюсь найти решение, но моё воображение бездействовало. С каждым днём я изощрялась всё больше и больше, но она не удостоивала меня и крохой внимания. Только иногда её печальные глаза бросали на меня презрительный взгляд: мол, старайся, старайся, выкладывайся, всё равно не до тебя. Точно повинность, она отсиживала положенное время, погруженная в свои мысли, свою боль, далёкая от всего происходящего.

На каждое наше занятие Наташка непременно приносила какую-нибудь материнскую вещь: сумку, косынку или ночную рубашку. Входя, показывала мне и говорила с гордостью: «маама» и усаживалась за стол, крепко прижимая к груди свой бесценный предмет. Так и сидела с ним сорок пять минут, то понюхает, то поцелует, то прильнет своим бледным личиком. Сколько я ни пыталась включить её в игру, согреть теплом за

мать и вместо матери, у меня ничего не получалось. Казалось, пришёл и мой черёд расписаться в своём бессилии и сойти со сцены. Но уж очень не хотелось сдаваться. И я снова и снова искала пути и дороги к общению с Наташкой.

И вот тогда-то, наверное, от полного отчаяния пришла идея смастерить куклу-маму. Целую неделю мои друзья-кукольники, художники и портные, вооружившись фотографиями мамы, мастерили Куклу Маму: рисовали, шили, клеили, лепили. И кукла получилась на славу: большая, яркая, красивая, одетая и причёсанная, как мама. Она двигала руками, улыбалась, качала головой. Теперь оставалось главное, – чтобы Наташа увидела её, признала и полюбила. Я очень боялась первой встречи, ведь это был мой последний и единственный шанс.

В это утро девочку, как всегда, привезли в мой офис. Она нехотя разделась, вяло поплелась в комнату, подошла к столу и... застыла на месте. Ротик удивленно открылся, глазёнки заблестели, она смотрела на куклу не отрываясь, пытаясь понять, кто это.

– Это кукла, она будет здесь жить и заниматься с нами. Давай придумаем ей имя. Может быть, Маша?

Наташка недовольно замотала головой и нахмурила брови.

– Аня!.. Катя!.. Люба!.. – перечисляла я с волнением.

К счастью, эти имена были Наташке не по душе, пока все шло по плану, мы приближались к нужному имени.

– Помогите мне, подумайте, как мы назовем куклу?

Наташка вся напряглась, я видела как засуетился её ротик, зашевелился язычок, неумело цепляясь за зубы и пытаясь найти нужное положение, чтобы произнести слово. Ей так хотелось поскорее назвать имя матери, но она только нетерпеливо дергала меня за руку, утверждая свою беспомощность. А я всё называла и называла другие имена, и, когда эмоциональный накал достиг пика, выкрикнула:

-Лена!

Леенаа! – повторила за мной Наташка, медленно растягивая слово. Потом плотно сжала губки, готовая заплакать, но улыбнулась, сначала чуть-чуть, еле-еле, благодарно обняла меня и расхохоталась. Это был день, когда я впервые увидела улыбку на её лице, впервые услышала её смех.

Так появилась на свет кукла-мама. Она ежедневно встречала Наташку у рабочего стола, а по окончании занятий провожала до двери. Теперь девочка торопливо поднималась по лестнице, небрежно сбрасывала пальто и бежала в комнату к «маме». Она обнимала её, трогательно прижимаясь щекой, гладила и обязательно опускала в мамин карман какой-нибудь подарок: конфетку, игрушку или рисунок. Воспитательница детского сада рассказывала, что все «сладости» Наташка прятала для «мамы». Игрушечная мама присутствовала на всех наших занятиях, с ней мы делали речевую зарядку и «ходили в магазин», говорили первые слова и пели песенки, строили домики и лепили зверюшек. Наташка так старалась, чтобы «мама» порадовалась её успехам, похвалила, что опережала все мои планы и прогнозы. А наша «мама» всегда была внимательная и ласковая и щедро награждала ребенка лестными эпитетами.

Увлеченная игрой, Наташка не видела и не слышала меня, меня просто не существовало на наших занятиях. Мой голос был голосом мамы, а я каким-то незримым звеном между ними. Игра обретала для нее всё более буквальный смысл, позволяя выразить себя, реализовать свою любовь к матери, пережить острую разлуку с ней. День ото дня девочка радовала меня все больше и больше: становилась мягче, добрее, подружилась с детьми в детском саду. Все чаще в её руках стали появляться игрушки, все чаще был слышен её звонкий смех. Она научилась оформлять свои мысли в нужные слова и предложения, начала пользоваться разговорной речью. Так постепенно оттаивая и согреваясь, Наташка возвращалась в своё запоздалое детство.

А ещё через год наша терапия подошла к концу. Обычно я завершала её путешествием в Волшебную Страну, или город Красивой Речи. Однажды, придя на занятие, Наташка нашла на столе яркий красочный конверт. Торопливо распечатав его, она вытащила пригласительную открытку с маленьким блестящим ключиком на красной ленте. Ключик привел её в полный восторг, но, поиграв с ним несколько минут, она тут же подарила его «маме». Ради мамы она была готова расстаться с любой, самой дорогой и любимой игрушкой.

Я прочитала ей приглашение, рассказала что мы поедem в сказочный город, откроем ворота волшебным ключиком,

пройдем по красивым улицам, где надо говорить хорошо и красиво. Найдем улицу Громкая, там мы будем говорить громко, чтобы нас слышали все жители города, потом отдохнем на озере Спокойствие и отправимся в парк Тихий, где можно говорить только очень-очень тихо.

Наташка внимательно слушала меня, в любопытных глазёнках плясали счастливые огоньки, точно она уже шагала по улицам этого прекрасного города, спускалась к озёрам и поднималась в горы. Теперь надо было решить, что взять с собой в дорогу. Наташка быстро перечислила всё, что ей нужно из одежды, продуктов, и мы стали обсуждать, с кем отправимся в путешествие. Конечно, на первом плане была мама.

– Подумай, быть может ты ещё кого-нибудь хочешь взять с собой? Бабушку, например?

– Нет, не хочу. Она ничего не умеет, только лечить. Зачем она?

Бабушка – это были будни, связанные с ненавистой кашей, купанием. А Наташка отправлялась в праздник, где не было места прозе.

– Кого же ты возьмёшь с собой? Давай пригласим твоих друзей из детского сада.

– Ой, нет. Они скушают весь мамин шоколад и выпьют всю вкусную водичку.

– Значит, ты поедешь одна?

Наташка капризно надула губки:

– Я не могу одна, чемодан ведь тяжелый.

– Что же нам делать?

Она подумала секунду и неожиданно быстро нашла выход

Тебя возьму, ты чемодан понесешь, и ты дорогу знаешь, а то я могу заблудиться.

Казалось, мы всё обдумали и обсудили, но Наташка вдруг погрустнела:

– А нам далеко идти?

– Да, дорога трудная и далёкая.

Она задумалась и грустно сказала:

– Тогда не пойдём, мама устанет, у неё каблук высокие.

– Мы можем поехать транспортом, автобусом, например.

– Нет, мама не любит автобус, её укачивает.

Но тут же быстро сообразила:

– Давай дедушку возьмем, он нас на машине повезет, маме удобно будет.

Так, во что бы она ни играла, чем бы ни занималась, о чём бы ни говорила, все её мысли были устремлены к маме. Наташка дарила маме столько любви и тепла и столько ласки и внимания, что её маленькое сердечко просто восхищало меня.

А наша «мама» тоже очень любила Наташку, жаль только, что это была всего лишь Мама-Кукла.

Майя Гельфанд

Ришон-ле-Цион, Израиль

ДОРОГИЕ ЛЮБОЧКА И ТОНЕЧКА
Из авторской рубрики «Заметки на полях»

Дорогие Любочка и Тонечка!

Извините, что давно вам не писал. Был страшно занят. Дел в последнее время невпроворот. Операции, прием пациентов, потом совещание у начальства, срочные вызовы. В общем, кручусь, знаете ли.

Как вы там, мои дорогие? Помните ли еще своего старого доктора? Да, многое мы прошли вместе. Помните Розу, она служила в отделе кадров. Ту, с поперечным положением? Так вот мальчишка, которого мы с таким трудом спасали, теперь вымахал, в армии служит. Хороший парень.

А я все тружусь. С утра – в больницу на плановые операции, потом на летучку к начальству, затем прием пациентов, частные консультации. Устаю, конечно. Но и зарабатываю соответственно.

Дорогие Любочка и Тонечка! Как мне вас не хватает, мои дорогие. Я часто о вас вспоминаю. Да, времена были. Помните Людмилу Ивановну с кровотечением? Я о ней нередко думаю. Сложный был случай. Помню, роды были затяжными. Мучилась она страшно, а ребенок все не выходил. Ты, Тонечка, тогда прибежала ко мне вся в слезах. Михал, говоришь, Абрамыч. Что делать? Роды идут не по плану, большая кровопотеря, теряем пациентку. Ну я побежал, конечно, хотя очень занят был. Прихожу, вижу: плохо дело. Никакой родовой

деятельности, сердцебиение плода не прослушивается. Любочка щипцы тащит, Тонечка адреналин готовит. В общем, вышел плод. А там и не плод уже – а труп, весь синий – тугое обвитие пуповины.

Я в крик: «Коли!». Ты, Тонечка, колешь. А я надрываюсь: «Отсос!» Ты отсасываешь слизь, и младенец вдруг оживает. Да как заорет! Золотые у тебя ручки, Тонечка!

А я вот всю кручусь. Ни минуты свободной. Утром – совещание у начальства, потом плановые операции, потом в реанимации.

А помните ту, рыжую, с многоводием? А татарочку маленькую с двойней недоношенной? А жену председателя военкома с кесаревым ургентным ... Эх, многое было.

Дорогие мои Любочка и Тонечка! Я бы рад писать почаще, да все дела, заботы. Утром прием пациентов, потом частные консультации, потом совещание у начальства, как водится, врачебная конференция, консилиум...»

– Михалыч, слышь. Хватит х-ней страдать. Там в первое отделение срочно вызывают. Блевотину собирать.

Михаил Абрамович отрывается от письма. Рядом с ним стоит санитар – худосочный, жилистый. Он глядит на старика презрительно – конечно, ведь он на целую ступень выше в больничной иерархии.

Старик смотрит на свои руки. Предательские руки. Что с ними стало? Когда-то тонкие и ловкие, они превратились к грубые закорючки. В зеркало он давно перестал глядеть – какое удовольствие видеть в нем затравленный взгляд исподлобья, седые, криво подстриженные, волосы, глубокие страдальческие морщины.

Он берет швабру, пристраивает ее на своей тележке. Все-таки хорошее изобретение: вот тебе и ведро с водой, и метёлка, и тряпки, и жидкое мыло. Все под рукой – удобно.

Он катит тележку по длинным коридорам больницы. Вокруг снуют молоденькие сестрички, куда-то торопятся вечно занятые врачи. Слышатся вопли пациентов, переговоры посетителей.

Дорогие Любочка и Тонечка! Дел невпроворот. Утром частные консультации, после – прием пациентов, операции. Да, еще лекции забыл. У меня ж еще полставки в университете...

Илья Криштул
Москва, Россия

АНТИКРИЗИСНОЕ
Из странички юмора Ильи Криштула

Наступили тяжёлые времена. Народ лишается работы. Причём на улице оказываются не дворники – они и так сутками на улице, не депутаты и не водители депутатов. Увольнения коснулись прежде всего самого многочисленного отряда наёмных работников – менеджеров среднего звена. Эти образованные, умные, красивые и гордые люди находятся сейчас в ужасном положении. Из краеугольного камня мирового бизнеса они превратились в пыль. Их жизнь потеряла смысл. Их не ждут ровно в десять в офисе. Им не надо до шести вечера сидеть за компьютером с пятью перерывами на чай-кофе, обсуждая ужасные пробки. Не надо по пятницам пить виски, а по субботам пиво. У них больше не будет весёлых и хмельных корпоративов перед праздниками. Остался в прошлом отдых в Турции. Исчез халявный Интернет вместе с «Одноклассниками.ру». Закончились офисные дни рождения с тортами, цветами и шампанским. Нет больше ежедневного обзвона клиентов, на чём, кстати, и держалась вся российская экономика. По ночам на бывших менеджеров среднего звена накатывает ностальгия по деловым, но сытным встречам за счёт фирмы в недорогих итальянских ресторанчиках. Их домашний холодильник пуст, а автомобиль стоит без бензина. Жена, видя вместо денег мужа, сходит с ума и скандалит. Организм ровно в четырнадцать ноль-ноль по будням требует обеда и не получает. Ребёнок хнычет без подарков и детских праздников. Статус упал на землю и разбился. Тёща гадает не на кофейной гуще, а на жиже цикория. Соседи-маргиналы не просят в долг. Вместо «Парламента» приходится покупать «Яву золотую», а вместо бочкового «Гиннеса» пить пластмассовое «Очаковское». «Как жить дальше и стоит ли вообще жить?» – спрашивают себя бывшие менеджеры среднего звена. И сами себе отвечают: «Нет! Дальнейшая жизнь будет неэффективна. Да и есть ли она, жизнь вне офиса? Как она проходит у остальных людей, у всех этих «менеджеров»? Жизнь без охраны на первом этаже...

Жизнь без костюма и галстука... Без кожаного портфеля и без секретарши начальника Людочки, без корпоративных сувениров и оплаченного мобильного, без офисного романа и быстрого секса в пустом кабинете директора... Сколько стоит поездка в метро, наконец?!»

«Одна поездка на метро стоит сорок рублей, но есть тарифы и подешевле, – отвечают работники биржи труда. – А жизнь вне офиса существует! Выдавальщицы медицинских карт в районных поликлиниках и гардеробщицы там же, продавцы магазинов шаговой доступности и комплектовщицы наборов детских игрушек, дежурные по эскалатору и кассиры пригородных касс – все они живут увлекательной и насыщенной жизнью!» И, кстати, не только они! «Кризис не страшен. Его надо просто преодолеть», – сказал автору этих строк отдиральщик незаконно наклеенных объявлений. «И преодолеть прежде всего в себе», – добавила его жена, расклейщица этих объявлений. Им, молодым, уверенным в себе и в своём будущем людям не грозят никакие экономические потрясения, а слово «дефолт» заставляет краснеть, хихикать и уединяться. Им некогда читать экономические сводки, они работают, делают карьеру, а по вечерам пьют за гаражами пиво, с улыбкой глядя на слабеющий рубль.

Вот с них надо брать пример, ныне безработный, а в недавнем прошлом менеджер среднего звена! А не с Абрамовича, который ежедневно теряет по миллиону долларов! Рабочий по обслуживанию линейных сооружений не теряет ничего, только если по пьянке забудет, где находятся эти его линейные сооружения и как они выглядят. И запомни – бывших менеджеров не бывает! Бывшими бывают только жёны, мужья и президенты. К тому же недавно, по настоянию психологов и с целью уменьшения случаев суицида из-за социального неравенства, в названиях всех профессий, зарегистрированных в Российской Федерации, появилось это волшебное слово! Так что гони прочь депрессивные мысли! Никаких намыленных верёвок, уходов в монастырь и в алкогольное забытьё! Подними голову, открой глаза – новый, совершенно незнакомый мир лежит у твоих ног! И этому миру нужны твои мозги и твои руки! Ты работал менеджером по продажам в крупной торговой сети? Такая же должность менеджера, но по розничной продаже

проездных документов для проезда на наземном транспорте ждёт тебя! Или ты был заместителем начальника отдела продаж автомобильного салона? Тебе тоже будет интересна эта профессия! Потерю в зарплате компенсирует уютный, отдельно стоящий и хорошо отапливаемый офис на одного человека, расположенный у троллейбусной остановки. А если ты работал начальником отдела ипотечного кредитования в банке, то ты быстро освоишь все премудрости этой работы и уже через полгода сможешь стать СТАРШИМ менеджером-экспедитором по ОПТОВЫМ продажам льготных проездных документов! Мобильный, кстати, тоже оплачивается. Сложнее придётся бывшим заместителям руководителей проектов управления развитием систем процессинговых центров. В трамвайном депо № 5, например, долго смеялись, узнав о такой должности, но, отсмеявшись, предложили вакансию менеджера-кондуктора с перспективой через год стать менеджером всего вагона. Раньше это называлось «вагоновожатый». Истеблишмент, кстати, всего трамвайного бизнеса.

А через год-полтора кризис закончится и всё вернётся на круги своя. Опустевшие офисы вновь наполнятся звонкими голосами менеджеров среднего звена, которые привычно начнут обзванивать клиентов. А их клиенты начнут обзванивать своих, те свои – других своих, а другие свои обзвонят первых. Круг замкнётся, экономика России поднимется с колен и семимильными шагами двинется вперёд, к новым свершениям. И, кстати, к новому кризису. Больше пяти лет только на обзвоне клиентов никакая, даже супергазонефтеалюминеникелевая экономика не выдерживает. Так что не стоит зарекаться от суммы, уже достигнув вершин бизнеса и работая старшим менеджером по оптовым закупкам детского питания в сети супермаркетов. «И это пройдёт», – как сказал один из первых в мире топ-менеджеров. Поэтому остановись как-нибудь, проезжая мимо будки по продаже троллейбусных билетиков. Выйди из своей иномарки и поклонись в пояс этой будочке. Помашаи рукой менеджеру трамвая. И дай пятьдесят рублей стоящему рядом менеджеру по сбору средств на восстановление храма. Пусть похмелится. И воздастся потом тебе сторицей...

НАШИ ДЕБЮТЫ

Алина Загорская

Иерусалим, Израиль

МЫСЛИ: ЦАРЬ СОЛОМОН И ДРУГИЕ ИЗРАИЛЬТЯНЕ

В первой газетной статье, которую я прочла на иврите, приводились данные статистики. Оказалось, что 85,6% израильтян хотят поменять место жительства, 67,8% – работу, 74,5% – спутника жизни, но при этом 99,7% абсолютно и бесповоротно счастливы. Помню, что эти цифры показались мне тогда странными. С тех пор прошло двадцать лет, но понятней они не стали.

А жизнь в Израиле, справа-налевой стране, где замечательно быстро сохнет белье, где в общественных туалетах уютно и вкусно пахнет ванилью, где нет отчеств, все на «ты», а мужчины напрямую выкладывают свои намерения, какими бы те ни были, и даже придумали для этого специальное слово «дугри», которое считают комплиментом, где на фоне ежедневных терактов царят разгул человеколюбия и шабаш демократии, где прогноз погоды почти всегда «очень жарко», где солдатский рюкзак называют «чимидан», а пирожные безе – «поцелуи», где евреи впервые оказались большинством и тут же разделились на ашкеназов и сефардов, русских и марокканских, левых и правых, плохих и очень плохих ... Словом, жизнь в нашем крошечном, безумном и прекрасном одновременно государстве продолжается – что само по себе чудо.

Эта миниатюрная женщина, которую смело можно назвать бабкой, пережидала машины у торгового центра Дизенгофф, и я не могла отвести от нее глаз. Полуголая майка, плечи в старческих веснушках, тонкая, как веревочка, коса на почти лысой голове... Одна вьетнамка розовая, другая желтая и много-много фенечек по всему телу.

«Бесславный конец Вудстока» – таков был мой приговор.

И тут старушка взглянула на меня, бесцеремонно ее рассматривавшую, и улыбнулась – светло и бесхитростно, открыто, как улыбаются дети.... цветов.

"Ничто на земле не проходит бесследно, и юность ушедшая все же бессмертна", – подумала я и вспомнила, что это сочинили Пахмутова и Добронравов. Какой удар со стороны классиков!

Бородатый, пожилой, в сандалиях на босу ногу, хотя на дворе февраль. Заходит в лифт и спрашивает: «Едем вниз?»

– Да, – отвечаем хором.

– Что, прямо на самый-самый низ?

Пауза.

– Ну, мы надеемся, что не настолько все плохо, – находится один из «старожилов». И награждается за это хриплым смешком.

Доезжаем до лобби, босоногий выходит первым, поблагодарив остающихся за компанию: «Большое спасибо, друзья, что были со мной!» говорит он сильным, хорошо поставленным актерским голосом. Походка гордая, стремительная, седые волосы летят за ним вслед, не поспевая.

Старый человек, любой контакт с социумом – событие. Наше светлое будущее.

Вся дверь обклеена стикерами от Йоси, который «меняет замки быстрее всех в стране». И отлично работавший еще с утра замок отказался открываться почему-то. Позвонила в «скорую для ключей» – 400 шекелей как с куста. Но Йоси тоже позвонила и сказала, что его фокусы понятны, и в этом доме на клиенто пусть не рассчитывает – *"рамай, пошеа, бен зона"* (жулик, преступник, сын шлюхи).

Улица Ротшильд полным-полна всяких едальных заведений, но лишь одно из них, на углу Нахлат Биньямин, всегда забито под завязку. Столики там стоят на фоне ободранной, жутковатой стены, никаких кулинарных изысков нет, и успех кафешки рациональному объяснению не поддается. У меня,

впрочем, есть нерациональное: Тель-Авив не выносит гламура, как обольстительная цыганка, не нуждающаяся в маникюре и дезодорантах.

"Поздравляю – ты начала знакомиться в общественном транспорте!" – одна из моих любимых фраз в «Москва, слезам не верит». Но я никогда эту возможность не отвергала – как, впрочем, и все другие. Нового знакомого звали Пини, и был он занудой. Человеку, спешащему на работу, приятно узнать, что его визави едет из яхт-клуба в ресторан, где развлекаются друзья. Пини посетовал на несерьезность девушек, сообщил, что хочет построить *«маарехет яхасим романти»* (система романтических отношений – буквальный перевод), для чего ходит куда-то там, где танцуют «вальсим ве пасадоблим», а также утверждал, что половина населения Тель-Авива такие же беззаботные *«раваким»* (холостяки), как и он.

Когда я выходила из автобуса, водитель наклонился ко мне с таинственным видом и прошептал: «Прими во внимание, у этого типа четыре квартиры». Наша крошечная страна! "И что теперь делать – замуж за него выходить? « – спросила я. «Не знаю, не знаю, тебе жить», – с деланным равнодушием ответил он, а потом широко улыбнулся и уже совершенно искренне пообещал: *«Ба соф ихье беседер, аль тедаги»* (В конце концов, все будет хорошо, не волнуйся).

В молитве «Шмона эсре», которую читают в Судный день, перечисляются все грехи, какие мы совершили за год. Грехов много, и они очень страшные. Вот где коллективная ответственность – я ведь и в половине из них не замечена. А потом следует такой изящный поворот, который в других странах, без сомнений, назвали бы еврейской хитростью: «Мы грешные существа из плоти и крови, какими Ты нас создал. Но Ты поступи с нами, как положено существу высшему и милосердному – Ты ведь такой". Нет, недаром среди евреев так много юристов.

Возле Стены Плача суровая толстая тетка стоит лицом к стене и что-то настойчиво втолковывает Тому, Кого Нет. Или

распекает – как делала много лет тому назад в райкоме города Урюпинска. Закончив, вдумчиво крестится и удовлетворенная отходит. Другая тетка, маленькая и юркая, как белочка, заняла сидячее место у самого Котеля. Она шелкает семечки и стреляет любопытными глазками во все стороны – наблюдает. «Мадам, это нехорошо, – говорю я, – тут не принято есть». Она по-птичьи наклоняет голову вбок и с интересом слушает меня. Понимает или нет – бес ее знает. А я хотела попросить у Небес любви и счастья, но вместо этого попросила удачи Машке и мира Израилю. Кто-то, похоже, влез в мою голову и отформатировал мысли в нужную сторону.

Этот мужик, что продает фрукты на шуке Кармель – как войдешь с Алленби, иди прямо, держась правой стороны, метров 100 примерно – суров не по-здешнему. Если он говорит восемь двадцать, то за восемь десять не отдаст, но и сдача будет агора в агору. Лицо непроницаемое, высокомерен и недобр. Старая дама спрашивает его: как сегодня мандарины? Отвечает кратко: *дваиш* (мед).

Люди попроще с таким выражением лица говорят разве что «пли!»

Шла с урока каббалы и видела на углу Дизенгоф и Фришман юного уличного музыканта – скорее всего русского. Он играл на скрипке как сам Господь Бог и выглядел примерно также. В эту минуту я безумно пожалела, что я не пожилая израильтянка с виллой в Кейсариин. Я бы пригласила его к себе и выделила ему парадный зал с роялем. Мы бы завтракали на просторной веранде с видом на море, а вечером ко мне в гости приходили бы лучшие люди страны и слушали его игру. И, может быть, этот мальчик стал бы моей последней любовью. Но я всего лишь безработная репатриантка из Украины, чье будущее хорошо просматривается в диапазоне между хостелем и хосписом. Я сказала юноше, что он чудо, положила два шекеля в раскрытый футляр и пошла дальше вдоль Дизенгоф. Черт бы ее побрал, такую жизнь!

«И это пройдет» – было по слухам написано на кольце царя Соломона. Очень счастливого царя, которому все удавалось. Я не могла понять – зачем ему это грустное напоминание? А потом прикинула на себя его ситуацию. Он строил Храм. Наверняка подрядчики воровали – как это происходит и сейчас. Денег и стройматериалов не хватало – казна не резиновая. Триста жен не прощали ему семисот любовниц. Хотелось любви и понимания, а вокруг были склоки и свары. Годы уходили, а с ними и силы. И он совсем не думал, что где-то там, в глубине веков мыкается его потомок Алина Загорская, у которой нелады с дочерью и огромный минус в банке. А даже если б и подумал – чем бы это ему помогло?

Еду в маршрутке, вся в грустных мыслях: на дворе война, а противогазы не выдают – требуют отдать старые... Которые Бог знает на какой квартире остались. Теперь оштрафуют на огромные деньги.

Смотрю в пол, вижу красивые босоножки – неплохо бы себе такие...

Чем платить за отпуск и с кем туда ехать – еще одна проблема, если доживу, конечно. А босоножки очень милые...

Дочь Маша – все та же, чуть что не по ней, орет как в добрые старые времена. Но сандалики очень даже ничего...

И тут обладательница босоножек обращается ко мне: «Я вижу, тебе моя обувь понравилась – такую продают в «Нимроде», первый этаж Дизенгофф-центра».

Я люблю эту страну и ее обитателей!

Макс Неволошин
Сидней, Австралия

ШЛА ШАША ПО СОШЕ

Шоссе Юрга-Кемерово похоже на фантастический коридор. Особенно в шесть утра, перед рассветом. Тёмные стены

деревьев, упёртые в потолок. Что-то хвойное, на лапах ошмётки снега. Лапы тянутся ко мне, коридор сужается до еле заметной лазейки. Там аэропорт и рейс на Москву в 8.40. Но мне туда не попасть.

Самое время проснуться.

Иногда в ночных кошмарах я оказываюсь там, где быть мне вовсе не следует. Например, посещаю географическую родину, естественно, без документов. Сюжет знакомый – появляется милиция. Я убегаю, они догоняют, сейчас начнут бить. Вдруг – спасительная мысль: какого чёрта я здесь делаю? Зачем припёрся сюда? У меня квартира в Сиднее, жена, работа, долги, наконец. Отвечай, ну?! Бессознательное мечется в поисках ответа. И, обессилив, даёт проснуться.

А может, это был не лес, а поле? Русское поле. Заснеженная пустыня, унылая, как растительность на горизонте. Холодное утреннее небо, шоссе из большой головы Стивена Кинга. Развилка. Налево – аэропорт. Направо – пёс знает что. Прямо – тем более.

Точно – поле, вернее степь. Или тундра. А лес – это на Урале. Память у меня не то, что раньше. Раньше – ей-богу, не вру – страницу английского текста запоминал с одного прочтения. Двадцать бессмысленных слов мог воспроизвести в любом порядке. Экзаменаторы в институте военных переводчиков сказали «unbelievable». Всё равно прокатили – не по сенькью шапка. Большинство абитуриентов – генеральские детишки, но пацаны хорошие. Я с одним в болоте тонул. Дёрнули на танцы в самоволку. Местные нас вычислили и пытались набить лица, рефлекс у них такой. Мы – бежать, они – за нами. Загнали в болото. Выбирались, как Мюнхгаузен и его лошадь. Ладно, отдельная история, расскажу в следующий раз.

Конечно, я знал, почему оказался на шоссе: из-за денег. Вся жизнь – погоня за длинным баблом. У меня была редкая тема по дошкольной психологии. Плюс всякие штуки, освоенные в мюнхенском детском центре. Какая тема – не важно. Важно, что за неё в середине девяностых платили зеленью. А складно выступить по ней в России умели четверо. И трое из них выезд за МКАД полагали ниже своего достоинства.

Командировками ведали начальник Гоша и его зам Дима. В какой-то момент Диме померещилось, что это он начальник, а Гоша – зам. Что должно финансово отразиться. Гоша был мягким человеком, пока дело не касалось финансового отражения. Он разъяснил Диме всю глубину его ошибки. Затем партнёры обменялись эпитетами, после которых совместная работа невозможна. Затем месяц делили оргтехнику. Подумав, я решил остаться с Гошей. За это Дима получил от бывшего компаньона новый факс. Я и не подозревал, что стою так дорого.

Как-то Гоша звонит в середине мая:

– Хочешь заработать штуку баксов?

– Неа.

– Ты что, выпил?

– Шучу. Куда ехать?

– Лететь. В Юргу, послезавтра. С билетами проблем нет, я звонил.

– Это где? За полярным кругом?

– Где-то возле Кемерово. Тебе какая разница? Тридцать пять часов, штука налом, машина, гостиница, все дела. Заказчица – кучерявая...

– Хоть лысая.

– Это фамилия, балда. Записываешь? Кучерявая Елена Юрьевна. Владелица частного садика, отец – какая-то шишка в мэрии. Аккуратнее с ней.

– В смысле?

– В смысле без глупостей. И... образ жизни там веди поздоровее.

– Слушаюсь, ваше благородие.

Звоню. Уверенный женский голос всё подтверждает. Дневной рейс, четыре часа лёту, полтора на машине. К вечеру доберётесь, устройтесь. Утром начинаем занятия.

– Как у вас там погода?

– Плюс восемнадцать, не замёрзнете.

В Москве жара. Решил лететь в костюме. Прибыл в аэропорт, и началось. На два часа задерживается с вылетом рейс Москва-Кемерово. Борт не вылетел из Кемерово по техническим причинам. На три часа задерживается рейс Москва-Кемерово... На неопределённое время задерживается рейс... О вылете будет

объявлено... Пришлось навестить бар. Потом ещё раз. Потом думаю: зачем вообще уходить отсюда? Бармен обещал разбудить, кресла мягкие. Перемены кресел я даже не заметил. Просыпаюсь уже в самолёте... трянуло. Вроде бы сели. Но в иллюминаторе что-то не так. Снег на полосе.

Снег.

– Ни хрена себе! – высказался кто-то в салоне.

– Обалдеть...

– Нас куда привезли?

Но уже подъехал трап, открылась дверца. Протянуло зимой. Ёжась, почти бегом мы устремились к аэровокзалу. В чёрном небе горели буквы КЕМЕРОВО. Интересно, думаю, будут ли меня встречать? Если нет, улетаю отсюда первым же...

Над головами встречающих заметил свою фамилию. Ниже – приятная особа в дублёнке. Без шапки и малейшего признака кучерявости. Более того – рыжая. Я хотел сострить, но передумал. Представились, сели в белую Волгу, шофёр включил зажигание.

– Вы уж извините, – говорит Елена Юрьевна, – у нас так бывает. За ночь похолодало градусов на двадцать. Я вам курточку захватила. И кофе есть горячий, будете?

– Спасибо, потом. Ничего, если я посплю?

– Да ради Бога, я и сама вздремну. Устала как собака. С вечера вас ждём.

– Максим, просыпайтесь. Подъезжаем.

Я поднял веки и увидел Юргу. И в который раз удивился одинаковости своей необъятной родины. Часами летишь, а всё то же самое. Пятиэтажки с разномастными балконами. Одни застеклены, другие готовы упасть. Бельё коченеет на верёвках. Одинокие сутулые фигуры. Я знаю сотню похожих городков, да и сам в таком родился.

Здание гостиницы отдавало сталинизмом. Напротив, через площадь, – бетонный куб с широкой лестницей. Типичное убежище слуг народа от господ. Елена подошла к администратору и тотчас вернулась с ключом.

– Оформитесь позже, я договорилась. Зайду за вами через час.

И словно угадав мою внутриутробную гримасу:

– Максим, я знаю, что вы устали. Но... Переносить неловко, люди соберутся.

– Да ничего, Лена, спасибо. Всё хорошо.

Как я отчитал в тот день? Нормально. Курс-то знал на автомате, хоть в полночь разбуди. Плюс – симпатичные женские лица в аудитории, что, конечно, вдохновляет. И не просто симпатичные, а умные, живые. Казалось бы, откуда, из какого сора? А поди ж ты. Прочешите миллионный город Сидней и такой аудитории вряд ли наберёте. Именно это обстоятельство десять лет не позволяет мне гордиться своим моральным обликом. Если б хоть малейший соблазн! Как стойко держался бы я.

От садика до гостиницы минут пятнадцать хода. Елена вызвалась проводить меня «на всякий случай». Немного рассказала о себе. Отец, действительно, вице-мэр, трудится в сером здании на площади. И куртка на мне с его вице-мэрского плеча. У меня от такой новости даже осанка изменилась. Подошли к гостинице. Елена говорит:

– Если будут спрашивать, откуда вы, не афишируйте, что из Москвы. У нас тут москвичей не очень.

– А кого у вас очень?

– Никого. Жизнь тяжёлая, народ злой. Вы где родились?

– В Самаре.

– Отлично. А по первому образованию кто?

– Учитель.

– Вот. Так и говорите. Учитель из Самары, приехал по обмену опытом.

– А если спросят, каким опытом?

– Не спросят.

Помолчали.

– Лена, – говорю, – а может, нам это... где-нибудь... по рюмке кофе?

– Да вы что, – глаза округлились, – меня полгорода знает. И муж ревнивый.

– А-а. Это меняет дело. Мужа расстраивать не будем.

– Хотите, я вам завтра почитать что-нибудь принесу?

– Спасибо. Если можно, книгу потолще.

– Достоевского любите?

– Очень.

Я умылся в номере и спустился в буфет. В ассортименте оказались котлеты домашние, яйцо под майонезом, чай из

гранёных стаканов и водка из них же. Я взял сто грамм, котлету и чай. Спросил, можно ли отнести еду в номер.

– Можно, – плотная буфетчица разглядывала меня с любопытством. – Из Москвы?

– Почему из Москвы?

– По разговору. Все москвичи так говорят.

Это прозвучало с ненужной громкостью. Несколько человек за столами обернулись.

– Нет, – отвечаю, – из Самары. Приехал по обмену опытом.

Последнее вырвалось само.

– Поднос нужен?

– Спасибо, так донесу.

Донёс. Выпил, съел. Хотел включить телевизор – не нашёл. Пришлось заснуть.

Утром в буфете я обнаружил знакомые блюда и напитки. В дальнейшем они не изменились. Я взял яйцо под майонезом и чай. Вынес интимное приветствие буфетчицы. Всю жизнь тошнит от провинциального узнавания. Мне бы стать человеком-невидимкой. И чтобы процентов девяносто людей тоже стали невидимками.

– Закажи, наконец, очки, – говорит иногда моя жена, – ты же ничего не видишь.

– Всё, что мне надо (тут я целую её в щёчку), вижу очень хорошо. А остальное мне ни к чему.

По дороге в гостиницу отыскал телеграф, набрал Москву. Жена, конечно, знала о погоде.

– Тебе дали какую-нибудь одежду?

– Ещё бы! Куртку вице-мэра.

– Какого лицемера? Ты выпил, что ли?

– Что за вопрос? Я пашу, как мексиканец. Кую для семьи большие зелёные деньги.

– А шапку дали?

– Лапуся, здесь не так холодно. Около ноля.

– Сегодня же потребуй шапку. Иначе прилетишь больной.

Отужинав, завалился в койку с «Преступлением и наказанием». При всём избытке реализма сцена убийства мощнейшая. Я иногда думаю, кого это Фёдор Михайлович так сильно ненавидел?

Новое утро. Яйцо под майонезом, стылые улицы, работа. Ностальгический детсадовский обед. Компот из сухофруктов. Опять работа, холодные улицы, гостиница. Вечером бонус – сто грамм, котлета и Достоевский. Около девяти эту идиллию нарушили энергичные мужские голоса за левой стеной. Как минимум три. К одиннадцати они стали невнятнее и громче.

Я оделся и ждал, пока кто-то из соседей выйдет в туалет. Наконец хлопнула дверь, раздались шаги. У писсуара стоял крепкий человек в джемпере. Его легонько покачивало. Я пристроился рядом, он глянул вскользь. Молодой. Я сказал:

– Вы знаете...

– Знаю. Ты наш сосед из девятого. И мы тебе мешаем спать. Так? – он застегнулся и, не ожидая ответа, шагнул к умывальнику.

– Откуда дровишки?

– От верблюда. Работа такая. Ты, мужик, извини, но у нас сегодня праздник. Дело закрыли. Всех, кого надо, повязали и сами целые.

– Вы менты, что ли?

– Ага. Пойдём выпьем с нами. Неси, что у тебя есть.

– Ничего.

– Значит, так пошли!

– Ну, зачем? В чужую компанию...

– Пошли, пошли, всё будет ништяк, – он легонько подталкивал меня к двери с цифрой восемь. – Кстати, меня Толик зовут.

– Макс.

Выстуженный, кисло пахнувший номер. В форточку слоями уходит дым. Два парня за столом уставились на меня. Мордастые, подтянутые, хоть сейчас на кастинг.

– Это Макс, наш сосед. Ты проходи, знакомься, это Миша, Олег. Садись, бери вот – хлеб, колбаса, лук.

– И кто у нас сосед? – перебил Олег.

– Командировочный, – ответил я.

– Это понятно. А по жизни?

– Учитель.

– Чему учим?

Думаю, уйти, что ли? Сказать, мол, ребята, поздравляю, но остаться не могу. Болею, ангина, то-сё. Меня не стали бы

удерживать. Но. Не хотелось открыто пасовать перед этим жлобом. Я знаю этот тип – им нужен конфликт. Хрена. Мы с ним ласково и, главное, спокойно. Очень спокойно. Ещё спокойнее, лицо расслабил. Вот так.

– Русскому языку. И литературе. Хорошие предметы, да?

– Издалека к нам?

– Из Самары. По обмену опытом.

– Интересно, что Самаре от нас понадобилось?

– Это вам от нас понадобилось.

– Олег, уймись, ты не в допросной, – сказал Миша. – Давай накатим за встречу. А после Макс нам сам всё расскажет.

Тут я понял раздражение Олега. Выпивки у ребят осталось полбутылки. Её аккуратно разлили на четверых. Закусили. Я был уверен, что Олег не слезет с меня. И точно.

– Ну, сосед, колись, что вы там изобрели.

– Ладно. Идея такая: учебники литературы надо отменить.

– А как же учиться?

– А так. Вот, допустим, задано читать «Преступление и наказание».

– Ну.

– Школьники читают, а куда денешься? Учебника-то нет. Нельзя схалтурить по-лёгкому. Потом на уроке обсуждение: кто что понял, а учитель...

– Чего там понимать? – перебил Олег. – Убил, поймали, сел.

– Его не поймали, – сказал Миша, – он сам сдался.

– Не, – возразил Толик, – его следак прижал на косвенных.

– А я о чём? Явка или нет – закрыли бы дурака по-любому. Ну, позже на день...

– Олег, при чём тут косвенные? Я же помню книгу, там доказухи было с гулькин хер! Его элементарно развели на психику. Я каждый день этим занимаюсь.

– То-то они у вас хором колются...

– Да иди ты в жопу!

– Нет, я согласен, дело в клиенте. Если б он не поплыл и взял бы хорошего адвоката...

– Откуда у него деньги на хорошего адвоката?

– Оттуда! Он бабку-то грохнул зачем?

– А, ну да, забыл.

Я воспользовался паузой:

– Видите, уже три мнения. А в учебнике – одно, притом непонятно чьё. И дети твердят его, как попугаи. С чего у них возьмутся мозги? Убедил?

Стражи закона, подавленные логикой, молчали.

– Хорошо, Макс, – сказал Олег, – теперь напряги учительские мозги и подумай, где нам достать выпить.

– В ресторане. У таксистов.

– Выходить, одеваться... м-м-м, – поморщился Толик. – Надо позвонить этому, которого отпустили. Он мигом принесёт. Пойду с вахты звякну.

– Это кто? – спросил я.

– Выпустили днём одного злодея, тебе ни к чему.

Злодей явился минут через десять. Тощий, замёрзший человек в очках. Он достал из авоськи две бутылки водки и шампанское «на случай дам». Мне вдруг стало его жалко.

Потом я, кажется, напился. Со мной так бывает в дискомфортной компании. Помню, менты достали наручники и открывали их на время канцелярской скрепкой. Я сказал:

– Можно померить?

– Запросто! – Толик ловко защёлкнул на мне «браслеты». Они показались неприятно тяжёлыми.

– Ну вот, – усмехнулся Олег, – а сейчас ты всё нам расскажешь. Кто ты, откуда и зачем приехал.

– Учитель, – собрав остатки воли, произнёс я. – Из Самары... По обмену опытом.

Наутро соседи исчезли. Четверга я не заметил. Пятница отличалась от него лишь тем, что работа моя в этот день закончилась. И Елена Юрьевна не появилась, отчего мне стало грустно. «Уехала в область», – сказала бухгалтерша. Я отдал ей недочитанную книгу. Она мне – десять франклинов в конверте. У Бени – я давно заметил – усталое, скептическое лицо. Словно он годами убеждает меня, что не в деньгах счастье.

Я спустился в холл до рассвета. Елена Юрьевна встала с диванчика навстречу. Не понимаю, как можно так выглядеть в шесть утра. А я небритый и зубы чистил мелчком. Предупреждать надо.

– Здравствуйте, – говорю, – Лена, славно, что вы здесь. Я хотел... сказать, что всё было здорово. Спасибо вам.

– Я, – отвечает, – вообще-то, за курткой пришла.

Врёшь, думаю. Куртку я мог бы отдать водителю. Снял, она взяла. Стоим, молчим. Чего она ждёт?.. Обнять, что ли, на прощание? Хотя с какой стати? Вдруг слышу:

– У меня скоро командировка в Москву. И если ваше предложение останется в силе...

– Какое предложение?

– Ну как же? По рюмке кофе. То я могла бы подумать.

– Останется, – я достал записную книжку, – только у меня жена ревнивая.

– И пол-Москвы знакомых?

– Треть.

– Так это меняет дело. А жену мы расстраивать не будем.

И затем такая улыбка, что у меня ослабли ноги.

– Лена... – я взял её за руку. Но тут с улицы посигналили. Мы вышли на крыльцо.

– Счастливого пути.

– И вам, – глупо ответил я.

Мой полусон нарушил стук, запахло гарью. «О-о, твою мать», – сказал шофёр. Вышел, открыл капот, повозился. Взял из салона бутылку и снова исчез под капотом. Взметнулось облако пара. Я забеспокоился. Шофёр сел рядом. «Значит, так. Сейчас поймаю тебе кого-нибудь. А сам – в гараж, если дотяну. Ты уж извини. Юрий Ильич обе новые машины за... Погоди, едет кто-то!»

Через минуту, пересев в кабину фуры, я наслаждался движением, высотой и тишиной. Я люблю молчаливых водителей. Особенно когда молча довозят по назначению. Без таких, например, слов как:

– ...тут до порта километров восемь осталось. Подвезёт кто-нибудь. А мне направо.

– Не понял.

– Вылезай. Тебе в другую сторону.

– Сколько ты хочешь?

– Нисколько, у меня график. Опаздываю.

Я остался на шоссе. Обвязал вокруг шеи носовой платок. Поднял воротник пиджака. Стою минут десять.

В моей жизни случались лохматые моменты. Один раз в меня стреляли. Пару раз били. Я переворачивался на байдарке, тонул. В Мюнхене пьяный шизофреник запустил в меня сотовым

телефоном. Всё это было гнусно, но так или иначе решаемо. Оставшись на пустынной трассе Юрга-Кемерово, я испытал чуть ли не мистический ужас. Летальный исход вглядывался в меня.

Вдруг – чудо! – автобус. Автобус! Я выскочил на дорогу и замахал, как сумасшедший бабуин. Подонок, обогнув меня по встречной, скрылся. Я понял – голосовать бесполезно. Семь утра, шоссе, мороз. И нелепый чудака в костюме, с дипломатом. Ну его к чёрту. Места суровые, люди ходят всякие. А если у него там бомба? Или бежит от кого. Нет, иди-ка ты, друг, пешком. Иду, чтоб хоть как-то согреться. Офисные туфли скользят по насту. Быстро двигаться невозможно, а медленно – замерзаю. Вдруг услышал собственное бормотание: «Шла Саша по шоссе и сосала сушку... шла шаша по соше и шасала шушку... шла шашапашаше...»

Сзади вынеслась легковушка. Потом другая. Махнул на шум, не оборачиваясь: заковенел. Машина резко сбавила ход, остановилась чуть впереди. Чёрный массивный зад. Багажник поместит троих, если компактно уложить. Господи, только не это. Окно поехало вниз. Мои опасения подтвердились. Два чисто конкретных пацана сериального типа. Похожи на моих гостиничных знакомых, как одна семья. Так они и есть одна семья. А у меня штука баксов в кармане. Им это мелочь на сигареты, но приятно. Из салона между тем любопытствуют:

– Чёт ты не по сезону нарядился, а, братан?

– Куда путь держишь?

– В аэропорт. Тачка сломалась, вот иду пешком.

– Ну, ладно, садись. Подвезём.

Я сел в просторную, а главное, очень тёплую машину.

– Когда твой самолёт?

– Восемь сорок.

– Хм. Московский рейс... Ты москвич, что ли?

Интонация сползла вниз.

– Не, из Самары, в Москве пересадка.

– А чё у нас забыл?

– Командировка. По обмену опытом.

Эти фразы стали выскакивать из меня легко и естественно.

– Обменялся?

– Ага.

– Мы тоже тут недавно обменялись, хэ-хэ... опытом боевых действий.

Все замолчали. Через минуту братки заговорили на экономические темы: «лаванда», «откат», «цена вопроса»... Я старался не вникать. Здание аэропорта вернуло способность думать. Сколько платить и надо ли? Даю пять тысяч ельцинок, и червонец в кармане наготове.

– Так нормально?

– Нормально.

Усмехнулись, но взяли! Вот тебе и бандиты на крутом авто. Или они не бандиты? Их ведь сейчас не поймёшь: вид одинаковый, язык тоже. Многие парни плечисты и крепки, как верно отметил поэт.

В самолёте у меня поднялась температура.

– Я так и знала, – сказала жена, – вечно из командировок являешься больной. Всю дорогу ходил без шапки?

– Нет.

– Врёшь.

– Вру.

Температура 37.5 изводила меня несколько недель. И никаких других симптомов. Уши, горло, нос – в порядке, как и всё остальное. Врач посоветовал удалить давно запущенный коренной зуб. Удалил – безрезультатно, не считая внешних перемен. Таблетки не спасали. Жена лечила меня ингаляциями и горячим пивом «Белый Медведь». Это помогало, но временно. Работал я мало. Днями валялся на тахте, смотрел кассеты и пил горячего «Медведя». Кое-как читал обязательные лекции. От командировок отказался. В итоге Гоше это надоело, и он привёз мне сильный французский антибиотик. Через сутки я поправился. Всё-таки есть польза от эксплуатации человека человеком. А Елена Юрьевна так и не позвонила. Что, разумеется, к лучшему.

Часть 5

РОССИЯ И МИР

Александр Сиротин
США, Нью-Йорк

ИЗРАИЛЬСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ: ЗДЕСЬ ГОВОРЯТ ПО-РУССКИ

...На одной из центральных улиц Нью-Йорка стоит памятник еврейскому портному, сидящему за швейной машинкой. Эта скульптура – дань простому работяге-иммигранту, вложившему свою лепту в экономическое могущество США. Кто знает, может быть когда-нибудь на одной из центральных площадей Москвы будет поставлен памятник русскому еврею, который вывез из Российской империи-Советского Союза-Российской федерации русский язык и русскую культуру. Вывез, спас, сохранил и распространил по всему миру от Таиланда до Австралии, от Испании до Германии, от Англии до Израиля, от Потругалии до Америки. Теперь, куда бы вы ни поехали, везде услышите русскую речь. Я постоянно слышу её в Нью-Йорке в театре Метрополитен, в Карнеги-Холле, на цирковых представлениях, в джазовых клубах, на выставках живописи в любом из нью-йоркских музеев.

Жители зарубежья, окончившие когда-то школу в Москве, Ленинграде, Ташкенте, Киеве, Минске говорят на хорошем, более грамотном русском языке, чем многие нынешние жители России, чем иные депутаты Думы и члены российского правительства. Почему? Да потому, что раньше школьные учителя были другие. В московской 131-й школе (потом 31-й), что на улице Станиславского (ныне Леонтьевский переулок) несколько десятилетий преподавала русский язык и литературу Викторина Соломоновна Кляцкина.

Благодаря ей для тысяч её учеников русская литература была любимым предметом. Выпускники 26-й минской школы с благодарностью вспоминают учительницу русского языка Фиру Ароновну, которая эмигрировала в Чикаго. В том же Минске в школе № 4 вела классы русского Нелли Абрамовна Лурье. Читатели могут добавить своих учителей. Когда в 70-х годах началась еврейская эмиграция, а потом продолжилась в конце 80-х и захватила 90-е, уехали замечательные преподаватели русской словесности, и в России русский язык обеднел. Зато

посмотрите, как владеют русским в Израиле! Я был поражён тем, что в музеях изобразительных искусств в Тель-Авиве и в Хайфе в каждом зале сидят русскоязычные дежурные, готовые ответить на вопросы посетителей на русском языке. Это стало для меня одним из самых сильных впечатлений моего недавнего посещения Израиля.

Музей изобразительных искусств. Тель-Авив

Впервые я побывал в этой стране в 1979 году. Тогда мне, не говорившему на иврите, помогало общаться с израильтянами знание английского и польского. Среди кассиров в банках, среди государственных служащих довольно много было репатриантов из Польши. Во время моего следующего приезда в середине 90-х меня поразила израильская русскоязычная журналистика: очень сильные авторы, богатый язык, разнообразие тем. Но тогда мне не показалось, что русский язык вышел в стране на одно из ведущих мест. В 2016-м, услышав от «русских» израильтян, что язык Пушкина делит в стране второе место наряду с английским (первое место, естественно, у иврита – государственного языка), я не смог это утверждение оспорить. Возможно, данные статистики иные, но на улицах, в кафе, в парках говорили по-русски не только старики, а молодёжь и

даже дети. Причём, говорили хорошо, сохраняя даже мелодику языка, в отличие от многих русскоязычных, живущих в Америке.

Эмигрантам пришлось спасать от России русский язык вслед за спасением русской культуры. В тель-авивском музее изобразительных искусств я побывал на прекрасной выставке живописи первой половины 20 века. Были представлены работы Марка Шагала, Василия Кандинского и Хаима Сутина, Натальи Гончаровой и Михаила Ларионова, Жака Липшица, Антуана Певзнера, Марка Ротко и Александра Архипенко! Благодаря коллекционерам и энтузиастам русского искусства, работы этих мастеров не пропали, не были уничтожены в СССР как чуждые рабочему классу, а вывезены и теперь выставлены в Израиле.

На красивой площади перед зданием музея – дерево, цветущее ярко красными цветами. Под ним – одинокий саксофонист. Мы присели неподалёку, слушая печальную мелодию. В Нью-Йорке привыкли к тому, что если музыкант играет на улице, значит, нуждается в помощи. Но шляпы возле музыканта не было. Моя жена подошла и протянула ему несколько долларов. Музыкант улыбнулся и ответил по-английски:

– Нет, благодарю. Я просто репетирую. Сегодня выходной, а мой сосед просил меня не играть дома, когда он отдыхает. Поэтому я, профессиональный музыкант, играю по выходным на этой площади.

– И всё же, в знак благодарности за хорошую музыку, примите, пожалуйста, эти доллары.

– Ладно, спасибо.

В музее окончен рабочий день. Русскоязычные сотрудники выходят из здания и идут к микроавтобусу, который развезёт их по домам. Я спрашиваю у одного:

– Это ваша основная работа – дежурство в залах?

– Мы все на пенсии, – был ответ. – Но пенсия маленькая, поэтому работаем здесь за дополнительную плату. Работа приятная, интеллигентная, в хоршем коллективе, среди картин и скульптур. Мы, в основном, бывшие учителя или врачи, есть и искусствоведы, тоже бывшие.

– И все сохранили русский?

– А как же! Это же наш родной язык! И детей научили. И внуков.

...Мы жили в небольшом отеле возле средиземноморского пляжа, вблизи посольства США. Здание посольства было украшено огромным многоцветным флагом ЛГБТ (для несведущих расшифровываю: ЛГБТ это аббревиатура слов «лесбиянки», «гомосексуалисты», «бисексуалы» и «трансгендеры»). В Тель-Авив съехались десятки тысяч представителей нетрадиционной сексуальной ориентации, чтобы участвовать в ежегодном гейском «Параде гордости».

В Нью-Йорке такой ежегодный парад – грандиозное многонациональное карнавальное шествие, сравнимое разве что с карнавалом в Рио, ибо проходит оно по широкой Пятой авеню, участники едут на огромных автоплатформах, оборудованных динамиками, из которых несётся музыка, а наряды людей невероятно красочные, экзотические, на мотоциклах едут отряды байкеров-лесбиянок, колоннами проходят геипожарные, геиполицейские, и в шествии обязательно участвуют губернатор штата, мэр, сенаторы, конгрессмены и прочие политики (ведь скоро выборы).

А в Тель-Авиве шествие было более народным, похожим, скорее, на не слишком организованное гулянье, но от этого не менее весёлое и озорное. Я видел флаги Бразилии, Швеции, Польши. Говорят, по тель-авивской улице Баграшов прошли в этом году до 200 тысяч участников парада. Для экономики Тель-Авива, да и всего Израиля, это хорошо: в отелях города не было свободных номеров, рестораны и кафе забиты гостями. Среди шагавших я не обнаружил отдельной «русской» колонны. Однако присутствие наших бывших соотечественников бросалось в глаза благодаря плакатам «Розовое будущее – голубая мечта» или «Мы говорим по-русски».

Что ж, каждый имеет право на счастье. Если кто-то находит счастье в однополрой любви – это его или её личное дело. Одни из гетеросексуалов относятся к этому с пониманием, другие с безразличием, третьи с нескрываемым осуждением. Но есть и четвёртые, которые набрасываются на геев с бейсбольными битами, ножами, пистолетами и автоматами. Пример тому – трагедия в Орландо, штат Флорида, где один шизоидный

мусульманин расстрелял 49 человек. Я был в шоке, когда прочитал в Интернете и даже услышал в Нью-Йорке высказывания о том, что, мол, так этим гомикам и надо, что это их Бог покарал за мужеложство... Но самым шокирующим для меня было то, что так говорили евреи, люди, принадлежащие к народу, который нацисты уничтожали в лагерях смерти ВМЕСТЕ с гомосексуалистами, цыганами, масонами, инвалидами...

Мой знакомый, музыковед по образованию, смеялся над тем, как американцы оплакивали погибших в Орландо геев. Если такие, как он, были бы последовательными, то бойкотировали бы музыку Чайковского, вычеркнули из истории Александра Македонского, выбросили из музеев картины Леонардо Да Винчи, сожгли книги Оскара Уайльда... Отвратительно призывать к убийству или оправдывать убийство тех, кто мыслит иначе или живёт иначе, не нарушая закона (я не имею в виду педофилов, совращающих малолетних и несущих за это строгую уголовную ответственность). В Израиле слишком хорошо знают, что такое террористические акты, и никому не желают стать их жертвами.

Извините за отступление. Вернёмся к русскому языку в Израиле.

...Я прогуливался с моим израильским другом Славой Львовичем по красивой площади между театром Габима и концертным залом имени Чарльза Бронфмана, крупнейшим в Израиле. К залу стекался народ. Но по афишам на иврите я не мог понять, что привлекло публику. Спросил у проходящих по-английски, на что идут.

– На концерт американского скрипача Джошуа Белла – ответили мне по-русски. – Белл играет с Израильским филармоническим оркестром «Весну в Аппалачах» Копланда и «Испанскую симфонию» Эдуарда Лало. А дирижирует американец Майкл Стерн.

У входа в концертный зал толпился народ. Спрашивали лишний билетик. Я слышал, в основном, русскую речь.

А в городе Нетания я увидел афишную тумбу с рекламой мюзикла «Гадкий утёнок». Значит, продюсеры знают, что в этом городе достаточно детей, понимающих по-русски, чтобы заполнить зрительный зал.

Для меня это был сюрприз. И впереди было много таких сюрпризов. Ведь это Израиль!

Вадим Массальский

Б. Вашингтон, США

ЧЕЛИЩЕВ. МАЭСТРО КАЛИФОРНИЙСКОГО КАБЕРНЕ

Андрей Челищев – маэстро калифорнийского Каберне, или история одной трудной русской фамилии

«Какой изысканный аромат. Нет, право, вы могли бы поспорить с Бордо урожая 49-го года», – Андрей Викторович Челищев сделал еще один маленький глоток вина и перешел на французский язык:

– *Quel goût divin! Non, mais ce vin définitivement aurai pu être au centre de la table royale. Mon ami, vous avez dépassé vous-même. C'est magnifique...*¹²

Андрей Викторович Челищев

Кладовщик Сэм Смит задрал голову, уставившись на стеллаж, где на дубовой бочке с бокалом красного вина сидел его русский босс.

¹² Божественный вкус! Нет, определенно это вино стало бы украшением даже королевского стола. Мой друг, вы превзошли самого себя. Это восхитительно...

– Эндрю, извините, но я вас не понимаю. С кем и на каком языке вы там говорите?

– Разумеется, на французском, дорогой Сэм. Только на этом языке можно изъясняться, когда имеешь дело с настоящим вином, – пояснил маэстро уже на английском своему помощнику.

Сэм задумчиво почесал седой затылок, надвинул на лоб затрепанную бейсболку, пробурчал еле слышно: «С вином? По-французски? Какого черта!» Потом вдруг вспомнил:

– Звонили из конторы. Сказали, что приехали телевизионщики из Фриско. Там их целый автобус. И с ними еще та самая смазливая блондинка, что каждый воскресный вечер корчит рожицы в итогах недели. Говорит, что будет снимать о вас фильм.

– Ах, да, да, да, – затараторил Челищев, проворно, для своих 60 лет, спускаясь со стремянки.

Но тут его остановил звонкий девичий голос, донесшийся со стороны двери:

– Сэр, а нельзя ли попросить вас снова подняться на то же место?

Андрей Викторович оглянулся, опешил:

– Пожалуйста, мэм, но с какой целью?

– Нам надо снять вас за работой.

Оператор, рослый, бородатый детина, с тяжелой как бревно видеокамерой на плече, закивал:

– Да, нам бы очень хотелось сделать пару дублей.

Челищев повиновался, правда, парой дублей дело не ограничилось. Ему пришлось еще несколько раз переставлять стремянку, чтобы не бликовал бьющий с потолка электрический свет, карабкаться на стеллажи, усаживаться чуть ли не верхом на дубовую бочку, дегустируя вино, затем поправлять прическу, одергивать рукава своего белого халата и делать еще массу смешных, нелепых театральных движений, чтобы, как говорили телевизионщики, «выстроить красивую картинку».

Только после всего этого он смог познакомиться с очаровательной белокурой телеведущей.

– Здравствуйте, меня зовут Линда Свенсон, а это мой коллега оператор Боб Робсон, – защebetала девушка. – Мы приехали делать специальный телерепортаж о калифорнийском вине, и в

Союзе виноделов нас предупредили, что даже не будут с нами разговаривать, пока мы не запишем интервью с создателем нового калифорнийского Каберне, с маэстро...

Линда сделала паузу, пытаясь вспомнить точное произношение трудной русской фамилии, затем улыбнувшись, по-телевизионному сымпровизировала:

– ...Ну, в общем, с вами!

Челищев хотел из вежливости возразить, но мисс Свенсон не принимала никаких возражений:

– Сейчас мы снимем натуру, а потом пройдем в дегустационный зал и запишем интервью.

– Как вам будет угодно, мадемуазель, – пожал плечами Челищев, отступая перед напором и очарованием молодости.

Они вышли на дорогу к аккуратным, уходящим волнами за горизонт рядам виноградника, чтобы снять живописные виды долины Напа. Здесь к ним присоединился режиссер, взъерошенный, неопределенного возраста мрачный мужчина, который все время спорил с оператором Бобом и недовольно заглядывал в видоискатель телекамеры. Он требовал то самых крупных планов виноградной лозы с тугими матово-синими грозьями плодов, то самых общих планов пейзажей, то длинных панорам, которые бы разом охватывали все красоты «винной долины» и окружающих зеленых холмов. Восходящее солнце больно било в глаза. Оператор шурился и ворчал, что они только зря тратят дорогущую цветную пленку, что при таком освещении все равно получится примитивная контрастная картинка и что никакими настройками аппаратуры не передать даже десятой доли местных красот.

«Даже одной сотой доли», – соглашался про себя Андрей Викторович. Он как заядлый фотограф, знал, что, сколько ни «лови мгновенье», все равно от тебя ускользает главная магия живой природы. Да и разве можно скопировать на пленку саму жизнь: аромат цветов, дыхание океанского бриза, теплоту нагретой за лето земли, шелест виноградных листьев?! Впрочем, Челищев сам был профессионалом и ценил профессиональный опыт других, а потому давал советы очень деликатно, не навязывая своего мнения. Наконец, телевизионщики устали от собственных споров, а может у них просто закончилась пленка, отведенная производственным

лимитом для «натуры». Они устроили перекур, после чего Челищев усадил своих гостей в кузов колесного трактора и сам привез в зал дегустации.

Здесь уже крутилась другая ТВ команда, готовившая свет и звук для записи интервью. Пользуясь общей суетой, Линда увлекла Челищева в сторону.

– Я выросла в Монтане и ничего не смыслю в вине. Мои предки, шведы, варили прекрасное пиво, но вино.., – мисс Свенсон скривила пухлые губки, пытаясь изобразить послевкусие от мешанины скандинавского глинтвейна. – В общем, можно я буду задавать вам совсем дурацкие вопросы?

Андрей Викторович поддержал ее радушной улыбкой хозяина:

– Сделайте милость, меня как раз раздражают заумные вопросы. И потом – вы моя гостья.

Воспользовавшись заминкой на импровизированной съемочной площадке, Челищев с видом фокусника достал из бара тяжелую темную бутылку, откупорил ее и налил девушке четверть бокала.

– Попробуйте, это то самое новое калифорнийское Каберне. Я работал над ним больше двадцати лет. Здесь все ароматы долины Напа. Они придадут вам сил и вдохновения.

Линда неловко взяла в руку тюльпанообразный бокал с длинной и хрупкой ножкой, вдохнула аромат, сделала – скорее из вежливости – пару маленьких глотков, потом еще пару и еще... Наконец, оценив послевкусие, она прикрыла от удовольствия глаза:

– О, это чудно!

Польщенный Челищев слегка кивнул.

Линда допила густой темно-красный напиток и едва удержалась, чтобы не попросить еще бокальчик. Все-таки она была на работе.

Режиссер захлопал в ладоши, призывая всех занять свои рабочие места. Челищев и очаровательная ведущая сели в кресла у журнального столика. Оператор включил камеру.

Линда бросила последний взгляд в раскрытую папку с отпечатанными листами заготовленных вопросов, набрав больше воздуха, затараторила:

– Итак, прежде всего я хотела бы представить нашим зрителям волшебника калифорнийского вина, непревзойденного мастера, профессора Эндрю Тче, Тще, Чще... Четлишеффа. И мне бы сразу хотелось спросить нашего гостя мистера мистера Тче... Тше... Чще... Простите...

Девушка густо покраснела, начала заикаться

Но Андрей Викторович пришел к ней на выручку:

– Называйте меня просто по имени. Если удобно, то на французский манер – Андрэ. Я ведь многие годы прожил во Франции.

– Спасибо, Андрэ.

Линда швырнула на стол папку с «домашними заготовками»:

– Честно говоря, Андрэ, мне бы больше всего хотелось спросить вас вот о чем...

Режиссер и оператор переглянулись. Отсебятина местной телезвезды никак не входила в их планы. Но мисс Свенсон как норовистая лошадка уже закусила удила:

– Признайтесь, вам не тяжело жить в Америке с такой практически непроизносимой фамилией – Tchelistcheff? Десять согласных и всего три гласные! Вы сами не устаете ее выговаривать?

– Все дело в привычке, которую я унаследовал от своих предков. А у них было достаточно времени, чтобы привыкнуть к своей фамилии, – улыбнулся Челищев, в уголках его глаз пряталась мягкая снисходительность. – И потом, знаете, это как старое вино, которое со временем становится только дороже.

Линда с благодарностью кивнула своему собеседнику за то, что он принял ее вопрос-вызов. Он же, восприняв это, как приглашение к рассказу, продолжал:

– Моя фамилия появилась на 200 лет раньше, чем Колумб открыл Америку. Ее дали одному немецкому князю, который в 13-м веке поселился в Великом Новгороде. Сын его Карл, в православии Андрей, получил прозвище Челище – разрубленный в чело. Мои предки были воинами, они сражались и умирали на поле брани от времен монгольских нашествий до Бородина.

Линда машинально кивнула. Челищев, на всякий случай, пояснил:

– Наверняка вы знаете из курса истории, что это была битва под Москвой, впервые не выигранная Наполеоном.

Линда снова кивнула, но уже несколько нервно. И вовсе не потому, что она понятия не имела, что делал человек, давший имя знаменитому французскому коньяку, в России. Просто она украдкой бросила взгляд на часы и с тревогой поняла, что видеопленки оставалось всего на 15 минут! Не хватало еще, чтобы этот русский эмигрант начал пересказывать свою бесконечную родословную. Линда поспешила направить разговор в нужное русло:

– Но вот лично вы, Андрэ, человек самой мирной профессии. Скажите, наверное, у себя на родине, до приезда в Америку, вы тоже возделывали виноград?

По лицу Челищева пробежала тень, на лбу обозначились морщины. Оператор вовремя заметил это и укрупнил план, чтобы передать язык мимики.

– Я родился в Москве. Там не растет виноград. Но он растет на юге: на Кубани, в Крыму. Но там мне было не до виноделия. Там я воевал в Белой армии против большевиков. В 1920-м я навсегда покинул Родину...

Линда вскинула брови от изумления и посмотрела на собеседника совершенно другими глазами. Ей вдруг стало жутко от мысли, что этот щуплый человечек, годившийся ей в дедушки, обходительный, добрый, веселый, которого виноделы в шутку называли эльфом за крайне малый рост, мальчишкой воевал в этой ужасно далекой, ужасно холодной России, с какими-то ужасными большевиками.

– Вы воевали?! Сколько же вам было лет?

Челищев пожал плечами:

– Кажется, семнадцать, когда все это началось...

Он вдруг нахмурился и вспомнил тот холодный февральский день 1920-го, когда их, выпускников Екатеринодарского юнкерского училища, из Новороссийска перебросили в Керчь. Они клялись вернуться. Они еще глупо, по-мальчишески, верили в победу. И еще действительно были победы. Сначала в Крыму, когда четырехтысячному отряду генерала Слащева удалось отбросить за Перекоп сорокатысячную армию красных. Потом в степях северной Таврии, когда, казалось, забрезжил рассветом новый «белый поход» на Москву. А потом снова был

Перекоп. Снова безудержное, как лавина, наступление большевистского Южного фронта. Здесь, под перекрестным пулеметным огнем, его тяжело ранило.

В полку он уже значился в списке убитых, в Севастополе его отец, министр юстиции в правительстве Врангеля, заказал панихиду. Но потом вдруг сын вернулся, будто с того света. Его спас кубанский урядник из староверов. Наткнулся с казачьим разъездом в степи на живого мертвеца – на шевелящееся в сугробе, скрюченное от ран и холода тело. Увидел, что это совсем юнец. Перебросил его как пушинку через седло, сам, спешившись, пошел рядом по целине. Двое молодых товарищей в один голос уговаривали упрямого бородача: «Да, брось ты его, Петро. Все равно не жилец, только себя загубишь, красные на хвосте». Урядник молча всыпал нагайкой обоим казачьим коням, так что те понесли наездников как ветер. Сам шел по ночи десять верст до полевого лазарета. Сдал мальчишку врачам, даже не назвав своей фамилии...

– Андрэ, вы меня слышите?

Вместо ответа, Челищев насупил большие, пушистые брови, утвердительно закачал головой, будто скидывая с себя полудрему:

– Да, конечно, слышу... Давайте лучше о вине.

Линда вздохнула с облегчением: ну наконец-то. Она начала вспоминать, какой-то из своих припасенных «винных» вопросов, но Челищев снова опередил ее.

– Вы знаете, если бы меня спросили, как я попал в Америку, то я бы ответил, что причин было две. Первая – отмена «сухого закона». Вторая – меня просто приняли за француза...

– Правда? – рассмеялась Линда.

– Почти, – поправился Челищев.

После этого он коротко пересказал старую историю о том, как в 1937-м году, спустя лишь четыре года после отмены длительного «сухого закона», когда многие вырубленные американские виноградники все еще оставались заброшенными, владелец калифорнийской винодельни Жорж де Латур, приехал в Европу искать «настоящего француза», способного помочь возродить его старое большое хозяйство. В Париже, в Институте Пастера, профессор Поль Марсе порекомендовал

соотечественнику своего лучшего ученика, у которого, правда, имелся досадный недостаток – он не был французом... Этим учеником оказался русский эмигрант, преподаватель Национального Института Агрономии, Андрей Викторович Челищев. В итоге через год месье Челищев переехал в калифорнийскую долину Напа и стал вице-президентом и главным виноделом в компании де Латура.

А потом разговор с телеведущей зашел о новых американских винах, которые, по утверждению маэстро Челищева, можно было производить во всех без исключения штатах – даже на Аляске, о том, как отличить калифорнийское Каберне от французского или итальянского, наконец о том, что общего между воспитанием ребенка и уходом за виноградной лозой...

Теперь уже не только Линда, но и вся команда телевизионщиков, от режиссера до звукооператора, слушала маэстро раскрыв рот. Слушала, пока Боб Робсон не сделал отмашку:

– Все! Снято! Пленка закончилась.

Все испуганно переглянулись. И тогда режиссер бросился к своей сумке и с торжествующим видом достал из нее еще одну 20-минутную кассету. Он сказал, что на ней остался архивный материал, но он готов его размагнитить, потому как мистер Челищев – это просто ходячая винная энциклопедия!

После записи интервью Челищев организовал для гостей шоу-дегустацию, рассказывая о каждом сорте вина, как мать рассказывает о любимых детях. Наконец, несмотря на долгие возражения, усадил за стол, где уже красовались русские разносолы: икра, блины, пироги. Когда гости-телевизионщики уезжали – довольные, веселые, хмельные грузились в автобус – Линда вновь отозвала Андрея Викторовича в сторону.

– Дорогой маэстро, как вы смотрите на то, чтобы вести на нашем канале программу о винах. У нее могут быть фантастические рейтинги! А для вас это не только деньги, известность, но и возможность рекламы виноделия по всей Америке!

Челищев опешил:

– Но я ничего не смыслю в телевидении.

– Зато вы смыслите в вине и вы прекрасный рассказчик. Это – гарантия успеха! Конечно, сначала мне надо переговорить с

генеральным продюсером. Но, признаюсь, он еще ни разу не отказывал мне ни в одной просьбе...

Линда с наигранной невинностью захлопала длинными, чуть подкрашенными тушью ресницами, от чего ее большие, выразительные голубые глаза стали еще больше, еще выразительнее.

Челищев посмотрел на нее с восхищением. Действительно, от этой девушки можно было сойти с ума. Так вот в чем главная причина популярности вечерних новостей, открыл вдруг для себя Челищев главный секрет местного телебизнеса.

– Я вам позвоню, когда мы сделаем черновой монтаж и покажем боссу, – пообещала Линда, уже садясь в автобус и посылая маэстро воздушный поцелуй.

Она позвонила через пару дней. Сказала, что ждет в гости на телепробы, что босс в восторге от снятого материала. Готов дать под новую программу прайм-тайм, а приглашенному соведущему – мистеру Челищеву – обещает платить гонорар по самой высокой ставке. Но есть одно небольшое условие, сказала Линда в конце, как бы между прочим.

Она сделал паузу, и Челищев почувствовал напряжение на другом конце провода, как будто у девушки не хватило дыхания закончить фразу.

– Босс просит вас подумать над псевдонимом.

– Зачем? Я ведь не актер, не певец, не писатель.

– Понимаете, Андрэ, наш шеф так и не смог ни разу правильно повторить вашу фамилию. Он боится, что нашим телезрителям это тоже окажется не под силу. А ведь вы будете главный герой программы – это не просто имя, это бренд. И это даже больше, чем деньги! Вы же как винодел все понимаете.

– Понимаю, – сухо согласился Андрей

– В общем, в этом телешоу нужны краткие и яркие имена. Ну, например, Че, или Чел, или, на крайний случай, ЧелИ с ударением на последний слог, раз уж мы делаем для вас французский имидж. А что, по-моему, звучит фантастически: *«В эфире, маэстро Андрэ Чели!»*

Девушка ахнула от восторга, пораженная собственной креативной идеей.

Челищев пожал плечами. Ничего фантастического, кроме фантастической глупости в этом смешении «французского с

нижегородским», он не заметил. Но из деликатности сдержался. В трубке повисла пауза.

Линда почувствовала эту неловкость и ослабила хватку:

– Впрочем, мы вас не торопим, дорогой Андрэ. Посоветуйтесь с семьей, с друзьями. И позвоните после уикэнда. Мы договоримся о встрече в студии.

Первым делом Челищев рассказал обо всей этой затее супруге Дороти. Она восприняла ее в штыки. Правда, как женщина не стала делать акцент на то, что ей вообще не нравятся эти настырные взбалмошные девицы с ТВ-станций. И ее мало интересовали варианты псевдонима, она была в принципе против, чтобы все субботы супруг проводил на съемках в студии.

«Андрюша, – сказала она по-русски с мягким акцентом, – лучше оставь это время для себя и для сына». На этом разговор был окончен, тема исчерпана.

Но на уикэнд из Сиэтла приехал старый приятель Челищева, торговец, обладатель прекрасных плантаций в Калифорнии, Чарли Доусон. Чарли был на голову выше Андрея – широкий в кости, грузный, шумный, иной раз провинциально беспардонный он казался полной противоположностью маленькому, изящному, аристократичному, иной раз слишком сдержанному Андрею Викторовичу. Но это был тот случай, когда противоположности сходятся. Более того, Доусон боготворил Челищева, он считал его волшебником-виноделом и возмущался, почему Андрей давно не откроет свой личный бизнес, почему он раздает налево-направо свои идеи, свои советы, свои знания и помогает людям, которых следовало считать прямыми конкурентами. Чарли был не таков, но эта черта в Челищеве удивляла и одновременно восхищала его. И его тянуло к этому русскому как к человеку-загадке, более того для Челищева он готов был сделать то, что не сделал бы для кого другого – он готов был сделать его компаньоном, предложив долю в своем бизнесе. Пару лет назад Доусон по дешевке прикупил сотню акров земли в штате Вашингтон и теперь звал Андрея сделать «еще одну винную революцию» на вулканических почвах в долинах Каскадных гор.

За ужином в доме Челищевых было открыто белое вино, привезенное гостем из его первого «вашингтонского урожая».

Вино показалось Челищеву недурным, со своей изюминкой и со своим специфическим чуть горьковато-минеральным букетом. Разговор шел больше о делах: о холодной ферментации при изготовлении белых вин, о защите винограда от заморозков и болезней. Чтобы хозяйка дома – супруга Андрея Викторовича – не слишком скучала от технологических споров, Челищев решил рассказать Доусону о бизнес-предложении, сделанном ему телевизионщиками Сан-Франциско. Андрей в лицах пересказывал недавний телефонный разговор, представляясь, словно новая телезвезда в эфире, забавно-нелепыми псевдонимами. Чарли весело улыбался, но потом вдруг серьезно спросил:

– И что ты им ответил?

Андрей, бросив взгляд на жену, пробурчал, что ничего и не собирается отвечать и что воспринимает эту идею с псевдонимами как глупую шутку.

Чарли покачал головой, отставляя в сторону пустой бокал:

– Ну и напрасно.

Ответом ему был взгляд-вопрос Челищева, от которого глаза гостя стали еще серьезнее и строже.

– Эндрю, я давно хотел переговорить с тобой на одну тему, – заговорщически заметил Чарли, чуть позже, когда Дороти, сославшись на домашние хлопоты, оставила мужчин одних.

– На какую?

– Я думаю, что тебе пора становиться стопроцентным американцем.

– Что значит, стопроцентным? – возмутился Андрэ. – У меня американский паспорт, жена американка, мой сын Марк – родился в Америке.

– Вот, вот, о своем Марке и подумай.

Для Андрея Викторовича сын, который родился достаточно поздно, когда Челищеву уже перевалило за пятьдесят, был его самой любимой виноградной лозой. Поэтому пожелание: подумать о сыне выглядело, по меньшей мере, странным.

Но Чарли закурил сигарету и продолжил интриговать:

– Ты ведь не собираешься возвращаться в Россию?

– В советскую – нет.

– А другой пока не предвидится.

Челищев нехотя кивнул. Доусон продолжил, но сделал заход издалека.

– Нас, американцев, часто ругают, что мы сокращаем и упрощаем иностранные имена. Это правда. Но разве это так плохо?! Это ведь просто практично.

Челищев пожал плечами. Аргумент «практично» не показался ему слишком убедительным:

– Тогда можно просто присвоить каждому человеку номер. Это еще куда более практично.

Чарли расхохотался. Он смеялся долго и заразительно, как умеют смеяться большие и толстые добряки. Но потом его серые глаза вдруг стали стальными:

– Ну, это крайности, на которые так падки в коммунистической России. А в капиталистической Америке предпочитают руководствоваться здравым смыслом. Разве нет?

Челищев заерзал на стуле. Ему было нечего возразить. Но Чарли и не ждал возражений. Он тяжело поднялся из-за стола, покачиваясь, прошелся по комнате. Вино ударило ему в ноги, но голова оставалась светлой. Он вдруг остановился напротив Челищева и загадочно подмигнул:

– А ты знаешь, Эндрю, что мои предки пришли на эту землю гораздо раньше, чем вы, русские.

Андрей неуверенно пожал плечами. Если Доусон имел в виду англосаксов, то это было достаточно спорно.

– Да, раньше. Задолго до того, как сюда бросились североамериканцы с востока, заболев золотой лихорадкой в 1848-м. И гораздо раньше, чем русские в 1812-м основали факторию Форт-Росс, чтобы снабжать продуктами свою Аляску.

Челищев вскинул брови, Чарли был исторически подкован.

– Да, да, амиго, – подмигнул Доусон. – Я знаю, о чем говорю. Мои предки – конкистадоры пришли на эту землю еще в семнадцатом веке, а может, и раньше. Они служили сначала испанской короне, затем Мексике, наконец Калифорнийской республике. Полное имя моего прапрапрадеда было не слишком длинным по испанским меркам: Диего Хосе Франциско де Паула Хуан де ла Сантьяго Родригес-Гонсалес. С каждым поколением колонистов оно укорачивалось. И в конце девятнадцатого века, когда мой дед подался на Аляску, от

древнего кастильского имени осталось только два слова: Диего Родригес. Прииск, на котором разбогател мой дед, находился недалеко от столицы золотоискателей – Доусона. Когда Диего Родригес с полными карманами золота вернулся в Калифорнию, его так и прозвали – счастливчик из Доусона. Или совсем проще – Лаки Доусон. Мой дед был так польщен новым прозвищем, что в конце концов – тем более после американо-испанской войны – стал официально называть себя на привычный для окружающих английский манер.

Чарли откупорил еще одну бутылку вашингтонского Шардоне, налил себе полный до краев бокал. Андрей понял, что его товарищ не окончит свой рассказ, пока не прикончит бутылку. Впрочем, слушать подвыпившего Чарли было действительно интересно.

– В моих жилах намешано больше крови, чем ты встретишь сортов вина во всем Новом Свете, – гордостью заявил Доусон, осушив очередной бокал. – И мне, честно говоря, наплевать, какими именами станут зваться мои потомки, скажем, лет через сто, когда в этих местах будут жить одни китайцы: Чаны, Ваны, Вей...

Хозяин дома улыбнулся, не слишком доверяя словам захмелевшего друга.

– Да, Эндрю, правда. Наплевать! Главное, чтобы у них была нормальная человеческая жизнь, не хуже чем у нас с тобой. Кем ты думаешь, был этот настоящий первооткрыватель Клондайка Чарли Доусон, фамилию которого взял мой дед и полным тезкой которого я оказался?

Андрей пожал плечами. Вариант – англичанином показался ему слишком очевидным, афроамериканцем – слишком смелым.

– Он был индейцем из племени Тагиш. Но в канадский зал славы старателей он внесен как Чарли Доусон. Так было легче войти в англосаксонскую версию истории Америки.

– Я не собираюсь входить в историю, – парировал Челищев, поняв, к чему клонит Чарли.

Доусон кивнул, зная, что Эндрю не кокетничает. Он подошел и дружески похлопал товарища по плечу.

– Ладно, не хочешь в историю, подумай о современности. Твое вино хотят заказывать в Белом доме. Оно может стать супербрендом! Я тут общался со старыми приятелями из

Вашингтона. Из столичного Вашингтона, – поправился Доусон. – Они сказали, что твое Каберне могло бы поучаствовать в тендере поставок для банкетов в честь иностранных делегаций. Я им напомнил, что это эксклюзивный продукт, и что ты имеешь право дать ему свое имя. Они не стали возражать. Более того, парни из службы протокола готовы организовать для тебя приглашение в Белый дом и встречу с президентом. Но есть проблема.

Андрей Викторович вздохнул, догадавшись, какая.

– Да, представь, никто из них не смог с пяти попыток выговорить твою фамилию, а потому мне намекнули, что было бы хорошо придумать для бренда что-нибудь попроще.

– Главное, вкус вина, а не имя, – парировал Челищев.

Чарли налил себе еще бокал. Долго вертел в руках пустую бутылку, рассматривая броскую и несколько аляповатую этикетку.

– Имя не важно, пока оно не стало брендом. А потом оно важнее всего, важнее даже денег, – Чарли назидательно указал пальцем на друга, – И знаешь, почему? Потому, что это уже большие деньги!!!

Челищев уловил знакомые нотки в баритоне товарища, будто тот вдруг заговорил голосом телеведущей Линды Свенсон. Андрей Викторович поймал себя на мысли, что когда американцы говорят о деньгах, то интонация их голоса становится одинаковой. Неважно, кто говорит: мальчишка, женщина или старик.

Ближе к вечеру, протрезвев, Чарли засобирался в дорогу. Ему еще надо было до темноты успеть в Сан-Франциско. Андрей вышел проводить его до парковки. Стоял чудный осенний вечер, солнце уже катилось по склонам холмов, посылая прощальные теплые лучи винной долине. С океана веяло бодрящей прохладой, а с востока в низины напозлал вечерний туман. Друзья шли молча, стараясь не спугнуть эту торжественную картину заката. Только уже садясь в свой кадиллак, Доусон позволил несвойственную ему восторженность:

– Райское место! Придет время, и нашу долину Напа будут знать виноделы всего мира. И это благодаря тебе, Эндрю.

Чарли примирительно – ладонью вверх протянул Челищеву свою огромную ручищу для рукопожатия:

– Я сегодня за столом, наверное, наболтал лишнего. Но видит Бог, мне бы просто хотелось, Эндрю, чтобы твое имя навсегда здесь запомнили.

Попрощавшись с Доусоном, Андрей Викторович решил размять ноги после застолья. Он любил такие вечерние прогулки, когда можно было остаться наедине с природой и самим собой. Действительно, долина Напа давно стала для него райским местом, где он был по-настоящему счастлив. Счастлив в семье, в друзьях, в работе. Однако временами и здесь, посреди круглый год цветущих субтропиков, на него находила необъяснимая хандра. Его вдруг начинали раздражать эти вечно зеленые холмы, это вечно ласковое солнце, это вечно весеннее щебетание птиц.

Вот и сейчас ему вдруг захотелось русской зимы, русского снега и русского мороза. Он вспомнил январские сугробы в человеческий рост у родительского дома на старом Арбате, вспомнил припорошенные снегом кресты на куполах белокаменной церкви Симеона Столпника на Поварской, где мальчишкой прислуживал алтарником, вспомнил катания на коньках на Москва-реке у Патриаршего причала, над которым будто былинный богатырь в позолоченном шлеме нависал Храм Христа Спасителя. Вспомнил, наконец, как на крещенском морозе скрипят валенки, когда он вместе с матерью идет на молебен в этот собор-великан. Здесь Александра Викторовна проводит сына вдоль белых мраморных плит, по которым маршируют бесконечные шеренги фамилий офицеров русской армии, павших в войнах с Наполеоном. Мать с сыном проходят по лабиринту в глубину коридора к 12-й стене, где лампада и горящие свечи на высоком бронзовом подсвечнике освещают имена погибших при Бородино. Десятилетний Андрюша становится на цыпочки, и, найдя подсказанную матерью 9-ю строчку снизу, читает вполголоса по слогам: «Рот-мистр Че-ли-щев». Потом зажигает большую тяжелую восковую свечу, ставит ее на подсвечник и крестится.

...Андрей Викторович остановился посреди дороги и перекрестился. Сердце его сжалось от боли, когда ему снова вспомнилась статья в эмигрантской газете о том, как безбожные

власти устроили на месте взорванного московского собора летний плавательный бассейн. Эта боль была такой же острой, как в далеком 1918-м, когда отец, Виктор Николаевич уже на юге, в армии Деникина, рассказал юноше, что их родовое гнездо под Калугой разграбили местные крестьяне. Сначала разорили каменный дом, сожгли картины и библиотеку, растащили коллекцию вин, а потом, напившись, повесили на деревьях аллеи всех охотничьих собак из отцовской псарни. Последняя дикая выходка особенно шокировала отца, московского профессора права, убежденного демократа и лидера земского движения. Виктор Николаевич тогда закрыл лицо руками, чтобы сын не видел отцовских слез, и прошептал: «Мне стыдно, что я русский...»

Челищев-младший сейчас вдруг подумал, что Чарли Доусон тысячу раз прав, говоря о «русских крайностях», прав, намекая на то, что он, Челищев, словно, за соломинку, держится за свою псевдопатриархальную русскость. Да, он продолжает говорить дома на русском языке, ходить в русскую церковь, читать русские книги. Но что, по-настоящему связывает его с Россией, что будет связывать его сына, его внуков? Да разве это все не иллюзия, не глупая дворянская фанаберия: рисовать в альбомах ветвистое генеалогическое древо, когда уже давно срублено под корень и выкорчевано само дерево русской истории?!

«Я ведь и сам давно и с удовольствием представляюсь на французский манер: Андрэ, – признался себе Челищев. – Так, где же мои русские принципы? Мне просто это нравится и нравится окружающим».

Челищев вдруг представил улыбающееся, пышущее наивным оптимизмом молодости лицо красавицы Линды из теленовостей. Подумал, что не прочь был бы снова увидеть ее. Сначала эта мысль показалась ему неприличной, но потом он подумал, что действительно было бы увлекательно – вести свою телепрограмму. Ведь за телевидением будущее. И потом, говорят, что работа перед камерой – это лучшее лекарство от надвигающейся старости. Он вспомнил, что завтра понедельник и можно будет позвонить в студию и договориться о встрече, просто о бизнес-встрече.

Челищев не заметил, как дошел по тропинке до вершины холма, куда еще достигали последние лучи заходящего солнца.

Здесь, на поляне, приютилось старое сельское кладбище с могилами нескольких десятков местных жителей. Некоторых из них Челищев знал лично. Это были фермеры, виноделы, отставные моряки, переехавшие на пенсию с побережья. Андрею подумалось, что, пожалуй, хорошо бы когда-нибудь, через много лет, тоже упокоиться на этом холме, откуда открывается такой божественный вид и куда могли бы приходиться погрустить и поразмышлять о вечном его родные и друзья. Он с любопытством стал читать эпитафии и вдруг увидел в тени кипариса, на неприметном маленьком надгробии, высотой с пенек, надпись: Иван Иванович Иванов. Надпись была на русском. А ниже: помельче, в скобках – фамилия, имя и отчество уже на английском языке.

Челищев удивился, что не замечал раньше эту могилу своего соотечественника. А ведь у него глаз наметанный. Сколько он встречал таких русских могил повсюду: во Франции, Чехословакии, Югославии. А потом и здесь – в Америке. Некоторые на немецкий манер с «off» на конце, некоторые – со староружимными «i» и «ять». Но такой – трижды русский Иван ни разу не попадался ему. Наверняка Линда или Чарли ахнули бы от восторга, найдя такой «фантастический бренд». Но Челищев был далек от подобных восторгов. Ему даже показалось, что носить такую фамилию в эмиграции – было все равно, что добровольно взваливать на плечи еще один крест, не боясь ни осуждения, ни жалости, ни насмешек.

На надгробии желтела маленькая овальная фотография. Чтобы лучше разглядеть ее, Андрей Викторович отодвинул ветку кипариса и присел на одно колено. На него в упор глянули дерзкие, бесстрашные, чуть раскосые глаза. Лицо покойного вряд ли можно было назвать правильным. Слишком по-азиатски жесткие скулы, слишком угловатые брови, слишком большой ястребиный нос. Годы жизни не были указаны, но, судя по снимку, сделанному в молодости, судя по черной зимней фуражке, которую носили офицеры-деникинцы, Иванов был его, Челищева, ровесником.

Андрей Викторович не мог отвести взгляда от лица, показавшегося ему вдруг хорошо знакомым, выхваченным памятью из бесконечного калейдоскопа людей и событий. Где же он встречал этого трижды Иванова? Может, на Перекопском

валу, где после третьей за день рукопашной схватки Челищев уже потерял счет погибшим товарищам и не знал даже имен окружавших его, сбившихся в одном окопе людей? А может, в русском лагере в турецком Галлиполи, среди голодавших, больных, израненных, но не потерявших присутствие духа, солдат и офицеров корпуса Кутепова? Или может, в университете в Брно, где в гулких, высоких коридорах русская речь слышалась даже чаще чешской? Наконец, может, уже здесь, в Америке, на службе в кафедральном православном соборе Сан-Франциско? Челищев силился вспомнить, и ему казалось, что он вот-вот вспомнит, но изображение на фотографии уже стало тускнеть и размываться в сумерках.

Андрей Викторович поехал от вечерней сырости, встал, и, не оглядываясь, пошел вниз на свет родных окон. Он шел обратно к своему американскому дому, к своей американской семье, к своей привычной, налаженной американской жизни, где его ждали еще тысячи и тысячи дней, ждали тысячи больших и малых дел, ждали слава и успех.

...Сегодня имя Андрея Викторовича Челищева внесено в Зал винной славы Америки. Премию имени Андре Челищева «Винодел года» вручают на Международном конкурсе вин в Сан-Франциско. Кстати, Челищев был частым и желанным гостем в Белом доме. Не знаю, научился ли правильно выговаривать его странную русскую фамилию, например, Рональд Рейган, но судя, по архивным фотографиям, он был один из многих поклонников вин, созданных Андреем Викторовичем.

Триумфом Челищева стала «слепая дегустация» калифорнийских и французских вин в Париже в 1976-м году. Тогда впервые (и не в последний раз) элитные вина Бордо и Бунгурдии уступили американским каберне и шардоне, представленным учениками Андрея Викторовича еще при жизни великого маэстро. В 2008 году Голливуд даже выпустил драму-комедию «Удар бутылкой» (*Bottle Shock*) по мотивам тех парижских событий.

А в 2010 году, спустя 16 лет после смерти Андрея Викторовича Челищева, его имя вернулось в Россию. Выставка под названием «Андрей Челищев – основатель современного виноделия Калифорнии» проходила в Москве, в Доме русского

зарубежья. Одним из ее организаторов стал племянник маэстро – Виктор Викторович Челищев. Одним из спонсоров – тоже родственник мастера, президент винодельческой кампании Quilceda Creek Vintners князь Алексей Голицын. А фрагменты нового фильма-биографии «Голос вина», представил внучатый племянник маэстро, известный нью-йоркский кинорежиссер и продюсер Марк Челищев.

Сегодня уже и московский профессиональный конкурс выдает награду имени Андрея Челищева «За вклад в продвижение и популяризацию винодельческой продукции в России». Хочется надеяться, что в недалеком будущем где-нибудь на Арбате, на месте, где стоял фамильный особняк Челищевых, найдется место хотя бы для мемориальной доски с именем волшебника вина.

А в долине Напа уже давно стоит памятник, поставленный великому виноделу. На нем фигура Челищева в полный рост с бокалом вина. Имя маэстро написано на французский, привычный ему самому манер, – Andre, а русская фамилия латинскими буквами: десять согласных и всего три гласные: Tchelistcheff. Запомнить эту трудную эмигрантскую фамилию, наверняка было непросто людям, не говорящим на русском языке. Но благодарные друзья, коллеги и ученики, как видите, ее не забыли. Давайте, будем помнить и мы с вами.

Григорий Куперштейн
Балтимор, США

ДЕЛО БАРБЕРА ИЗ ЦИКЛА «ОДЕССКИЕ РЕБЯТА»

Говорят, что..

Однажды, молодой скрипач-вундеркинд заказал для себя скрипичный концерт у многообещающего молодого американского композитора. Получив первые две части, скрипач сказал, что концерт слишком лёгкий. Тогда Барбер написал третью часть в форме «вечного движения». На этот раз, скрипач сказал, что это невозможно сыграть, уж очень трудно.

Чтобы доказать, что ничего невозможного в этой музыке нет (и получить гонорар), Барбер попросил Оскара Шумского, лучшего студента знаменитого Музыкального института Кертис, продемонстрировать, что эту музыку вполне можно сыграть. Шумский выучил эту третью часть концерта за два часа. Но скрипач-заказчик так и не принял концерта. Его карьера солиста не состоялась, а скрипичный концерт Барбера стал самым знаменитым американским скрипичным концертом, одним из очень немногих стандартных произведений, созданных для скрипки в 20-м веке.

Это легенда. А вот что было на самом деле:

Всё началось в Одессе, где в 1912 году родился Исаак Бризелли. Когда ему было три года, он попросил отца, врача и музыканта-любителя, учить его на скрипке (цифра 3, видимо, волшебная: Яша Хейфец и Тоша Зайдель оба начали играть на скрипке в 3 года). К семи годам Исаак был учеником П. С. Столярского, учителя Натана Мильштейна и Давида Ойстраха. В 1922 году семье Бризелли удалось уехать из Советской России. В Германии юным скрипачом заинтересовался другой всемирно известный скрипичный педагог Карл Флеш.

Между тем, в Филадельфии одна очень богатая женщина, Луиза Кёртис Бок, решила открыть музыкальную школу, которую она назвала Музыкальный институт Кёртис, в честь своего отца. В Кёртисе будут учить совершенно бесплатно только самых лучших молодых музыкантов. И учить их будут лучшие педагоги; и это будут самые высокооплачиваемые педагоги в мире. Карл Флеш был приглашен на пост главы скрипичного отдела. В то время он преподавал в Берлинской Высшей Школе Музыки. Это было почётное место, но из-за инфляции его зарплата была очень мала. А в Филадельфии в 1924 году, за три с половиной месяца преподавания, он получил \$25 000, что в пересчете на 2015 год составляет \$339 000.

В Берлине у Флеша были замечательные студенты; среди них были Макс Росталь и Шимон Гольдберг, в будущем концертмейстер берлинской Филармонии. Всех их Флеш оставил ... Но давайте почитаем собственные мемуары Флеша:

«Я взял с собой бедного еврейского мальчика, которого я учил играть на скрипке. Он был из Одессы, и звали его Исаак Бризелли. Мы решили поменять ему имя, так как считали, что

ему будет труднее пробиться с именем «Исаак». С той поры его звали «Исо», и с этим новым именем, в период Рождества, он поехал с нами в Филадельфию. Он должен был быть в моем классе в Кёртисе; богатый торговец шелком обязался обеспечить его всем необходимым для жизни.

При проверке паспортов, маленькому Исо было отказано во въезде, потому что, согласно американскому закону, дети в возрасте до 16 лет могут въехать в страну, только если они вместе с родственником по крови. Мы должны были ждать, пока все пассажиры сойдут на берег; затем полицейский провел нас на Эллис Айленд, своего рода чистилище для нежелательных иммигрантов. Г-н Гролле, директор Кёртиса, который нас встречал у причала, был с нами, стараясь нас освободить. Благодаря помощи переводчика, который меня знал, нам удалось собрать трибунал; этот трибунал в конце концов нас освободил, после того как я, под присягой, пообещал, что мальчик покинет Соединенные Штаты в течение четырёх месяцев».

Флеш, без сомнения, высоко оценивал потенциал маленького одессита, если он, из всех своих замечательных студентов, взял только его одного с собой в Америку. Флеш даже договорился с «богатым торговцем шелком, который обязался обеспечить мальчика всем необходимым для жизни».

Братья Фелс фактически были очень успешными еврейско-американскими производителями мыла; они основали свою компанию во второй половине 19-го века в Филадельфии. Затем Джозеф, старший брат, переехал в Англию. Когда 17-летний Ефрем Цимбалист сделал свой очень успешный лондонский дебют в 1907 году, он подружился с Джозефом Фелсом, который стал его большим поклонником и покровителем. Фелс купил Цимбалисту скрипку Гваданини, а впоследствии, и Страдивари. Цимбалист, когда стал знаменит, вернул Фелсу долг за скрипку.

Сэмюэль Фелс, младший брат Джозефа, продолжал жить в Филадельфии, где он руководил фирмой. Сэмюэль был в числе совета директоров Филадельфийского оркестра, а его жена была в числе совета директоров только что созданного Кёртис Института. Возможно, они хотели пойти по стопам их к тому

времени покойного брата Джозефа и помочь карьере другого талантливого молодого русско-еврейского скрипача.

Как бы то ни было, Исо Бризелли очень понравился Фелсу и его жене. Они стали настолько близки, что Бризелли переехал к Фелсам и они хотели его усыновить. Мать Исо, которая к тому времени жила в Нью Йорке, была против. Так они стали жить одной семьей без соблюдения формальностей. Хотя Исо и не был усыновлен формально, но фактически он был усыновлен. Фелсы купили ему три ценные скрипки, среди них знаменитый «Греффюль» Страдивари.

И мальчик не разочаровал. Исо Бризелли сделал свой официальный дебют как солист в 1926 году в возрасте 14 лет с Филадельфийским оркестром под управлением Артура Родзинского. Он играл Первый концерт Паганини. Год спустя Исо повторно сыграл тот же концерт под управлением главного дирижера Филадельфийского оркестра Леопольда Стоковского, который по этому случаю подарил ему золотые часы с надписью.

В 1927 году Флеш решил вернуться в Берлин, и Исо стал студентом Ефрема Цимбалиста. С самого начала они не сошлись характерами. Цимбалист чувствовал, что мальчику было трудно устоять под давлением других талантливых сверстников.

Исо Бризелли и Сэмюэль Барбер были в числе первых студентов Кёртиса. Они оба закончили его в одно и то же время и в 1934 году одновременно получили свои дипломы во время первого в истории Кёртиса выпуска студентов.

К 1939 году Барбер начал завоевывать известность как значительный молодой композитор, а Бризелли начал свою сольную карьеру. У Бризелли было запланировано очень важное выступление; в январе 1940 года он должен был играть в абонементных концертах Филадельфийского оркестра под управлением его главного дирижера Юджина Орманди. Чтобы отметить такое важное событие, Сэмюэл Фелс, покровитель Бризелли, согласился заказать Барберу новый концерт для скрипки с оркестром, который должен был быть готов к первому октября, с тем чтобы дать солисту достаточно времени на подготовку нового произведения. Для Барбера это был

первый заказ на его музыку, а Бризелли с Фелсом впервые заказали кому-либо новое произведение.

Барбер начал работать над первыми двумя частями в Швейцарии летом 1939 года. Сочинение продвигалось медленно.

Когда Барбер принес Бризелли первые две части концерта в середине октября (позже чем предполагалось), Бризелли был полон энтузиазма. Он считал, что они были прекрасны, и с нетерпением ждал финала. Он посоветовал Барберу включить больше виртуозности в финал концерта, чтобы показать в полной мере возможности скрипки. Барбер с этим согласился и пообещал написать финал с «обильными возможностями для солиста продемонстрировать свои технические способности».

Когда Барбер закончил третью часть, которая была, по его словам, «сложная, но длящаяся только четыре минуты», он, по всей видимости, имел сомнения в возможности ее исполнения. Перед тем как передать музыку Бризелли, Барбер решил сделать проверку.

Студента Кёртиса Герберта Баумеля попросили выучить пьесу за два часа и сыграть ее «в очень быстром темпе» для нескольких человек. Карандашная рукопись, которую ему дали, была безымянной скрипичной партией части финала скрипичного концерта. Баумель с успехом ее исполнил. По словам Барбера, «мои друзья прослушали музыку, она им и мне понравилась».

Барбер сделал эту проверку только для того, чтобы самому быть уверенным: то, что он дает Бризелли, было «исполняемым, и это можно было сыграть».

Если у Барбера, в результате проверки, стало больше внутренней уверенности в себе, Бризелли, получив третью часть концерта в конце ноября, был разочарован. Согласно Бризелли, он ожидал получить финал, по солидности и качеству соответствующий первым двум частям, но этот финал был в сравнении с ними чересчур легковесным. Бризелли сказал Барберу, что в этой музыке не чувствуется, что она является частью целого, кажется, что третья часть не связана музыкально с первыми двумя частями, что, по его мнению, с точки зрения музыкальной формы, недостаточно, чтобы быть финальной частью крупного произведения.

Мы знаем из письма, которое Барбер послал Сэмюэлю Фелсу, заказчику концерта, что отчет Бризелли соответствовал истине. В этом письме Барбер говорит, что Бризелли указал три причины своего отказа: (1) «он не мог успеть выучить концерт к январю, чтобы играть его с уверенностью»; (2) «произведение не было скрипично»; (3) «музыкально, третья часть не соответствовала двум первым частям; она казалась ему незначительной. Ему хотелось чтобы была написана другая часть.»

Бризелли попросил Барбера переписать финал. Он предложил исполнить концерт позже, чтобы дать Барберу, если нужно, больше времени. Бризелли посоветовал Барберу расширить третью часть, сохранив «вечное движение» как среднюю часть, что могло бы придать произведению больше структурности. Бризелли чувствовал, что только в этом случае получится полноценный первоклассный концерт.

Барбер не принял во внимание пожелания Бризелли и отказался сделать какие-либо изменения. Он сказал: «Я не могу уничтожить часть, в которую я как артист полностью верю.»

Бризелли решил что, возможно, Барбер не имел времени на переделки, потому что он уже работал по заказу над другими произведениями. Во всяком случае, для Бризелли это было большим разочарованием. Он верил, что с более значительной третьей частью, это произведение могло бы стать великим Американским Концертом.

Нашла коса на камень. Барбер отказался что-либо менять, а Бризелли решил отменить премьеру концерта и отказаться от всех прав на него. Барбер с этим согласился. «Мы решили бросить наш проект, без враждебности с обеих сторон.» Он сказал, что «ему было жаль, что он не смог дать Исо того, что тот хотел». Современники подтверждают, что Барбер и Бризелли остались друзьями до конца жизни Барбера, несмотря на разногласия по поводу концерта.

Для своего выступления с Филадельфийским оркестром под управлением Орманди, вместо Барбера, Бризелли выбрал концерт Дворжака. Он исполнил его 19 и 20 января 1940 года. Концерт Дворжака – один из сложнейших в скрипичном репертуаре; рецензии были положительные. Выбор Дворжака ясно говорит, что Бризелли отказался от Барбера не потому, что

третья часть была ему не под силу. Если ты можешь хорошо сыграть Дворжака, Барбер не составляет никаких проблем.

Когда Бризелли вернул Барберу концерт, тот продолжал его дорабатывать. В августе 1940 года Барбер показал свой концерт известному американскому скрипачу Альберту Спалдингу, которому он сразу же понравился. Премьера концерта состоялась в феврале 1941 года со Спалдингом и Филадельфийским оркестром под управлением Юджина Орманди. Несмотря на проблематичный финал, концерт Барбера остается самым популярным и любимым американским скрипичным концертом.

Бризелли продолжал профессионально солировать на протяжении более чем двух десятилетий, но в конце концов устал от бродячей жизни солиста. И финансово ему в этом не было нужды. Постепенно, вместо того чтобы самому давать концерты, он начал помогать другим давать концерты. Когда был основан благотворительный Фонд Сэмюэля С. Фелса в 1935 году, Исо Бризелли стал его руководителем и, впоследствии, президентом. Бризелли направлял Фонд Фелса в поддержку искусств. Он помог основанию Пенсильванского Балета и Филадельфийского камерного оркестра. В память о его финансовой поддержке, именем Бризелли названо место первого гобоя Филадельфийского оркестра.

Совсем неплохо для бедного одесского мальчика...

Евгения Емельянова

Колумбия, Мэриленд, США

МЫС КАНАВЕРАЛ

Нелегкая понесла нас во Флориду в самом начале июля. Правда, в это время года и под Вашингтоном стоит страшная жара, так что терять нам особо было нечего. Нам – это мне, русской бабке, и моим двоим внукам-американцам. Вызвалась отвезти нас туда в автомобиле и приютить у себя мать моей снохи-американки, то есть моя сватья, а внукам – родная бабушка, как и я.

Семьи, у которых есть малые дети, часто и переходят на язык маленьких детей. Так, своего сына я давно уже зову папой, он меня – бабой, мою сноху мы все зовем мамой, а ее мать – большая, главная мама – Грэндма. Уф!

Для американцев дети в путешествии – не помеха. С самого рождения у каждой малютки есть свое автомобильное кресло-карсит. У новорожденных – в форме колыбельки. По мере взросления карсит три-четыре раза обновляется. Рассказываю это для своих бывших соотечественников в бывшем же Союзе, ибо не все они знают, что упаси Бог, в Америке повезти младенца в автомашине на руках. Строжайше запрещено. За создание условий, опасных для жизни ребенка, можно и в тюрьму угодить.

Путешествовать в машине с кондиционером – все равно, что сидеть дома на мягком диване и смотреть ТВ. Только в путешествии картинки сменяет сама жизнь. Однако, это для взрослых. Малышам, закованным в сиденье, как в тюрьму, приходится несладко. Слабые из них покричат-покричат, и, сломавшись, засыпают. Не то мои внуки. В них намешано столько взрывоопасных генов, что бунт их страшен: корни питерских революционеров переплелись с корнями алтайских кулаков, да где-то там и мордва ночевала, да плюс ирландская кровь первых поселенцев Америки, да плюс польские ветви...

Короче, к концу первого дня пути обе бабки были основательно измочалены. В отчаянье Грэндма схватила сотовый телефон и спросила у кого-то из небесной канцелярии, где бы тут найти переночевать побыстрее и чтобы попримичнее с малыши детьми. Ответ был дан незамедлительно после двух-трех наводящих вопросов, и в который раз я подивилась совершенству взаимодействия местной техники и жизни.

Мотель – это гостиница для автомобилистов, а не только гнездо разврата, как себе раньше представляли советские люди по переводной литературе и кинофильмам. Очень удобно – у входа в твой номер тебя ждет твоя машина. По уровню удобств и комфорта – самая низкая ступень в американском гостиничном бизнесе. В молодости я часто моталась по командировкам: работа была такая. Вот плохая советская гостиница по уровню комфорта и есть самый плохой американский мотель. Плохой – он и в Америке плохой. В этот

раз у нас был не самый худший: чистый и даже кондиционер не гудел.

Мои сваты – ровесники мне – подготовились к наступлению старости во всеоружии: из двух больших комфортных домов, бывших в их владении, оставили себе один во Флориде, второй продали, обзавелись новенькими автомобилями, раздарив старые, довольно потрепанные и неказистые, младшим детям. Дом их на Атлантическом побережье – дворец не дворец, но не всякий «новый русский» такой имеет. Городок, в котором они обосновались, похож на рекламный плакат из жизни пальмового рая. Сватья же моя – бывшая учительница, сват – предпенсионный железнодорожный служащий. Здешние соседи их – того же американского легендарного среднего класса.

В один из дней, когда, как это часто бывает, пляжные развлечения наскучили, мой сват вызвался отвезти меня со старшим внуком на мыс Канаверал, расположенный во Флориде же, неподалеку. Неподалеку – это, по-нашему, километров двести-двести пятьдесят, что для американца не расстояние. На этом мысе, как известно, находится космический центр НАСА, откуда обычно стартуют в космос американские астронавты.

– И это возможно? – спросила я, которой сама мысль об этом никогда бы не пришла в голову. – И это не секретно?

– О, нет, – сказал мой американский родственник. – Это совершенно не секретно.

«Америка – необычная страна», – подумала я уже в который раз.

Отец моей снохи – ветеран Вьетнамской войны, морской пехотинец в прошлом. Страстный республиканец. Самозабвенный патриот. Лучшим его развлечением является подвести вас к чему-то выдающемуся, необыкновенному, выражающему мощь его страны, – и, стоя рядом, глядя со стороны на произведенный эффект, гордо посмеиваться, будто и сам к этому руку приложил.

Помимо работы, основным увлечением Тима (так зовут моего свата) является политика, и особенно та ее часть, которая касается отношений Штатов с бывшим Советским Союзом и нынешней Россией. В этом смысле новые родственники для него – настоящий подарок судьбы.

Рано утром Тим посадил меня со старшим внуком в свой новенький, три месяца как купленный, «Крайслер» и мы полетели навстречу неизведанному. Несмотря на мой убогий английский, в салоне автомобиля велась светская беседа. Тема ее строго соответствовала случаю.

– Послушайте, Тим, – спрашивала я, – вы ведь помните то время? Для вас действительно запуск первого советского спутника был неожиданностью?

– О, да, – отвечал Тим. – Большой неожиданностью и большим испугом. Мы боялись, что ракеты посыпятся на нас прямо из космоса. Мы так сильно испугались тогда, что до сих пор Америка переживает настоящий космический бум.

– Студенткой я видела запуск ракеты, – продолжала я раскрывать свои познания в космической технике.

– Ты была на Байконуре? – с уважением посмотрел на меня Тим.

– Ну, не на Байконуре, а в его окрестностях, – мне не хотелось его сильно разочаровывать. Несколько человек с нашего курса ездили тогда со стройотрядом в соседний с космодромом район. И я действительно видела уходящую в темное южное небо ракету с ослепительным треугольным хвостом.

– Космодромы обычно строят на юге, ближе к экватору, – начала я новый виток нашей космической беседы. – Вот и Байконур, и ваш Канаверал.

– О, да, – с готовностью подхватил Тим. – Чем ближе к экватору, тем легче вывести ракету на расчетную орбиту.

– Зато теперь у России остался только северный Плесецк. Как они будут выходить из положения? – притворно озабочилась я, еще не зная тогда о предстоящей аренде Байконура у независимого Казахстана.

– У Штатов тоже, наверное, есть космодром, расположенный севернее, – сказал сват.

Ему положительно нравился наш совместный русско-американский экипаж. Автомобиль стремительно летел на юг по превосходному шоссе. Где-то в конце его, как говорили дорожные указатели, расположился курортный Майями.

Между тем, идиллии приходил конец. Наступал поворотный, в прямом смысле слова, момент нашего путешествия. Где-то

близко под дорожной развязкой должен был быть поворот к космическому центру.

Поворот оказался на месте и был закрыт по причине ремонта дорожного полотна. Черный асфальт, положенный, видимо, недавно, еще не был расцвечен разметкой. Тим вышел из машины, дошел до полосатого шлагбаума, перегораживающего путь, зачем-то подержался за него и вернулся назад.

– Будем искать другой поворот, – со смущенной улыбкой доложил он.

– Конечно, конечно, – закивала я.

«Крайслер» снова полетел, иногда для разнообразия касаясь колесами земли. Судя по указателям, расстояние до Майями сокращалось.

Следующий поворот был закрыт по причине лесного пожара, недавно прошедшего здесь и оставившего по обе стороны дороги обугленные колья деревьев размером с телеграфные столбы.

Настроение у Тима резко ухудшилось. Стечение обстоятельств ли, непонятная ли сила явно вознамерились помешать осуществлению его стройного, тщательно выношенного плана показа русской родственнице космической мощи своей страны. Атмосфера в салоне автомобиля сгустилась.

В поисках следующего поворота ехали долго. Иногда мне казалось, что машина стоит на месте и мелко-мелко трясется, а вокруг с бешеной скоростью вращаются однообразные картинки, как при съемке кинофильма.

Если бы за рулем сидел мой сын или еще кто-нибудь из наших, русских, уже на втором закрытом повороте мы бы переглянулись, беззлобно выругались с досады и сказали бы: «Ну и хрен с ним, с мысом! В другой раз приедем.» Развернулись бы и порулили в ближайшую закусочную.

Не то было сейчас. Тим замкнулся, прервал светскую беседу, весь ушел в себя и стал как бы частью рулевого управления. Не глядя по сторонам, он устремился вперед, опережая даже свою превосходную машину. Мы опять полетели. Рекламные щиты вдоль дороги провожали нас непрочитанными надписями.

– Давай уж сразу в Майями, – неудачно пошутила я после очередного дорожного указателя, сообщившего нам, что

курортная столица сильно приблизилась. Кривая гримаса, изображающая улыбку, показала мне, что шутка услышана.

Мыс Канаверал. «Сад ракет». Photo: Brandon Wholey

Бывший морпех сцепил зубы, пригнулся, как перед атакой, и я поняла, что через Майями ли, через пустыню ли Сахару, Берингов ли пролив или вообще через Бранденбургские ворота, но на мыс Канаверал я сегодня непременно попаду, и обязательно в космический центр имени Джона Кеннеди. И еще я поняла, чья наследственность возобладала у нашего младшего внука, которого за настырность характера в семье прозвали Бульдозером.

И я затихла. Самое интересное, что замолчал и наш внук, ранее меня уловивший предгрозовые флюиды и переставший повторять свою вечную присказку о том, что нам-де давно пора уже в «Макдональдс».

Третий поворот нашелся-таки! Мы благополучно повернули. Когда препятствие было преодолено, Тим вмиг переменился. В салон автомобиля заглянуло солнце, довольная улыбка вошла в его взгляд, и он опять стал застенчивым дедом, которому внук, чутко улавливающий конъюнктуру момента, опять стал предъявлять макдональдовские претензии.

Уж не знаю, вдоль или поперек, как в той басне, широчайшей Банановой реки и еще одной такой же, проехали мы по прямой и узкой, как стрела, трассе и оказались в ... туристическом центре.

Да-да, святая святых американской науки и техники оказалась публичным местом в самом прямом смысле слова!

В автобусной экскурсии фирменного туристического центра НАСА мы увидели все или почти все: широкий и высокий, как небоскреб, ангар, за закрытыми дверями которого рождаются «Шаттлы»; платформа, на которую их водружают, и другая – для транспортировки на стартовую площадку.

Показали нам издалека конструкции, поддерживающие ракеты при старте, трибуны для прессы и ТВ, заполненные в момент пуска, а сейчас пустые. Проезжали мы мимо многочисленных зданий научных и технических служб, зашли в «Сад ракет» (по аналогии с «Садом камней»), участвовали в спектакле «Запуск ракеты», проходящем в почти настоящем центре управления полетами, где на креслах возле компьютеров и мониторов с изображением стартующего корабля оставлены голубые и белые куртки якобы только что отлучившихся сотрудников и где при команде «Пуск!» начинает дрожать пол и звенят и только что не сыпятся на голову стекла.

И поразило меня небывалое стечение народа в будний день, среди которого были, наверное, и иностранцы, но основная масса – и огромная! – граждане этой страны, американцы. Семьями, в одиночку, школьными классами и студенческими группами они стремились все посмотреть и узнать. Выходили на каждой остановке экскурсионного автобуса, заходили во всякое открытое здание, поднимались на все доступные точки обзора, фотографировали друг друга на фоне луноходов и ракет, оживленно переговаривались, восторженно оглядывались, задавали гиду уйму вопросов и внимательно выслушивали ответы.

Они атаковывали магазины и киоски, на которых выделялась эмблема НАСА, они заполняли кафе и закусочные, терпеливо высиживали в темном зале при демонстрации кинофильмов. Словом, от души участвовали в предложенном шоу, и по лицам было видно, что получали от этого удовольствие.

Глядя на эту туристическую суету и выслушивая мои охи и ахи, Тим заметил:

– Налогоплательщики имеют право знать, на что расходуются их деньги.

И эта фраза, слышанная мною миллион раз и казавшаяся верхом занудства, заиграла совсем другими красками.

Конечно, показали далеко не всё. Конечно, главные секреты остались за семью печатями. Но автобусная экскурсия и система турникетов были спланированы так тонко и умно, что посетители не увидели ни одного охранника на территории НАСА, ни одного закрытого шлагбаума, не услышали ни одного слова «нет» или «нельзя». Для нас была создана полная иллюзия погружения в деятельность самого современного и мощного в мире научно-технического комплекса.

О, Россия, не надо специально создавать положительный имидж за рубежом, как советуют тебе твои многомудрые политики. Почаще показывай свои успехи своим гражданам, и все будет о'кей!

Вообще-то детей двадцатого века ракетами удивить трудно. С малых лет мы в Советском Союзе привыкли к тому, что освоение космоса – это деталь нашей жизни, не более.

Вот и сейчас меня больше поразило то, что главный цвет в американском космическом центре – зеленый. Все огромное пространство между корпусами и площадками покрыто тщательно ухоженным травяным газоном. На десятках, если не сотнях, гектаров научно-технического комплекса всюду вдоль дорог встречаются естественные водоемы с естественными же животными, о которых гид, ведущий экскурсию, торжественно объявляет: «А теперь посмотрите направо, и вы увидите двух действующих аллигаторов». О белых цаплях, стоящих по колено в воде, и птицах, похожих на грифов, сидящих на столбах линий электропередачи, ввиду обыденности, и речи нет. Все это благолепие – на фоне апельсиновых рощ с поспевающими плодами, пальмовых зарослей, лезущих из земли, как лопухи в Подмосковье.

На обратном пути остановились отдохнуть на берегу океана. Он был огромен и всепоглощающ. Он заслонял собою весь мир. Ему мало было быть мощным и беспредельным монополистом. Своей огромной ладонью он хотел накрыть, вобрать в себя все,

копашащееся на побережье. Его ладонь была темной от множества песчинок. Но под властью океана мне было легко и радостно. Я точно знала, что завтра его волна снова станет изумрудной.

Лиана Алавердова
Нью-Йорк, США

ПРОДАЖА РОССИЙСКИХ СОКРОВИЩ

Именно так называется книга, недавно выдержавшая второе издание. *Selling Russia's Treasures. The Soviet Trade in Nationalized Art 1917-1938.* New York, London: Abbeville Press Publishers, 2013. Редакторы – Наталья Семенова и Николай Ильин. Книга внушительная, тяжеленная, богато иллюстрированная.

Фундаментальный труд, написанный не только для специалистов. Без сомнения, авторы-составители проделали колоссальную работу, за что им низкий поклон и благодарность. Они явно идут против течения: отбеливания и замалчивания российской истории. Благородно, но нелегко. Тем временем приближается очередная годовщина Дня Победы, когда некоторые наши бывшие соотечественники привычно будут кучковаться с портретами своего кумира – Сталина.

Хорошо бы напомнить им еще об одном подвиге их идола – продаже национальных богатств России. Впрочем, он и тут шел вослед своему предшественнику – Ленину. Разграбление дворцов началось с первых же дней революции, сопровождаясь актами пьяного вандализма со стороны передовых отрядов солдат и матросни, которые не только бегали, «стреляя на ходу».

Дело было поставлено на широкую ногу. Организационные меры большевиков, как-то: учреждение Музейного отдела Наркомпроса, Гохрана, декреты, связанные с конфискацией имущества у церкви, аристократии, зажиточных слоев населения, – логически привели к сливу ручейков экспроприации в государственный карман, который в свою очередь был нацелен на разбазаривание сокровищ. Так,

экспертная комиссия 1919 г. во главе с Горьким требовала конфискации имущества эмигрантов и разрешения советским дельцам продавать на европейских рынках российские предметы искусства и культуры. Марию Андрееву советская власть направила в Берлин организовать продажу предметов старины.

«Венера перед зеркалом» Тициана

Конфискованное имущество первоначально перетекало в музеи, а затем изымалось и оттуда, несмотря на робкие протесты со стороны музейных работников, и отправлялось для продажи за границу. Если читателям доведется посетить Алмазный фонд в Кремле, пусть вспомнят, что из восемнадцати диадем и корон в нем осталось только четыре. Из 773-х уникальных ювелирных изделий, принадлежавших Дому Романовых, в России осталось 114. Судьба большинства распроданных ювелирных сокровищ неизвестна.

Из Предисловия: «Может ли быть правдой, что мы потеряли более 70 шедевров нового французского искусства Сезанна, Ренуара, Гогена, Матисса и Пикассо, приобретенных московскими коллекционерами, главным образом, Сергеем Щукиным и Иваном Морозовым? Факт невероятный, но документы говорят сами за себя. Вожди Советского Союза были мало озабочены судьбами своих граждан, которых они посылали сотнями тысяч в тюрьмы и лагеря. Не менее бесчувственны они были и по отношению к бесценным произведениям живописи и иконам, которые они распродавали тысячами». (Перевод Л.А.) Выясняется, что они буквально не останавливались и перед продажей людей. В 1930-1931 гг. родственники могли выкупить свободу членов своих семей, которые не успели эмигрировать. Интересная обратная пропорция: «чем менее пролетарским было происхождение, тем выше была цена».

Но все это бледнело перед настоящей катастрофой весной 1922 г. – оргией жестокости и воровства, получившей в советской историографии название «конфискация церковного имущества». В ходе этой кампании бесследно исчезли или были изувечены тысячи бесценных памятников старины. Конфискация церковного имущества проводилась с особой жестокостью, подстегиваемая кровожадными декретами Ленина, считавшего, что чем больше реакционеров погибнет в ходе этой операции, тем лучше, и что жестокие меры надо осуществлять быстро, когда есть оправдание – голод и разруха. Из изъятых икон и молитвенников выковыривались драгоценные камни, предметы старины по-варварски разрушались. Продажа церковного серебра 17-18 веков представляла проблему, так как на Западе на него не было спроса. Ну что ж? Серебро переплавили – и делов-то!

Ленин, Троцкий и К^о надеялись получить сотни миллионов или даже несколько миллиардов рублей от изъятого церковного имущества. В результате у них оказалась только тысячная доля от их расчетов.. Цифра вылилась в скромные 4 650 000 рублей. Миллион был истрачен на помощь голодающим, а остальные деньги – на кампанию по изъятию. Самое печальное, что западный рынок не был готов принять такое количество церковного добра. Русские иконы не были в столь высокой

цене, как десятилетия спустя. Интерес к русским иконам как предметам искусства специально культивировался через выставки русских икон на Западе, которые стали устраивать в конце 1930-х гг., но и после выставок особо ценных предложений по покупке русских икон не последовало.

Драгоценные камни продавались на вес, по бросовой цене, а ведь ради них разрушались предметы старины и поклонения. Интерес к русским иконам пытались подстегнуть через западных дипломатов и бизнесменов, работавших в 1930-е гг. в СССР. Советские власти продавали им иконы через организацию «Антиквариат» и Государственный музейный фонд. В то время, когда тиражировался лозунг, «искусство принадлежит народу» шла беззастенчивая торговля национальными сокровищами. Государство продавало не только оригиналы, опускаясь до подделки икон, каковые заказывало у соответствующих мастеров жанра.

Наивно было бы думать, что тридцатыми годами продажа российских сокровищ ограничилась. Государство торговало шедеврами и при Хрущеве, и после. В 1989 г. Министерство культуры СССР организовало продажу икон в Афинах. Продано было 300 икон, равно как и иные церковные принадлежности.

Теперь гобелены 18-го века из Павловского дворца украшают музей Гетти в Лос – Анджелесе, антикварные бронзовые сосуды из Петергофского дворца находятся в частной коллекции в Лондоне. Только из одного Павловского дворца в 1928-1932 гг. советские власти забрали половину картин (около 300), 290 предметов мебели и бронзы, 1168 обеденной утвари и посуды, 150 рисунков императрицы Марии Федоровны и ее домашних. Был разграблен Эрмитаж.

Проданы бюсты Вольтера и Дидро работы Гудона, скульптура Дианы работы Гудона. Диптих Лукаса Кранаха Старшего «Адам и Ева» перекочевал в Калифорнию, несколько картин Рембрандта украшают Вашингтонский музей, Тьеполо – в Мельбурне, Ватто – в Нью-Йорке, «Рождение Венеры» Николаса Пуссена – в филладельфийском музее... Франц Хальс, Ван Дейк, Рубенс, Веласкес, «Альба Мадонна» Рафаэля... «Поклонение волхвов» Боттичелли, «Венера перед зеркалом» Тициана, «Благовещение» Ван Эйка, «Распятие с Богородицей, Святым Иоанном, Святым Иеронимом и Святой Марией

Магдалиной» Перуджино. Из сорока полотен Рембрандта Эрмитаж лишился двенадцати. Менее чем за пять лет экспортных операций в конце 1920-начале 1930-х гг. Эрмитаж утратил свыше 24 тыс. музейных экспонатов. Сочувствую вам, уставшим читать скорбный перечень, но продолжаю.

Ну что ж, скажете вы, пусть западное искусство утекло на Запад. Туда и дорога! Тем более, что выкупавшие картины западные коллекционеры в подавляющем большинстве случаев пожертвовали свои приобретения для музеев. А уникально российское, помимо икон? В 1931 г. было продано 166 уникальных изделий так называемого «скифского золота» из коллекций Эрмитажа. Воистину: *«Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы, с раскосыми и жадными очами».*

А книги, редкие книги?! Их постигла жалкая и ужасная участь. Три тысячи томов Строгановской библиотеки ушли на Запад, были распроданы библиотеки из других дворцов и имений. Книги из библиотек Зимнего Дворца и имений великих князей были проданы за бесценок. Советские представители торговали редкими книгами, словно дикари, не понимая значения того, чем они торгуют. Французские издания 18-го века, которые, без сомнения, держала в руках Екатерина Великая. Свод законов царя Алексея Михайловича, проданный за 45 долларов американской Библиотеке Конгресса. Девять тысяч томов из императорской библиотеки и дворцов были проданы американской Библиотеке Конгресса.

Принадлежавшая Петербургской публичной библиотека копия Библии издания Гутенберга была безжалостно продана и ныне находится в Швейцарии. Библиотека в Петербурге владела Синайским кодексом, который представлял из себя самый ранний из известных науке текстов Евангелия. Англичане купили кодекс за 100 тыс. фунтов стерлингов. По прибытии покупателей встретила толпа, собравшаяся перед Британским музеем. Когда английский деятель антиквариата Морис Леон Эттингхаузен вышел из такси, держа книгу в руках, встречавшие его сняли шляпы.

Продажи шедевров происходили в обстановке секретности, чтобы не будоражить свой народ («Родину распродают!»), а отчасти чтобы избежать судебных исков от прежних владельцев, некоторые из которых спаслись на Западе от

большевистского террора. Печально, но правда: торговля шедеврами не принесла желанного экономического эффекта для огромной страны с нищим населением, вовлеченным в трагический социальный эксперимент. Вред же для национальной культуры невозможно оценить ни в какой валюте.

Сергей Голлербах
Нью-Йорк, США

РУССКИЙ ХУДОЖНИК НА ЗАПАДЕ: КУЛЬТУРНЫЕ ШОКИ И ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТЕЙ

Мысли, высказанные в этой статье, основаны на моем личном опыте ученика девятого класса Средней Художественной школы при Всероссийской Академии художеств, войной выброшенного за пределы России, созревшего и ставшего профессиональным художником на Западе.

Этот путь становления был полон культурных шоков, увлечений и разочарований в поисках художественной Правды. Она, как известно, достигается таким методом: тезис, антитезис и синтез. Для меня тезисом было все, что я знал об искусстве в свои семнадцать лет, родившись и живя в России.

Антитезисом стали мои студенческие годы в Высшей школе изобразительных искусств в Мюнхене, а потом вся моя жизнь в Соединенных Штатах Америки. Синтез же пришел позже, когда после пятидесяти двух лет отсутствия, я смог вернуться на Родину и посмотреть на русское искусство глазами человека, большую часть своей жизни прожившего вне России..

Начну с моего русского тезиса. В семнадцать лет я любил живопись передвижников работы художников «Мира искусства», графику Обри Бердслея и японскую цветную гравюру.

Русская академическая живопись была мне чужда, в Эрмитаже я восхищался Рембрандтом, а религиозная живопись итальянского Ренессанса, как и все старые мастера, казались мне богами, жившими на Олимпе и бывшими «не от мира сего». О русской иконе я мало что знал, русский авангард не был мне

знаком, как и современная западноевропейская живопись. Иными словами, я был тогда недорослем с широко открытыми глазами.

Пукирев. Неравный брак

Попав во время войны в немецкую оккупацию, я был вывезен на работы в Германию и провел там всю войну. Освободила меня американская армия, я решил остаться на Западе, и в 1946 году, выдержав трехдневный вступительный экзамен, был принят в Мюнхенскую Высшую школу изобразительного искусства и поступил в класс профессора Германа Каспара. Там я испытал многие культурные шоки. Первый из них касался техники рисунка.

В Средней Художественной школе в Ленинграде мы делали рисунок головы, рассчитанный на сорок часов. Мы штриховали, стирали, снова штриховали, стараясь передать Форму

изображаемого. Так я и начал свой рисунок, когда ко мне подошел профессор и строго сказал: «Вы штрихуете, чтобы скрыть Ваше неумение видеть. Рисунок – это Линия!» Его слова как Книга Бытия: «Вначале была Линия и Линия была от Бога и Линия стала Богом.» Мне потребовалось много времени, чтобы отучиться от штриховки и поверить в примат Линии.

Вторым и еще большим шоком было утверждение, что форма определяет содержание. Оно противоречило тому, что я знал о процессе творчества, а именно: художник выбирает тему для своей картины и подыскивает ей нужные Формы, делая этюды голов, фигур и пейзажа. Так работали Репин, Суриков. И вдруг – все наоборот. Опять-таки прошло много времени, пока я не понял, о чем идет речь. С древнейших времен человек реагировал на формы природы, крутые утесы и высокие горы становились для него священными. Сами понятия высоты и низа, если их условно назвать «формой», обрели моральное значение.

Мы до сих пор говорим «высокие идеалы» и «низменные страсти». Даже один из органов чувств - обоняние, дал нам понятия «благовония» и «зловония», разделяя запах на добрый и злой. С внешней стороны уродство для нас олицетворяет Зло, а красота – Добро. Таким образом, тот факт, что Форма если не определяет, то предопределяет Содержание, отрицать трудно.

Впоследствии я понял, что они – близнецы, из которых Форма родилась немного раньше Содержания, но у них те же гены, та же кровь, и их соотношение, как и в человеческих жизнях, проходит сложный путь любви, ненависти, взаимопонимания и несогласий.

Я узнал также, что на Западе русская реалистическая живопись считается подражательной и формально не давшей ничего нового. Профессор Каспар, раздобыв где-то цветную репродукцию иконы Архистратига Михаила, показал ее нам, трем русским студентам в его классе и сказал: «Вот ваше лучшее, остальное – иллюстрация, картинки!» С этим трудно было согласиться, но заставляло думать. Наконец, еще две мысли, два шока: немецкий скульптор Георг Кольбе высказал мысль, что у искусства нет цели, а есть лишь путь. А Пикассо сказал как-то, что в искусстве нет прогресса.

Об этом тоже пришлось много думать, но позже, уже в Америке, куда я эмигрировал в 1949 году, не закончив пятилетний курс Высшей школы в Мюнхене. Поселившись в Нью-Йорке, я продолжил мое художественное образование, поступив в Лигу художников-студентов. И снова шоки. Если в Мюнхене нас учили не копировать слепо натуру и, с другой стороны, не пускаться в бессмысленные экспериментации, то эти два «смертных греха» вовсю практиковались в большинстве классов.

Через шесть месяцев я бросил эту школу и решил искать себя без посторонней помощи. К этому времени я уже получил первоначальное впечатление о художественном мире Америки. В пятидесятые годы в Нью-Йорке царил абстрактный экспрессионизм Джексона Поллока, Марка Ротко, Франца Клайна и других представителей так называемой Нью-йоркской школы. Предметная живопись считалась отживающей свой век, и будущим искусства считалась абстрактная живопись. Мои знакомые художники-абстракционисты советовали мне перестать быть «мальчиком, играющим в оловянные солдатики», и стать взрослым.

С другой стороны, чрезвычайно популярна была журнальная иллюстрация, во главе которой стоял художник Норман Роквелл. Я узнал, что существуют заочные курсы рисования, обещающие научить студента как держать карандаш, и после окончания курса, как получить хорошо оплачиваемую работу в качестве художника. Многие успешные художники выпускали книги, в которых они предлагали свои методы преподавания, включая сложные системы создания правильных телесных тонов. Такой подход напоминал руководство по слесарному делу. Все это образовывало громадный антитезис всему, что я знал и во что верил.

Однако, в Нью-Йорке, Бостоне, в Филадельфии были великолепные музеи, давшие мне знакомство с мировым искусством. Я узнал также о существовании целой плеяды замечательных американских художников, не принадлежавших к популярным течениям того времени.

Наконец, с 1961 года я стал летать в Европу, посетил Францию, Англию, Италию, Испанию, Голландию, Австрию, Швейцарию и Грецию. Мои познания в области искусства

расширились, и я стал медленно подходить к какому-то синтезу. Заключительным аккордом стали мои поездки на Родину и посещения Эрмитажа, Русского музея и Третьяковской галереи.

Они побудили меня сделать какие-то выводы и ответить на вопрос, что такое русское искусство по сравнению с западным, в чем его сила и в чем слабость, а также кто я? Русский художник, проживающий в Америке или американский художник, родившийся в России?

Начну с того, что во время моих поездок в Россию меня часто спрашивали о том, какое влияние оказало русское искусство на европейскую и американскую живопись? Ответ мой был таков: русское искусство чрезвычайно многолико, оно включает иконопись, академическую живопись, передвижников, «Мир искусства», русский авангард и, наконец, искусство нонконформистов и диссидентов. Русское искусство не создало цельного формального течения, подобного импрессионизму и кубизму, а то, что считается русским стилем, основано на народном искусстве, и универсального влияния оказать не могло.

На Западе знатоками высоко ценится иконопись (вспомним профессора Каспара) и русский авангард (имена Кандинского и Малевича хорошо известны). Что касается русской реалистической, жанровой живописи, то ее, как я уже сказал выше, считают подражательной и не давшей ничего формально нового. Не скрою, что в мои студенческие годы, а также в Америке, я тоже считал передвижников явлением малоинтересным.

Сейчас мое мнение изменилось. Этому помогла кем-то высказанная мысль, что наша западноевропейская цивилизация зиждется на двух традициях, на греко-римской традиции красоты тела и на иудео-христианской традиции красоты духа. Красота духа – это моральная и социальная Правда, и я понял, что именно на этой традиции основана наша русская культура. Если русская литература пошла, по словам Достоевского, от «Шинели» Гоголя, то русская реалистическая живопись, в особенности передвижники, шли параллельным путем в поисках моральной, социальной и духовной правды.

Греко-римская традиция была даже высмеяна нашим классиком Иваном Тургеневым.

В своем рассказе «Татьяна Борисовна и ее племянник» он описывает русских господ, которые, разочаровавшись в русской действительности, при встрече говорят друг другу, что они древние греки в душе. Эти господа, пишет Тургенев, никогда не скажут «Рафаэль» – «божественный Санцио»...

Русскому художнику «горестные заметы сердца» были важнее «ума холодных наблюдений», вспоминая слова Пушкина. Страдания народа изображались отдельными художниками и на Западе, но у нас это было целым направлением. Таким образом, русская реалистическая живопись, не дав ничего формально нового, играла в нашей культуре большую роль, была, как и литература, совестью общества.

На Западе это не учитывается, тем более, что в русской жанровой живописи есть и недостатки. Один из них – сентиментальность. Ее отмечает Тургенев в том же рассказе. Назвав некоторых любителей искусства «поленами, помазанными медом,» он описывает такую сценку (цитирую по памяти). Увидев картину какого-нибудь отечественного художника, такой господин хватается за грудь и восклицает, «Души-то сколько он отвалил!» Примеры тому такие картины, как «Неутешное горе» Крамского и «Неравный брак» Пукирева и многие другие.

Еще один русский недостаток – частое превратное понимание духовных ценностей в искусстве. Одна русская художница сказала мне, что в картине Крамского «Христос в пустыне» имеются духовные ценности, в то время как в натюрмортах с яблоками Сезанна они отсутствуют. Ей неведомо было, что, помимо религиозной и социальной философии, существует гносеология, то есть познание вещей, и, относясь к познанию Бытия, она тоже имеет свои духовные ценности вне религии.

Что же такое русское искусство? Для меня это ряд параллельных линий, которые, вопреки закону, иногда пересекаются, расходятся и снова идут, не касаясь друг друга по пути познания Правды в рамках иудео-христианской традиции красоты духа. В начале этого пути стоит иконопись в конце – русский авангард. Но путь этот не имеет ни начала, ни конца, и в целом эти линии сливаются в одно целое.

Если все мировое искусство представить себе как громадную коллекцию экспонатов из золота, серебра и драгоценных камней,

то в такой коллекции всегда есть Экспонаты, чья ценность определяется не весом золота и количеством драгоценных камней, а их уникальностью и неповторимостью. Таким мне представляется русское искусство, при взгляде на него русскими глазами, привыкшими к западному свету.

Поскольку мною были упомянуты два культурных шока, испытанные в мои студенческие годы в Мюнхене, – мысль о том, что в Искусстве нет цели, а есть лишь путь, а также утверждение, что в искусстве нет прогресса, – скажу об этом несколько слов. Увидев картину Александра Иванова «Явление Христа народу» и подготовительные к ней этюды, я, как и многие другие, убедился в том, что этюды значительно интереснее самого законченного произведения.

Георг Колбе был прав – творческий процесс важнее его результата. Слово «цель» можно заменить словом «путь». Что касается прогресса в искусстве, то разница между высоким, развитым и так называемым примитивным искусством давно уже в значительной степени стерта современным искусством. Произошел отход от греко-римской традиции красоты в сторону правды, экспрессии, приобщению к первоисточкам творчества. Пикассо понимал это, сам находясь одно время под сильным влиянием негритянской скульптуры и масок.

Говоря о моих первоначальных увлечениях и разочарованиях в художниках, я должен был бы рассказать о них. Однако, я не хочу быть критиком и поэтому позволю себе сказать только, кто мне был ближе и кто стал дальше.

Отдалилось от меня творчество Михаила Врубеля, в котором я почувствовал сильное влияние немецкого «Югендштиля» с его Фаустом и Мефистофелем. Глаза врубелевского Демона напомнили мне картину Франца фон Штука «Грех».

Поздние портреты кисти Серова тоже показались мне далекими, но приблизился ко мне портрет Мусоргского работы Репина. Скромный, без всякой формальной бравурности, он подкупает своей честной правдой. Покорил меня и «Московский дворик» Поленова, в котором нет никакого нарочитого настроения, а передано то, что мой первый

преподаватель живописи в Средней Художественной школе Алексей Балашов называл состоянием момента.

Кем же я стал в конце концов?

Вспоминаю, что были когда-то люди, которых называли русскими европейцами. Любя Россию, они знали западноевропейскую культуру, любили Париж и Рим и не противопоставляли свою Родину Западу, не мерились с ним ростом. Они лишены были национального ура-патриотизма и не преклонялись перед Западом. Такое отношение к искусству и к культуре в целом мне кажется правильным, и я стараюсь следовать ему.

Иногда чувство юмора помогает давать нужную оценку.

Один остроумный человек сказал, что все, считающееся сейчас плохим искусством и дурным вкусом, в следующем столетии станет классикой, достойной подражания. Другой остряк предсказал, что все даже самое отвратительное в искусстве в конце концов идет ему на пользу, становясь удобрением для новых ростков. Дожив до преклонных лет, я перестал возмущаться, негодовать, что-то принимать с восторгом и что-то гневно отвергать, сохраняя при этом способность находить мне близкое и от меня далекое.

В заключение опишу одну инсталляцию, созданную корейским художником Нам Джун Пайком: на полу стоит портативный телевизор, передающий какую-то программу. Напротив него – небольшая статуя Будды, смотрящего эту программу. Так Спокойствие глядит на Суету или Вечное созерцает Временное, так было, так есть, так будет, и на этом можно поставить точку.

Часть 6

ДЕТСКИЙ АЛЬБОМ

Победители конкурса творчества детей и для детей
«Здравствуй, лето!» 2016

Виолетта Гребельник

Рим, Италия

Лето – мальчишка с велосипедом,
Удочка мастерски сделана дедом.
Лето – девчонка, в руках одуванчики,
Лето – пломбир в разноцветном стаканчике.

Летом не вспомнит никто о портфеле.
Пусть отсыпается он, в самом деле.
Летом измазаны руки в малине,
Жёлтых цыплят перевозят в корзине.

Рыться в песке и найти там монету.
Ах, не кончалось бы щедрое лето!
Мокнуть под ливнем не укрываясь,
В лужи смотреться себе улыбаясь.

Летом избушка на ножках куриных
Может почудиться в чашах глубинных.
Руки раскинув, бежать по лугам,
Скачут кузнечики прямо к ногам.

Лето – загар подхватить без труда,
Тихие без детворы города.
Летом царапин и ссадин не счесть.
Лето, спасибо за то, что ты есть!

Сергей Винокур

Канада

ТИШИНА

Сказка

Как он мечтал о тишине! Казалось бы за столько лет можно было и привыкнуть к неизменному городскому шуму, но его нежный слух не выносил рева моторов, воя сирен, мяукания сигнализации. Как ни пытался он вообразить, что вечный шелест автомобильных шин – это морской прибой, ни к чему, кроме раздражения, это не приводило. Его чуткие нервы болезненно реагировали на свистки паровозов и гудки грузовиков, лязгание металла и скрежет строительных машин, уханье механических кувалд и зубодробильную чечетку отбойных молотков.

Но самым несносным для его музыкальной природы было радио. Как можно было называть музыкой эту непрерывную какофонию звуков, которую к тому же никто никогда не слушал! Но оно упорно продолжало разговаривать ни с кем, играть неразличимые мелодии, бестелесно петь и надрывно хрипеть, ни у кого не вызывая жалости.

Что оставалось бедному Старому Роялю? Смириться и терпеть эту бесконечную пытку, брюзжать тихонько в ответ дребезжащему трамваю и ждать, чтобы кто-нибудь случайно открыл его запыленную крышку и подарил хотя бы несколько минут Гармонии! Ведь когда-то давным-давно, когда город был намного тише, его клавиш часто касались то неуверенные детские пальчики, то сильные мужские, то нежные женские пальцы. И это была Музыка! Вокруг него собирались компании и отмечались праздники. Он всегда был в центре внимания и для него было высочайшим блаженством дарить окружающим божественные звуки.

Но это было так давно! Он покрылся толстым слоем пыли, струны растянулись, а деревянные молоточки рассохлись. Что поделаешь? Это так ужасно – быть никому не нужным. Но когда при этом тебе еще и не дают ни минуты покоя, ни мгновения тишины – это просто несосно.

И вот однажды Старый Рояль очнулся от непривычного ощущения. Было тихо. Слишком тихо. Казалось, из города исчезли все машины, остановились все моторы, прекратилось всякое движение. Даже радио замолчало! Старый Рояль наслаждался долгожданной тишиной. Он представлял себя то парящим в облаках, то погружившимся на дно океана – ему не нужны были звуки, ничто больше на него не давило. Мир распахнулся и стал необъятным.

Долго-долго Старый Рояль упивался свободой воображения, но постепенно его восторг сменился недоумением – почему же ему все-таки выпало такое счастье. Может он просто оглох? Прислушавшись, он уловил легкое посвистывание ветра за окном, поскрипывание незакрытой форточки, шелест занавесок. Это было забавно – он давно не слышал этих звуков, их заглушали все прочие. Но почему-то не было слышно ни шагов, ни голосов. И это было странно. При всем воображении, ему не удавалось найти объяснение. А непонятное пугает.

Тишина длилась уже слишком долго. Ничего не менялось. Та же форточка, те же занавески. А птицы? Почему не слышею птиц? Даже среди городского шума можно было порой расслышать чириканье воробьев, щебетание ласточек, воркование голубей. Ведь птиц невозможно выключить как моторы! Куда же они делись?

Вдруг послышался слыбый низкий гул. «Ну вот, все возвращается на круги своя», – усмехнулся Старый Рояль. Но гул был очень странным, ни на что не похожим. Он постепенно усиливался, так что вскоре его можно было не только слышать, но и чувствовать. Мелко задрожал пол, стала раскачиваться люстра, зазвенела посуда. С полок посыпались книжки. Со звоном разбилась ваза.

Старый Рояль ничего не понимал. Что происходило вокруг? Может старый дом решили поломать, как было с домом напротив, да забыли вынести вещи? А может дом сам стал разваливаться – ему ведь уже очень много лет! Жаль, с ним так много было связано! А теперь старые фотографии падают со стен и их засыпает битым стеклом и осыпающейся штукатуркой.

Дом раскачивался все сильнее. Мебель попадала, где-то лопнули трубы и потоки воды залили пол. Подняв клубы пыли,

рухнула куда-то лестница. Невообразимый грохот сливался с треском ломающихся конструкций, падающих блоков и перекрытий.

И тут Старый Рояль увидел Небо. Сквозь дыру в проломленном потолке было видно пронзительно, невозможно синее Небо. Последний раз Старый Рояль видел его, когда рабочие вытаскивали его из огромного грузовика и тащили в этот дом. Оно было такое же прекрасное, недосыгаемо высокое. И равнодушное.

Всего лишь несколько секунд ему удалось полюбоваться небом. Потеряв опору, потолок рухнул, придавив несчастный Рояль. Разом лопнули струны, корпус разлетелся в щепки, а останки провалились вслед за полом в черную бездну.

И Старый Рояль уже не слышал ни страшного подземного рева, ни ужасного урагана, сравнявшего остатки города с землей, ни наступившей после всего этого ТИШИНЫ.

Алексей Кацай

Украина

УКРОТИТЕЛИ ИЗ СОЗВЕЗДИЯ СТОЛОВОЙ ГОРЫ

Сказка

Очень горячей была планета Булькан. И жители ее – булькане – тоже были очень горячими. Особенно дети. Ведь взрослые от возраста уже остывали, а дети никак остывать не хотели. Скучно им было охлаждаться-прохлаждаться. Гораздо интереснее было между вулканами бегать. Языками с ними дразниться.

А взрослые их ругали за это. Потому что были вулканы совершенно дикими. И могли, кого хочешь, сильно-пресильно обжечь своими длиннющими языками красной лавы. Но неугомонные малыши-угольки разве кого-нибудь послушают? Особенно летом.

Однажды двое маленьких бульканчиков, уголёк Боля и уголька Бела, побежали дразнить вулкан Столавый. Он так назывался потому, что у него аж сто длиннющих языков лавы

было. Но он ими очень медленно ворочал, а угольки своими двумя – очень быстро. И оттого Столавый сильно сердился и дымом пыхтел. А потом камнями плевать начал изо рта-кратера. Весело-о-о!!!

Вот бегут-катятся угольки, перетрескиваются:

– Ну, сегодня мы Столавого достанем! До самого дна кратера. Только бы взрослые не увидели.

– Не увидят, к ним инопланетяне прилетают. А им угостить их нечем. По магазинам бегают.

Подбегают они к вулкану, а возле него какое-то чудо непонятное прыгает. И уже дразнится. Только не языком, а странной такой бутылкой красного цвета.

– Ты это чего? – спрашивает чуду Боля.

– Не чего, а зачем! – отвечает чудо.

– Ты это что такое? – спрашивает Бела.

– Не что, а кто. Я – знаменитый астронавт Борька Барбарискин. С планеты Земля, если кто не знает. На каникулы к вам приехал.

– А чего-зачем ты, знаменитый Борька Барбарискин, нашего вулкана дразнишь?

– А зачем-чего он мой космический корабль обжёт? И мне два пальца, – вытянул знаменитый астронавт свою земную конечность-растопырку. – Вот я его сейчас огнетушителем!

И бутылкой своей красной помахал.

– Огнедразнителем? – не расслышала Бела.

– Ту-ши-те-лем. Я и вас потушу, если лезть будете!

И астронавт Борька Барбарискин направил свою красную бутылку на угольков. Бела даже зашипела тихо от возмущения. А Столавый изловчился да и плюнул сзади камнем знаменитому Барбарискину прямо пониже спины.

– Ах, так! Ну, держись! Я теперь точно тебя укрощать буду!

– Утушать? – не расслышал Боля.

– Укрощать. Чтобы диким не был. И не плевался знаменитым астронавтам пониже спины, – сказал Борька Барбарискин да и плеснул пеной на самый близкий язык Столавого.

Тот даже зашипеть не смог. Только дымом заворочался.

– Ему же больно! – затрещал Боля.

А Бела вместо Столавого зашипела плохие слова инопланетянину.

– А как же его укрощать по-другому? – удивился плохим словам знаменитый астронавт.

В это время Столавый совсем разозлился на своё укрощение. Засвистел паром, застучал камнями, да и сразу десятью огненными языками начал окружать двух угольков-булькан и одного знаменитого астронавта-землянина.

– У меня пены в огнетушителе на десять языков не хватит, – растерялся астронавт Борька Барбарискин.

– Бежим! – затрещала во всю свою бульканскую силу Бела.

А смелый уголёк Боля выхватил красный огнетушитель из земных конечностей-растопырок да и направил его на самый близкий язык. Но пеной брызгаться не стал.

Потому что всё равно испугался дикий вулкан Столавый и замер этим самым своим близким языком. Астронавт и угольки перепрыгнули через него. Столавый другим языком зашевелил. А Боля на него огнетушитель направил. Тот тоже замер. Так и прыгали, пену не тратя, пока не остановились. А когда остановились, поняли, что со страху не в ту сторону прыгали. Потому что оказались два уголька-бульканина и один знаменитый астронавт-землянин возле самого-самого Столавого кратера.

– Ничего, – протрещал Боля, – сейчас обратно попрыгаем. Это, кстати, не укрощением, а дрессировкой называется. Чтоб ни у кого ничего не болело, а только пугало.

И снова направил дрессировочный аппарат на ближний язык Столавого. Но вдруг из кратера вылетел огромный камень и выбил красный огнетушитель из оранжевых щупалец уголька. Ой, что же теперь будет!?!

– Эх, вы, дрессировщики-укротители! – малиново полыхнула уголька Бела. – Дикие вулканы не укрощать нужно, а угощать. Чтоб они добрыми стали.

– Как это, угощать?!

– А вот так!

И Бела достала из своего рюкзака бульканские конфеты-гориски, да и бросила их прямо в кратер. «Пых!» – сказал вулкан Столавый и даже облизнулся одним языком. А другие языки остывать начали.

Тогда и Боля достал из кармана растаявший шоколадный батончик «Дымс» и бросил вслед за горисками. «Пух!» – сказал Столавый.

А знаменитый астронавт Борька Барбарискин почесал затылок и достал из скафандра большое красное, как огнетушитель, яблоко. «Плюх-плюх-плюх!» – зачмокал кратером дикий вулкан.

– Вы что это делаете! – вдруг раздалось снизу. – А ну-ка, бегите оттуда! Он же вас обожжёт!!! Ну, на минуту нельзя вас одних оставить! В магазин за угощением для инопланетян сходить нельзя!

Это к уголькам родители их бежали по совсем уже остывшим от сладостей языкам лавы. А сзади с длинным пожарным шлангом их догонял папа землянина-астронавта.

– Осторожней, осторожней! – кричал он. – Это же совершенно дикий вулкан!

– Пых-пух-пых! – возмутился Столавый и бросил в земного папу шоколадным тортом.

А в бульканских родителей – яблочным пирогом и бисквитным пирожным. Это всё он в себе из угольковых угощений испёк. А потом наполнил кратер лавой, остудил её и получился большой-пребольшой стол. За который и сели пировать Булькане со своими земными гостями.

– Ах, – говорили они своим детям, – какие же вы смелые у нас. Настоящие укротители!

– Нет, мы не укротители. Мы – самый лучшие во всём космосе угодители.

– А я теперь не Столавый вулкан, а Столовый, – пыхтел и бывший дикий-предикий вулканище. – Потому что тоже всех угощать люблю. Вы в меня только почаще сахарку бросайте.

И с тех пор ещё больше инопланетных гостей стало на горячую Булькану прилетать. И всем им места за Столовым вулканом хватало. А знаменитый астронавт Борька Барбарискин свой огнетушитель под ситро переделал и, не жадничая, угощал им все не угощённые вулканы этой вкусной планеты. Отчего та становилась только вкуснее и вкуснее.

Юлия Бродская
Роквилл, США

ДРАКОНЧИК ПЫХАЕТ ОГНЕМ

Дракончик пыхает огнем на все, что загорается.
Жаль, шерсть паленая на нем никак не отстирается.

Я встретилась нынче
С забавною крошкой,
Чудесною крошкой, двухлетнею крошкой.

Мы с ней поболтали о жизни немножко,
И я по своим побежала делам.

А славная крошка,
Чудесная крошка
Немножко
Меня обняла на дорожку,
И мне, уходя, улыбнулась с порожка.

Таких причисляю я к верным друзьям.

Кто сегодня потерялся,
Пять минут не находился?
Кто в ковер не замотался
И со шкафа не свалился?

Кто не прыгает с дивана?
Кто не бегаёт по кухне,
Дрессируя таракана?
Без кого наш домик рухнет?

А стоит ли детям рассказывать сказки,
Когда мы их учим не прыгать в коляске,
Не лазать в духовку,
Не падать с балкона,
И жизнь их размеренна и монотонна?

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Лиана Алавердова родилась в Баку. Окончила исторический факультет Азербайджанского Гос. Университета. Работала в Институте философии и права АН Азербайджана. Стихи, эссе, статьи, переводы с английского и азербайджанского языков публиковались в Азербайджане, России и США. Живет в Нью-Йорке, заведует библиотекой Kings Bay (Бруклин).

Лейла Александер-Гарретт. Писатель, переводчик со шведского и английского. Родилась в СССР, в Узбекистане. Работала переводчицей и ассистентом на фильме Тарковского «Жертвоприношение» в Швеции. Автор книги «Андрей Тарковский: собиратель снов» (М, Аст, «Астрель», 2009). Живет в Лондоне.

Лев Бердников (р. 1956, Москва). Историк, публицист, автор большого числа книг по истории Российского 18-го века и еврейства. Зам главного редактора журнала «Слово/Word» (США, Нью-Йорк). Лауреат Горьковской литературной премии 2010 года в номинации «По Руси». Живет в Лос-Анджелесе.

Лариса Берман. Логопед с многолетним опытом и стажем. В Москве работала с глухонемыми актёрами «Театра Мимики и Жеста», ставила им голос и учила говорить. В Америке окончила университет и продолжила работать по специальности.

Николай Боков (р.1945, Москва)... учился, надеялся, старался, беспокоился, кипятился, изучал философию, сочинял литературу, женился, печатался за границей, распространялся в самиздате, боялся, попался, обыскался, арестовался, спасался, надеялся, в 75-м очутился во Франции, в 82-м обратился, развелся, молился, скитался, вернулся в Париж в 99-м. Постоянный автор и член редколлегии журнала ЧАЙКА. Живет в Париже.

Сергей Бычков (р.1946, Ереван) Историк русской церкви, доктор исторических наук. Занимался религиозным воспитанием детей в приходе Покровской церкви, в которой служил священник Александр Мень. После крушения СССР занимается книгоиздательской деятельностью и публицистической работой. По его сценариям были поставлены телефильмы: «ВЧК против патриарха Тихона», «Живое слово отца Александра Меня», «Завтра меня убьют» (о ходе расследования убийства Александра Меня). Член редколлегии журнала ЧАЙКА.

Ян Гамарник (р. 1967, Киев). Окончил Киевский университет, факультет кибернетики. Работал в Академии наук Украины. С 1994 г живет в Филадельфии. Работает программистом. Печатается в литературных изданиях.

Майя Гельфанд. Профессиональная домохозяйка. В перерывах между выходением замуж и рождением детей, получила две степени в Тель-Авивском университете – по киноведению и философии. В редкие моменты, где-то между приготовлением обедов и вышиванием гобеленов, пишет рассказы, сказки и стихи на русском и иврите. Живет в Тель-Авиве. Автор постоянной рубрики журнала ЧАЙКА «Заметки на полях».

Сергей Голлербах (1923, Детское (Царское) Село). Живописец, график, художественный критик и литератор. В 1942 г был вывезен немцами на работы в Германию. С 1946 по 1949 учился в Мюнхенской академии художеств, в которой учились многие русские художники. С 1949 года живет и работает в Нью-Йорке. Член Американской академии художеств.

Вадим Горелик (р. 1935, Сталино, ныне Донецк, Украина). Инженер-механик, доктор тех. наук, профессор. Автор 5 монографий и 120 изобретений. С 1997 года живёт во Франкфурте-на-Майне. Член Союза еврейских журналистов Германии. Публикации в «Еврейской газете», «Русской Германии», журналах «Партнёр» и «Neue Zeiten».

Виталий Городецкий. Родился в Ленинграде. Окончил Институт связи. Защитил диссертацию. В США работал в Комитете по разработке первого национального стандарта по динамическим измерениям (спонсоры NASA и DOD). Будучи Президентом Международной Группы «Шагал 2012», инициировал установку единственной в мире цветной мемориальной доски Шагалу в Санкт-Петербурге и пополнил киноархив Музея Шагала в Витебске уникальными экспонатами.

Алекс Грант (р. 1949, Ленинград). Окончил Механический факультет Лесотехнической Академии. В 1979 иммигрировал в США, живет в Спарте, штат Нью-Джерси. Лауреат конкурса сатиры и юмора журнала ЧАЙКА за 2015 г.

Виолетта Гребельник (Киев). Окончила Киевский медицинский институт, медицинский факультет Римского университета «La Sapienza», кандидат медицинских наук по неврологии. Живет в Риме, работает врачом в частной клинике. В свободное время играет на фортепиано и пишет стихи.

Ольга Дунаевская. Родилась в Москве. Филолог, журналист. Окончила факультет журналистики МГУ. Кандидат филологических наук, член Союза журналистов Москвы и Международного союза журналистов. Автор рассказов и прозаического цикла для подростков. Преподает в режиме онлайн финансы и экономику в университетах США и Европы.

Евгения Емельянова (Бийск, Алтайский край). Училась на филфаке Казахского госуниверситета. Жила и работала в Алма-Ате, редактор и корректор в издательстве и газетах. В США с 1999 года, живёт в городе Коламбия, штат Мэриленд.

Алина Загорская. Родилась во Львове, окончила архфак, в Перестройку стала журналистом. В 1998 году переехала в Израиль. Работает на новостном сайте. Печаталась в «Вестях», «Русском израильянине» и онлайн-журнале «Артикль».

Сергей Жадан (р. 1974, Старобельск Луганской обл.). Украинский поэт, прозаик, эссеист, переводчик. Окончил Харьковский национальный педагогический университет им Сковороды. Автор романов «Депеш мод», «Ворошиловград», «Месопотамия», поэтических сборников «Цитатник», «Эфиопия» и др.

Цалий Кацнельсон. Родился в Белоруссии, по специальности инженер-механик. Разработал множество приборов для различных отраслей промышленности. Получил несколько авторских свидетельств. Публикует

статьи в Американской русскоязычной прессе, участвует в подготовке вечеров литературно-музыкального клуба «Вечера на Гудзоне». Живет в штате Нью-Джерси.

Дарья Кашина. Русскоязычный журналист, живет в Киеве, печатается в российских изданиях, дебютировала и постоянно печатается в журнале ЧАЙКА. Ведет рубрику «Калейдоскоп новостей».

Марк Копелев. В прошлом режиссёр новосибирского телевидения (ныне ГТРК «Новосибирск»). В 1991 году эмигрировал в США. Вошёл в число известных современных портретных фотографов. О своём эмигрантском опыте Копелев написал книгу «Письма с того света» (2010), где рассказывает о нью-йоркской русскоязычной творческой элите девяностых годов.

Ксения Кривошеина. Художник, публицист, исследователь творчества Матери Марии (Скобцовой). Автор многочисленных публикаций во французских и российских изданиях. Редактор православного сайта «Parlons d'Orthodoxie». Живет в Париже.

Григорий Куперштейн. Родился в Одессе. Окончил музыкальную школу по классу скрипки с серебряной медалью, а консерваторию с отличием. С 1977 года живет в США. Окончил Джульярд и получил звания бакалавра и мастера музыки. С 1980 года работает в группе первых скрипок в Балтиморском симфоническом оркестре.

Илья Криштул. Родился и живёт в Москве. Окончил Педагогический институт, работал учителем. Лауреат нескольких литературных конкурсов, автор двух книг юмористической прозы. Постоянный автор журнала ЧАЙКА, ведет колонку сатиры и юмора.

Александр Лаптев (р. 1960, Иркутск). Кандидат технических наук, член Союза писателей России. Автор книг: «Звёздная пыль», «Как я работал охранником» (2003), «Благая весть» (2007), «Как я был...» (2010), «Сибирская вендетта» (2010); публикаций в коллективных сборниках и журналах.

Елена Литинская (Москва). Поэт. Закончила славянское отделение филфака МГУ. Занималась поэтическим переводом с чешского. Автор шести книг стихов и прозы. Была Президентом Бруклинского клуба русской поэзии, ныне заместитель главного редактора литературного журнала «Гостиная». С 1979 года живет в Нью-Йорке.

Борис Лихтенфельд (р. 1950, Ленинград). Окончил Электротехнический институт. Публиковал стихи и статьи в самиздате, с 2000-х годов - в журналах «Звезда», «Нева», «Арион», «Волга», «Дети Ра», «Зинзивер», «Слово/Word», «Крещатик» Автор книг: «Путешествие из Петербурга в Москву в изложении Бориса Лихтенфельда» (2000) и «Метазой» (2011).

Элеонора Мандалян (Москва). Журналист, писатель. По образованию скульптор. Кандидат наук. С 1994 живет в США. Работала литературным редактором в русскоязычном альманахе «Панорама» и вела в нем свою рубрику «Непознанное». Постоянный автор и член редколлегии журнала ЧАЙКА. Ведет рубрику «Кинообозрение Элеоноры Мандалян». Живет в Лос-Анджелесе.

Вадим Массальский (р. 1964, Одесса). Журналист, писатель, работает на медиа компании «Голос Америки», член редакции журнала ЧАЙКА по связям с общественностью. Живет в Александрии, США.

Азарий Мессерер (р. 1939). Русский и американский журналист, переводчик, пианист, лектор. Из известной балетной и творческой семьи. Его двоюродная сестра прима-балерина Майя Плисецкая и двоюродные братья Азарий Плисецкий, Михаил Мессерер и художник Борис Мессерер. Его тети: Суламифь Мессерер и Рахиль Мессерер и дядя Асаф Мессерер. В 1981 году эмигрировал в США, где продолжил журналистскую деятельность. Постоянный автор журнала ЧАЙКА. Живет в Нью-Йорке.

Лариса Миллер. Российский поэт, прозаик, эссеист и педагог. Автор более 13 сборников поэзии и прозы. Книги переведены на английский и итальянский языки. Член Русского ПЕН-центра (с 1992). Живет в Москве.

Макс Неволошин. В прошлом – учитель. После защиты кандидатской диссертации по психологии занимался преподавательской и научно-исследовательской деятельностью в России, Новой Зеландии и Австралии. С 2003 года живёт и работает в Сиднее. В 2015 году вышла книга рассказов в чикагском издательстве «Bagriy & Company». В этом же году книга попала в лонг-лист премии "НОС".

Саша Немировский (р. 1963, Москва). Поэт, писатель, путешественник, скалолаз, программист, антрепренер. С 1990 года живет в Калифорнии. Регулярно печатается в различных литературных альманахах и изданиях в США, Франции и в Финляндии. Автор 4 книг стихов. С 1987 пишет стихи в своем собственном стиле «джаз-поэзия».

Владимир Нузов. Окончил МЭИ. Печатался в «Советской культуре», «Московском комсомольце», «Вечерней Москве», «Новом русском слове», «В Новом Свете», «Вестнике», «Чайке». Специализируется на интервью. В числе его собеседников были Василий Аксенов, Эрнст Неизвестный, Евгений Кисин, Михаил Шемякин, Анатолий Рыбаков, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Алла Демидова и другие выдающиеся современники. Живет в Нью-Джерси (США).

Елена Пацкина. Окончила Московский авиационный институт по специальности инженер-экономист. Автор нескольких книг стихов и серии «Беседы с мудрецами» (более семидесяти персонажей, начиная от Эпикура, Демокрита и других античных авторов до Курта Воннегута, Агаты Кристи и пр.). Помогает журналу ЧАЙКА в художественном оформлении материалов. Живет в Москве.

Семен Резник. Писатель, журналист, историк, автор исторических романов, повестей, научно-художественных биографий, очерков, историко-публицистических произведений. Более десяти лет работал редактором серии «Жизнь замечательных людей». В США с 1982 года. Сотрудник радиостанции «Голос Америки». Печатается в русскоязычных и англоязычных изданиях США, а также в Израиле, России и Европе.

Виктор Родионов. По рождению сибиряк. Служил в Группе советских войск в Германии. Главная часть жизни прошла в Прибалтике. Остальная в США. Образование – юрист-международник. Профессия – журналист. Работал в

молодежной прессе и ТАСС. В США с 1992 года. Сотрудничает с изданиями России, Латвии, Германии, Нью-Йорка, Сиэттла, Денвера, Чикаго, Вашингтона, Балтимора. Постоянный автор журнала «Чайка».

Ирина Роскина. Окончила в 1971 г. романо-германское отделение филологического факультета МГУ. С 1972 г работала в Иностранном отделе Госфильмофонда СССР и по совместительству синхронным переводчиком кинофильмов. В 1990 году переехала в Израиль, где работала в Иерусалимской библиотеке Гуманитарных и Общественных факультетов Еврейского университета. Опубликовала в журнале несколько произведений своей матери, Натальи Роскиной, из семейного архива. Живет в Иерусалиме.

Наталья Роскина (1927–1989, Москва). Автор многочисленных публикаций по русской литературе, редактор, специалист по А.П.Чехову и А.С.Суворину. Ей посвящено знаменитое стихотворение Николая Заболоцкого «Признание» («Зацелована, околдована»).

Михаил Синельников (р. 1946, Ленинград). Московский поэт, переводчик, эссеист, исследователь литературы, составитель многих антологических сборников и хрестоматий, академик Российской академии естественных наук, Петровской академии и турецкой Академии поэзии, лауреат Премии Ивана Бунина, Премии Антона Дельвига, Премии Арсения и Андрея Тарковских.

Александр Сиротин. Родился в Москве Журналист, писатель, в прошлом актер. Сотрудничает с американскими русскоязычными газетами и журналами, радио и телевидением. Автор сборника рассказов «Москва – Нью-Йорк, далее везде». Постоянный автор и член редколлегии журнала ЧАЙКА. Живет в Нью-Йорке.

Евгений Сливкин (р. 1955, Ленинград). Окончил ВТУ по специальности инженер-механик, а затем Литинститут. С 1993 г. в США. Защитил диссертацию о генезисе и вариациях образа средневекового рыцаря в русской литературе XIX в. Преподает в университете Денвера. Автор четырех сборников стихов, около двух десятков статей по русской литературе XIX - XX веков.

Ольга Соловьева. Живет в России, в Санкт-Петербурге. Окончила Санкт-Петербургский Государственный Университет. Защитила две кандидатские диссертации – кандидат физико-математических и юридических наук. Интересуется театром, модой и не только. В журнале ЧАЙКА публикует рецензии на современные постановки в питерских театрах.

Роман Солодов (р. 1944, Москва). Окончил МАИ, а затем ВГИК. В 1991 году эмигрировал в США. Работал на радио «Свобода», затем технологом по радиоизотопной медицине. Автор четырех романов, повестей и многочисленных рассказов. Живет в Нью-Джерси.

Павел Товбин. Живет в США уже почти три десятилетия – первые четыре года в Нью-Йорке, остальные в Сан-Франциско. Последние пятнадцать лет преподает в режиме онлайн финансы и экономику в университетах США и в Европе.

Владимир Спектор (р. 1951, Луганск). Поэт, публицист, член Союза журналистов, редактор литературного альманаха и сайта «Свой вариант» и

научно-технического журнала «Трансмаш». Автор более двадцати книг стихотворений и очерковой прозы. Живет в Германии.

Яков Фрейдин (р. 1945, Свердловск). Кандидат технических наук, специалист в медицинской электронике и биокibernетике. В 1977 эмигрировал в США. Автор более 90 научных статей, 60 изобретений и популярного учебника по датчикам (Handbook of Modern Sensors). Автор книги воспоминаний «Adventures of an Inventor». В журнале ЧАЙКА опубликовал несколько вызвавших интерес читателя рассказов и эссе.

Ксения Хрусталева (р. 1992, Москва). Магистрантка МГИМО (У) МИД России по специальности – востоковед со знанием японского и английского языков. В 2012 г стажировалась в университете города Сидзуока (Япония). Член авторского коллектива переводческого журнала «Мосты» и информационно-исследовательского проекта «Русский Шекспир».

Евсей Цейтлин (р. 1948, Омск). Культуролог, литературовед, критик, прозаик. Автор большого числа книг, изданных в России, Литве, Германии и США. Книга «Долгие беседы в ожидании счастливой смерти» открыла новый жанр в русской литературе, была переведена на немецкий и литовский языки. Кандидат филологических наук (1978), член международного ПЕН-клуба (“Writers in Exile”). Издает журнал ШАЛОМ. Постоянный автор и член редколлегии журнала «Чайка». Живет в Чикаго.

Вера Чайковская (Москва). Прозаик, художественный критик, историк искусства, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник НИИ теории и истории изобразительных искусств РАХ. Первая премия за прозу на международном литературном конкурсе в Италии (Анкона, 1997). Лауреат премии им. Катаева за повесть «Уроки философии» в журнале «Юность» за 2013. Диплом Академии художеств за книгу «Три лика русского искусства 20 века: Роберт Фальк, Кузьма Петров-Водкин, Александр Самохвалов», М., 2006. Живет в Москве.

Ирина Чайковская (Москва). Писатель, критик, публицист, драматург. Автор восьми книг и многочисленных статей в российской и зарубежной периодике. Лауреат премии журнала «Нева» за 2015 год. Главный редактор журнала ЧАЙКА. Живет в Большом Вашингтоне.

Аркадий Шпильский (р. 1949, Киев). Окончил Киевский Политехнический институт. Работал в научно-исследовательских центрах СССР и США. После эмиграции в 1992 г. специализируется в области биостатистики. Подборки переводов опубликованы в журналах «Этажи», «Связь времён», «Слово/Word» и в «Вестнике Пушкинского Общества Америки».